

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

Томъ V, выпускъ 2-й.

Изданіе графа С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. Н. ШЕФФЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

—
1913

4484

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	V
Отъ редактора	VII
Два портрета—князи П. А. Вяземскаго и княгини В. О. Вяземской	IX
Письма кн. П. А. Вяземскаго къ женѣ, 1826 г.	1
„ княгини В. О. Вяземской къ мужу, 1824 г.	95
Пять писемъ къ кн. П. А. Вяземскому—Н. В. Гоголя (1), А. С. Грибоѣдова (2) и К. С. Аксакова (2).	151
Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ В. А. Жуковскому, 1826 г.	157
Приложенія:	
Замѣтка объ открытіи 18 іюля 1911 г. памятника Н. М. Карамзину въ Остафьевѣ (съ однимъ снимкомъ)	165
В. С. Иконниковъ.—Карамзинъ-историкъ. Рѣчь въ собраніи 18 іюля 1911 г. по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ	167
С. О. Платоновъ.—Н. М. Карамзинъ. Рѣчь, произнесенная въ собраніи 17 іюля 1911 г. по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.	227
Примѣчанія къ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ Остафьевскаго архива	237
Указатель	273

Въ настоящемъ выпускѣ „Остафьевскаго Архива“ сдѣлана попытка расширить программу этого изданія. До сего времени въ немъ печатались исключительно матеріалы, извлеченные изъ Остафьевскаго Архива, и примѣчанія къ нимъ. Въ этомъ же выпускѣ, сверхъ того, напечатаны рѣчи, произнесенныя В. С. Иконниковымъ и С. Ѳ. Платоновымъ 18 Іюля 1911 года въ Остафьевѣ, при открытіи памятника Н. М. Карамзину.

Считая долгомъ принести В. С. Иконникову и С. Ѳ. Платонову искреннюю благодарность за то, что они сочувственно откликнулись на просьбу принять участіе въ Остафьевскомъ торжествѣ и разрѣшили напечатать свои рѣчи въ „Остафьевскомъ Архивѣ“, издатели увѣрены, что этимъ положенъ добрый починъ и что на страницахъ „Остафьевскаго Архива“ впоследствии появятся и другія работы, посвященныя вопросамъ, связаннымъ съ Остафьевымъ.

Графъ Серій Шереметевъ.

Графиня Екатерина Шереметева,
урожд. княжна Вяземская.

17 Апрѣля 1913 года.
С.-Петербургъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

2-й выпускъ V-го тома „Остафьевскаго Архива“ заключаетъ въ себѣ:

1) *Письма князя П. А. Вяземскаго къ жентѣ, 1826 года.*

Письма эти—непосредственное продолженіе тѣхъ писемъ, которыя начаты печатавіемъ въ I-мъ выпускѣ V-го тома и которыя, по мысли издателей „Остафьевскаго Архива“, должны составлять основное содержаніе вновь выходящихъ выпусковъ „Архива“, пока не будетъ полностью опубликована переписка князя П. А. Вяземскаго съ женою.

Отмѣтимъ, что письма кн. П. А. Вяземскаго 1826 года, вообще представляющія несомнѣнный интересъ, имѣютъ уже опредѣленные указанія на то, что князь П. А. Вяземскій смотрѣлъ на свои письма къ женѣ, какъ на Записки, и предвидѣлъ возможность появленія ихъ въ печати. Сравн. слова его въ письмахъ отъ 22 Іюня и отъ 16 Августа 1826 года:

„..... Пришли мнѣ прошлогоднія письма изъ Ревеля. Можетъ быть, займусь приведеніемъ ихъ въ порядокъ и прибавленіемъ къ нимъ“ (стр. 32).

„..... Я рожденъ для писемъ: нигдѣ такъ не выливаюсь, какъ въ нихъ..... Мнѣ жаль, что не увижу своихъ писемъ въ печати, а быть имъ въ печати, если только крысы ихъ не съѣдятъ. Во-первыхъ, появленіе ихъ въ печати, т. е. возможность появленія ихъ въ печати будетъ уже хорошимъ знакомъ общей температуры. Надобно барометру очень возвыситься, чтобы вынести меня на воздухъ. Если Павлуша станетъ продавать мои письма, то за это дадутъ ему 500 рублей, по крайней мѣрѣ. Смотри, Павлуша, держись, не уступай; право, за одно сегодняшнее дадутъ 500 рублей“... (Стр. 68).

2) *Письма княгини В. Ѳ. Вяземской къ мужу, 1824 года.*

Письма эти собственно должны были бы быть напечатаны въ I-мъ выпускѣ V-го тома, параллельно съ письмами князя П. А. Вязем-

скаго къ женѣ за тотъ же годъ, но для этого пришлось бы въ свое время сильно задержать выходъ въ свѣтъ I-го выпуска: письма кн. П. А. Вяземскаго разобраны и приведены въ порядокъ его сыномъ кн. Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ при жизни князя П. А. Вяземскаго; письма же княгини В. Ѡ. Вяземской разобраны лишь вчернѣ, и для того, чтобы распредѣлить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, нужна большая подготовительная работа, крайне затрудняемая неразборчивостью почерка княгини. Появленіе въ свѣтъ писемъ княгини 1824 г. въ настоящемъ выпускѣ обязано тому, что они переписаны для печати внучкой княгини графинею Екатериною Павловною Шереметевою, Варварою Павловною Костромитиновой и Анною Дмитріевною Евреиновой.

Письма княгини В. Ѡ. Вяземской не предполагается вообще печатать цѣликомъ, но для писемъ 1824 года сдѣлано исключеніе въ виду того, что княгиня, часто видѣвшаяся лѣтомъ этого года въ Одессѣ съ Пушкинымъ, съ которымъ у нея установились дружескія отношенія, нерѣдко говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ.

3) *Разные матеріалы, извлеченные изъ Остафьевскаго архива.*

Изъ этихъ матеріаловъ слѣдуетъ особенно отмѣтить письмо Н. В. Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому и письмо кн. П. А. Вяземскаго къ В. А. Жуковскому. Письмо къ Жуковскому напечатано именно въ этомъ выпускѣ потому, что въ письмахъ къ женѣ князь П. А. Вяземскій съ страстностью высказывалъ свои непосредственныя впечатлѣнія по поводу доходившихъ до него извѣстій о судѣ надъ декабристами, тогда какъ въ письмѣ къ Жуковскому князь П. А. Вяземскій во всей полнотѣ выразилъ свой взглядъ на 14-е декабря 1825 года.

4) *Рѣчи В. С. Иконникова и С. Ѡ. Платонова, произнесенныя ими 18 Іюля 1913 года при открытіи памятника Н. М. Карамзину, сооруженнаго гр. С. Д. Шереметевымъ въ Остафьевѣ.*

Что касается примѣчаній къ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ Остафьевскаго Архива, то редакторъ придерживался положеній, высказанныхъ имъ въ I-мъ выпускѣ V-го тома.

Въ заключеніе редакторъ считаетъ долгомъ принести искреннюю благодарность за содѣйствіе и указанія И. А. Бычкову, В. М. Истрину, Н. К. Кульману, В. И. Сайтову, П. Н. Столпянскому, С. Н. Троицкому, А. А. Чебышеву и добрымъ словомъ помянуть покойнаго А. А. Флоридова, къ которому редакторъ часто обращался за совѣтами, никогда не встрѣчая отказа, и которому въ обоихъ выпускахъ V-го тома принадлежитъ рядъ примѣчаній (они обозначены буквами А. Ф.).

Портретъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, воспроизведенный фототипіею съ литографіи, имѣющей подпись: Dess. et impr. chez J. M. Hermann à Munich.

Н. Березинъ

Портретъ княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской, воспроизведенный фототипіею въ уменьшенномъ видѣ съ портрета, писаннаго К. Рейхелемъ въ 1817 году и принадлежащаго въ настоящее время князю Петру Павловичу Вяземскому.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская
(урожд. княжна Гагарина).

П И С Ь М А

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

КЪ ЖЕНѢ.

1826 г.

1.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

Четвергъ. 8 часовъ вечера [20 мая 1826 г.]. Тверь.

Мы благополучно прибыли въ Тверь. Я здоровъ, ѣхать хорошо, не жарко, не пыльно. Что съ вами дѣлается, мои милые? Что дѣлается теперь въ Петербургѣ? Грустно мнѣ и по Москвѣ и по Петербургѣ. Чѣмъ грусть эта кончится? Въ воскресенье утромъ, кажется, должны пріѣхать. Прости, моя милая. Тебя и дѣтей благословляю и обнимаю отъ души. Дай Богъ намъ увидѣться, если и не въ радости, то хотя въ спокойствіи. Жихареву и Вьельгорскому сердечный поклонъ. Посылай иногда до отъѣзда Павлушу къ Голицыной-Кутайсовой: я обѣщаль. Будьте здоровы, мои милые! Что Пашенька?

№ 1-й.

Приписка Авраама Сергѣевича Норова.

Норовъ свидѣтельствуетъ вашему сіятельству свое усердное почитаніе.

2.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

№ 2-й. [Новгородъ. Суббота. 22 мая 1826 г.].

Вотъ мы и до Новагорода доѣхали благополучно; теперь все будетъ шоссе, и къ обѣду завтра, кажется, будемъ въ Петербургѣ. Что меня тамъ ожидаетъ? Сегодня видѣлъ я проѣзжающаго, ко-

торый мнѣ сказывалъ что Нив[олай] Мих[айловичъ] все еще боленъ; слѣдовательно, — живъ. Горестное утѣшеніе! А у васъ что дѣлается, мои милые? Сдѣлай милость, пиши, какъ можно чаще. Мнѣ весело не будетъ; по крайней мѣрѣ хочу быть покоенъ, думая о васъ. Обнимаю и благословляю васъ отъ души.

Суббота. Новгородъ.

Вотъ вамъ образецъ искусства Тверскихъ художниковъ. Это стоитъ рубль. Похоже ли? Подари дѣтямъ.

3.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

3-е. [С.-Петербургъ. 24 мая 1826 г.].

Ты, вѣрно, уже знаешь отъ Жихарева о нашемъ несчастіи: оно для меня почти вдвойнѣ чувствительнѣе тѣмъ, что я уже не засталъ Николая Михайловича, не засталъ однимъ днемъ. Одна отрада въ этомъ, что хотя и пріѣхалъ бы за два или три дня, то не засталъ бы его уже въ памяти, а въ мученіяхъ медленной кончины, продолжавшейся около трехъ дней. Но зачѣмъ не пріѣхалъ я недѣли за двѣ? Какая потеря! Какъ пусто послѣ него и въ семействѣ, и въ кругу друзей, и въ отечествѣ! Кто его замѣнить? Катер[ина] Андреевна и дочери раздирательны. Твердая Катерина Андреевна совершенно убита нравственно и уничтожена передъ своимъ великимъ несчастіемъ. Она не имѣетъ ни мыслей, ни воли, и другіе должны за нее думать и хотѣть. Мы хотимъ перевезти ихъ изъ Таврическаго дворца, но не знаемъ еще куда. Софья по крайней мѣрѣ плачетъ, и горесть ея имѣетъ нужду въ сердечномъ изліаніи; она безпрестанно говоритъ объ отцѣ трогательно и мило. Катенька не плачетъ и молчитъ: она вся сжата, и боюсь, чтобы она не занемогла. Онѣ только за три дня до его смерти догадались о несчастіи, имъ угрожавшемъ, а прежде во все время его болѣзни были онѣ въ совершенномъ ослѣпленіи. Слава Богу! Каково же было бы имъ знать долго жестокую истину и притворяться передъ нимъ, потому что Николай Михайловичъ до самой кончины своей былъ исполненъ пріятнѣйшихъ надеждъ;

съ живостью, во всемъ ему свойственною, занимался онъ приготовлениями отъѣзда, строилъ планы, съ радостію мечталъ о чужихъ краяхъ. Душа его торопилась жить и любить, пока еще была на землѣ. Онъ, который во всю жизнь свою былъ весь любовью, въ послѣднее время любилъ еще живѣе и нѣжнѣе прежняго. Всякую ласку, всякое одолженіе бездѣльное отъ пріятелей принималъ онъ съ необыкновенною признательностію; хотя ему было и вредно видѣть людей, но онъ все просилъ, чтобы впускали къ нему короткихъ пріятелей.

Катер[ина] Андр[еевна] провела ночь очень худо и подавлена удушьемъ. Что съ ними будетъ? Какъ уживутся онѣ въ жизни безъ него? Разумѣется, что о себѣ я еще ничего не знаю. Во всякомъ случаѣ, если заживусь здѣсь, то мы подумаемъ съ тобою, какъ бы тебѣ сюда пріѣхать. Въ деревнѣ ли вы или еще въ Москвѣ? Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, отъ души. Сейчасъ получено твое письмецо, отъ — *неизвѣстно*, какого. Какъ я радъ, что Пашеньѣ лучше. Цалую васъ всѣхъ нѣжно. Ради Бога пиши чаще. Я здоровъ.

24-го.

4.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

4-е. [С.-Петербургъ]. 25 мая [1826 г.].

Вотъ Богъ меня привелъ быть и въ Невскомъ монастырѣ. Вчера свезли мы туда Николая Михайловича. Сейчасъ ѣдемъ опять туда на погребеніе. Онѣ не ѣдутъ, силъ у нихъ нѣтъ. Нельзя на нихъ смотрѣть безъ слезъ и ужаса. Вчера Государь пріѣзжалъ сюда поклониться тѣлу, но къ нимъ не входилъ, боясь ихъ покоить, а вѣроятно, боясь болѣе изъявленій ихъ благодарности, потому что онѣ его еще не видали послѣ оказанной имъ милости. Одинъ Сѣверинъ видѣлъ Государя, который былъ очень растроганъ и плакалъ. Дай Богъ, чтобы эти слезы принесли хорошіе плоды, и Никол[ай] Мих[айловичъ] могъ бы и изъ-за гроба быть добрымъ внушителемъ Царя и полезнымъ своему отечеству, которое безъ сомнѣнія лишилось въ немъ лучшаго гражданина, лучшаго

человѣка. Чувство частной горести теряется иногда въ общей; сожалѣя о немъ, и не знаешь, кто болѣе потерялъ въ немъ, — семейство, друзья или отечество. — Сегодня увижусь съ княземъ Ѳедоромъ. Скажи Орловой, что конецъ еще не начался, и приступаютъ къ нему. При первой свободной минутѣ, при первой свободной мысли увижусь съ г[рафомъ] Алексѣемъ Ѳедоровичемъ. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Будьте здоровы! Дай Богъ увидѣться намъ въ радости. Если Ив[анъ] Ив[ановичъ] Дмитриевъ уже знаетъ о нашемъ общемъ несчастіи, то доставляй ему мои письма, когда въ нихъ будетъ что интереснаго о Карамзиныхъ. Не имѣю духа писать къ нему.

Кланяйся Жихар[еву], Вьельг[орскому] и Окуловымъ. Въ Остафьевѣ ли вы? О жительствѣ Карамз[иныхъ] еще ничего не рѣшено. На здѣшнихъ дачахъ, которыя всѣ на улицѣ, нѣтъ имъ средствъ жить; удалиться отъ города также нельзя. Имъ нужно общество нѣсколькихъ друзей. Между тѣмъ вчера поговаривали о Ревелѣ, полезномъ для Катер[ины] Анд[реевны] и Катеньки.

Тургеневъ тебѣ кланяется; онъ въ горѣ, общемъ намъ, и къ тому же и въ своемъ. Цалую тебя, моя душа.

На оборотѣ 2-го листа. Княгинѣ Вяземской.

5.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

5-е. [С.-Петербургъ. 25 мая 1826 г.]

Кажется, поѣздка въ Ревель рѣшена; завтра туда пишу и велю искать домъ. Если онѣ поѣдутъ, то я поѣду ихъ провожать и устроить. Не пріѣхать ли и тебѣ туда, только со всѣми дѣтьми? Наденькѣ, тебѣ и Машенькѣ купанія будутъ полезны. Въ одномъ дилижансѣ могли бы вы всѣ усѣсться, а одну дѣвушку въ переднемъ мѣстѣ съ провожатымъ. Раздумай объ этомъ и напиши мнѣ тотчасъ. Только что съ дѣлами? Кажется, Жихареву можно бы поручить; отсутствіе твое продолжилось бы мѣсяца два. Карамзи-

ныхъ нельзя оставить однѣхъ: онѣ такъ жалки! Скажи Орловой, что слѣдствія кончатся въ воскресенье, а судъ продолжится, вѣроятно, мѣсяць или около. О мужѣ ея все то же извѣстно, что онъ суду подверженъ не будетъ, а будетъ ли выпущенъ до окончанія суда, этого я узнать не могъ; впрочемъ, Алексѣя Орлова я еще не видалъ. Михайло Орловъ написалъ прекрасное письмо къ Государю и вообще ведетъ себя прекрасно на дѣлѣ и на письмѣ. Впрочемъ, это извѣстie не новость ни для меня, ни для жены его, ни для всѣхъ тѣхъ, кто его знаетъ. Мнѣ говорили надежные люди, что Государь расположенъ къ милосердію. Дай Богъ! Вотъ все, что я пока могъ узнать.

Мы сегодня разговорились съ Огаревой объ Толмачовѣ. Она сказала мнѣ, qu'elle espérait, que nous ne l'enleverions pas à son frègre. Мнѣ очень было совѣстно. Сдѣлай милость, поступи тутъ осторожно и деликатно и объяснись непременно сама съ Новосильцовымъ, если рѣшишься его взять. Впрочемъ, если пріѣдешь сюда, то до осени онъ намъ не нуженъ. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть Наденьку въ соленой водѣ. Будьте здоровы! Цалую тебя.

Вторникъ 25-го.

Сейчасъ видѣлся съ княземъ Федоромъ; лицомъ нашелъ я его здоровѣе прежняго. Его еще все волочатъ обѣщаніями. Деревни уже не покупаютъ, а обѣщаютъ денегъ. На дняхъ пришлетъ тебѣ онъ довѣренность.

Въ „Journal de St.-Pétersbourg“ есть статья о Карамзинѣ. Сегодня предали мы его землѣ. Многіе оплакивали его въ церкви и изъ такихъ, которые на слезы не щедры. Погребеніе было самое трогательное. Я точно потерялъ въ немъ второго отца и того, котораго я зналъ болѣе перваго.

6.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

6-е. [С.-Петербургъ]. Четвергъ. [27 мая 1826 г.]

Вы теперь, мои милые, должны быть въ сборахъ отъѣзда въ Остафьево. Дай Богъ доѣхать вамъ въ добрый часъ. Поѣздка

Карамзинныхъ въ Ревель рѣшена: вчера я писалъ уже туда съ тѣмъ, чтобы наняли домъ. Можно ли будетъ и вамъ прїѣхать? Раздумай и передумай хорошенько; во всякомъ случаѣ, врядъ успѣешь ли поѣхать съ нами: думаю, что дней черезъ десять мы можемъ выѣхать. Но тутъ бѣды не будетъ; напротивъ, тебѣ спѣшить нечего, а должно устроить дѣла порядкомъ. Я передалъ бы тебя Константину Булгакову и Тургеневу, которые доставили бы васъ къ намъ. Только рѣшительно: если будешь, то бери всѣхъ дѣтей. Парашу или мамзель Каролинъ, если вы всѣ въ одномъ дилижансѣ не умѣститесь, можно за день прежде, или послѣ, отправить въ другомъ дилижансѣ. А всего лучше, если можно было бы исправить свою карету; тогда не нужно было бы брать кареты на прокатъ въ Петербургѣ для отъѣзда въ Ревель, потому что туда не ходитъ дилижансъ. Отвѣчай на все скорѣе, но не наскоро, а все обдумавши.—Карамзины все также жалки, какъ въ первую минуту ихъ несчастія. Одна Катенька начинаетъ распускать свое сердце, говорить о своемъ горѣ. Онѣ говѣютъ.

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, отъ души. Поговариваютъ, что Коронація будетъ 1-го августа.

Что Дмитріевъ? Вели узнать о немъ.

7.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ. Пятница. 28 мая 1826 г.].

Пришли портретъ Нив[олая] Михайловича карандашемъ, который у насъ въ Остафьевѣ, и Екат[ерины] Андреевны; только вели ихъ уложить порядочнѣе. Сейчас видѣлся я съ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ о Четвертинскомъ. Онъ, кажется, душевно взялся заботиться о его дѣлѣ. О братѣ онъ покоенъ, только все нельзя знать навѣрное, когда выпустятъ,—до окончанія всего или послѣ. Во всякомъ случаѣ, кажется, рѣшительно можно сказать, что къ концу іюня все будетъ кончено, а вѣроятно, и прежде.—Мнѣ сказывали, что изъ Москвы есть дорога прямая и кратчайшая въ Ревель; если поѣдешь въ своемъ экипажѣ, то рас-

числи и распроси на почтѣ у Рушковскаго, какъ проѣхать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вѣсти отъ тебя, чтобы знать, на что рѣшишься. Мы все также: та же тоска, пустота. Что вы дѣлаете, мои милые? Обнимаю и благословляю васъ отъ души. Ради Бога, не лѣнись и пиши чаще. Цалую тебя нѣжно.

Пятница.

8.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

С.-Петербургъ. Суббота. [29 мая 1826 г.].

Если ты приѣдешь въ Ревель, то во

-1-хъ, посоветуйся хорошенько съ Скюдери, какъ купаться тебѣ: сначала въ теплой ваннѣ или прямо въ морѣ; не пить ли тебѣ какихъ-нибудь водъ или декокта вмѣстѣ съ купаніями; тоже распросишь и о дѣтяхъ обстоятельно.

-2-хъ, поручить дѣла Жихареву и объявить о томъ Костромскому прокурору и Костромскому Бартеневу; свести Жукова съ Жихаревымъ и просить перваго, чтобы въ случаѣ неудовольствій по фабрикѣ жаловался онъ ему, а онъ выписалъ бы тогда машиниста и Александра и строго пожурилъ бы ихъ. По дѣлу моему въ Тверской губерніи, извѣстному Ив[ану] Иванову и Демиду до отъѣзда твоего написать письмо къ Тверскому губернатору, прося содѣйствія его въ скорѣйшемъ взысканіи денегъ съ Терпигоревой и переслать письмо черезъ княгиню Хилкову съ просьбою понудить губернатора дѣйствовать живѣе; а въ случаѣ отъѣзда твоего написать губернатору, чтобы въ случаѣ нужды по этому дѣлу отнесся онъ къ Жихареву. — А если Жихаревъ уѣдетъ въ Петербургъ, кому поручишь? Ладомирскому что ли? Или нѣтъ ли у Жихарева подмастерья, котораго онъ тебѣ отрекомендуетъ? Впрочемъ, все отсутствіе твое можетъ продолжиться мѣсяца два, много съ половиною.

-3-хъ, если посберутся деньги отъ Шульгина, отъ Жукова, изъ Костромы, то хорошо будетъ до отъѣзда твоего взнести сполна проценты въ Опекунскій Совѣтъ. Тебѣ съ собою взять должно 2.500 рублей. Если могла бы ты ѣхать въ своей каретѣ и прямо

изъ Москвы на Ревель, то всего лучше. Не промѣнять ли четверомѣстной кареты и брички на дорожную карету съ прибавкою денегъ? Сушковъ говорилъ тебѣ о какой-то дешевой каретѣ и мѣняло, приносившій шкатулку.

Вотъ, кажется, и все, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ. Вчера получилъ я твое письмо отъ 24-го. Развѣ Полуектова остается въ Петровскомъ? Вы теперь въ Остафьевѣ? Не такъ ли?

Мы здѣсь все также и все тоже. Грустно до смерти. Впрочемъ, можно надѣяться, что у Карамзиныхъ дѣло обойдется безъ болѣзни.—У меня теперь в[нязь] Федоръ. О его дѣлѣ еще ничего нѣтъ рѣшеннаго. Онъ васъ всѣхъ цалуетъ. Простите, мои милые. Обнимаю и благословляю васъ отъ глубины души; дай Богъ увидѣться намъ въ радости. Дай мнѣ знать о здоровіи Ив[ана] Ив[ановича] Дмитріева. Цалую тебя нѣжно.

9.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. 31-го мая [1826 г.].

Принцъ Гогенлоэ заѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ, а вчера я былъ у него. Онъ домъ нашъ нанимаетъ; довольствуется поваренною посудю на шесть человѣкъ и на столько же столовою; на двадцать человѣкъ ему не нужно; вѣроятно, все это значить, что онъ шести тысячъ платить не хочетъ, а остается при пяти. Онъ просить опись всего, что есть въ домѣ. Пришли ее точную и скорѣе; записывайте все: мебели, бронзы, посуду, однимъ словомъ все. Чтобы тебя потѣшить, позволяю тебѣ выставить пятьсотъ рублей pour le bon de la cuisine, la batterie, le service de table et de thé и еще, что придумать можетъ твое изобрѣтательное жидовство. Контрактъ здѣсь напишемъ, какъ скоро получимъ опись; пришли только скорѣе также и кварталъ и № дома, такъ чтобы тотчасъ писать контрактъ по формѣ. Начали ли поправки въ домѣ? Сдѣлай милость, тутъ не жидовствуй, а чтобы все было хорошо. Принцъ такъ былъ учтивъ и, кажется, такой добрый малый, что можно за него постараться. О Коронаціи все еще ни-

чего нѣтъ рѣшенаго: говорятъ,—въ первыхъ числахъ августа, говорятъ,—въ послѣднихъ; но во всякомъ случаѣ пребываніе Царское продолжится не болѣе мѣсяца. Ожидаю съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта по Ревельскимъ планамъ. Насъ здѣсь было напугали, что въ Ревелѣ царствуетъ зараза; но слухи, кажется, увеличены, а всего въ одной школѣ господствовала сильная болѣзнь; ожидаемъ достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній. Но ты всетаки, если собираешься ѣхать, собирайся: когда и не въ Ревель, то все не худо тебѣ пробыть мѣсяцъ съ Карамзинными. Сегодня девятый день: ѣдемъ съ ними въ монастырь. Здѣсь точно училище несчастія и печали. Начинаю опять бояться за Екат[ерину] Андреев[ну]. Она очень слабѣетъ: не ѣстъ, не спитъ и вся погружена въ одно чувство. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе думаешь о ихъ утратѣ, тѣмъ она чувствительнѣе и важнѣе. А сыновья чего лишились! Такой отецъ, какъ Карамзинъ, — земное провидѣніе.

Пора намъ ѣхать. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, отъ души. Пиши же чаще и отвѣчай скорѣе и присылай опись.

Сердечно кланяюсь Орловой. Вчера я видѣлся съ Алексѣемъ. Михайло здоровъ. Кажется, минута кризиса подходитъ. Я здѣсь болѣе надѣюсь на милосердіе, чѣмъ въ Москвѣ. Дай Богъ не обмануться. Во всякомъ случаѣ за Михайлу Орлова бояться нечего; развѣ отставка и то, вѣроятно, болѣе въ исполненіе приговора, лежащаго подъ сукномъ у покойнаго Государя, по дѣлу Сабанѣевскому.

Цалую тебя. Я думаю не худо написать бы тебѣ княгинѣ Ловичъ о Четвертинскомъ, потому что здѣсь мало уповаю на сильныхъ міра сего. Всѣ на обѣщаніяхъ, а дѣйствуютъ только за себя. Въ письмѣ могла бы ты сказать: que le Grand Duc connaît toute la carrière de Czetwertinski, son désintéressement et qu'aujourd'hui même il ne fait aucune démarche, mais que c'est toi et ses parents, qui sont obligés de travailler pour lui et à son¹⁾ Цалую.

¹⁾ За словомъ son слѣдуетъ еще одно неразборчиво написанное слово [кажется, intérêt].

10.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. 1-го іюня [1826 г.].

Вчера былъ я у в[нязя] Василя Долгорукаго, говорилъ о Четвертинскомъ: онъ также на словахъ охотно и душевно радъ, а что на дѣлѣ? Богъ вѣсть! Между прочимъ, увѣрилъ онъ меня, что если отдѣляется онъ отъ Юшкова, и мѣсто это не будетъ уничтожено, то навѣрное представитъ онъ Четвертинскаго, но что поговариваютъ о уничтоженіи мѣста, какъ лишняго и по пустому стоящаго издержекъ казнѣ. Нельзя ли уговорить бы князя Четв[ертинскаго] написать къ Великому Князю Констант[ину] Павл[овичу], какъ къ тому, который болѣе всѣхъ знаетъ его службу, жизнь, знаетъ, что онъ никогда ничего не искалъ для себя и совался впередъ только въ сраженіяхъ, а не при дворѣ; онъ изъяснилъ бы, что и теперь не за себя, а за дѣтей своихъ просить, что онъ не смѣетъ отнестись къ Государю, который не знаетъ его, а именно относится къ Велик[ому] Князю, какъ безпристрастному свидѣтелю и судіѣ всей его жизни. Алексѣй Орловъ тоже совѣтуетъ и ручается за успѣхъ, если дѣло пойдетъ черезъ В[еликаго] К[нязя]. Приставайте хорошенько къ Четвертинскому и упросите его написать въ Варшаву. Конечно, это будетъ ему трудно, но онъ эту жертву приносить не своимъ прихотямъ, не своему честолюбію, а дѣтямъ. Съ волеями надобно быть, а въ Россіи надобно служить. Между тѣмъ я буду здѣсь шпорить всѣхъ, кого можно. На дняхъ поѣду къ князю А. Н. Голицыну говорить ему о в[нязѣ] Оедорѣ и скажу также о Четвертинскомъ. Но всѣ эти молебны святымъ мало надежны; каждый изъ святыхъ думаетъ болѣе о себѣ, чѣмъ о насъ грѣшныхъ, и боится издержать слово не въ свою пользу. Гораздо лучше, когда можно, а Четв[ертинскій] можетъ, мимо всѣхъ святыхъ, идти прямо къ главнымъ тремъ лицамъ. Я здѣсь играю точно ролю solliciteur; только и выѣзжаю, чтобы бить челомъ и подличать, а въ гости нигуда. Слухи о Ревелѣ, кажется, неосновательны. Я писалъ тебѣ, что нужно будетъ тебѣ взять 2.500 руб. Нѣтъ,

много: руб[лей] тысячу довольно, потому что здѣсь получатся деньги съ п[ринца] Гогенлоэ, при заключеніи контракта. Только поторопись прислать опись, № дома и тому подобное. Если Четв[ертинскій] рѣшится написать въ В[еликому] К[нязю], то ты все можешь написать въ княгинѣ Lowicz; и если не напишетъ, то ты всетаки пиши и пришли письмо ко мнѣ не запечатанное, а надпись здѣсь сдѣлаемъ послѣ справки, какая форма требуется. Напиши въ началѣ: „Votre Altesse“, а въ концѣ: „Votre très dévouée servante“. Несмотря на всѣ эти формы, ты всетаки можешь писать къ ней съ чувствомъ, которое къ ней питаешь. И то, что совѣтую князю написать, можетъ, если онъ не напишетъ, пригодиться и тебѣ. Только поспѣши, т.-е. поспѣши, рѣшишь ли написать, а взявшись за перо, не спиши, моя голубушка, а обдумывай каждое слово, каждую запятую. Если Вьельгорскіе еще въ Москвѣ, то не худо будетъ показать имъ твое черновое: они болѣе тебя знаютъ эти обряды. О мѣстѣ Юшкова скажи, что, какъ слышно, онъ его оставляетъ, а не то выдетъ, что просишь, чтобы его съ мѣста сбили.

А ты все рѣдко пишешь! Я такъ же надоѣдаю тебѣ своими письмами, какъ ты мнѣ своимъ молчаніемъ. Да пиши черезъ день, хотя по три строчки. Станный ты человѣкъ.

Екат[ерина] Анд[реевна] меня все пугаетъ еще: она очень ослабѣла et se trouve presque dans un état de stupeur. Надобно скорѣе вывезть ихъ отсюда въ Ревель. Дня черезъ два или три надѣюсь получить отвѣтъ оттуда, а тамъ сборы будутъ не долги. Обнимаю и благословляю васъ отъ души, мои милые. Будьте здоровы и, если можно, пріѣзжайте къ намъ, а если нѣтъ, то дѣлать нечего. Невозможнаго или несбыточнаго не затѣвай.

Кланяйся Орловой и Окуловымъ. На дняхъ заѣду къ Дашенькѣ. Цалую тебя вѣжно. Хорошо ли учится Павлуша? Володя и Лиза зовутъ его: онъ рѣжетъ по-французски, а она по-англійски. Скажи ему, чтобы онъ не ударилъ лицомъ въ грязь при нихъ, если Богъ насъ сведетъ.

11.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С. Петербургъ.]. Вторникъ. [1-го іюня 1826 г.].

Вчера послѣ отправки моего письма получилъ я твое съ портретами, безъ означенія числа и мѣста, такъ что не знаю, гдѣ мыслію искать васъ: въ Остафьевѣ или въ городѣ. Ахъ, ты, вѣтреница! что мнѣ съ тобою дѣлать? Сдѣлай милость, исполни мое распоряженіе и заставляй дочекъ писать ко мнѣ; мнѣ тутъ и та выгода, что я по крайней мѣрѣ буду знать навѣрно, здоровы ли онѣ или нѣтъ. Я такъ сталъ пугливъ, мнителенъ и суевѣренъ, что способа нѣтъ. Да и гдѣ брать силы для душевнаго здравія? Воздухъ зараженъ несчастіями. Что ни слышишь, что ни видишь, кого ни видишь,—все печальное, все печальныхъ. Черная полоса прошла для насъ, т.е. не прошла, а идетъ, а когда пройдетъ,—Богъ вѣсть. Работай за Четверт[инскаго], гдѣ можешь; чѣмъ выше, тѣмъ лучше. Вышніе все понадежиѣ возвышенныхъ, которые болѣе думаютъ о себѣ, какъ бы не уронить себя. Впрочемъ, и здѣсь есть кое-гдѣ надежда къ успѣху. Алексѣй Орловъ на дняхъ ѣдетъ въ Москву. Портреты только спишутся здѣсь, а намъ останутся. Какъ у тебя деньги растутъ! Въ предыдущемъ письмѣ ты говоришь, что поѣздка въ Ревель можетъ стать въ 5.000 руб., въ послѣднемъ ты говоришь уже—въ 10.000. Хорошо, если ты умѣла бы пускать въ ростъ такимъ образомъ и доходы. Сейчасъ ѣду съ в[яземъ] Ѳедоромъ хлопотать по его дѣлу. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, отъ души.

12.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С. Петербургъ.]. Четвергъ. 3-го іюня 1826 г.

Вчера получилъ я твое письмо отъ 29-го, по-твоему—№ 5-й, а по-моему—№ 4-й. Передъ этимъ письмо твое было отъ 24-го, то-есть отъ понедѣльника, а вчерашнее отъ субботы 29. Разбери,

кто виноватъ: ты или почта; я, признаюсь, думаю, что ты сохвѣстала. Ради Бога, пиши по крайней мѣрѣ черезъ день. Мнѣ здѣсь и безъ твоего молчанія довольно скучно и грустно. Я болѣе по письмамъ Жихарева къ Тургеневу знаю о тебѣ, чѣмъ по твоимъ. Я сейчасъ отъ в[нзя] А. Н. Голицына. Кажется, опять думаютъ о покупкѣ въ вазну имѣнія в[нзя] Оедора. Послали туда чиновника изъ Удѣльнаго Департамента для осмотра деревни; по крайней мѣрѣ такъ сказывалъ мнѣ Голицынъ. Развѣдаю, точно посланъ ли и кто. Изъ Ревеля все еще отвѣта нѣтъ о наймѣ дачи, а извѣстія о болѣзни Ревельской, кажется, неосновательны. На будущей недѣлѣ, надѣюсь, выѣдемъ, и это необходимо нужно для Карамзиныхъ. Здѣсь имъ отдыха нѣтъ, а между тѣмъ нѣтъ и разсѣянія. Дорога, новое мѣсто, купанія будутъ полезны. Сегодня онѣ причащались. Екат[ерина] Андр[еевна] все слаба до чрезвычайности. Катенька также не очень здорова. Здѣсь Левъ Нарышкинъ. Онъ также очень заботится о Четверт[инскомъ] и говорилъ Бе[н]кендорфу, обѣщавшему говорить Государю. Увидимъ, что выдетъ изъ всѣхъ обѣщаній, а ты, между тѣмъ, всетаки пиши въ княгинѣ Lowicz.

Будете ли въ намъ, мои милые? Дѣлай, что можно. Привези или пришли мнѣ съ дилижансомъ мой плащъ, который у Якова портного, хотя еще и не отдѣланный, все равно. Обнимаю и благословляю васъ отъ всего сердца. Богъ съ вами!

Сейчасъ видѣлъ выпущеннаго изъ тюрьмы Грибоѣдова.

Сегодня начался судъ, то-есть читали донесеніе Слѣдственной Комиссіи, и вышелъ манифестъ, объявляющій о началѣ суда.

13.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С. Петербургъ]. Пятница. 4-го іюня [1826 г.].

Въ письмѣ отъ 29-го ты мнѣ говоришь, что ѣдешь на погребеніе Новосильцовой. Которой? Ты мнѣ не говорила въ прежнихъ письмахъ о смерти Новосильцовой. Дарья Ивановны что ли? Но Огарева здѣсь ничего не знаетъ и напротивъ успокоена извѣстіемъ, что ей лучше. Развѣ одно письмо, именно № 4-й, писан-

ный между понедѣльникомъ и субботою, то-есть 24-мъ и 29-мъ, затерянь. Сдѣлай одолженіе, вспомни, и если ты, точно, писала, то вели исправно развѣдать, гдѣ оно затерялось: дома ли или на почтѣ? На почтѣ, кажется, нѣтъ тому возможности. Кто носить твои письма и кто носить ихъ будетъ, когда ты будешь въ Остафьевѣ? Кого оставите вы въ Московскомъ домѣ? Нуженъ вѣрный человекъ и для пріема писемъ къ тебѣ, а то могутъ пропадать нужныя отъ меня или другихъ мѣстъ. Вчера послалъ я тебѣ манифестъ. Получила ли ты его? я послалъ письмо на почту немного поздно и боюсь за участь его. Отвѣтъ изъ Ревеля отъ Левенштерна пришелъ: общають на слѣдующей почтѣ извѣстить о наймѣ дачи, а о болѣзни Ревельской ни слова; слѣдовательно, извѣстіе было пустое или по крайней мѣрѣ преувеличенное. Вѣроятно, черезъ недѣлю, т.-е. въ четвергъ или пятницу, отправимся. Во всякомъ случаѣ, вы, мои милые, не успѣете насъ здѣсь застать; но къ тому времени, безъ сомнѣнія, уже буду знать, на что ты рѣшилась, т.-е. могла рѣшиться. Между тѣмъ я велѣлъ здѣсь прискивать продажную, поѣзженую четверомѣстную карету, въ предположеніи, что ты сюда будешь въ дилижансѣ. Здѣсь, конечно, можно надежнѣе и дешевле купить экипажъ, чѣмъ въ Москвѣ. Если тебѣ можно обойтись безъ дѣвушки въ дорогѣ, то было бы хорошо, ибо въ Ревелѣ легко найти добрую служанку. Ѣдетъ ли съ тобою нѣмка? И нужны ли тебѣ нѣмка и Параша? Если Парашу могла бы ты оставить, то вы славно успѣлись бы въ одной каретѣ. Если поѣдешь въ дилижансѣ, то поручи Булгакову, или кому другому выбрать карету просторную, изъ новыхъ, работы Іохима: онѣ покойнѣе. Взявши цѣлый дилижансѣ за собою, ты можешь въ дорогѣ и ночевать разъ или два.—Что ты сдѣлала съ Толмачовымъ? особливо въ случаѣ несчастія въ семействѣ Новосильцовскомъ, поступай осторожно и бережно. Если онъ имъ нуженъ, то Богъ съ нимъ, не бери.

Здѣсь у насъ все то же. Да и чѣмъ можетъ замѣститься и можетъ ли когда зарости забвеніемъ опустѣвшее мѣсто. Не въ одной семьѣ и въ кругу друзей Карамзинъ былъ точно видимая душа, живое провидѣніе, очевидная совѣсть. Чувство, которое имѣли къ нему, не найдеть уже себѣ другого направленія: кого

изъ знаемыхъ нами можно было такъ любить, такъ уважать, какъ его? Чувство это совершенно уничтожено и замерло въ душѣ. Бѣдный Тургеневъ! Братъ его отданъ подъ судъ, и имя его обнаружено будетъ въ печатномъ доводѣ! Оно тѣмъ болѣе для него прискорбно, что по общимъ рѣчамъ вся бѣда въ томъ, что онъ отказался возвратиться въ Россію. Если пріѣхалъ бы, то не преданъ былъ бы суду, а находился бы въ категоріи Орлова, о коемъ въ доводѣ упоминается, но не оскорбительнымъ образомъ, и который рѣшительно подъ судъ не отданъ, но, вѣроятно, прежде окончанія суда выпущенъ не будетъ. Что бѣдная Орлова? Скажи ей мой сердечный поклонъ.

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Сдѣлай милость, пиши чаще. Твои письма одно мое отрадное развлеченіе въ здѣшней тоскѣ, а неполученіе писемъ новая тоска. Цалую тебя и васъ нѣжно.

Мухановъ ѣдетъ сегодня въ ночь. Если поѣдешь въ Ревель, то перетолкуй хорошенько съ Скудери и бабушкою о себѣ, какъ пользоваться купаньями, теплыми или холодными, не нужно ли будетъ какое-нибудь вспомогательное лѣченіе при купаніи: воды пирмонтскія или другія или что другое? Прошу не вѣтреничать и привезти мнѣ обстоятельную инструкцію о себѣ.

14.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С. Петербургъ]. 4-го [іюня 1826 г.]. Пятница, вечеромъ.

Хотя уже и писалъ я тебѣ сегодня по почтѣ, но не хочу пустить Муханова изъ Петерб[урга], не сказавъ тебѣ нѣсколько словъ. Сейчасъ получилъ я твое письмо отъ 30-го. Признаю справедливость твоихъ возраженій, хотя и не думаю, чтобы поѣздка въ Ревель вовлекла въ издержку пятитысячную. Можно издержать менѣе, а къ тому же и въ Остафьевѣ вы, а я въ Ревелѣ издержимъ же что-нибудь и такъ. Слѣдовательно, существенная разница заключалась бы, можетъ быть, въ какихъ-нибудь двухъ тысячахъ. Но важнѣе всего, что присутствіе твое можетъ быть

нужнымъ въ Москвѣ. Твой же прїѣздъ въ Петерб[ургъ] налегѣтъ и на 8 дней неисполнителенъ по многимъ отношеніямъ, изъ коихъ одно перетягиваетъ всѣ: то, что черезъ 8 дней насъ уже здѣсь не будетъ, какъ и писалъ я тебѣ сегодня утромъ. Изъ Ревеля пришли вѣсти несомнительныя, что никакой заразы тамъ нѣтъ. Грустно мнѣ, что мы проведемъ лѣто розно и что дѣтямъ не купаться въ морѣ, но, если дѣлать нечего, то такъ и быть. Аминь! Я и прежде тебѣ писалъ, чтобы ты невозможнаго не затѣвала. Не берусь рѣшать: благо будетъ, если будете; благо будетъ, если не будете, потому что, стало, должно такъ быть, а не иначе. Въ твоемъ желаніи я увѣренъ и заранѣе одобряю, что ты сдѣлаешь. Во всякомъ случаѣ остаюсь при сказанномъ мною прежде: если какъ-нибудь дѣла прояснились бы и открылась возможность вамъ прїѣхать, то милости просимъ! Дорожныя инструкціи мои тебѣ даны, мнѣ прибавлять къ нимъ нечего. Я не упорствую въ желаніи моемъ соединенія съ вами; прошу также не упорствовать и въ желаніи угодить моему желанію. Не надобно ничего насильствовать, а слѣдовать благоразумію и рассчитывать по вѣроятностямъ, чтобы послѣ ни другъ другу, ни себѣ не упрекать, если какъ-нибудь послѣдствія не будутъ отвѣчать нашимъ предположеніямъ. Дѣлай, что должно и что можно; повторяю, что заранѣе все контрастирую. Требую настоятельно [суббота, 5-го утромъ. Мухановъ вчера не поѣхалъ и отправляю письмо по почтѣ] одного, чтобы ты писала ко мнѣ чаще и увѣдомляла обстоятельно о томъ, что думаешь дѣлать; рассчитавъ всѣ возможныя издержки, нахожу, что далеко не хватитъ пяти тысячъ. Согласенъ, дорога туда и обратно 1500; наемъ дачи много-много тысячу на все лѣто; содержаніе много-много по триста рублей въ мѣсяцъ; всего-навсего должно полагать три тысячи пятьсотъ рублей расходовъ. На мѣстѣ все издержите вы тысячу рублей, если не болѣе, а съ переѣздами также тысячу не менѣе; итакъ, лишка окажется тысячи полторы, а двѣ, то уже на всякій случай. Но главное дѣло въ томъ, что некому тебѣ повѣрить дѣла свои и тѣмъ болѣе, если Жихаревъ поѣдетъ въ Петерб[ургъ]. Скажи мнѣ, кончены ли, т.-е. подписаны ли счеты съ Ив[аномъ] Ив. и совершенно ли ты съ нимъ развязалась? Начали ли на фабрикѣ работать на Жу-

кова и сдали ли прежнимъ купцамъ всю шерсть или всѣ сукна изъ нея выработанныя и всѣ ли счеты съ ними кончены? Пришли мнѣ объ этомъ краткую вѣдомость. Боюсь, чтобы дѣло в[нзя] Ѳедора не затянулось въ даль, хотя, кажется, и есть надежда на успѣхъ. Но между тѣмъ ему нужно проживать здѣсь, чтобы слѣдовать за дѣломъ, а жить нечѣмъ. Кому поручить онъ хлопотать за себя? И при себѣ дѣло не летитъ на парусахъ, а безъ себя оно и вовсе потонетъ. Не получить ли онъ чего-нибудь изъ obroka своего деревенскаго для содержанія себя здѣсь? Сегодня вечеромъ съ Мухановымъ посылается тебѣ довѣренность отъ него. А до того на чьихъ рукахъ были дѣла его? Справься у в[нзя] Павла и Поспѣлова, вѣтъ ли какихъ-нибудь оброчныхъ денегъ въ виду, и напиши ему объ этомъ. А когда получишь довѣренность, то вели пропечатать о томъ въ газетахъ съ объявленіемъ, что всѣ другія довѣренности, имъ данныя, уничтожаются. Сдѣлано ли то же и отъ моего имени по довѣренности, тебѣ данной. Есть вакая-то простыня Карамзиныхъ, которую мы прошлаго года завезли изъ Петербур[га]. Вышлите ее съ моимъ плащемъ и двумя или тремя моими простынями для купанія. Карамзины нѣжно тебя целуютъ и сердечно вѣрятъ желанію твоему быть при нихъ. Но если нельзя, то и дѣлать нечего. Екат[ерина] Анд[реевна] велѣла тебѣ сказать, что, можетъ быть, Богъ приведетъ ее тебя увидѣть въ Остафьевѣ когда-нибудь, ибо въ будущемъ ничего не предвидитъ она для себя положительнаго и постояннаго, кромѣ своей горести. Толмачеву мнѣ отвѣчать нечего: желаю, чтобы онъ у насъ былъ, но не желаю дѣлать непріятности Новосильцову и особливо же въ такую минуту. Поступайте, т.-е. ты и Толмачевъ, открыто и искренно, а не подъ рукою,—вотъ и все, чего я требую. А тебѣ все нельзя приступатъ къ условіямъ съ Толмачевымъ, пока не объяснишься съ Новосильцовымъ ¹⁾.

Какъ на него навязывать новыя хлопоты теперь? Гдѣ искать ему кого-нибудь къ дѣтямъ, если Толмачевъ имъ нуженъ. Развяжи намъ руки Новосильцовъ, и я очень буду радъ имѣть въ домѣ нашемъ Толмачева. Вотъ мое мнѣніе и мой отвѣтъ. Вчера и

¹⁾ Между этой и слѣдующей строчкой написано и подчеркнуто: Адресъ в[нзя] Ѳедора: въ Малой Морской, въ домѣ Клоссена, подъ № 87-мъ.

третьяго дня опоздалъ я на почту и боюсь за свои письма: дошли ли они до тебя? Ты должна была ежедневно получать отъ меня письмо со дня приѣзда моего, развѣ за однимъ или двумя исключеніями. Такъ ли? А твоихъ все нѣтъ! Стыдись, лѣнивица! Приѣзжайте къ намъ, такъ и писать не нужно будетъ. Въ Остафьевѣ ли вы? Здѣсь погода неслыханная: съ приѣзда моего и почти съ самой весны только два раза шелъ дождь. Что ваша погода? Какъ мнѣ жаль, что дѣти все еще сушатся въ городѣ. Володя и Лиза просятъ меня каждый день послать за Павлушею. Она говоритъ, что не знаетъ, что безъ него дѣлать, потому что онъ всегда выдумывалъ выдумки. Здоровъ ли онъ? а Наденька? а старшіе? Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, отъ души. Жаль мнѣ, что не проведемъ лѣта вмѣстѣ. Богъ знаетъ, какъ пошла вся жизнь: сбилась совершенно съ¹⁾, и такъ и живешь между страхомъ и сожалѣніемъ; свѣтлой надеждѣ мѣста нѣтъ, о радости и думать нечего. Будьте по крайней мѣрѣ здоровы! Если не прежде нѣсколькихъ дней пришлешь опись нашего дома, то отправь ее на имя Тургенева. Я ему поручу, когда поѣду въ Ревель кончить съ Гогенлоэ. Цалую тебя. Орловой кланяюсь.

Спроси у Скудери рецептъ девокта, который я принималъ pour chasser les hémorroïdes, la bile et gafrachir le sang. Хочу принимать его въ Ревелѣ. Не забывай и себя и непременно лѣчись нынѣшнимъ лѣтомъ. Требую этого настоятельно. Только не le Roy. Заклинаю его не принимать: при мнѣ дѣло бы другое, но можетъ же тебѣ оно быть вредно, и каково занемочь тебѣ безъ меня и дѣтямъ однимъ оставаться.

15.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[С. Петербургъ]. Понедѣльникъ. 7-е [іюня 1826 г.].

А я все не могу не жаловаться на твое молчаніе и не тосковать по твоимъ письмамъ. Послѣднее отъ 30-го, а сегодня 7-е: вотъ осмидневный промежутокъ, а здѣсь можно въ четвертый

¹⁾ Одно слово неразобрано.

день имѣть извѣстія изъ Москвы. Не понимаю, какъ тебѣ не грѣшно и не совѣстно. Да заставь Машеньку писать ко мнѣ черезъ день по двѣ строки, если ты никакъ не можешь справиться съ своею лѣнью. Сдѣлай милость, учреди это такъ: ты будешь ко мнѣ писать, когда есть дѣло и подробно о себѣ, а она пусть присылаетъ мнѣ бюллетени здоровія всего семейства черезъ день, а чтобы Пашенькѣ не было завидно, то пусть онѣ мѣняются и пишутъ по очереди. Я не шучу: сдѣлай милость, учреди это такимъ образомъ. Разумѣется, главный интересъ вашихъ писемъ для меня есть какъ можно ближе слѣдовать за каждымъ днемъ вашимъ и какъ можно чаще удостовѣрять себя, что вы здоровы. А ты все мнѣ твердишь, что тебѣ нечего писать. Да неужто требую отъ тебя любопытныхъ новостей, поразительныхъ происшествій, городскихъ сплетней или разсужденій твоихъ? Нечего сказать, странный ты человекъ! Спѣшу повиниться передъ барономъ Строгановымъ и оправдать его: онъ точно сначала думалъ, что по родству своему съ Трубецкимъ ему неприлично засѣдать въ судѣ, но Государь разрѣшилъ, и онъ засѣдаетъ. Скажи это Орловой и другимъ, если ты показывала имъ письмо. О себѣ и объ насъ сказать новаго нечего. Все надѣмся выѣхать въ концѣ недѣли. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Будьте здоровы; это пуще всего, а тамъ,—что Богъ дастъ. Вотъ довѣренность в[нзя] Федора, которую хотѣлъ послать съ Мухановымъ.

16.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[С. Петербургъ]. 9-го [іюня 1826 г.]. Среда.

Поручаю Машенькѣ поцаловать тебя въ лобъ, какъ умницу, за то, что два дня сряду получилъ я отъ тебя письма; послѣднее вчера отъ 3-го іюня изъ Остафьева. Я радъ, что вы тамъ. Дай Богъ на здоровіе! Сердечно радуюсь успѣхамъ Наденьки въ ходьбѣ. Песокъ и купанія, ради Бога, исправнѣе! Да не забывай и ты себя, лѣчись порядкомъ, только повторяю заклинаніе: не принимай le Roy! Безъ меня особливо же; неравно сдѣлаешь онъ тебѣ вредъ

и занеможешь. О поѣздѣ въ Ревель, т.-е. о данномъ мною тебѣ совершенномъ полномочіи ѣхать или оставаться, писалъ я тебѣ уже ясно и подробно, и прибавлять мнѣ нечего. Предлагая тебѣ пріѣхать, думалъ я столько же о тебѣ, какъ и о себѣ. Мнѣ казалось, что ты вѣрно будешь проситься пріѣхать, и я хотѣлъ предупредить твое желаніе, не помышляя о затрудненіяхъ и хлопотахъ, которыя послѣдуютъ за отъѣздомъ изъ Москвы. Теперь я совершенно отказываюсь отъ надежды васъ видѣть въ Ревелѣ и покоряюсь необходимости; все-таки предоставляю тебѣ на всякій случай открытый листъ для пріѣзда, буде пожелаешь и обстоятельства позволятъ. Кажется, ѣдемъ въ субботу. Вѣроятно, до отъѣзда ¹⁾ не получу бумагъ отъ тебя для окончанія съ Гогенлоэ и поручу это дѣло Тургеневу, предоставляя ему право распечатывать твои письма до полученія этихъ бумагъ. Готовятъ ли домъ? О Коронаціи все еще ничего нѣтъ рѣшеннаго, по крайней мѣрѣ гласнаго, но все, вѣроятно, будетъ въ августѣ. Мнѣ здѣсь говорятъ, что корсеты съ желѣзомъ не хороши, qu'ils tournent la taille; пришлю что-нибудь другое. Жаль мнѣ, что я не зналъ о днѣ рожденія Павлуши: я сердечно вздохнулъ бы о немъ, а можетъ быть, и умѣлъ бы помолиться за него. Каковъ онъ? Здоровьемъ и поведеніемъ? Какъ вы рѣшили съ Толмачевымъ? Ради Бога, не рѣшайся тайкомъ отъ Новосильцова. Огарева на дняхъ ѣдетъ въ Москву. Дай Богъ тебѣ не унывать, а напротивъ мужать въ рѣшимости давать уроки дѣтямъ. Это лучшее для тебя занятіе во всѣхъ отношеніяхъ и святое дѣло. Только не оставляйте музыки. Когда мы будемъ въ Ревелѣ, то мнѣ придется только два раза въ недѣлю получать писемъ отъ васъ; по крайней мѣрѣ этихъ двухъ разъ не пропускай, а между тѣмъ Пашенька и Машенька пускай пишутъ свои дневники. Будьте здоровы, мои милые друзья. Обнимаю и благословляю васъ отъ души.

Донесеніе Комиссіи Слѣдственной скоро выдетъ при „Инвалидѣ“. Вѣдь вы его получаете? Цалую тебя. Какъ здѣсь грустно и тошно и за себя, и за другихъ, и за прошедшее, и за будущее. Orloff est très bien traité dans le rapport et se trouve presque le

¹⁾ Передъ этимъ словомъ зачеркнуто слово: пріѣзда.

seul à y jouer un rôle honorable. Сердечный поклонъ Орловой. Сегодня увижусь съ Алексѣемъ и, можетъ быть, узнаю что-нибудь о Четвертинскомъ.

Цалую тебя нѣжно. Успокой мою душу: кто остался у васъ въ городскомъ домѣ? Кто относить и принимаетъ письма? Боюсь, чтобы въ тѣхъ и другихъ не было много затерянныхъ. Кажется, Демиду должно бы оставаться до приѣзда Гогенлоэ.

Отсюда пошлется приказаніе въ Тамбовскую Удѣльную Контору осмотрѣть имѣніе князя Ѳедора. Разспросите у Жихарева, или Толстого, или кого другого, — нѣтъ ли человѣка тамъ знакомаго, кому поручить бы это дѣло. Вчера получилъ я письмо отъ в[нязя] Василя. Спроси у Толстого, подалъ ли онъ прошеніе въ Опекунскій Совѣтъ для прибавочныхъ на заложенные уже имѣнія, а если не подалъ, то устройте это съ Демидомъ тотчасъ, а у Толстого есть довѣренность отъ в[нязя] Василя или у Пospѣлова.

17.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. Четвергъ. 10-го [іюня 1826 г.].

Дай себя распаловать теперь всѣмъ дѣтямъ за меня. Вчера получилъ я твое письмо отъ 4-го. Три письма въ три дня. Нельзя быть умнѣе и милѣе. Хорошо и то, что вы здоровы! Только что тебѣ за охота уѣзжать на нѣсколько дней съ дѣтьми! Берегись, не нажить бы еще бѣды въ гостяхъ, въ родѣ прошлагодняго воялюша. Сохрани Боже, а все дома вѣрнѣе, да и порядоковъ установленный не прерывается ни въ пищѣ, ни въ ученіи, ни въ купаніяхъ, ни въ прогулкахъ. Вчера было занемогъ Андрюша и очень напугалъ Екат[ерину] Анд[реевну], но сегодня ему гораздо лучше и, кажется, обойдется безъ болѣзни, такъ что мы все думаемъ ѣхать въ воскресеніе.

Я сейчасъ отъ Алексѣя Орлова. Онъ говорилъ и, кажется, съ успѣхомъ. Завтра ѣдетъ онъ въ Москву; повидайся съ нимъ у Орловой, онъ все тебѣ скажетъ. Уговори Четверт[инскаго] побывать у него; это дѣлаетъ ему честь, что, имѣя теперь на рукахъ

и на сердцѣ судьбу брата, онъ въ первое свиданіе свое не забылъ говорить о Четверт[инскомъ]. Посовѣтуйся съ нимъ и о письмѣ въ в[нягинѣ] Low[iczy], если ты еще не писала. Обнимаю и благословляю васъ отъ души.

18.

Князь Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. Пятница. 11-го [іюня 1826 г.].

Мнѣ сказывали на почтѣ, что послали къ намъ письмо и, вѣроятно, отъ тебя; жаль, что не успѣю возвратиться домой до отправленія почты. Завтра буду отвѣчать на него. Надѣюсь, что оно мнѣ никакого худого извѣстія не принесло. Наши сборы подходятъ къ концу: въ воскресенье ѣдемъ. Андриуша выздоровѣлъ. Теперь не получаютъ тебѣ такъ часто писемъ отъ меня, а только два раза въ недѣлю. Продолжай присылать просто на имя Булгакова для доставленія въ Ревель ко мнѣ. Тургеневъ и самъ, можетъ быть, будетъ въ Москву, а можетъ быть, и къ намъ пріѣдетъ. Повидайся же съ Орловымъ и уговори Четверт[инскаго] быть у него. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Писать некогда да и нечего. Будьте здоровы. Я послалъ тебѣ вчера донесеніе Коммисіи черезъ Мухановыхъ.

19.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. 12-го іюня [1826 г.].

Madame la Princesse не учтиво; *Madame, tout court*, пишется и къ царицамъ. *L'Altesse* нужно непремѣнно, тѣмъ болѣе, что принадлежитъ ей по праву. О мѣстѣ, куда адресовать тебѣ отвѣтъ, по настоящему упоминать бы не нужно, потому что она можетъ справиться у Фовидкаго. Пиши на бумагѣ съ черною каемкою. Кажется, разберешь ты всѣ мои перемарки. — Съ принцемъ Гогеломъ кончить Тургеневъ. Да присылайте же скорѣе опись всего,

№ дома, чтобы здѣсь писать контрактъ или по крайней мѣрѣ запись.—Завтра ѣдемъ. Съ какою разницею отправляюсь нынѣшній годъ и прошедшій! Прошлаго ѣхалъ я съ такою веселою жадностію, а нынѣ съ тоскою неотразимою. Но по крайней мѣрѣ исполняю обязанность. Присутствіе мое нужно Карамзинимъ. Не знаю, сколько времени съ ними останусь, но все, думаю, уѣду прежде ихъ, потому что они полагаютъ провести тамъ и сентябрь. — Пришли письмо къ княгинѣ Lowicz въ Петербургъ съ письмомъ au général Grabowski,—старикъ, котораго ты знала ¹⁾ у Гутаковской,—для пересылки въ Варшаву. Я ему скажу о немъ сегодня. Онъ живетъ на Фонтанкѣ въ домѣ Межуева. — Ты все показала бы письмо свое къ княгинѣ кому-нибудь: въ немъ много повтореній и много не-французскихъ оборотовъ. Или по крайней мѣрѣ сама тщательно его обдумай и пересмотри. — Найдите же кого-нибудь, кто написалъ бы въ Тамбовъ къ Управляющему Удѣльному Конторою по дѣлу в[нязя] Ѳедора. Да не забывайте же и заемъ прибавочный для в[нязя] Василя въ Опекунскомъ Совѣтѣ; а если у Пospѣлова будутъ его лишнія оброчныя деньги, перешли ихъ ему черезъ Сѣверина. Отошли прилагаемое письмо къ Толстому. Обнимаю и благословляю васъ отъ души.

Князь Ѳедоръ ѣдетъ въ полкъ дней черезъ десять. Адресъ его здѣсь: въ Малой Морской, въ домѣ Клоссена; а лучше всего надписывай на имя Булгакова, которому извѣстно будетъ, когда князь выѣдетъ.

20.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. 13 іюня, первый часъ
передъ обѣдомъ. [1826 г.]

Лошади приведены, и мы сейчасъ ѣдемъ, моя милая. Помолись, чтобы доѣхали, прожили и увидѣлись мы благополучно. Не знаю, отчего мнѣ грустно выѣзжать изъ Петерб[урга]. Кажется, никакихъ радостей здѣсь не оставляю, но и не на радость ѣду.

¹⁾ Въ оригиналь написано: зналъ.

Я въ Польской Канцеляріи о письмѣ твоёмъ свазывалъ; впрочемъ, пришли его просто Тургеневу для отдачи Грабовскому, а ему писать, кажется, тебѣ не нужно. Тургеневу я всё предписанія оставилъ для Гогенлоэ. Высылайте только скорѣе опись, № дома, въ какомъ кварталѣ и проч. Если это все еще не послано, то отправьте прямо на имя Тургенева; впрочемъ, я его уполномочилъ распечатывать письма. *Смотри же, не пиши шалостей и безчинностей.* Кажется, Коронація будетъ 1-го августа, а праздники послѣ поста, т.-е. послѣ 15-го. Впрочемъ, это еще слухи.—Сважи Орловой, что мнѣ сердечно жаль, что не обойму ея мужа. *Обойми его за меня,* когда увидишь. Говорятъ, — скоро, но скорое часто долго тянется. Теперь и послѣдней отрады имѣть не буду часто получать твоихъ писемъ, а еще чаще сердиться, что получаю ихъ слишкомъ рѣдко. Пускай и дѣти пишутъ и Павлуша. Хоть одного имѣть бы мнѣ при себѣ. Благословляю, и обнимаю, и цалую васъ, мои милые. Будьте здоровы, и дай Богъ намъ увидѣться въ радости.

Смотри за дѣлами князей Василя и Федора.

На второмъ листѣ: Княгиня Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской.—*Здѣсь же притиска:*

Присемъ посылается двѣ матеріи: одна для тебя и двухъ старшихъ, другая Павлушѣ и Наденькѣ. Надѣюсь, что довольно будетъ на платья и Павлушѣ на рубашку или по крайней мѣрѣ на штаны съ гульфикомъ. А фасонъ взять у доктора Томаса. Корсетовъ не купилъ, потому что мнѣ говорили о ихъ вредѣ.

21.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

Ревель. Серeda. 16-го [іюня 1826 г.]. Кажется, такъ, а впрочемъ не спорю. Послѣ обѣда 5-я часъ.

Мы сейчасъ пріѣхали здорово, но нельзя сказать — благополучно. Дача, какъ я и предсказывалъ, не нравится: далека отъ моря, окружена песчаною степью и сама содержитъ въ себѣ мало прогуловъ, а развѣ одинъ цвѣтникъ и то сырой. Увидимъ, пріищемъ ли что другое. Съ нынѣшняго же дня брошусь искать.

Разсѣяніе, усталость поѣздки не принесли никакой пользы бѣдной Екат[еринѣ] Андреевнѣ: она все какъ въ воду опущена, и только взгляды на нѣкоторыя картины природы, столь любимыя покойникомъ, вызывали изъ нея слезы. Дай Богъ ей укрѣпиться силами, а то я все за нее боюсь. Она тебѣ нѣжно кланяется. Что вы дѣлаете, мои милые? Сердце мое съ вами и жалѣетъ, что рожицъ вашихъ нѣтъ со мною. Скажи Павлушѣ, чтобы онъ потѣшилъ меня какою-нибудь хорошею глупостью и подчивай меня впредь въ письмахъ своихъ дѣтскими сплетнями. Грустно мнѣ, что здѣсь ни къ вамъ часто, ни отъ васъ часто писемъ не получать: только двѣ почты въ недѣлю. Для тебя, лѣнтяйки, это хорошо, и тебѣ выгодно, что я въ Ревелѣ. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Будьте здоровы, и дай Богъ увидѣться намъ въ радости.

На 4-й страницѣ: Квягинѣ Вяземской. Здѣсь же притиска А. И. Тургенева:

Ящичекъ и всѣ письма получилъ и письма отправляю въ Ревель. Я скоро ѣду въ Дрезденъ. Поручаю себя вашему дружескому воспоминанію. А. Т. 23 іюня.

22.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

Ревель. 19-го [іюня 1826 г.]. Суббота.

Вчера получилъ я, моя милая, четыре твои коротенькія грамотки изъ Троицкаго отъ 7-го до 11-го іюня. Сердечное за нихъ спасибо. Радуюсь, что вы здоровы. Какъ нашли вы Наденьку? Какъ мнѣ жаль, что ея здѣсь нѣтъ; только и слышишь, что здѣшній край и купанія совершенно цѣлительны для скрофулическихъ болѣзней. Но что же дѣлать? Дай Богъ только впредь не имѣть причины безвозвратно сожалѣть о томъ, что не удалось намъ провести всѣмъ вмѣстѣ лѣто въ Ревелѣ. Теперь дѣло кончено, и думать нечего тебѣ ѣхать. Вотъ іюль на дворѣ.—Какое сокрушительное письмо получили мы вчера отъ Алекс[андра] Тургенева. Ему Пушкина и Чаадаевъ пишутъ изъ Дрездена о болѣзни Сергѣя Иван[овича] и только не говорятъ en toutes lettres, что онъ помѣ-

шался, но легко о томъ догадаться можно, читая ихъ письма. Александръ тотчасъ ѣдетъ къ нему. Что за ужасное его положеніе! Онъ только и жилъ, что въ двухъ братьяхъ и для нихъ, и оба, какъ поражены судьбою; le contre coup можетъ быть еще чувствительнѣе и весь рушится со всею силою на сердце бѣднаго Александра.—Не знаю теперь, какъ и кто кончить съ Гогенлоэ по нашему дому. Получилъ ли онъ отъ тебя уже всѣ нужныя бумаги? Во всякомъ случаѣ поручаю ему, если не успѣетъ всего кончить при себѣ, передать Николаю Муханову; а можетъ быть, во время подѣдетъ и Жихаревъ. Это всего бы лучше! Все отъ того, что вы долго мямлили. Какъ не прислать было мнѣ всѣхъ бумагъ? Я такъ часто писалъ о нихъ; при себѣ все кончилъ бы и славно!—Почта изъ Петерб[урга] въ Ревель ходитъ по середамъ и субботамъ; итакъ, надобно, чтобы твои приходили въ Петерб[ургъ] по вторникамъ и пятницамъ, т.-е. отходили изъ *Москвы* ¹⁾ по субботамъ и вторникамъ. Помни это, а то буду вдругъ получать по два письма отъ тебя, а тамъ сидѣть цѣлую недѣлю безъ письма. Мы сегодня переѣзжаемъ на другую дачу, на берегу возвышенномъ моря, въ той сторонѣ, гдѣ я жилъ прошлаго года, только еще далѣе отъ города. Но мѣсто гораздо живописнѣе, суше, здоровѣе. Здѣшнее Löwenruh темница, и даже сыро, какъ темница. Я это предсказывалъ барышнямъ еще въ Петерб[ургѣ], но онѣ думали, что я хлопочу о своихъ выгодахъ для ближайшаго сосѣдства съ Катериненталь и многолюдствомъ и отвергли мои пророчества. Здѣсь и купанія въ морѣ нѣтъ ближе, какъ около трехъ верстъ. Что же за приморскій воздухъ, который предписанъ Еват[еринѣ] Анд[реевнѣ] и Софія? Тамъ, кажется, будетъ намъ очень хорошо; оно также совершенно уединенно и въ сторонѣ, но видъ изъ дома на лучшія окрестности и на городъ, близко сада и другихъ прогулокъ. Моя комната виситъ надъ моремъ и господствуетъ надъ картинною далью. Жаль только, что при хорошей дачѣ нѣтъ васъ близко меня, мои милые. Я все еще не думалъ, долго ли здѣсь останусь: скажу, какъ Рылѣвъ: обстоятельства покажутъ, что дѣлать! Но надѣюсь на хорошія обстоятельства,

¹⁾ Въ выноску: а не изъ Остафьева.

если только есть онъ въ запасѣ у Провидѣнія, которое повело на насъ черною полосою. Что за година! Право, живешь только сгоряча, а если все обдумать и на досугѣ перечестъ, то силъ не станеть перенести всѣ удары судьбы. Давно ли былъ я въ Ревелѣ, и тогда уже сердце было не розанъ; но сколько новыхъ терній испарали его въ кровь съ того времени! Заживетъ ли оно когда-нибудь? „Заживетъ до свадьбы“, говоритъ пословица, но я скажу: „заживетъ со свадьбою“; а свадьба эта смерть, неминуемая и вѣрнѣйшая наша нареченная невѣста.—Пока брошусь здѣсь въ матеріальную жизнь по уши: буду много купаться, ходить, ѣздить и вслѣдствіе того, надѣюсь много ѣсть и спать. А тамъ,—что Богъ велить.

Путешествія поучительны, и въ доказательство того сообщу тебѣ замѣчаніе, мною сегодня сдѣланное: я видѣлъ на мальчикахъ мѣшки для платковъ носовыхъ вродѣ сумовъ почталіоновъ на перевязи на боку, разумѣется, изъ легкой матеріи, и придерживаются они на рубашкѣ поясомъ, обыкновенно носимымъ при русскихъ рубашкахъ. Этимъ, кажется, можно воспользоваться для сопливаго Павлуши ¹⁾. Что онъ, шутъ, дѣлаеть? Здѣсь всѣ его любятъ и помнятъ, т.-е. у Карамзиныхъ, и часто говорятъ о немъ. Заставляй по вечерамъ старшихъ читать громко по-русски и по-французски и смотри за хорошимъ выговоромъ. Чтеніе приучить ихъ и говорить. Для русскаго возьмите у меня „Письма русскаго путешественника“ и „Дѣтское Чтеніе“.

Прощайте, мои души. Обнимаю и благословляю васъ отъ всего сердца. Въ счетъ Гогенлоэвскихъ денегъ Тургеневъ дѣлаеть для меня расходы рублей на пятьсотъ или оволо. Что дѣла Четверт[инскаго] и князей Ѳедора и Василя? Скажи Окуловымъ о сожалѣніи моемъ, что я не успѣлъ побывать у Дашеньки. Я нигдѣ не былъ и не видалъ короткихъ знакомцевъ. Надѣюсь видѣть ее на возвратномъ пути. Что Орлова? Скажи ей сердечный поклонъ. Обрадована ли она гостями или еще поджидаетъ ихъ? Цалую тебя еще разъ.

Лиза хочетъ непременно, чтобы Павлуша пріѣхалъ, и говорить: когда хочу, такъ онъ долженъ непременно пріѣхать. Она очень мила.

¹⁾ Въ оригиналѣ: Павлушу.

23.

Князь Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 22-го іюня [1826 г.].

Вчера получилъ я твои три письма отъ 11-го, 13-го и 14-го изъ Троицкаго, Остафьева и Москвы. Это какъ стихи Филимонова, которые онъ печаталъ изъ всѣхъ угловъ бѣлаго свѣта. Мнѣ эта кочующая жизнь не нравится, потому что не вижу въ ней способа завести порядокъ ни въ тѣлесномъ, ни въ умственномъ воспитаніи дѣтей. Да и тебѣ нужно смотрѣть за своимъ здоровьемъ, да и дѣти такимъ образомъ всегда разбросаны и отданы на волю Божию, а пословица говоритъ: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“. Въ Москву дѣло другое: тебѣ иногда нужно ѣздить по дѣламъ, но и тутъ можешь ѣздить на день. Слава Богу по крайней мѣрѣ, что вы здоровы.—Мы уже живемъ на новой дачѣ. Мѣстоположеніе прелестное, прогулки въ окрестностяхъ разнообразны, домъ покойный, море подъ ногами, городъ въ самомъ живописномъ видѣ въ глазахъ. У меня большія двѣ комнаты, такъ что вы всѣ легко помѣстились бы со мною, а въ добавокъ есть и еще комната. Такимъ образомъ издержки на наемъ дома и на содержаніе себя должно бы вычестъ изъ бюджета расходовъ; осталось бы только поѣздка, наемъ лошадей для прогулокъ и больше ничего. Все это хорошо бы, но, кажется, время ушло: прежде половины или конца іюля пріѣхать бы вамъ нельзя. Лучше было бы сначала не такъ много разсуждать, а прямо ѣхать. Все само собою устроилось бы прекрасно. Тебѣ и дѣтямъ, а въ особенности Наденькѣ, которая, безъ сомнѣнія, рѣшительно выиграла бы здѣсь тяжбу жизни, два мѣсяца, здѣсь проведенные, принесли бы значительную пользу. Песокъ и море мучатъ меня, когда я думаю, что Наденька ими не пользуется. Иногда мнѣ просто грустно, а иногда и на тебя досадно. Кажется мнѣ, что ты одна была препятствіемъ, а не обстоятельства. Но, впрочемъ, эти обвиненія не постоянны: все раздумавъ, вижу, что и твои причины уважительны, и во всякомъ случаѣ увѣренъ, что ты хотѣла сдѣлать къ лучшему. Дай Богъ, чтобы по твоему и вышло и чтобы не пеняли мы другъ другу: ты,—зачѣмъ я не настоялъ, а я,—

зачѣмъ ты упрячилась. Во всякомъ случаѣ проживу здѣсь весь іюль и развѣ въ августѣ стану думать о возвратномъ пути. Карамзины хотятъ провести здѣсь и сентябрь. Онѣ довольны здѣшнимъ житіемъ, и Екат[ерина] Анд[реевна] начинаетъ пользоваться прогулкою. Здѣсь тѣмъ хорошо, что мѣсто уединенное, но уединение живое и развлекательное новыми картинами природы. Конечно, и самыя сіи развлечения возвращаются все къ тому же горю, но хорошо и то, что есть какое-то разнообразіе въ горести. На каждомъ шагу говоритъ она: какъ онъ восхищался бы этимъ! какъ это понравилось бы ему! Душа все въ одной стихіи, но есть для нея дѣятельность, а тамъ, на мѣстѣ, погружена была она въ одно чувство, въ какое-то глухое замертвѣніе, которое дѣйствовало и на тѣло. Здѣсь и тѣло и душа въ движеніи. А надъ барышнями это благодѣтельное вліяніе еще чувствительнѣе. Бываютъ имъ минуты отдыха, забвенія отъ горести. Совершенно новая для нихъ природа имѣетъ сильное надъ ними дѣйствіе. Купанія наши еще не хорошо устроены, на дняхъ устроятся. Ожидаю я отъ нихъ много пользы.—Большое мое письмо, вѣроятно отъ 7-го, послано было съ Мухановымъ: вотъ отчего и не пришло оно вмѣстѣ съ почтою. Черезъ Мухановыхъ послалъ я тебѣ и отчетъ Коммиссіи. Если ты его не получила, то справься у Александра, а въ случаѣ отъѣзда его у брата меньшаго Владиміра Алексѣевича. Не по многимъ ли слишкомъ дорогамъ пошли уже мы по дѣлу Четверт[инскаго]? Это покажетъ, что ни къ кому не имѣли довѣренности, и каждый будетъ складывать на другого. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите и какъ умѣете. Только не забывайте, что мѣсто еще не упразднено, и просите только на ваканцію; а тамъ дѣло будетъ того, кто о томъ вѣдаетъ, когда сдѣлаетъ его вакантнымъ. Кажется, Коронація будетъ 6-го августа, а Государь выѣдетъ изъ Петерб[урга] 15-го іюля. Такъ сюда пишутъ вѣрные люди. Что же съ домомъ нашимъ еще не кончаете? Тургеневъ ни слова не пишетъ о бумагахъ; слѣдовательно, онъ ихъ еще не получалъ. Что же вы такъ мямлите? Тургеневъ на дняхъ ѣдетъ. Кто безъ него кончитъ? Не поѣхалъ ли Жихаревъ въ Петерб[ургъ]? Поручи ему, это всего лучше. Тургеневъ получилъ лучшія извѣстія о братѣ Сергѣѣ. Смерть Карамзина сильно его поразила и произвела кризисъ въ

его положеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что безпокойствіе объ участи брата Николая было причиною его болѣзни. Одинъ ударъ вышибъ другой. Что бѣдная Орлова? Я здѣсь ничего не знаю о производствѣ дѣла, но оно должно подходить къ концу. Я радъ, что Богъ вывелъ меня съ лобнаго мѣста. Вдали все какъ-будто сноснѣе.— Пришли мнѣ мои прошлогоднія письма изъ Ревеля. Можетъ быть, займусь приведеніемъ ихъ въ порядокъ и прибавленіемъ къ нимъ. Перешли ихъ черезъ Рущковскаго къ Булгакову, чтобы пощадить твою экономическую чувствительность. Посылай за „Телеграфомъ“ и пересылай мнѣ его, также и письма, если будутъ интересныя на мое имя.

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, отъ души. Дай Богъ увидѣться намъ въ радости. *Minna armastan sind vega*, что значитъ по-чухонски: я васъ очень люблю. Мнѣ еще никому не удавалось здѣсь сказать: *sinna ollet illus*, что значитъ: *vous êtes jolie*; слѣдовательно, и упоминаемыхъ тобою *M-elle D.*, ни *M-me*¹⁾ не видалъ. Не правда ли, что языкъ этотъ очень мягокъ и сладкозвученъ? Хотѣлъ бы я вамъ сказать: *tulle! tulle! venez! venez!* Къ будущей почтѣ выучусь, какъ поцаловать тебя по-чухонски, а пока цалую по-русски.

Какъ мнѣ жаль, что Щербатовымъ готовится неудовольствіе. Впрочемъ, если быть бѣдѣ, то лучше до свадьбы, чѣмъ по свадьбѣ.

24.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. Юня 26-го [1826 г.].

Спасибо за четыре письма, вчера полученные отъ 15-го до 19-го. Слава Богу, что вы здоровы, но какъ досадно, что погода портится, и новая досада, что васъ здѣсь нѣтъ съ нами. У насъ погода баснословно хороша, слишкомъ хороша, особливо же для обывателей, у которыхъ сохнетъ трава и рожь. Здѣсь не запомнятъ дождя съ начала весны. И Наденъефъ, сажающейса въ песокъ, былъ бы одинъ страхъ: изжарить и обратить ее

¹⁾ Въ оригиналь здѣсь неразборчиво написанное слово (повидимому, *Chose или Chou*).

въ сухую котлетку. Ты отъ Сѣверина получишь на дняхъ письмо: дѣло съ п[ринцемъ] Гогенлоэ перешло въ его руки. Мой принцъ не соглашается на прибавку 1000 руб. Дѣлать нечего; впрочемъ, мы сами виноваты. Надобно было отдать домъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, безъ обѣщаній на передѣлку и перечистку. На приборы для шести человѣкъ согласились мы, не требуя придачи денегъ. Онъ правъ и очень умно дѣлаетъ, что ничего прибавить не хочетъ; только въ условіи надобно связать, что въ случаѣ пожара, по его или людей его винѣ, долженъ онъ заплатить 50.000 рублей или выстроить домъ, какъ онъ былъ. Сѣверинъ пришлетъ тебѣ всю переписку принца. Кончайте скорѣе и не алтынничай. Вѣроятно, Петерб[ургъ] нагрянетъ въ Москву въ концѣ іюля: къ половинѣ мѣсяца, надобно, чтобы все было устроено и улажено. Отчего хочешь ты писать *зеленовато* къ в[нязю] Василию? Онъ поступаетъ по моему совѣту. Въ теченіе шести мѣсяцевъ должно непремѣнно получить деньги изъ Опекунскаго Совѣта надбавочныя. Зачѣмъ ждуть Поспѣлова, который всюду поспѣваетъ и нигдѣ не успѣваетъ? Толстой по довѣренности, которую имѣетъ отъ в[нязя] Василія, можетъ подать просьбу въ Совѣтъ, если просьба уже не подана. Щегловъ отыщеть это, объяснитъ и научить, какъ пустить дѣло въ ходъ. К[нязь] Василій совсѣмъ не на мои деньги надѣется, а на свои, которыя онъ давно уже имѣлъ бы, если всѣ дѣла и всѣ дѣльцы не исходили одними словами. Я говорилъ сто разъ Толстому и Поспѣлову, что надобно подать просьбу въ Опекунскій Совѣтъ. Не теряйте времени по крайней мѣрѣ теперь. Я все еще не покоенъ въ отношеніи къ Толмачеву. Что стоило бы тебѣ переговорить или переписаться съ Новосильцовымъ на этотъ конецъ? Тогда дѣло было бы чистое, а теперь оно сомнительное и тѣмъ непріятнѣе, что Новосильцовъ въ горѣ, съ дѣтьми на рукахъ и въ совершенномъ разстройствѣ. Сказать правду, и Толмачеву чести не дѣлаетъ, что онъ оставилъ его въ такую минуту, если онъ ему нуженъ. Не заключай съ нимъ ничего рѣшительнаго для будущаго, а только на лѣтніе мѣсяцы.—Вчера было открытіе залы. Народа много, но не то, что прошлаго года. Хотя и хотѣлось бы веселиться, то какъ-то не ловко. Нынѣшняя эпоха настоящій Радклифскій романъ: смерти, гроба, заточенія, крѣпости, страшныя судилища.

Я сейчас кончилъ ея романъ: „L'Italien“, который прочелъ съ удовольствіемъ. У меня здѣсь вовсе нѣтъ книгъ, а писать — такъ не пишется, а шататься — такъ не шатается, и выходитъ, что тошно. Но по крайней мѣрѣ вижу, что я здѣсь не лишній и живу не даромъ [хотя въ денежномъ отношеніи и почти даромъ], и потому не жалуясь, а часто имѣю и минуты удовольствія. К[нязь] Василій писалъ мнѣ въ прежнемъ письмѣ, что в[нягиня] Наталья Голицына-Апраксина повезла мнѣ книги. Справься, довезла ли? и пришли, если что будетъ. Въ особенности любопытенъ я имѣть новое сочиненіе M-me Belloc. Пришли мнѣ ея два тома о лордѣ Байронѣ, которые были въ моей московской библіотекѣ. — Дай Богъ успѣть вамъ для Четверт[инскаго]. Только помните мое слово: хорошо ли выдаться за однимъ зайцемъ по многимъ дорогамъ. Кажется, пока Варшавская дорога была бы достаточна, тѣмъ болѣе, что въ Петерб[ургѣ] уже приготовлены къ этому дѣлу. Но пуще всего, не забывайте, что заяцъ лежитъ еще въ своей Колымажной дырѣ. — Какъ же хочешь ты писать благодарное письмо къ Гагариной въ Парижъ, когда в[нязь] Василій говоритъ: *entre nous soit dit, car le plus grand secret m'est recommandé?*

Простите, мои милые. Поздравляю тебя, милый Павлуша, съ именинами нашими. Жаль мнѣ сердечно, что мы съ тобою въ этотъ день не распалуемся и не разопьемъ вмѣстѣ бутылки шампанскаго, отъ которой ни ты, ни сестры твои не отказываетесь. Вмѣсто того остаюсь я при одной соленой водѣ морской, а, можетъ быть, и при нѣсколькихъ соленыхъ слезъ, которыя выкатятся изъ глазъ вамъ въ память! Будьте здоровы и умны, мои дѣти! Обнимаю и благословляю васъ отъ всего сердца, полного къ вамъ нѣжнѣйшей любви. Распалуйте за меня нѣжно маменьку. Дай Богъ увидѣться намъ всѣмъ въ радости! Получили ли вы мой Петерб[ургскій] гостинецъ и мои портреты изъ Новагорода?

Въ переплетенномъ томѣ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ жемъ за 1824—1831 г. къ этому письму приложено слѣдующее письмо князя П. А. Вяземскаго [къ Д. П. Сьверину].

Ревель. Іюня 26-го 1826 г.

Благодарю тебя, любезный другъ, за хлопоты твои по моему дому. Спорить нечего. Кабинетъ нашъ давно отличается ду-

хомъ миротворнымъ, и я не хочу втянуть тебя въ непріязненныя сношенія съ иностранною державою. Уважаю твой дипломатическій характеръ, соглашаюсь на возраженія принца Гогенлоэ и остаюсь при пяти тысячахъ, назначенныхъ прежде, хотя графиня Кутайсова, посредница наша въ этомъ дѣлѣ, и вовлекла насъ въ издержки взыскательностію требованій, которыя не были у насъ въ виду, когда мы сдѣлали словесное, предварительное условіе. Такимъ образомъ виноватаго не отыщешь. Только гдѣ здѣсь мнѣ въ чухонскомъ краю писать христіанское условіе? Нѣтъ, доверши свое благое начало и отнесись со всѣми бумагами, которыя при семъ возвращаю, къ женѣ моей въ Москву. Она подпишетъ условіе, и тамъ оно скорѣе напишется: въ десятый день будешь ты имѣть его возвратно отъ нея. Она имѣетъ же и довѣренность отъ меня. Пошли ей и это письмо, чтобы она моимъ примѣромъ смиренія укротила и свое высокомѣріе. Я одного только не понимаю въ возраженіи принца: въ письмѣ своемъ касательно оцѣнки дома говоритъ онъ, *qu'il s'en remet entièrement à la loyauté du propriétaire*, et cependant il ne souscrit pas à la condition qui lui est proposée. Les termes de l'article 7 du projet de contrat sont beaucoup trop vagues et ne pourraient pas même être admis dans un acte qui devrait être légalisé devant les tribunaux: „Si la maison venait à brûler par une négligence prouvée de mes gens ou la mienne, je m'engage à rembourser le propriétaire de la perte, que je lui ai causée“. Quelle est l'autorité qui pourrait évaluer cette perte? Le sens du projet de contrat écrit en Russe est tout aussi sujet à controverse sous ce rapport. Il faut nécessairement fixer la somme du dédommagement, si il y a lieu à dédommager. C'est ainsi que cela se pratique dans toute les stipulations de ce genre. D'ailleurs l'état seul de la maison prouve clairement, qu'elle doit valoir cinquante mille roubles: elle nous coute bien plus, mais c'est le prix que j'ai fixé pour la vente de la maison, et il est tout juste, que j'en demande autant, si on me la brûle. Pour plus de sûreté le Prince Hohenloe devrait charger quelqu'un de voir la maison et d'estimer sa valeur. Cela ne prendrait pas beaucoup de temps. Au reste, dans tout cela il ne s'agira, j'espère, que de déboursier des paroles, car il y a cinq

cent milles chances à parier contre une, que la maison ne sera pas brûlée ni par la négligence du Prince, ni par celle de ses gens. En fait est seulement de garantir le propriétaire en cas imprévu d'un cas prévu. Постарайся втолковать ему это дѣло. Въ Петербургѣ такое условіе рѣдко упоминается потому, что въ домахъ живутъ многіе жильцы, но въ Москвѣ и въ особенности въ моемъ домѣ, гдѣ принцъ будетъ одинъ, тамъ необходимо нужно хозяину совершенно себя обезпечить на всякій случай. Впрочемъ, теперь передаю тебя съ рукъ на руки женѣ: почта между вами отходить ежедневно, и разговоры и переговоры пойдутъ у васъ скорѣе. Я съ своей стороны на все согласенъ, et je m'en lave les mains, тѣмъ охотнѣе, что море у насъ подъ рукою. Мнѣ только согѣстно, что тебѣ будетъ скучно быть нашимъ сводчикомъ.

Мы живемъ здѣсь на прекрасной дачѣ на возвышенномъ берегу моря. Мѣсто самое живописное, и въ окрестностяхъ много прелестныхъ прогулокъ. Наши, слава Богу, всѣ здоровы, и я сердечно радъ за нихъ, что они здѣсь. Картины природы не люди, онѣ развлекаютъ безъ тяжкаго разсѣянія. Екат[ерина] Андр[еевна] и дѣти очень довольны здѣшнимъ пребываніемъ: грустятъ, но не скучаютъ. Тебѣ и любезнѣйшей женѣ твоей онѣ нѣжно кланяются и просятъ тебя присылать къ нимъ „Le Journal de St.-Péters[burg].“

Ты и мнѣ книгъ обѣщала, да не шлешь. Сдѣлай милость, дай, если можно, Ségur 2-й томъ, M-me Genlis 7 й и 8-й, и что другое, если есть изъ любопытнаго. Я тебѣ отсылать будутъ все съ точностію и скоростію. А конверты и бумаги?

Прости, любезный другъ. Я о себѣ еще ничего не знаю, долго ли остаюсь здѣсь или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, кажется, проживу здѣсь весь іюль. Увидимся ли въ Москвѣ? Богъ вѣсть! Мое нѣжное почтеніе моей прошлогодней милой хозяйкѣ. Вы, вѣроятно, прежде меня увидите другого постояльца своего Павлушу; подалуйте его за меня.

Притиска кляими В. Ѡ. Вяземской.

Je vous demande pardon pour la phrase soulignée; elle n'était pas écrite pour être lue par vous, bien que vrai elle aurait pu être soumise à votre lecture d'une manière plus élégante, si mon mari avait jamais pu se douter, que cette lettre vous parviendrait.

25.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

Ревель. 29-го [іюня 1826 г.].

Спасибо за вчерашнія два письма отъ 21-го и 22-го и за письма дѣтей. Сердечно радуюсь, что вы здорово возвратились въ Остафьево и нашли Наденьку здоровою. Это хорошій для меня подарокъ въ именины. Но какъ досадно слышать, что у васъ градъ, дожди, холодъ, и какъ досадно, что Наденька не со мною. Здѣсь каждый день принесъ бы ей сто процентовъ здоровія: въ песокъ хоть по шею, въ море хоть до пятки, погода такая, что небо не нахмурилось ни на минуту съ той поры, какъ мы переѣхали. Всѣ стихіи: земля, вода, воздухъ, огонь, т.-е. солнце, были бы для нея аптекою неисчерпаемою и несомнительною. Жаль, жаль, а дѣлать нечего. Кучеръ Прохоръ говаривалъ: съ Богомъ вѣдь не драться! Сегодня Онъ, видно, не хотѣлъ моихъ молитвъ за васъ и за себя. Всталъ я рано, нарочно не ѣздилъ купаться, чтобы поспѣть къ обѣднѣ, и поспѣлъ въ тому времени, какъ всѣ изъ церкви выходили. Обѣдню служили ранѣе обыкновеннаго, и противный вѣтеръ не далъ намъ слышать благовѣста. По крайней мѣрѣ всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ былъ я съ вами въ Остафьевской церкви и поклонился свѣжей могилѣ нашего маленькаго не здѣшняго именинника. Гдѣ онъ, голубчикъ, празднуетъ сегодняшній день? Но чтобы не вдаваться въ уныніе въ этотъ день, перейдемъ лучше къ живому имениннику, который, надѣюсь, и здоровъ, и веселъ, и получилъ отъ тебя, сестеръ и многочисленныхъ друзей обоюго пола и всѣхъ возрастовъ многіе подарки, игрушки и проч. Не отстану и я отъ васъ. Вчера шатался я цѣлое утро на армонкѣ и нашелъ только одну книжку съ картинами, годную для пересылки. Она отправляется на его имя въ особенномъ пакетѣ, и прошу заставить его расписаться въ полученіи и доставить мнѣ росписку.—Ты, надѣюсь, уже имѣешь отъ Сѣверина всѣ бумаги и мои письма по найму дома: кончайте же скорѣе и оставайся при пяти тысячахъ, изъ коихъ половину получишь тотчасъ по заключеніи контракта.

Притиска Софьи Николаевны Карамзиной.

Je vous félicite et vous embrasse de tout mon coeur; veuillez aussi donner un bon baiser sur les grosses joues de Paul et lui dire, que je lui enverrai bientôt une belle chemise rouge, que j'ai commencé à broder depuis 6 mois et à laquelle je vais me remettre. Bonjour, ma charmante tante.

Sophie K[aramsine].

Притиска Екатерины Андреевны Карамзиной.

Je vous félicite, bonne et chère princesse Véра, avec vos chers именинникъ absent et présent; pour le dernier je l'embrasse bien tendrement et vous me rappellerez à son souvenir; pour le premier, qui est avec nous, vous ne nous en voulez pas de ce, qu'il reste avec nous? aussi j'espère, que, quand il vous reviendra, vous trouverez, qu'il aura prospéré, ce que je n'ai pas trouvé en le revoyant, je l'ai trouvé maigre et abattu: peut-être est-ce les circonstances, qui y ont contribuées. Vous avez eu de mes nouvelles par lui, donc je ne vous dirai rien sur mon état actuel; après tant de pertes cruelles, que j'ai faites, celle-là est la plus cruelle, car elle ne me laisse pas un consolateur; tant qu'il était avec moi, c'est dans son sein, que j'allais retrouver des forces et de la tranquillité. Il ne me reste, que Dieu seul, et je m'adresserai à Lui avec confiance tant pour me guider dans mes devoirs, que pour obtenir aussi la bénédiction du meilleur et du plus tendre des maris. Adieu, ma chère amie! Que le Ciel vous accorde tous ses bienfaits et ses bénédictions. Remerciez mes chères et charmantes nièces de leur souvenir.

Продолженіе письма князя П. А. Вяземскаго.

Записка Кавериной отвела мою душу. Какъ проводите вы нынѣшній день? Кто у васъ? Четвертинскіе? Да, вотъ уже третій разъ, что проводимъ этотъ день розно. Жаль, а дѣлать нечего. Прохоръ правъ. По крайней мѣрѣ молодой баринъ угощалъ ли крестьянъ и самъ напился ли пьянъ? На ярмонкѣ здѣсь ничего для тебя нѣтъ: все Петерб[ургскій] товаръ и слѣдовательно дороже и хуже, потому что лучшаго сюда не повезутъ. Портъ, хотя и открытъ, но никто въ него не входитъ. Корабли во время закрытія его взяли другое направленіе, а къ прежнему возвращаться не для чего. Къ тому же здѣсь торговля и въ старину держалась одною контрабандою, за которою теперь очень строго смотрятъ. Живаго товара Петерб[ургскаго] навезено довольно, но и тотъ не для

меня. Полянскіе, Бетанкуры, в[нягиня] Еват[ерина] Фед[оровна] Долгорукая, Уварова-Разумовская, Сухованеть-Бѣлосельская, Васильчикова-Архарова, Александръ Апраксинъ, твой двоюродный братъ, который, говорятъ, съ семействомъ здѣсь и поселяется, Салова и проч. и проч.—Гамилтонъ все тотъ же и все помнить, какъ ты его щипала, и все жалѣеть, что ты болѣе его не щиплешь. Завтра у него обѣдаю. Всѣхъ здѣшнихъ знакомыхъ нашелъ я по старому ласковыхъ, а особливо же губернатора и жену и пріятельницу свою Кноррингъ. Все по старому, но я не по старому, т.-е. слишкомъ устарѣлъ, такъ что нигуда не гожусь.—Зачѣмъ хочешь ты писать къ Габбе въ Пензу, когда онъ въ городѣ Богуславль Кіевской губерніи? Туда и пошли ему отвѣтъ Строева, если будетъ.

Благодарю васъ, ваши сіятельства, или пока, мои маленькія сіятельства, за ваши милыя письма. Благодарю васъ и еще болѣе за то, что вы здоровы. Жаль мнѣ, что я не съ вами, а еще болѣе, что вы не со мною. Здѣсь было бы вамъ и весело и здорово, а мнѣ при васъ и веселѣе и здоровѣе. Поздравляю васъ съ вашими именинниками. Каждая изъ васъ поцалуй за меня Павлушу, одна въ правую щеку и выдери его за лѣвое ухо, а другая въ лѣвую щеку и выдери за правое ухо. Ласки ласками, а совѣты совѣтами. Вы мало стараетесь писать хорошо. Машенькины буквы очень не тверды и не правильны, а Пашенька, кажется, хочетъ, подражать моей рукописи. Благодарю за это доказательство нѣжной ея дочерней привязанности ко мнѣ, но совѣтую ей по крайней мѣрѣ въ письмѣ отставать отъ моего примѣра. Сдѣлайте одолженіе, учитесь прилежно. Ваши братцы Карамзины вашихъ лѣтъ, но гораздо болѣе вашего успѣли въ ученіи, такъ что и сравнивать мнѣ грустно. Время еще не ушло, вы еще успѣете воротить потерянное, если только захотите, но главное дѣло: хотѣть. Когда вамъ хочется играть, то, вѣрно, хорошо играется, а когда играете нехотя, то игры идутъ неловко. Такъ и въ урокахъ и во всемъ. Не погнѣвайтесь на меня за мое наставленіе и дайте себя расцаловать нѣжно и нѣжно.—А ты, Надька, что дѣлаешь? Ты все съ утятami? Да въ пескѣ ли¹⁾. Прости, моя милая, обнимаю нѣжно и тебя.

¹⁾ Нѣсколько строкъ вырѣзано.

Въ субботу здѣсь франц[узскій] спектакль. Вѣчный Бордо играетъ въ вѣчныхъ „Projets de mariage“ съ Alphonse, женою его второю, не Варшавскою знакомкою, съ которой онъ отженился, но La Dépis Toussaint, Dufour; играютъ они въ пользу нѣмецкихъ актеровъ. Увидимъ, что будетъ. Былъ я также два раза и à la réunion. Это,—чтобы успокоить тебя и убѣдить, что я не все сижу въ меланхолии. Но вездѣ не по себѣ.

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

C'est du fond de mon coeur, que je vous embrasse, bonne et chère tante, en adressant au Ciel les plus ferventes prières pour la conservation, la santé et le bien-être des deux именинникъ bien aimés et de tous les autres membres non moins aimés de la famille. Chargez-vous, chère tante, d'appliquer le baiser le plus tendre, le plus gros possible sur les charmautes joues de Paul, en lui remettant la chemise ci-jointe, que je le prie de porter en souvenir d'une cousine, qui le chérit et *l'admire* sincèrement.—Si elle est un peu courte, un peu étroite et un peu chiffonnée, c'est que malheureusement j'ai passé à la broder plus de temps, que je ne l'avais cru en la commençant. Adieu, chère et bonne tante, veuillez aussi donner de ma part de tendres baisers à vos aimables petites demoiselles et croyez à mon sincère et inaltérable attachement.

Catherine Karamzin.

Продолженіе письма князя П. А. Вяземскаго.

Въ счетѣ моихъ писемъ безпорядка быть не можетъ. Изъ Петерб[урга] со дня приѣзда писалъ я тебѣ каждый день, кромѣ воскресенія, за исключеніемъ одного или двухъ дней, но зато писалъ extra съ Кривц[овымъ] и Мух[ановымъ]. Откуда пишу и писать буду неотмѣнно каждый вторникъ и субботу. Сочти, весь ли итогъ писемъ на лицо?

26.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

3-е [іюля 1826 г.]. Ревель.

Спасибо за 23-е, 24-е и 26-е іюня. Спасибо и за храбрость, съ которою переносишь ты горшки. Дай Богъ въ пользу! Но этого не довольно! Тебѣ нужно пить бы какія-нибудь крѣпительныя и очистительныя воды и купаться. Таеъ, помню, совѣтывалъ Скюдери.

Дѣлаешь ли? Что бѣдный Павлуша? Вырвали ли зубъ и какъ вырвали? Ты меня оставила съ этимъ зубомъ en suspens. Впрочемъ, надѣюсь на искусство Жоли, на снисходительность зуба и на мужество Павлуши. Все сошло съ рукъ прекрасно. Не такъ ли? Я радъ, что Бартеневъ доставилъ тебѣ веселый денекъ, и слышу твой хохоть. Я и самъ смѣялся твоему смѣху и рассказамъ. Только, надѣюсь, ты не рѣшительно отдала полномочіе Горняковскому. Мнѣ всегда хотѣлось, чтобы прежде мы раздѣлились съ нимъ лѣсами. Его и хвалить, но все мало имѣю вѣры въ этихъ помѣщиковъ деревенскихъ. И лучше изъ нихъ родъ жидовъ: корысть и собственная прибыль выше всего. Да развѣ Костромская деревня ничего не платить? Хорошъ и твой князь! А что говорить архитектору? Видѣлась ли ты съ княземъ съ тѣхъ поръ? Деньги принца дойдутъ до тебя скоро, за исключеніемъ около пятисотъ рублей, которые я цапнулъ на дорогѣ.—Ты спрашиваешь, какъ провели мы Петровъ день? Да такъ же, какъ и прочіе дни, за исключеніемъ, что послѣ обѣда ѣздили верстъ за шесть въ Вимсъ, дачу Буксгевдена, о которой писалъ тебѣ прошлаго года. Жара несносная и утромъ и вечеромъ. Засуха страшная! Дождь никакъ не можетъ рѣшиться вымочить насъ порядочно. Капнетъ нѣсколько разъ, да и полно. Все выжжено, все высушено, нѣтъ ни травы, ни ягодъ, ни плодовъ; недостаетъ одной саранчи, и мы имѣли бы понятіе о твоемъ житьѣ въ Одессѣ. За недостаткомъ саранчи есть нашествіе мухъ на носъ, на губы. Никакъ не отдѣлаешься отъ нихъ. Особенно же много ихъ у насъ по сосѣдству съ сахарнымъ заводомъ. Въ садахъ завелись и черви, которые поѣли листья; у насъ было ихъ не такъ много, а въ другихъ мѣстахъ деревья голы, какъ въ ноябрѣ или въ апрѣлѣ. Это тѣмъ болѣе жаль, что прозябеніе здѣсь прекрасное. Множество каштановыхъ деревьевъ, какъ и другихъ; и все это рослое, широкое ¹⁾. Странное дѣло, вода въ морѣ при этихъ безпрерывныхъ и сильныхъ жарахъ была очень холодная; нѣсколько дней доходило до 4-хъ градусовъ тепла, а бываетъ часто и 20-ть. Катенька начала купаться. Думаю, она одна и будетъ и мальчики; Софіи запрещено, а Катерина Анд[реевна], вѣроятно, не рѣшится.

¹⁾ *Въ выноску:* Что паша садка на холмѣ, опустошенная Александромъ?

На дняхъ будетъ у насъ своя купальня, но все около версты отъ дома, потому ¹⁾ что берега здѣсь очень каменисты. На дняхъ обѣдалъ я у М-ше Шталь, сестры Кнорринга, и она и belle sœur ея, здѣшняя Кноррингъ, пили за твое здоровіе. Варшавскіе Кнорринги купили здѣсь помѣстье въ 200 тыс. руб. въ десяти или 12 верстахъ отъ города. Деревня, сказываютъ, хорошо устроена, но не близъ моря, и потому не завидую имъ. Мнѣ кажется, что быть ревельскимъ обывателемъ, а не приморскимъ жителемъ есть добровольное заточеніе, мученіе Тantalово. Сказываютъ, и Апраксинъ, твоя родня, покупаетъ здѣсь деревню и нанимаетъ домъ на три года. Я еще не видался съ нимъ. Они живутъ за другимъ краемъ города, въ самомъ печальномъ мѣстѣ. Докторъ сказывалъ мнѣ, что она очень больна; есть и дѣти нездоровыя отъ скрофуловъ. Сегодня ѣду смотрѣть Бордо. Онъ тоже здѣсь поселился. Что ты замолгла о дѣлѣ Четвер[тинскаго]? Видѣлся ли онъ съ Алексѣемъ Орловымъ? Сердечно радуюсь благополучному разрѣшенію Орловой и также порадоюсь и разрѣшенію Орлова. Неужели не выкинетъ онъ до срока и пронесетъ свое бремя девять мѣсяцевъ? *Pourquoi l'opération césarienne se fait-elle attendre si longtemps?* Это стоитъ горшка розъ на окошкѣ. Прошу при случаѣ сообщить это Орловой, и поцалуй у нея ручку за меня.—Мнѣ очень жаль графа Григорія. Какъ жаль и милой Бобринской! Какъ развозилась смерть: такъ всѣхъ и хватаетъ. Ты, вѣроятно, уже знаешь, что Сергѣю Тургеневу гораздо лучше, но Александръ все къ нему ѣдетъ. — „Телеграфа“ мнѣ можете не присылать. Я получилъ его изъ Петерб[урга] отъ Николая Муханова, моего исправнаго и любезнаго комиссіонера. Зато и пишу къ нему еженедѣльно. Что твои лады или разладъ съ Окуюловой? Простите, мои милые, обнимаю и благословляю васъ отъ всей души. Поздравляю васъ съ моимъ рожденіемъ. 34 года это не шутка, а если шутка, такъ очень плоская. *Qu'en dites-vous, princesse* ?????!!!!??!!??? Отчего письма 23-го и 24-го были въ одномъ пакетѣ, написанномъ Демидомъ.—Надѣюсь, что ты теперь опять исправно получаешь мои, два раза въ недѣлю, отъ вторника и субботы. Нѣжно цалую тебя и дѣтей, ихъ черезъ тебя, а тебя черезъ нихъ. Дошелъ ли пакетъ до Павлуши?

¹⁾ Въ оригиналь передъ этимъ словомъ зачеркнуто слово: будетъ.

27.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[Ревель]. 6-е [іюля 1826 г.].

Вчера получилъ я два письма отъ тебя, 26-го изъ Москвы, 28-го изъ Остафьева. Только ты путаешься въ числахъ. Уже по прошедшей почтѣ получилъ я одно письмо отъ 26-го. Какъ бы то ни было, а спасибо: лучше два письма въ одинъ день или отъ одного числа, чѣмъ день вовсе безъ письма. Что же мнѣ дѣлать, если въ будущемъ умѣю загадывать одно горе? Но между тѣмъ вѣсти твои о Наденькѣ меня радуютъ. Дай Богъ впередъ! А все не могу не сѣтовать о томъ, что она не здѣсь. Конечно, обстоятельства того требовали, т.-е. гроши, а грошей-то и нѣтъ. Твой князь и твои комиссіи сдѣлали тебя безъ денегъ, а Наденьку безъ купанія. Деньги найдутся, было бы здоровіе. Что Павлуша безъ зуба и съ фейерверкомъ? Утѣшился ли онъ? Какъ провели вы Петровъ день или, лучше сказать, Павловъ день? Смѣшно уже мнѣ въ честь мою почитать этотъ день праздникомъ. Дай Богъ Павлушѣ имъ долго еще радоваться. Ему еще двухъ жизней можно пожелать: жизни просто животной и жизни раскрашенной, жизни будничней и жизни праздничной. Мы уже при будняхъ остались. Будни-то еще и такъ и сякъ, но только не дай Богъ черныхъ дней.—Я еще не имѣю отъ Сѣверина отвѣта на мой отвѣтъ ему; впрочемъ, можетъ быть, и имѣть не буду, потому что я сдалъ его тебѣ. Надѣюсь, что дѣло уже кончается между вами. Время подходитъ къ сроку. Губернскіе предводители получили уже приказаніе быть въ Москву къ 1-му августа. И отсюда уже къ вамъ собираются Ев[атерина] Оед[оровна] Долгорукая, часть семейства Бетанкура и, кажется, Сухозанетша, которая сказывала мнѣ, что пробудеть здѣсь только недѣли двѣ. Видно, она большую вѣру имѣетъ въ дѣйствительность здѣшнихъ купаній, потому что въ такое короткое время надѣется сбить съ рукъ (или съ ногъ, которыя, сказываютъ, болятъ у нея) болѣзнь и набраться здоровія. Вчера была здѣсь первая гроза и первый дождь порядочный. По

крайней мѣрѣ опрыскалъ лице земли и поосвѣжилъ зелень. Пора! Изъ Петерб[урга] пишутъ, что тамъ весь городъ въ дыму отъ лѣсовъ, горящихъ въ окрестностяхъ. И здѣсь горѣли лѣса и луга. Что дѣлается у васъ? Спроси, каковъ сѣнокосъ и урожай въ Остафьевѣ? Вели также написать о томъ и въ Красное: можно будетъ по этому составить примѣрный бюджетъ доходовъ будущихъ. Что Тверское дѣло пошло ли въ ходъ? А дѣла братьевъ твоихъ? Не давай ничему застывать. Я вчера получилъ плащъ и три простыни. Ты пишешь мнѣ о музыкантшѣ. Дѣло, кажется, несбыточное. Для уроковъ здѣсь имѣлъ бы я въ виду молодую дѣвушку, но она живетъ съ семействомъ своимъ, и не думаю, чтобы отпустили ее такъ скоро. Впрочемъ, поговорю.—Чѣмъ писать на имя Булгакова, пиши просто на мое въ Канцелярію Его П-ва Константина Яковлевича Булгакова. Ошибкою онъ можетъ распечатать письмо и вслѣдствіе того *par fausse honte* изорвать его. А всѣ письма ко мнѣ и безъ того изъ его Канцеляріи пересылаютъ въ здѣшнюю. Боже мой, что здѣсь за бумага и какъ чинятъ перья! Каторга писать, да и полно! Я видѣлся съ Апраксинымъ, который сѣдъ и худъ. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ на зиму; не знаю, точно ли по нездоровію жены или по экономическимъ расчетамъ. Что вздумалось Шепелеву войти въ службу? А служба Четверт[инскаго] подвигается ли? Мнѣ пишетъ Мухановъ, что Димитрій Давыдовъ въ Петербургѣ. Зачѣмъ? По сахару ли и другому дѣлу? Что знаешь о Денисѣ? А Левушка женится ли или выигрываетъ въ карты?—Сдѣлай доброе дѣло, найди въ одной изъ книжекъ моихъ стихотвореній, въ которой посланія, піесу объ Остафьевѣ, писанную моею рукою: спиши ее и пришли! Только между есть и бѣлые листы, сыщи все. Пора бы Машѣ уже быть моимъ переписчикомъ, и если она послѣ уроковъ *m-me d'Arte* все шла бы впередъ, то оно и быть могло. Хороша ли рука у Толмачева? Если хороша, то, хотя и не по англійскому образцу, заставь ихъ писать съ нимъ.

Простите. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые друзья, отъ всего сердца.—Ты, я думаю, ужасное дѣло что высыпаешь въ сутки безъ меня! Того и смотри, что ложишься прежде дѣтей и встаешь послѣ нихъ; книги въ руки не берешь, такъ что по

пріѣздѣ моемъ найду у тебя глаза и умъ заспанные и нѣсколько пудовъ жира прибылыхъ. Признайся, что такъ! Кланяйся Четвертинскимъ, подалуй княгиню. Что твоя ссора съ Окуловой? Ужь ты и съ Орловой не поссорилась ли? Я съ удовольствіемъ видѣлъ тогда французскій спектакль. „Défiance et malice“ напоминали мнѣ Остафьевскіе спектакли, тебя, бѣднаго Алексѣя Пушкина и всю старину. Чета Альфонсовъ, а особливо же жена, играли очень хорошо и Dufour въ роли лакея des „Projets de mariage“. Актеръ превосходный!

28.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

Ревель. 10-го [іюля 1826 г.].

Прости меня великодушно за грусть, которую нанесло тебѣ мое письмо отъ 22-го іюня и на которое отвѣчала ты мнѣ 2-го іюля. Мнѣ, право, сердечно жаль, что я растревожилъ тебя, но и ты, кажется, перетолковываешь мои слова въ слишкомъ худую сторону. Я не помню выраженій моего письма, но знаю, что съ самаго начала призналъ я справедливость причинъ, по коимъ ты должна была отказаться отъ пріѣзда къ намъ, и, сколько помнится, сказалъ, что только въ минуты досады, глядя на песокъ, море и солнце, я думалъ, какъ они были бы полезны Наденькѣ и другимъ дѣтямъ; мнѣ мало было сердиться на одну судьбу, но хотѣлъ я еще припутать и тебя, чтобы посердиться поболѣе. Какъ бы то ни было, виноваты! Впередъ не буду! Поцалуемся и только! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Хорошо, если и судьба покорится этой пословицѣ въ отношеніи къ намъ и оставитъ насъ въ покоѣ. Чувствую, что тебѣ не должно быть весело. Что же дѣлать? Право, и мнѣ не весело! Если вы были бы здѣсь, то дѣло другое. Лѣто въ Ревелѣ очень пріятно, и увѣренъ, что и очень полезно. Но для этого нужно имѣть умъ и сердце въ покоѣ и чтобы они жили спуста рукава. Я получилъ также и письма отъ 29-го и 3-го. Дай Богъ тебѣ устроиться скорѣе деньгами и дѣлами. Развѣ изъ Костромы ничего нѣтъ? А Жуковъ что же не платитъ? Его нужно понукать. Къ тому же теперь и работа на него должна уже была начаться. И тутъ деньги. Я уже

говорилъ о піанистѣ, но мало надежды имѣть желаемое. Ты хорошо дѣлаешь, что берешь Зоммера, только чтобы онъ всего не переѣлъ у васъ. А къ Олениной не ѣздитъ ли кто-нибудь, и въ такомъ случаѣ нельзя ли съ нимъ или съ нею уговориться? Вы хорошо дѣлаете, что читаете по вечерамъ, но только боюсь, чтобы курсъ Кондильяка не надоѣлъ и тебѣ и Машенькѣ. Вы взяли бы въ библіотекѣ „Les annales de la vertu“, par m-me Genlis; помню, что это чтеніе мнѣ нравилось. Дивуется ли Толмачевъ дѣтямъ по-русски? Это лучший способъ выучиться правописанію; полной грамматикѣ русской учиться теперь не для чего, но первоначальныя правила и особенно русскому языку свойственныя нужно имъ знать и теперь. Довольна ли ты нѣмкою и говорить-ли она съ дѣтьми по-нѣмецки? Что слышно объ Еленѣ Ивановнѣ?—То-то здѣсь поохотилась бы ты за блохами. Ужъ ты знаешь, какой я плохой охотникъ, да и тутъ раза два или три въ день подыму рубашку на голову и осматриваю поле. Хорошо еще, что у тебя наглядѣлся, какъ это дѣлаютъ. Здѣсь стада блохъ разной породы, величины. Тебѣ было бы раздолье! Нигдѣ отъ нихъ не укроешься: въ комнатахъ,—онѣ тутъ; на дворѣ,—онѣ прыгаютъ изъ песка; пойдешь купаться, а возвратишься съ ними. Такимъ образомъ есть и домашнія, и полевыя, и морскія. Ты вѣрно умѣла различать бы ихъ. Спасибо за острия слова Павлуши. По твоимъ словамъ, мѣшокъ его, кажется, не такъ повѣшенъ: должно на перевязи, en bandoulière, и дать ему форму курьерской сумы. Получилъ ли онъ свой пакетъ съ книгою и рубашкою? Жихаревъ долженъ уже быть въ Москвѣ. Онъ расскажетъ тебѣ о горестномъ положеніи бѣднаго Александра Тургенева. Не знаю, что прибавило ему печали, но видимъ изъ писемъ его, что онъ совершенно пораженъ. Меня здѣсь увѣрали, что Михайло Орловъ выпущенъ, но не вида изъ твоихъ писемъ, что онъ въ Москвѣ, сомнѣваюсь въ истинѣ этого слуха. На дняхъ грянетъ громъ: душно мыслить и чувствовать.—Вчера была у насъ Архарова, пріѣхавшая изъ Петерб[урга] къ дочери. 12-го полдничаю у нихъ. Мы съ Архаровою не совершенно одногодки, но по крайней мѣрѣ одноденки. И она родилась 12-го іюля. Поздравляю васъ—съ кѣмъ? съ нею или со мною? Если дотянусь до будущаго года, то надѣюсь, что 35-й мой годъ встрѣтимъ вмѣстѣ, но гдѣ?

Зачѣмъ загадывать? Гдѣ ни было бы, да только вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ; и то будетъ хорошо, разумѣется, что и всѣ здоровы. Кто тебѣ навралъ о моей Петерб[ургской] болѣзни? Я все время былъ здоровъ, за исключеніемъ горла, которое немного болѣло, да и то ни одного дня не просидѣлъ я въ комнатѣ. Вотъ новое лѣкарство, которымъ меня пользовали. На столовую ложку горчицы, еще не сдѣланной, а въ порошокъ, налить стаканъ кипятка; горчица отстоится, внизу сдѣлается каша, а сверху желтая вода, прозрачная, которою и полоскать себѣ горло. Нѣтъ нужды, что будетъ щипать и ѣсть, то и хорошо. А то еще шалфей съ краснымъ медокомъ. Теперь ты можешь смѣло занемочь горломъ: есть, чѣмъ помочь. Мой зубъ и мои зубы и то, что нѣкогда были зубами, ни на минуту не беспокоили меня. Все это относится болѣе къ Пашенькѣ *qui dans sa lettre me prie de lui écrire par rapport à ma santé*. Vous voyez, mademoiselle, qu'elle est tres bonnel Je désire, que le votre et celle de vos sœurs et de votre frère soient aussi bonnes. Mais moi, je vous prierai de me dire *par rapport au mot févérek*, que je trouve dans votre lettre à propos de mon jour de nom, de quelle langue l'avez-vous tiré? Il est à ma connaissance, que vous possédez quatre langues: la russe, la française, l'allemande et l'anglaise, mais le mot en gratia n'appartient à aucune d'elles, et je suppose, que vous devez vous occuper à mon inscu de l'étude d'une cinquième, qui me paraît tout-à-fait bizarre. Mon conseil serait de vous contenter pour le moment des quatre langues mentionnées çï devant et de ne pas faire de nouvelles découvertes. „Je désire, que vous passiez votre jour de nom tres agréablement et de vous bien porter“ n'est pas français: le pourquoi,—vous sera plus facile à trouver qu'à moi, car vous vous devez mieux savoir la grammaire.—Pour faire la leçon à tout le monde, j'aurai l'honneur de vous observer, mademoiselle Marie, qu'une virgule ne remplace pas un point. Il paraît, que vous vous êtes partagés les roles avec Pauline: elle m'imité dans l'écriture et vous suivez maman dans la ponctuation. Vous me dites: „M-r Barteneff est venu chez nous, il a trouvé notre maison et le jardin charmant, nous vous attendons avec impatience“.—Cette attente est tout-à-fait inattendue dans la phrase où elle se trouve. Et je méritais bien une phrase nouvelle.

Avouez-le! Pourquoi m'avoir mis à la queue de M-r Barteneff? Et ne fallait-il pas une *s* à *charmant*? On pourrait croire, que vous voulez dire simplement, que Barteneff a trouvé notre maison. Comment avez-vous trouvé Paris?—demandait-on à un provincial. Oh! très facilement répondit-il. J'avais avec moi un compagnon, qui y avait déjà été.—Eh bien, mes demoiselles! Avouez-vous, que je fasse bien le maître d'école? Je vous embrasse tendrement, vous désirez bonne santé, bonne humeur, bon appétit, bon sommeil, bonne conduite, bons progrès dans les études. Aurez-vous un *févérek* ou bien une *lumpénation* à mon jour de naissance? Distribuez de mes baisers à Paul et à Наденька et remerciez Mademoiselle Louise pour sa lettre et ses félicitations. Dites lui: *papa thank you very much*.

Сегодня їду, en partie de plaisir, въ Вимсъ съ губернаторшею и еще не знаю съ кѣмъ. Погода опять великолѣпная. Дня два было дождя и вѣтра. Воздухъ опять чистъ, и зелень позеленѣла. Какая разница здѣсь въ растеніяхъ съ нашимъ краемъ! Кромѣ каштановыхъ деревъ, которыхъ здѣсь вездѣ много и прекрасныхъ, но и наши домашнія деревья здѣсь смотрятъ молодцами. Ольха здѣсь прекрасное дерево, и самые полевые цвѣты болѣе и свѣжѣе, чѣмъ у насъ.—Надобно же прислать тебѣ гостинца изъ здѣшней ярмонки, которая сегодня закрывается. Вотъ платье. Думаю, что въ Москвѣ можно было бы заплатить дешевле (здѣсь 25 руб.), но уважьте, ваше сіятельство, атенцію. Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь! *Chansons que tout cela! сважешь ты. Но однако же!*

Прощай, моя милая. Обнимаю васъ и благословляю отъ всей души.—Сейчасъ надѣвалъ я рубашку на голову чтобы поймать блоху и поподчивать тебя дичью своей охоты, но не было удачи! И такъ до другого раза. Будьте здоровы, мои милые.

Что твои садовыя работы? Берегъ пруда и спускъ въ оранжереѣ украшаются ли? А будущіе утѣшители мои, которые должны замѣнить погубленныя Александромъ, болѣе самаго Македонскаго жестокосердымъ, что дѣлаютъ они? *Donnez-moi des nouvelles de votre aurore et dites-moi l'histoire de votre printemps!*

29.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 12-го [—13-го іюля 1826 г.].

Здравствуй, моя милая! Здравствуйте, мои милые! Обнимаю васъ отъ всего сердца и поздравляю съ новорожденнымъ. Полно! есть ли съ чѣмъ васъ поздравить? Впрочемъ, есть и поздравленія ироническія! Какъ бы то ни было, я хотѣлъ начать этотъ день, какъ началъ бы его въ Остафьевѣ, перецаловавъ васъ всѣхъ и каждаго, по любимому выраженію Шишкова. Здоровы ли вы? Что дѣлаете? Какъ проведете этотъ день? Грустно мнѣ, что не вмѣстѣ, очень грустно! По крайней мѣрѣ твое рожденіе надѣюсь встрѣтить у васъ. Дай Богъ увидѣться въ радости! Иду сейчасъ броситься въ море, которое очень почтенно тутъ, гдѣ стоитъ наша купальня, довольно глубоко и волнами плещетъ такъ, что любо. Тамъ возвращусь завтракать, а тамъ въ городъ искать обѣдни; только не знаю, найду ли?

13-го. Вчера получилъ я въ подарокъ твое письмо отъ 5-го. Сердечно радъ, что вы здоровы и что погода хороша. Дай Богъ, чтобы теплое и благодѣтельное лѣто укрѣпило Наденьку. Поздравляю тебя и съ деньгами Жукова. Но отчего же Ив. Ив. получаетъ всѣ деньги за сукна, отдаваемые разнымъ купцамъ? Половину брала бы ты, а другую онъ для погашенія долговъ и уплаты счетовъ. Ты говоришь, что онъ *недоволенъ*. Напротивъ, кажется; я получилъ отъ него письмо, правда, довольно давно, въ которомъ онъ благодарилъ меня и тебя за то, что ты помаленьку расплачиваешься съ нимъ. Да убирайся съ своими приборами и съ поборами, которые ты думаешь взять отъ Гогенлов! Графиня Анета не поможетъ. Дѣло было улажено за 5.000 рублей; вольно же было тебѣ затѣвать разныя излишества въ угоду Кутайсовой. Въ такихъ дѣлахъ должно держаться буквального значенія и ни на волосокъ не отступать отъ сказаннаго; да и переступать не нужно! За лишнее никто лишняго не дастъ, а развѣ скажетъ спасибо; за недостатокъ всякій въ правѣ взыскивать.

Сдѣлай милость, останься въ покоѣ. Положенное въ домъ Гогенлоэ съ собою не унесеть, оно намъ же останется. Мы на чужія деньги подновили домъ, а въ придачу еще останется намъ, положимъ, и 3.000; и то хорошо. До ноября, вѣрно, никто не останется, къ половинѣ сентября и ранѣе все очистится, и такимъ образомъ деньги придутся даромъ, потому что домъ простоялъ бы пустой. Ты ненасытная душа! Неѣловъ сказалъ тебѣ, что взяли мало; вотъ тебѣ и жаль стало, что мы не воспользовались удобнымъ случаемъ поживодствовать или поживодерничать. Въ сравненіи съ другими мы не мало взяли, а напротивъ скорѣе много. Будеть съ тебя!—Соглашаюсь, разумѣется, на твои кочующіе проекты. Какъ тебѣ не посмотрѣть на царей и царедворцевъ? Одно мнѣ въ этомъ не нравится: одиночество Наденьки. Смотрѣнія не долѣе будетъ, какъ дня на три въ первую половину: лучше, кажется, взять ее съ собою. Ко второй половинѣ думаю и самъ пріѣхать, если все будетъ благополучно. Не знаю, гдѣ она, но знаю, что довѣренность в[нязя] Василія дана на имя Толстого. Отыщите ее скорѣе и пустите въ ходъ. Хотя она и потеряна, то она записана же въ маклерской книгѣ: все-таки не потеряла законной силы. Кажется, была она уже представлена въ Опекунскій Совѣтъ. Ив. Ив., Поспѣловъ, приверженецъ в[нязя] Павла Павловича, кто-нибудь да можетъ открыть ее. Ради Бога, не теряйте времени! Надобно успѣть получить деньги изъ Совѣта до предъявленія заемнаго письма изъ Парижа.—Вчера застали мы кончикъ обѣдни. Вечеромъ былъ я у своей ровесницы Архаровой и сильно встревоженъ былъ тамъ грозными вѣстями о томъ, что готовится въ Петербургѣ въ разсужденіе несчастныхъ. Возвратясь домой, нашель я также грустное письмо отъ Турген[ева] къ Карамзинымъ, который снова сильно горюеть о братьяхъ. Хорошъ прелюдъ для вашихъ московскихъ торжествъ и празднествъ! Совершенно во вкусъ древнихъ, которые также начинали свои празднества жертвами и изліаніемъ крови ближняго! Не хочется и не смѣешь вѣрить всѣмъ разсказамъ, а между тѣмъ умъ все-таки не разувѣриваетъ сердца.—Что же дѣлается съ Орловымъ? Тургеневъ долженъ былъ сегодня выѣхать. Я все надѣялся, что онъ зайдетъ къ намъ, но, видно, онъ опять встревоженъ худымъ здоровіемъ Сергѣя и спѣшитъ къ нему. Ка-

кая лютая переменна въ тѣсномъ кругѣ нашемъ. Тургеневы, вѣроятно, надолго, если не навсегда, потерянные для отечества; Карамзинъ во гробѣ; Батюшковъ въ больницѣ сумасшедшихъ; Жуковский при дворѣ! Въ этой послѣдней чертѣ нѣтъ ничего эпитаграмматическаго, а точно тотъ же отзывъ грустнаго чувства разлуки, едва ли не вѣчной, со мною! Какъ Тургеневъ, онъ едва ли не потерянь для меня; по нашимъ *положеніямъ* въ обществѣ и образу мыслей, онъ въ иномъ отдѣляется отъ меня чертою, которая отдѣляетъ отъ Батюшкова, и такимъ образомъ, хотя живой и здоровый, хотя не изгнанникъ, онъ почти для меня не существуетъ, какъ Карамзинъ.

Насѣкомыя рѣшительно принимаютъ меня за тебя. Кромѣ блохъ и мухи или пчелы обходятся со мною, какъ съ тобою, и третьяго дня проснулся я съ губою раздутою, такъ что долженъ былъ отказаться отъ обѣда у Будберга. Туманъ, или паръ, или дымъ покрываетъ насъ облачнымъ навѣсомъ, вѣроятно, отъ горящихъ лѣсовъ по разнымъ сторонамъ. Въ Петерб[ургѣ] съ трудомъ открываютъ окошки отъ дыма, на шведскихъ берегахъ также лѣсные пожары, а ты считаешь, что выжжетъ у насъ дровъ принцъ Гогенлоэ!—Попроси Толмачева на досугѣ перебрать библіотеку и повѣрить каталогъ французскій, а русскій составить. Хорошо будетъ и провѣрить книги на галлерей. Приставь къ нему кого-нибудь для переставки и чистки книгъ. Занимаясь по одному часу въ сутки, онъ непримѣтно приведетъ библіотеку въ порядокъ. О разрозненныхъ книгахъ составить особенный списокъ.

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю васъ отъ всего сердца. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рескрипта отъ Павла Петровича, котораго прошу не лѣниться. Будьте здоровы и молитесь, чтобы мы всѣ соединились въ добрый часъ. При случаѣ дай знать Дмитріеву, что я вчера получилъ его письмо отъ 5-го и скоро буду писать ему.

Зачѣмъ покупать приборы? Какіе у насъ есть, такіе и дайте на шесть человѣкъ, вотъ и только!

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[Ревель]. 17-го [іюля 1826 г.].

Вчера получилъ я твои письма отъ 7-го и 9-го и пакетъ съ старыми моими письмами и „Телеграфомъ“. Но вмѣстѣ же съ этимъ получилъ я изъ Петерб[урга] и печатныя письма, которыя кровью облили мое сердце. Болѣе [чѣмъ] когда-нибудь ¹⁾ жалѣю о разстройствѣ дѣлъ своихъ и несу наказаніе за грѣхи свои, ибо при малѣйшей возможности тотчасъ вырвался бы я изъ Россіи надолго, до того времени, что я или иначе сталъ бы думать или обязанности къ Павлушѣ понудили бы мое возвращеніе. Для меня Россія теперь опоганена, окровавлена: мнѣ въ ней душно, нестерпимо. Можетъ быть, они и правы, а я виноватъ въ своемъ образѣ мыслей, но я не могу, не хочу жить спокойно на лобномъ мѣстѣ, на сценѣ казни! Сколько жертвъ и какая желѣзная рука пала на нихъ! Ты знаешь, я не очень довѣрчивъ къ надеждамъ и всегда болѣе склоненъ подозрѣвать въ худомъ, но, признаюсь, я не ожидалъ такой рѣшимости въ мѣрахъ.

Отчего хочется тебѣ, чтобы я родился 10-го, а не 12-го? Тебя радуешь, что ты меня двумя днями старѣешь: развѣ съ тѣмъ, чтобы сравнить съ собою. Но полно! Ни объ чемъ говорить не хочется: въ душѣ одно чувство, въ умѣ одна мысль; оставлю ихъ съ тѣмъ, чтобы это кровавое чувство, эта кровавая мысль запеклись бы про меня одного.—Ты спрашиваешь, когда буду? Право, не знаю теперь. Прежде полагалъ я пріѣхать ранѣе, но мысль возвратиться въ торжествующую Москву, когда кровь несчастныхъ жертвъ еще дымится, когда тысячи глазъ будутъ проливать кровавыя слезы, эта мысль меня пугаетъ и душитъ. Вѣроятно, отложу свой пріѣздъ; дай Богъ, чтобы обстоятельства позволили мнѣ побаловать себя въ этомъ случаѣ и не наказали за то, что излишне поберегъ свою раздражительность. Не сердись, моя милая! впрочемъ, сердце, мысли и нервы мои, можетъ быть, отдадутъ немного со

¹⁾ Въ оригиналь: болѣе когда-нибудь.

временемъ, и я приѣду покойнѣе, но во всякомъ случаѣ въ Остафьево, ибо я почелъ бы за злодѣйство участвовать въ праздникахъ и радоваться общемою радостію, когда есть столько несчастныхъ исключеній. Не понимаю, какъ будете вы имѣть духъ праздновать и плясать.

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Нѣтъ силы говорить: слова замираютъ. Обними Орловыхъ.

Жаль мнѣ граф[ини] Чернышевой, а счастливо для нея, что она не видала горя и бѣдствія своего семейства. Бѣдный Александръ Тургеневъ! Не знаемъ еще навѣрное, выѣхалъ ли онъ или нѣтъ.

31.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 20-го [іюля 1826 г.].

Ты, видно, отстала отъ моихъ шутокъ и уже ихъ не разгадываешь. Въ вчерашнемъ письмѣ отъ 12-го ты у меня такъ сентиментально и со страхомъ пополамъ требуешь отчета въ вопросѣ: „Qu'en dites-vous, princesse?“ и въ дюжинѣ дюжинъ вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, за нимъ слѣдующихъ? Неужели и теперь еще не рѣшила ты недоумѣніе? Le fin mot de la chose est, que vous, princesse, qui avez déjà compté 34 ans, devez savoir un peu ce qu'en vaut l'aune. Sentez-vous la malice ???!!!! ???!!!!!!!.....???!!!!!!!????!!!!!!!.....! ???!!!!!!!.....! ???!!!!?...??!! ???!!!!!!!????!!!!!!!????!!!!!!!.....То-то будетъ почтовая инвизиція ломать себѣ голову надъ этою тарабарскою грамотою, прискивая ключъ въ этому цифру ¹⁾); ибо она никакъ не повѣритъ, что ларчикъ просто открывался. Въ послѣднемъ письмѣ говорю тебѣ о своемъ приѣздѣ. Нынѣ повторяю: думаю выѣхать отсюда между 10-мъ и 15-мъ; въ Петерб[ургѣ] пробуду только нужное время, чтобы устроить свой отъѣздъ въ дилижансѣ или коляскѣ Голицына, т. е. дня три или четыре; итакъ, я долженъ быть у васъ въ концѣ будущаго мѣсяца. Вотъ мои настоящіе планы; на-

¹⁾ Въ оригиналь: цифу.

дѣюсь ихъ привести въ дѣло безъ непріятныхъ помѣхъ. — Какъ кончила ты съ моимъ принцемъ и съ своимъ княземъ? Надѣюсь, что съ первымъ все улажено и что онъ у насъ въ домѣ и доволенъ. На второго менѣ надѣюсь: ему теперь не до тебя, и у него голова кружится не менѣ, какъ у того, который будетъ въ день коронаціи освѣщать вашъ ¹⁾ Иванъ Великій. Дай всей суматохѣ пройти, а до того ни чему не бывать. Имѣю въ виду двухъ мамзелей для піано, но ничего еще вѣрнаго о нихъ не знаю. Завтра услышу одну изъ нихъ; къ тому же здѣсь и Цейнеръ, онъ мнѣ ихъ экзаменуетъ. Сдѣлай милость, займися ивою и спаси ее. Распроси у Салтыковскаго садовника о мѣрахъ сохранительныхъ и употребите всѣ старанія. Также позаботься и о посадкѣ Александра. Залѣчите, сколько можете, раны моего сердца. Здѣсь лѣса горять не на шутку; и не одни лѣса, а и колеса. К[нягиня] Еват[ерина] Оед[оровна] Долгорукая возвратилась сюда съ дороги, потому что у нея загорѣлось колесо. Жаль мнѣ, что не съѣздилъ прежде посмотрѣть на лѣсной пожаръ, когда горѣло недалеко отъ города. Зрѣлище должно быть ужасное и великолѣпное! Огненный океанъ! Сколько грозныхъ явленій одно къ одному! Солнце почти ежедневно закатывается, какъ кровавый шаръ, и часто одна половина выглядываетъ изъ густого пара. Вчера отъ него отражался въ морѣ такого страннаго краснаго цвѣта столбъ! Солнце не солнце, мѣсяць не мѣсяць, а какое-то грозное явленіе, которое достойнымъ заревомъ озаряетъ бѣдствія нашего времени. Какъ герой романа Потоцкаго, который, гдѣ бы ни былъ, что бы ни дѣлалъ, а все просыпался подъ висѣлицами, такъ и я: о чемъ ни думаю, какъ ни развлекаюсь, а все прибываетъ меня невольно и неожиданно къ пяти ужаснымъ висѣлицамъ, которыя для меня изъ всей Россіи сдѣлали страшное лобное мѣсто. Знаешь ли лютыя подробности сей казни? Трое изъ нихъ: Рылѣвъ, Муравьевъ и Каховскій еще заживо упали съ висѣлицы въ ровъ, переломали себѣ кости, и ихъ послѣ этого возвели на вторую смерть. Народъ говорилъ, что, видно, Богъ не хочетъ ихъ казни, что должно оставить ихъ, но барабанъ заглушилъ вопль человѣчества, и новая казнь совер-

¹⁾ Сначала было написано: вашего.

шилась. Желаю вамъ веселиться на вашихъ праздникахъ! Говорятъ, бѣдная в[нягиня] Софія Волконская, т. е. сестра, въ ужасномъ положеніи. А что слышно о женѣ? Будутъ ли жены имѣть позволеніе слѣдовать за мужьями? Дай Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ частные примѣры женскихъ добродѣтелей выкупили эпоху нашу отъ позора и гнусности, коими она запечатлѣна.

Благодарю васъ, мои милыя Машенька и Пашенька, за ваши письма и поздравленія. Сердечно радъ, что вы здоровы и весело проводите время. Дай Богъ, чтобы такъ было и впередъ, а между тѣмъ все прошу объ одномъ: старайтесь объ успѣхахъ своихъ. Изъ вашихъ писемъ, хотя ими я и очень доволенъ, а все вижу, что вѣтренность и неприлежаніе еще васъ не оставили. Въ письмахъ той и другой встрѣчаются ошибки, доказывающія, что вы не думали о томъ, что дѣлали. А вамъ, вѣрно, хотѣлось порадовать меня, и писали вы письма не по принужденію, а по собственной охотѣ. Что же послѣ того должно ожидать тамъ, гдѣ вы должны принудить себя и побѣдить трудность? Видишь, Машенька, я пользуюсь позволеніемъ, которое ты дала мнѣ, журить тебя при случаѣ; и затѣмъ прошу тебя, не говоря ни слова, пойти и дать щелчокъ въ правую ноздрю Павлуши, а Пашенька пускай щелкнетъ его въ лѣвую. Если онъ спроситъ: зачѣмъ?—то скажите: затѣмъ, что онъ ко мнѣ не пишетъ и даже не присылаетъ росписки въ полученіи павета съ почты. Теперь цалую васъ нѣжно и поручаю расцаловать также нѣжно за меня маменьку, Павлушу и Наденьку.

Какъ мнѣ всегда страшно называть одного Павлушу; кажется, все должно бы еще быть тутъ кому-нибудь. Какъ часто, глядя на мальчиковъ Карамзиныхъ, думаю, что и у насъ такое же поколѣніе уже погасло. И человѣкъ все это переживаетъ и почти ко всему привыкаетъ! Сгоряча или сдуру живетъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и воспоминанія того, что было, которыя должны бы обложить все небо жизни его мракомъ и ненастьемъ, только временнымъ облачкомъ заходятъ и малѣйшимъ вѣтромъ сдуваются. Человѣкъ или премудрое созданіе или большое животное. Все вытерпитъ, все вынесетъ, сто разъ обожжется и все на тотъ же огонь лѣзетъ, сто разъ обочтется въ радостяхъ и надеждахъ и

все на тѣхъ же радостяхъ строить замки и отъ тѣхъ же надеждъ высчитываетъ миллионы. Кажется, однакоже, я уже кончилъ всѣ свои счета и въ проценты никакихъ уже надеждъ не отдаю. На листѣ жизни моей уже не остается бѣлыхъ мѣстъ для вписанія новыхъ упованій. Онъ уже весь исписанъ и почти вездѣ перемаранъ. Что ожидаетъ еще то, что сохранилось до нынѣ неприкосновеннымъ? Аминь.

Благословляю и обнимаю васъ, мои милые. Будьте здоровы, и дай Богъ увидѣться намъ въ добрый часъ.

Скажи мнѣ, что узнаешь о коронаціи, т. е. о времени и о пребываніи Петербурга въ Москвѣ, во-первыхъ съ тѣмъ, чтобы мнѣ съ нимъ не съѣхаться, а во-вторыхъ потому, что здѣсь никто ничего не знаетъ и каждый хочетъ знать. Ревельцы не знаютъ, когда снять трауръ и надѣть праздничныя платья, когда плакать и когда радоваться, и боятся, чтобы у нихъ не сбылася сказка du „*Carême impromptu*“ de Gresset, гдѣ на какомъ-то отдѣленномъ островѣ приходскій священникъ за неимѣніемъ календаря сбился въ постахъ и въ мясоѣдахъ и отправлялъ все на выворотъ.

Поздравляю тебя съ миромъ съ Озуловой. Дѣти, дѣти! Мой сердечный поклонъ Четвертинскимъ и Орловой. Отчего же ты не была у нея и сходила она въ тебѣ къ каретѣ? Нѣжно тебя цалую.

Притиска Екатерины Николаевны Карамзиной.

J'ai été charmée d'apprendre, ma chère tante, que ma chemise ait convenu à l'idéal des garçons joufflus. Comme nous avons reconnu son admirable sang-froid à la scène du déjeuner manqué! Charmante pomme de terre! Quant à vos demoiselles, non seulement elles ne méritent pas de reproches sur leur savoir faire, mais vous devez encore vous en enorgueillir à bien juste titre: pour leur âge elles sont merveilleusement savantes; n'en déplaise à mon oncle, elles pourraient bien faire rougir mes petits frères, qui (à l'exception d'André qui a pour tout une facilité extrême) ne sont pas la moitié aussi avancés que leurs cousines.—Embrassez les tendrement de notre part à tous; Paul voudra bien se laisser étouffer sous le poids de nos baisers *idéaux*, et vous, chère et bonne tante, recevez en un bien tendre pour vous.

Catherine K[aramsine].

32.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[Ревель]. 24-го [іюля 1826 г.].

Отчего по вчерашней почтѣ не было письма отъ тебя? Вотъ первая неудача моя въ этомъ родѣ съ прїѣзда въ Ревель, и она навела тоску на меня на весь вечеръ. Я ѣздилъ въ Вимсъ en partie de plaisir и спѣшилъ домой съ отраднымъ нетерпѣніемъ найти вѣстей объ васъ и вмѣсто того нашелъ только коротенькое письмо отъ Дмитріева отъ 15-го; слѣдовательно, пришла же почта; слѣдовательно, Москву не поглотило землетрясеніе; слѣдовательно, можно же было тебѣ писать. Отчего же ты не писала или отчего не дошло до меня писанное тобою? Не могу останавливаться на упрекѣ тебя въ вѣтренности или еще того хуже на безпокойствѣ объ васъ, а всетаки невольно приходитъ на мысль и на сердце и маленькая досада и легкое волненіе. Твое послѣднее письмо отъ 12-го, а сего дня 24-е. Вотъ промежутокъ 12-ти дневный, а я могу имѣть вѣсти отъ тебя каждые семь дней, какъ то и было до вчерашняго числа. Теперь еще ждать до 26-го прїѣзда почты. Все это тошно! Дай Богъ, чтобы понедѣльникъ прогналъ тошноту и навсегда. Напишу къ Муханову, чтобы онъ справился на почтѣ петербургской: не залежалось ли твое письмо? Мнѣ все хочется оправдывать тебя и имѣть въ запасъ успокоительную уловку. — Имѣю въ виду мамзель для фортопіана, рекомендованную мнѣ Клюпфельдами, дочь честныхъ родителей и хорошо воспитанную. Я ее видѣлъ и слышалъ. Она лѣтъ 18-ти, доброй и прїятной наружности, то-есть выраженія въ лицѣ; играетъ хорошо, съ живостью и силою разыгрываетъ трудныя піесы; кажется, недостаетъ вкуса и стила, но гдѣ взять ей въ Ревелѣ, гдѣ не слыхала она мастеровъ? Впрочемъ, Цейнеръ ее слышалъ, одного мнѣнія со мною и совѣтуетъ взять. Она будетъ теперь брать у него уроки. Просить она 800 рублей въ годъ и доставленіе въ Москву, что также составитъ рублей 300, если не найдемъ okazji, чего, кажется, ожидать нельзя. Послѣ двухъ лѣтъ, если мы будемъ довольны, то возвратить ее въ Ревель на нашъ счетъ. По-нѣмецки говорить знаетъ она хорошо и мо-

жетъ учить по правиламъ, но на этотъ счетъ я ничего не говорилъ. По-французски знаетъ, но не имѣетъ навыка говорить и вообще очень робка и стыдлива. По моему мнѣнію, ее взять; но я никакихъ обязательствъ словесныхъ не принялъ на себя и сказалъ, что прежде мѣсяца или около, т. е. отвѣта до тебя (*sic*), рѣшительнаго отвѣта дать не могу. Вотъ на чемъ наши переговоры кончились. Теперь твое дѣло дать имъ продолженіе. Если при себѣ нельзя будетъ мнѣ кончить, то все поручу Клюпфельдамъ. Рѣшись только поскорѣе. Клюпфельдъ женится въ Италиі на англичанкѣ. Мать очень довольна и полагается на благоразуміе сына въ достоинствѣ выбора. Вчера ѣздила я въ Вимсъ съ Клюпфельдами, Пушкиными, которые на дняхъ сюда пріѣхали, съ дѣвцами Кремерами петербургскими, о коихъ ты вѣрно слыхала, по крайней мѣрѣ о матери, красавицѣ и пріятельницѣ покойнаго Государя. Дочери очень милы и прекрасно образованы. Мы тамъ обѣдали налегѣ и вечеромъ возвратились по домамъ; но сильный жаръ и знойный вихрь, настоящій африканскій сировосъ, вредилъ пріятности гулянія. Вимсъ принадлежитъ графу Буксгевдену, сущему остроготу: мы не могли выпросить въ домѣ стакана воды и позволенія пить чай въ саду и согрѣть воды на кухнѣ. Трактиръ, который онъ же держитъ для пріѣзжихъ на краю сада, настоящій, запачканный, оборванный, и отдѣляется отъ истиннаго дверью, которая не запирается. А между тѣмъ мѣстоположеніе точно примѣчательной красоты; господскій домъ хорошъ, и часть сада передъ домомъ убрана и содержится въ порядкѣ. Мы все продолжаемъ тонуть въ атмосферѣ дыма и тумановъ. Кругомъ лѣса горятъ, а дождя все нѣтъ.

Прощай. Ты и того не стоила бы за вчерашнюю шутку, а право, грустно и безпокойно. Пospѣшу добратъя скорѣе до поведѣльнива, который надѣюсь придетъ ко мнѣ не съ пустыми руками. Сохрани Боже, если по вчерашнему! Во вторникъ думаю ѣхать дня на два къ Кнорринговымъ: онъ пріѣзжалъ меня звать.

Обнимаю и благословляю васъ отъ души. Пожалуйста, не дѣлай по вчерашнему.

Мы получили отъ А. Тургенева письмо изъ Дерпта. Слѣдовательно, слухъ о пріѣздѣ Николая оболгался!

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

Ревель. [27-го іюля 1826 г.]

Хороша ты, нечего сказать! То молчишь, то запоешь краснымъ пѣтухомъ, какъ¹⁾ Жаль Краснаго Села, но сѣтованіями не поможешь. Надобно приступить къ исправленію бѣды и вотъ какимъ образомъ:

1-ое.

Послать туда кого-нибудь надежнаго (но кого?), чтобы освидѣтельствовать на мѣстѣ, что сгорѣло, какъ сгорѣло, какъ живутъ теперь крестьяне? Что успѣли спасти они изъ домовъ? Нѣтъ ли людей изувѣченныхъ пожаромъ?

НВ. Послать тогда городского лѣвара изъ Костромы.

Но кого пошлешь? Наши всѣ мямлики! Но во всякомъ случаѣ, кажется, лучше послать Ив. Ив. и велѣть тамъ ему взять въ помощь кого-нибудь изъ вольноотпущенныхъ. Не понимаю, какъ могъ пожаръ такъ распространиться, если не зажгли умышленно въ разныхъ мѣстахъ. Лавки, напримѣръ на площади, отдѣлены отъ строеній; также и вотчинное правленіе, которое къ тому же у самаго пруда. Если окажется подозрѣніе, что были зажигатели, то пускай нарядятъ слѣдствіе отъ земской полиціи, несмотря на новыя издержки и хлопоты, въ которыя это затянетъ. Непремѣнно требую того, и не слушайся тѣхъ, которые тебѣ скажутъ, что лучше, спокойнѣе и дешевле все кончить домашнимъ судомъ. Оно пожалуй спокойнѣе, но безсовѣстнѣе: пускай законъ дѣлаетъ свое дѣло. Разумѣется, если не будетъ подозрѣній на злоумышленіе, то оставитъ безъ слѣдствія.— Не имѣетъ ли Жихаревъ человѣка, котораго послать туда? Не дастъ ли Толстой своего бурмистра? Я лучше желалъ бы на это дѣло не нашего, а посторонняго и свѣжаго. Горняковскій, кажется, годился бы на это, но ты пишешь, что его нѣтъ въ Костромѣ. Впрочемъ, вѣроятно, и у него сгорѣло, и онъ возвратится. Бартеневъ ничего не сдѣлаетъ, а все можешь попросить его по-

¹⁾ Два слова не разобраны.

слать туда кого-нибудь для освидѣтельствванія. Я видалъ у него чиновника, кажется, секретаря его; скажи ему объ немъ.

2-ое.

Отдѣлить въ лѣсахъ лѣсъ, годный для строенія, и сдѣлать раздѣлъ, кому сколько: инымъ весь лѣсъ, нужный для постройки дома, другимъ часть. Вотъ на это дѣло годится Демидь: онъ знаетъ состояніе каждаго и безпристрастенъ. Это важнѣйшее дѣло.

3-е.

Бурмистръ во всякомъ случаѣ виноватъ. Вижу отсюда, что онъ берегъ только свой домъ, не отходилъ отъ него, и никто не удерживалъ пожара. Какъ дать ему перебраться черезъ разныя улицы, площади! Если окажется, что онъ виноватъ въ оплошности (что легко можетъ быть узнано), то не только смѣнить его, но и опредѣлить на три года безсмѣнно и безвыѣздно въ какую-нибудь нижнюю мужскую должность. Также поступить и со старшинами, и со старостою, и со всѣми должностными.—Въ какомъ часу загорѣлось и когда прекратилось? Былъ ли сильный вѣтеръ? Дѣйствовала ли пожарная труба и гдѣ была она? Не у дома ли бурмиистра? Все это взять на замѣчаніе и объяснить.

4-ое.

Вновь строить дома по новому плану, такъ чтобы дома были очень отдѣлены одно отъ другого; сдѣлать планъ и улицамъ, уничтожить тѣсныя закоулки, разумѣется тамъ, гдѣ сгорѣло. На это есть старикъ архитекторъ въ Костромѣ, которому поручить сдѣлать планъ улицамъ для избѣжанія подобнаго несчастія, если впередъ пожаръ случится.

5-ое.

Много ли сгорѣло домовъ у седмичастныхъ и у вольноотпущенныхъ? Пускай Демидь напишетъ, которыя именно улицы горѣли, называя дома, мнѣ извѣстные, чтобы могъ я понять, какъ шель пожаръ. Я что-то не вѣрю, чтобы сгорѣло 180 домовъ. Сколько же ихъ всего было въ Красномъ Селѣ? Тамъ всего у насъ 425 или съ чѣмъ-то душъ! Мудрено, чтобы столько было домовъ.

6-ое.

Нельзя ли представить въ Опекунскій Совѣтъ, что по случаю несчастнаго пожара просимъ объ отсрочкѣ на годъ за

Красное Село платежа процентов? Кажется, эта причина законная! Уважается ли она? Справься у Кушникова! Но далѣе не ходи, если онъ самъ собою, то-есть Опекуновскій Совѣтъ, или положеніе особенное не можетъ разрѣшить.

Съ Краснаго Села, разумѣется, оброка не имѣть весь годъ, то-есть съ крестьянъ погорѣвшихъ. Но съ не пострадавшихъ въ Красномъ Селѣ и съ другихъ деревень должно итти своимъ чередомъ.—Вотъ, вѣдется, все, что нужно на первый случай. Теперь, сейчасъ сажусь въ коляску и ѣду въ Винтеръ-Паль къ Кнорринговымъ дня на три, что, между прочимъ, доказываетъ тебѣ, что я и Карамзины здоровы. Въ пятницу надѣюсь найти письмо отъ тебя, но только прошу не во вкусѣ¹⁾, а простое.

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Будьте здоровы. Сдѣлай одолженіе, не смѣйся надъ моими пунетами, а хорошенько разжуй ихъ. Тутъ нѣтъ слова лишняго. Цалую тебя. Ты славно управляешь дѣлами!

Je vous prie, commissionnaire de mes amours, de faire demander à Wielhorski quelques-unes de ses romances, entr'autres celle de²⁾, que je ne connais par parenthèse, pour les demoiselles Klupfeld, ses anciennes connaissances, qui l'aiment beaucoup, ainsi que son frère Mathieu, et qui sont inconsolables d'avoir égaré les copies, qu'elles tenaient de lui. Si vous les obtenez avant mon retour, adressez les tout-droit à mademoiselle Klupfeld à Réval dans la maison de m-r Colbars et pour plus de sûreté faites écrire l'adresse en allemand et en russe. Veuillez encore vous donner la peine de trouver parmi mes livres 2 volumes de la correspondance de Byron avec sa mère, en français, un volume des conversations de lord Byron, publiées par Medwin, en anglais, et envoyez le tout sans délai à Réval à l'adresse de m-r Vith pour remettre à mademoiselle Sophie Craemer et faites aussi mettre l'adresse en allemand et russe.

Кажется, по возвращеніи въ Москву, надобно мнѣ будетъ опять тащиться въ Красное.

¹⁾ Два слова не разобраны.

²⁾ Одно слово не разобрано.

34.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[Ревель]. 31-го [іюля 1826 г.].

Сердечно радуюсь за тебя, что ты съ принцемъ, а не безъ принца. Въ одномъ письмѣ отъ 20-го нашель я твое безпокойствіе, въ другомъ отъ 22-го (оба вчера получены) твое успокоеніе. Можешь ли ты ожидать теперь отвѣта отъ Голицына и вакого-нибудь рѣшенія по дѣламъ? Дай имъ образумиться и прохмелиться. Піаниства, о которой писалъ я тебѣ, можетъ давать и уроки въ нѣмецкомъ языкѣ. При мѣстѣ, занимаемомъ ею теперь, она и всему учить; не знаю только,—какъ; но впрочемъ, увидимъ; если возьмемъ ее и короче узнаемъ, то можемъ и расширить кругъ дѣйствій ея. Есть у меня на примѣтѣ здѣсь и швейцарецъ, жившій прежде у Будберговыхъ при сынѣ, который уже въ службѣ: они его очень рекомендуютъ Карамзинымъ, но Екат[ерина] Анд[реевна] ищетъ нѣмца, имѣя уже француза въ домѣ, и желаетъ болѣе дядьку. Онъ проситъ 1500 въ годъ; вѣроятно, возьметъ и менѣе. Если у насъ не было бы Толмачева, то онъ могъ бы годиться, особливо же для Павлуши на нѣсколько лѣтъ. Скажи мнѣ объ этомъ свое мнѣніе. Надеженъ ли Толмачевъ, т. е. останется ли онъ? Какъ же дѣти проходятъ теперь курсы всѣ на русскомъ языкѣ? Въ этомъ нѣтъ худа, но мнѣ хочется, чтобы они усовершенствовались въ языкахъ; чѣмъ болѣе знаешь языковъ, тѣмъ лучше, а теперь лучшая пора для изученія языковъ. Грустно, что все ученіе ихъ идетъ въ разбивную, а нѣтъ хода постепеннаго и твердаго. Конечно, дѣлать нечего, если не удастся намъ попасть на людей совершенно надежныхъ.—Одобряю всѣ твои преобразованія экономическія. Какъ же могли испортить мою лошадь? Кто же на ней ѣздилъ?—Лѣстницу теплую сдѣлать подлѣ моего кабинета при библиотекѣ, такъ ли? Сдѣлать ее вродѣ лѣстницы у Четвертинскаго.—Позволяю тебѣ заочно кокетствовать съ принцемъ и даже очно, но только не другимъ чѣмъ. Мнѣ онъ показался очень вѣжливъ и пріятенъ, высокъ, хорошъ собою. Вѣнчай его цвѣтами и потчивай плодами!—Отчего Толстой такъ встревожился? Развѣ

имѣете худыя вѣсти о дѣлахъ князя Ѳедора или никакія, что также худо? Мнѣ пишетъ Мухановъ, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Развѣ Лодомирскій требуетъ процентовъ или уплаты всей суммы? Во всякомъ случаѣ Толстой можетъ и долженъ дѣйствовать по силѣ законовъ противъ к[нязя] Ѳедора. Это можетъ быть и въ пользу князя. Онъ тогда снова можетъ прибѣгнуть къ Царю и напомнить обѣщаніе, сказавъ, что наступаетъ послѣдній срокъ и что онъ на точкѣ лишиться всего имѣнія и вовлечь своихъ родныхъ въ свою погибель. Я не согласенъ съ к[няземъ] Павломъ: Толстой долженъ всетаки наложить руку на остающіяся 60 душъ. Не понимаю также въ письмѣ Толстого, кого и чѣмъ онъ страшитъ? Развѣ Лодомирскій наступательно требуетъ уплаты и тревожитъ Толстого? Да послано ли въ Тамбовъ осматривать имѣніе князя? Дѣло было поручено к[нязю] Александру Нив[олаевичу] Голицыну. Онъ долженъ быть теперь въ Москвѣ. Найди дорогу къ нему черезъ к[нязя] Андрея Петровича.

Я возвратился ранѣе изъ Винтеръ-Паля, чѣмъ полагалъ. Мы должны были съѣздить на островъ, куда собираются всѣ сосѣди для сельскаго праздника, но поѣздка была отложена до пятницы; я подумалъ, что это заведетъ меня далеко, и возвратился въ Ревель на другой день, пробывъ у Кнорринговыхъ сутки. Она тебѣ кланяется и пила за твое здоровіе. Я спалъ въ той же комнатѣ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ спалъ съ несчастнымъ Пуцинымъ. Кто тогда могъ подумать, что онъ будетъ такъ скоро жертвою политической бури? Если за кого бояться было, то скорѣе за меня уже, заявленнаго либерала и страшилища правительства, чѣмъ за него, эскадроннаго начальника, тогдашняго любимца и подчиненнаго нынѣшняго Императора. Да, впрочемъ, кто ушелъ бы отъ такой бѣды? Все преступленіе его въ томъ, что онъ не донесъ на брата. Такъ сказано въ спискѣ обвинительномъ.

Возвратившись изъ Винтеръ-Паля, нашелъ я Карамзиныхъ уже успокоенныхъ немного послѣ бѣды, случившейся съ Володенькою, меньшимъ сыномъ. Его ужалила змѣя, когда возвращался онъ съ купанія, и такъ сильно, что вся нога и ляжка распухли значительно. Докторъ не находилъ опасности и судилъ справедливо, потому что теперь ему гораздо лучше, хотя опухоль еще и не

совсѣмъ опала. То-то теперь порадуешься ты, что не пріѣхала въ Ревель на съѣденіе змѣямъ. О нихъ здѣсь разные толки: иные говорятъ, что ихъ здѣсь много и что даже есть и смертельно-ядовитыя; другіе утверждаютъ, что никогда не слышно было о несчастныхъ послѣдствіяхъ отъ змѣй. Докторъ удивляется этому случаю, первому съ 30-лѣтняго его пребыванія въ Ревелѣ. Жары и засуха такъ велики, что легко отъ нихъ гадины стали злѣе, а пожары, опустошившіе лѣса въ окрестности, пригнали, можетъ быть, сюда неожиданныхъ гостей.—Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ вѣстей о пожарѣ красносельскомъ и о мѣрахъ, принятыхъ тобою по этому случаю. Пришли мнѣ донесеніе бурмистра. Кажется, совѣты, мною тебѣ данные въ послѣднемъ письмѣ, хорошо обдуманы. Еще есть средство: обложить бурмистра пенею, если окажется онъ виновнымъ въ оплошности преступной, и отпустить его тогда на волю, только ¹⁾ безъ земли, и эти деньги обратить на вспомошествованіе преимущественно пострадавшимъ. Главное дѣло, послать туда немедленно человѣка, надежнаго во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы освидѣтельствовалъ, что есть и какъ было. По расположенію Краснаго Села не могу придумать, какъ пожаръ, въ одномъ мѣстѣ начавшійся, распространился по всѣмъ улицамъ. У насъ любятъ заглушать подобныя дѣла, боясь правосудія, qu'on ne saurait payer trop cher, но я не того мнѣнія и настоятельно прошу тебя, если окажется злоумышленіе, дать дѣлу ходъ законный. Оставить въ безнаказанности нельзя, а наказывать самому не должно, особливо же въ такихъ важныхъ случаяхъ. Если тебя станутъ осаждать совѣтами, противными моему мнѣнію, прошу не уважать ихъ и не слушаться ни помѣщиковъ, ни холоповъ, а дѣлать по моему.—Цалую княженъ и благодарю ихъ за письма. Зачѣмъ купаются онѣ два раза въ теченіе трехъ часовъ, въ 9-ть и въ 12-ть, какъ пишеть о томъ Маша? Зачѣмъ не въ 8-мъ и не въ три? а если рано обѣдаете, пользуясь моимъ отсутствіемъ и присутствіемъ голоднаго Зоммера, то купайтесь четыре (*sic*) часа послѣ обѣда. Купанія разъ за разомъ не подрѣпляютъ, а ослабѣваютъ. И ходите ли вы послѣ

¹⁾ Въ оригиналь написано: только тогда, причѣмъ тогда зачеркнуто.

купанія? Непремѣнно нужно! Ты что-то мнѣ мало говоришь о Наденькѣ. Ужъ не безпокоишься ли о ней и молчишь за неимѣніемъ хорошихъ вѣстей? Скажи всю правду. Зачѣмъ передала ты дочерямъ формулу твоей наставницы, *qui restait toujours la vieille Babinne Simon au pied d'une lettre et au pied de la lettre*? И онѣ пишутъ: *je reste pour toujours votre dévouée fille*. По крайней мѣрѣ: *je suis*, да и то¹⁾). Перешли письмо къ Габбе. Да вели прежде спросить у Строева, отвѣчалъ ли онъ ему, а если нѣтъ, чтобы доставилъ тебѣ отвѣтъ, и перешли все вмѣстѣ, списавъ адресъ. Можешь это сдѣлать черезъ Полевого или Толмачева, который вѣрно знаетъ Строева. Мы вчера получили письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса: теперь онъ должепъ быть въ Эгрѣ; говорить, что здоровье его поправляется и силы возвращаются. О Николаѣ Тургеневѣ слухи провались, и Александръ долженъ быть въ Дрезденѣ у Сергѣя.—Видѣлась ли ты съ Блудовымъ, который въ Москвѣ, и съ Дашковымъ, который долженъ былъ проѣхать черезъ Москву? Съ ума ты сошла, что благодаришь меня за обѣщаніе возвратиться? Да развѣ ты думала, что я развелся съ тобою? Или благодаришь ты за то, что возвращаюсь не такъ скоро? Къ сожалѣнію твоему, долженъ однакоже тебѣ признаться, что хочу выѣхать отсюда около 20-го и пишу о томъ уже Муханову, чтобы онъ удержалъ мнѣ мѣсто въ дилижансѣ между 27-мъ и 30-мъ числами, такъ чтобы праздновать съ тобою твой N.N. годъ. J'espère que c'est délicat. Лучшаго ничего не скажу; сѣвось облако грусти улыбка подернула мои губы, и кончаю, обнимая и благословляя васъ отъ души, мои милые. Сказанное тобою о худомъ здоровіи Орловой меня очень печалить. Скажи ей мою нѣжную дружбу. Присылай же книги и романы по адресамъ, тебѣ даннымъ.

35.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 3-го августа [1826 г.].

Вчера получилъ я твое письмо отъ 27-го изъ Москвы. Какъ же тебѣ не стыдно, что ты не назначила мнѣ дня вшествія Госу-

¹⁾ Одно слово не разобрано.

даря въ Москву. По твоему письму думалъ я, что оно происходило 27-го, а теперь узнаю, что 25-го. Также ничего не говоришь ты мнѣ о восторгѣ, съ которымъ народъ встрѣчалъ Царя. Прошу впередъ быть обстоятельнѣе и точнѣе въ своихъ описаніяхъ. Ты знаешь, какъ я этимъ всѣмъ дорожу. Извини меня за прежнее письмо мое, которое тебя встревожило. Надобно было моей желчи и кровавымъ слезамъ вылиться, а нето запеклись бы онѣ на сердцѣ ядомъ, и тогда было бы хуже. У меня сердце, какъ самовартъ: вскипятить и полно; не самоваръ, а паровой чанъ: затените, такъ лопнетъ. Теперь я спокойнѣе, а все въ Москву не тянетъ. Желалъ бы знать скорѣе, когда будетъ коронація, чтобы пріѣхать къ шапочному разбору, а не тогда, какъ вы всѣ будете метаться, какъ угорѣлые. Я человекъ не праздничный, да и въ тому же это матеріалы для моего біографа: „1-е. Проѣзжалъ въ такомъ-то годѣ черезъ Ригу и не видалъ Риги. 2-е. Былъ москвичемъ и не хотѣлъ возвратиться въ Москву на коронацію“. Надобно вѣдь чѣмъ же нибудь заpastись для своего безсмертія, если такъ уже рѣшено, что отъ безсмертія не уйдешь.

NB. Пожалуйста, не потеряй этого письма, чтобы можно было при случаѣ сослаться на него; только вымарай этотъ *NB*, а нето уличать въ излишнемъ озабоченіи о своей славі.

Я сердечно порадовался извѣстію твоему, что вы въ Москвѣ. Не знаю почему, казалось мнѣ изъ послѣднихъ писемъ, что кто-нибудь изъ дѣтей боленъ, а особливо же думалъ я о Наденькѣ и о Павлушѣ. Теперь я успокоенъ и радуюсь вашему веселію. Нельзя тебѣ похвалиться удачею въ своихъ выборахъ: Зоммеръ новое доказательство. Увидимъ, легче ли моя руба, если примемъ въ домъ мою чухончку. Ожидаю твоего отвѣта. Отъ всѣхъ слышу много хорошаго о ней и семействѣ ея. Не подумай, чтобы она была красавица, и сдѣлай милость, не давай ревности имѣть голосъ въ рѣшеніи твоёмъ. Она, правду сказать, недурна и даже миловидна, но клянусь тебѣ честью и супружескою вѣрностію ¹⁾, что не личность руководствуетъ мною, когда совѣтую взять ее къ намъ.

¹⁾ Слова: клянусь тебѣ честью и супружескою вѣрностію написаны крупными буквами.

NB. Прошу этого не вымарывать изъ письма; пускай потомство узнаетъ, что я былъ мужъ ревливой жены и щадилъ всегда ея слабость.

То жаловались мы на засуху, теперь, того и смотри, что станемъ жаловаться на мокроту. Дожди пошли, кажется, не на шутку. Только эти дожди послѣ ужина горчица. Полевья работы уже кончены. Вчера наши дамы были наводнены: мы ѣздили на линейкѣ вокругъ города, и на возвратномъ пути принялъ насъ такой дождь, что на нихъ не осталось ни одной сухой нитки. Я, чтобы высушиться, бросился дорогою въ море и выкупался. Дождь, какъ розга, хлесталъ меня по плечамъ. Возвращаясь два раза въ недѣлю изъ залы уже за полночь, ѣду близъ моря около двухъ верстъ и люблюсь всегда шумомъ волнъ, которыя омываютъ колеса моихъ дрожекъ. Теперь ночи уже довольно темныя, и эта прогулка имѣетъ что-то таинственнаго и поэтическаго. На морѣ вдали свѣтитъ маякъ; онъ и говоръ волнъ одни оживляютъ пустыню молчанія и мрака, а я, какъ Равенсвудъ изъ „La fiancée de Lammermoor“, тону въ приморскихъ пескахъ. Имѣешь ли ты послѣдніе 4 тома записокъ Жанлисъ? Старуха такъ разовралась, такъ зарепортовалась, что силъ нѣтъ ее слушать. Все вретъ старое, то-есть не про старину, а свое старье вывѣшиваетъ снова: „Les souvenirs de Félicie“, „Le dictionnaire des étiquettes“ etc.—Баттареи небесныя гремятъ и дождь льется потоками. Надъ городомъ висѣло облако продолговатое и казалось почти до земли; въ видѣ лейки поливало оно и подвигалось быстро кругомъ; точно какъ столбъ дождевой! Я никогда ничего подобнаго не видывалъ. Я увѣренъ, что страшно было подъ нимъ стоять; до насъ оно не дошло. Но вообще облака такъ были низки, что казались клубящимся дымомъ. Какъ ни говори, а зрѣлища природы лучше всѣхъ комедій, которыя человечество разыгрываетъ подъ разными именами. Человѣкъ перещеголялъ ее въ одной трагедіи, ибо никогда ужасъ природы не можетъ равняться съ ужасомъ рукотвореннымъ. Въ ужасахъ природы господствуетъ поэзія, и есть всетаки мѣсто какому-то душевному сладострастію, хотя и со страхомъ пополамъ; но тамъ, гдѣ человѣкъ является въ ужасѣ своемъ, тамъ все ненавистно, гнусно, гадео. Въ тигрѣ, терзающемъ человѣка, есть зрѣлище великолѣпное, есть какой-то блескъ

поэтической, но что найдешь возвышеннаго въ палачѣ, хладнокровно, за деньги, по приказу, умерщвляющемъ своего ближняго. То же различіе и во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ сунуло буда!

Я рожденъ для писемъ: нигдѣ такъ не выливаюсь, какъ въ нихъ. Наоборотъ словъ Наполеона у меня: *du ridicule au sublime il n'y a qu'un pas*. Ты думаешь, что это самохвальство? Нѣтъ, я только хотѣлъ сказать, что въ письмахъ отъ шутокъ перескакиваю прямо въ поэзію. Таковъ я и въ расположеніи своемъ. Въ разговорѣ я не виденъ во весь ростъ. Замѣчаю часто, что недостаетъ у меня иногда *голоса*, чтобы высказать свою мысль: перомое полнѣе и свободнѣе. Въ разговорѣ у меня, какъ во снѣ, когда хочешь говорить, и, чувствуешь, что-то давить слово.

Мнѣ жаль, что не увижу писемъ своихъ въ печати, а быть имъ въ печати, если только крысы ихъ не съѣдятъ. Во-первыхъ, появленіе ихъ въ печати, т. е. возможность ихъ появленія будетъ уже хорошимъ знакомъ общей температуры. Надобно барометру очень возвыситься, чтобы внести меня на воздухъ. Если Павлуша станетъ продавать мои письма, то за это дадутъ ему 500 рублей, по крайней мѣрѣ. Смотри, Павлуша, держись, не уступай; право, за одно сегодняшнее письмо дадутъ 500 рублей; а пока вотъ тебѣ афишка нашего ревельскаго спектакля. Тутъ есть женщина, которая узнаетъ числа написанныя ¹⁾, имѣя глаза повязанныя: вѣроятно, по вопросу, дѣлаемому ей однимъ изъ ихъ товарищей. Но все это мудрено: напримѣръ, онъ беретъ у зрителя ассигнацію; спрашиваютъ у нея, какого она года и какого №... И всѣ отвѣты ея безошибочны; въ № ассигнацій доходитъ до милліоновъ. Вѣроятно, это дѣло памяти, но всетаки странно! А прочія ихъ штуки и искусственныя представленія до того глупы и неужелюжи, что я видѣлъ ихъ и, надѣюсь, увижу еще съ истиннымъ удовольствіемъ.

Прощай. Обнимаю и благословляю васъ отъ души. Будьте здоровы, и дай Богъ увидѣться намъ въ радости!

Получила ли ты мое письмо, гдѣ пишу тебѣ о книгахъ, привезенныхъ отъ в[нзя] Василя Голицыной-Апраксиной? Володенъѣ

¹⁾ Передъ этимъ словомъ написано и зачеркнуто: сказанныя.

гораздо лучше.—Что Четвертинскіе? Вышло ли уже постановленіе о виновныхъ поставкахъ на прежнихъ правилахъ? Мое сердечное почтеніе Орловой. Желалъ бы ее видѣть, но надѣюсь, что здоровье ея и дѣтей позволитъ ей выѣхать изъ Москвы до моего приѣзда.

Карамзины каждый разъ просятъ меня тебѣ пѣжно отъ нихъ кланяться. Одинъ разъ навсегда.

36.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 7-го авг[уста 1826 г.].

Вчерашнее твое письмо отъ 30-го порадовало меня хорошими вѣстями о тебѣ и дѣтяхъ. Не надѣюсь, чтобы ты въ это время общаго спѣха и недоспѣха успѣла успѣть въ своихъ предпріятіяхъ, по крайней мѣрѣ по дѣламъ денежнымъ съ Комиссією и проч.; развѣ только дѣло Четверт[инскаго] пойдетъ на ладъ. Но и тутъ не забывай, что ты должна ждать отвѣта изъ Варшавы: теперь неловко будетъ устроиться безъ помощи варшавской, прибѣгнувъ къ ней однажды. Ты лавируй, то-есть темпоризируй, держись на водѣ въ ожиданіи попутнаго вѣтра, но не приставай ко всѣмъ вѣтрамъ. Кстати о вѣтрахъ! Я вчера далъ барышнямъ Карамзинымъ загадку на разгадку; задаю ее и тебѣ: *quel a été le premier instrument à vent?*—На меня повѣяло вѣтромъ старины. Еще слово о вѣтрахъ: то, что я въ послѣднемъ письмѣ описывалъ тебѣ дождевымъ облакомъ особеннаго вида и свойства, было настоящая морская тромба, называемая моряками тифонъ. По счастью она никого не задѣла, кромѣ коровы, которую, сказываютъ, взорвало на воздухъ и далеко швырнуло. Разнесло также и бесѣдки купаній, но по счастью никто тогда не купался, а то постигла бы смерть неминуемая; въ Катаринентальскомъ саду разорвало на щепки и вырвало съ корнями деревья, едва ли нашей липѣ не современные. Что наша ива? Сдѣлай милость, лѣчите ее хорошенько.— Не видала ли ты у Рагузскаго молодого Lagoche (или кажется такъ), который мнѣ привезъ письмо и книги отъ в[нязя] Василя.

Онъ показался мнѣ пріятнымъ и добрымъ человѣчкомъ. Если встрѣтишься съ нимъ, приласкай его. Онъ вмѣстѣ съ Ancelot, поэтомъ и бардомъ посольства. Если хочешь плѣнить и этого, отыщи въ моихъ книгахъ его переводъ de la Tragédie de Fiesque и поэму „Marie de Brabant“, выучи изъ нихъ нѣсколько стиховъ наизусть и пусти ихъ ему въ носъ, какъ сладостное щекотаніе благоухающей кадиланицы. Я обѣщался было быть имъ сісегопе въ Москвѣ, но за неявку моею поручилъ бы ихъ Василию Львовичу, да и того нѣтъ въ Москвѣ.—Поздравь отъ меня Вельгорскихъ; я сердечно радъ его ключу за дѣтей.—Зачѣмъ уморила ты Чернышеву, старуху? Ей, говорятъ, гораздо лучше. Что дѣлаетъ Зенеида? Въ попыхахъ ли или нѣтъ? Кланяйся ей. Въ Петерб[ургѣ] увижу княгиню Софію. Ъдемъ сегодня съ Карамз[иными] въ Тишертъ, любимое мѣсто мое въ окрестностяхъ ревельскихъ, о коемъ писалъ я тебѣ прошлаго лѣта. Погода опять хороша и ночи очаровательныя. Третьяго дня послѣ собранія ѣздилъ я во второмъ часу къ маяву; но небесный маявъ, луна, горѣлъ свѣтлѣе и поэтичнѣе. Жаль мнѣ, что Кроуна нѣтъ нынѣ здѣсь съ своею эскадрою; я охотно отправился бы опять съ ними. Встрѣтилась ли ты съ Шварценбергомъ? Скажи ему, что здѣсь часто о немъ вспоминаемъ, но что нынѣшнее лѣто не похоже на прошлогоднее.—Не понимаю порядочно, что ты говоришь мнѣ о своихъ платьяхъ для представленія: вѣдь ты же готовилась же къ представленію ко времени коронаціи. Развѣ не можешь въ качествѣ деревенской жительницы и пріѣзжей представиться и послѣ, когда тебѣ будетъ удобнѣе и съ покровомъ платья твоего согласнѣе? Ожидаю отвѣта твоего о піанистѣ и надѣюсь получить его еще здѣсь, чтобы окончательно условиться съ нею лично, а для отправленія переговоровъ съ Клюпфельдами. Выпроси же отъ Егеръ-мейстера его романсы, которые вовсе не дичь, и пришли ихъ, также и книги, о которыхъ тебѣ писалъ. Пошли къ Перовскому, адъютанту Государя, узнать, получилъ ли онъ мое письмо и отправилъ ли приложенное къ Жуковскому, и что издержалъ онъ на почтѣ, то вознеси ему. Пошли къ нему два черезъ два или три по полученіи моего письма, да вели спросить у него, когда, думаетъ онъ, что возвратится Жуковскій, въ Москву ли или въ Петерб[ургъ],

и что скажете, отпиши къ Еват[еринѣ] Андр[еевнѣ], потому что меня, вѣроятно, къ тому времени уже не будетъ въ Ревелѣ.

Приписка Екатерины Андреевны Карамзиной.

Je vous embrasse, ma chère princesse Véra, de tout mon coeur et vous engage à profiter de tout en qui se présentera de plaisirs sur votre chemin, n'en déplaie à votre censeur de mari; on me dit qu'il l'est. Je vous envoie une jolie gaze de Paris, pour le premier bal, pour le quel la robe pourra être prête, et désire que vous vous y amusiez et qu'elle soit de votre goût. Si la présentation ne vous entraîne pas trop dans la dépense, j'aurais voulu que vous vous fassiez présenter et que vous n'ayez pas l'air de vouloir le fuir. J'embrasse tendrement les chers enfants, Paul et surtout Macha, la chère Macha, la filleule de mon tendre ami. Adieu, chère amie! Que la santé et toutes les prospérités soyent avec vous.

Продолженіе письма князя П. А. Вяземскаго.

Платье пришлется тебѣ изъ Пет[ербурга] отъ Бабарыкиной. Посылаю тебѣ копію съ письма Рылѣва къ женѣ. Какое возвышенное спокойствіе!

37.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 10-го [августа 1826 г.].

Дивлюсь, что получилъ вчера отвѣтъ твой на мой отвѣтъ о красносельскомъ пожарѣ, а не имѣю еще отвѣта отъ тебя на мое письмо о піанисткѣ, писанное прежде. Или твои или мои письма теряются. Твои послѣднія однакоже, кажется, всѣ дошли до меня: отъ 27-го іюля, 30-го и 2-го августа, вчерашнее Мудрено тебѣ забыть бы отвѣчать на піанистку, несмотря на блестящія и высоторжественныя разсѣянія, коими ваше сіятельство наслаждаетесь. На всякій случай повторю сказанное: есть у меня здѣсь на примѣтѣ молодая піанистка, которая поѣдетъ къ намъ за 800 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы довести ее къ намъ и черезъ два года, если мы будемъ довольны ею, доставить ее опять въ Ревель. Играетъ она хорошо и хорошо, говорятъ, училась музыкѣ; дочь честныхъ родителей, съ вида очень тиха, вротка, за-

стѣнчива; можетъ учить нѣмецкому языку, знаетъ и французскій, хотя и не имѣетъ большаго навыка. По моему мнѣнію, *безъ всякой личности*, она годится намъ. Не понимаю, какъ не получила ты письма, въ коемъ подробно говорю тебѣ о ней. Еще въ одномъ письмѣ, помнится мнѣ, что я просилъ тебя переписать мнѣ одни стихи мои, и на это нѣтъ отвѣта. Но здѣсь другое дѣло; ты могла легко и позабыть. Жаль будетъ, если ты, не получивъ письма прежняго, не доставишь мнѣ рѣшенія твоего о піанисткѣ сюда; а отвѣта мнѣ на нынѣшнее письмо не дожидаться въ Ревелѣ. Черезъ 15-ть дней меня уже, вѣрно, здѣсь не будетъ, то-есть вѣрно, сколько можетъ быть вѣрности (не въ супружней любви моей, а въ семъ мірѣ невѣрномъ). Передамъ въ такомъ случаѣ піанистку на руки Клюпфельдамъ. Въ вчерашнемъ твоёмъ письмѣ я нашелъ новый опытъ догадливости женской ревности. Ты отвѣчаешь мнѣ на порученіе мое выслать Клюпфельдамъ романы Вьельгорскаго, а ни слова не говоришь о другомъ порученіи прислать сюда Байрона Кремерамъ, предчувствуя, и не безъ основанія, что именно сіе послѣднее порученіе ближе мнѣ къ сердцу. Охъ, вы, женщины! охъ, вы, жены! что у васъ за глаза? что у васъ за чутье? и за тысячью верстъ читаете, какъ подъ носомъ, въ сердцахъ нашихъ. Вотъ мы, напримѣръ, не имѣемъ такого заочнаго зрѣнія, и я не вижу, кто болѣе тебѣ по глазамъ, подстрѣленная ли цапля или Рагузинскій съ своею подагрою и съ своимъ идолопоклонствомъ. Развѣ не мой ли принцъ, о которомъ ты вдругъ замолела, можетъ быть, не безъ причины?—Когда же будетъ ваша коронація? Je n'aimeais pas à venir, comme moi en carême.—

Мало того, что землемѣръ начертилъ планъ; я хотѣлъ бы видѣть этотъ планъ. Мѣста довольно; надобно, чтобы дома были очень отдѣлены одинъ отъ другого или по крайней мѣрѣ по два дома. Я все не имѣю порядочнаго, т. е. полнаго понятія о пожарѣ. Мудрено, чтобы одна была дѣвушка виновницею; надобно хорошенько разглядѣть, чтобы и эта дѣвушка не была предана по какой-нибудь личной злобѣ. Хотя, вѣжется, можно надолго бы опостылѣть къ слѣдственнымъ комиссіямъ, но поручи Демиду разыскать истину на мѣстѣ. Штрафъ, наложенный на бурмистра,

если онъ въ самомъ дѣлѣ окажется виновнымъ *въ преступной оплошности*, не довольно значителенъ: надобно взыскать съ него втрое или вдвое и раздать его пеню по самымъ бѣднымъ и болѣе пострадавшимъ отъ пожара. А самимъ намъ деньги его не нужны: не должно поживиться общею бѣдою; да и въ этомъ случаѣ не мы бѣднѣйшіе. Должно также поступать осторожно въ порубкѣ лѣса, чтобы не весь его разорить, и послѣ посоветоваться съ людьми знающими въ лѣсоводствѣ, чтобы поддержать лѣсъ и взрастить новый на мѣстѣ срубленнаго. Не малое будетъ опустошеніе! Доставь прилагаемыя письма къ Жихареву.—Ты, я думаю, пустое затѣяла черезъ Дмитріева и Вьельгорскаго. Что тутъ христарадничать съ людьми, которые ни ради Христа, ни ради ближняго ничего не сдѣлаютъ? Да и что въ этой помощи? чему она поможетъ? Какъ-нибудь обойдемся! Есть же Богъ, есть же что-нибудь, если не надъ нами, такъ надъ дѣтьми! Нынѣшнею зимою не буду стоять ни копейки домашней казнѣ. Вотъ увидишь! Стану рукодѣльничать; а ты, не знаю, какъ ворожишь, а всегда бываешь съ деньгами. За тебя не боюсь. Да ты же, я думаю, такъ уже у меня наврала въ домашнее управленіе, что у тебя лежатъ деньги по всѣмъ банкамъ въ Европѣ.

Вчера вспомнилъ я, милая Маша, что 7-го былъ день рожденія твоего, или, правду сказать, напомнила мнѣ о томъ Катенька, а я уже въ слѣдъ за однимъ напоминовеніемъ вспомнилъ самъ собою, что 9-го день твоихъ именинъ. Обнимаю тебя, моя двѣнадцатилѣтняя дочь! Страшно подумать и за себя и за тебя! Ты уже почти не ребенокъ, да и не почти, а совсѣмъ не ребенокъ. Теперь каждый день, каждый часъ твоей жизни уже важенъ: донынѣ могла ты еще издерживать время, отнынѣ должна уже употреблять его въ пользу для будущаго, для себя, для насъ. Надѣюсь, что ты будешь добра умомъ и душою; умъ добрѣетъ отъ ученія, отъ прилежности, душа отъ любви къ родителямъ и ко всѣмъ ближнимъ. Если будешь насъ любить, то будешь стараться намъ угождать, а ничѣмъ другимъ угодить мнѣ и маменькѣ не можешь, какъ твердымъ желаніемъ, неутомимымъ стараніемъ *просеждать* свой умъ и свое сердце. Скучно сидѣть въ потьмахъ, инымъ даже и грустно и страшно; не такъ-ли? Каково же всю жизнь свою провести съ

умомъ и сердцемъ въ *потьмахъ*? Уму въ *потьмахъ* скучно, сердцу въ *потьмахъ* грустно и страшно. Что такое *потемки* ума, спросишь ты? Невѣжество, лѣнь заниматься, равнодушіе къ познаніямъ, къ искусствамъ! Что такое *потемки* сердца? Чувство, что другимъ не за что любить насъ, потому что мы не стараемся сдѣлаться достойными ихъ любви. Умъ *просвѣщаютъ* познанія, сердце просвѣщается *дѣятельною любовью* къ ближнему. Мало того любить, если не доказывать любви. Мало того, что есть свѣча въ комнатѣ вечеромъ; надобно еще, чтобы она горѣла, и тогда будетъ свѣтло.— Посылаю тебѣ въ гостинецъ мѣшокъ для работы съ маленькимъ портфелемъ въ мѣшкѣ. Разцалуй за меня себя, сестрицъ и Павлушу. А Павлуша все еще не прислалъ мнѣ росписки? Обнимаю и благословляю васъ отъ души.

Поклонись отъ меня г-ну Толмачеву.

Съ новымъ удовольствіемъ увидѣлъ я Тишертъ; онъ и Карамзинимъ очень понравился. Какъ мнѣ жаль, что тебя, что васъ нѣтъ. Мы легко могли бы зиму здѣсь провести и прожили бы не болѣе, чѣмъ въ Остафьевѣ. Домъ московскій отдали бы въ наемъ тысячи за четыре ¹⁾ и, прибавя къ нимъ тысячъ шесть изъ доходовъ, устроились бы порядочно. Если ты рѣшилась провести зиму въ Остафьевѣ, то не отдать ли домъ и не взять ли гдѣ-нибудь un pied-à-terre на шесть мѣсяцевъ? Подумай! Остается ли гвардія въ Москвѣ и часть Петербурга? Тогда будетъ расходъ на дома. Комнатъ за пять или шесть заплатимъ во всякомъ случаѣ не болѣе тысячи руб.; все останется тысячи три, если не болѣе, на прожитое. Видишь ли, и у меня просвѣщаютъ экономическія вдохновенія не хуже твоихъ?

Цалую и обнимаю тебя тысячу разъ. Будьте здоровы.— Съ Блудовымъ не переписываюсь, а кланяйся ему, когда увидишься; также и Сѣверинимъ. Радуюсь, что она тебѣ понравилась.

Повторяю тебѣ, что ты должна была получить съ приѣзда моего въ Ревель, т. е. съ 16-го или 17-го іюня безостановочно по два письма въ недѣлю. Легко тебѣ справиться, всѣ ли дошли они до тебя, если только ты моими письмами не

.

¹⁾ Въ оригиналь четыре передѣлано, кажется, изъ пять.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 14-го [августа 1826 г.].

Не понимаю, какъ и въ вчерашнемъ письмѣ отъ 7-го нѣтъ ни слова о моей піанисткѣ. Кажется, я въ нѣсколькихъ письмахъ говорилъ тебѣ о ней; неужели всѣ потеряны? Отъ тебя также получаю по два письма въ недѣлю; какъ же ни слова въ нихъ о ней? Неужели въ каждомъ забываешь отвѣчать мнѣ на то, чего ты такъ хотѣла? Не понимаю.—Благословляю тебя на праздники коронаціи. Любуйся, пляши, пей, ѣшь и веселись. Какъ прїѣду, буду слушать твои рассказы, развѣся уши. Гдѣ же бальная зала въ домѣ Шепелева? Зала не велика, а галерея съ каменнымъ поломъ. Не сдѣлаютъ ли въ ней паркета? Что это вздумалось Шепелеву навьючить на себя эпoletы?—Не понимаю, что ты говоришь о продажѣ красносельскаго дома? Comment l'achète-t-on, sous la condition de le *déblayer* pour nous, quand nous en aurons besoin? Стало, нанимаютъ только? Да и это можетъ нанимать? Крестьянинъ вольноотпущенный? Винопродавецъ? Должны ли снести домъ или оставить на мѣстѣ? Что дадутъ за него? Десятую часть того, что онъ стоилъ, или около того? Расчетъ плохой! Этотъ домъ можетъ всегда пригодиться намъ. Отдайте его въ наймы, если хотите, это дѣло другое: чѣмъ даромъ стоять, все лучше же приносить ему намъ хотя что-нибудь; а тамъ выштукатуримъ его и очистимъ запачканное. Иначе не понимаю, какъ имѣть чужого хозяина въ своемъ деревенскомъ домѣ. Это что-то безтолково. Отдайте домъ въ годы, на нѣсколько лѣтъ, съ условіемъ очистить его, если прїѣдемъ на лѣто! Если станутъ перестраивать лавки, прикажь, то непременно хочу имѣть планы строеній. Строить по христіански не дороже: матеріалы тѣ же пойдутъ. Также должно дать планъ и для крестьянскихъ домовъ и такимъ образомъ извлечь выгоду изъ бѣды. Если бы деревня была застрахована, такъ теперь не пришлось бы жалѣть о уплатѣ процентовъ. Заплатили бы мы ихъ даромъ. По расчету должно оцѣнить убытокъ пожара въ

сто тыс[ячъ] рублей.—Что тебѣ дѣлать съ Ив. Ив., когда у тебя нѣтъ самой живого гроша въ домѣ? Да вѣдь ты должна была взять на себя долги его? Развѣ не сдѣлала того?—Непремѣнно ли нужно приступить сейчасъ въ расширенію фабрики? Хорошо разживаться на барыши; довольно уже положено на улучшение фабрики, можно теперь ждать отъ нея уплаты и предоставить новыя издержки на будущее время, когда издержки окупятся. Впрочемъ, дѣлай, какъ разумѣешь. Доволенъ ли Жуковъ работою и ты довольна ли Жуковымъ?—Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ прочиталъ я на дняхъ романъ въ 4 томахъ: „Le siége de Vienne“ par M-r Pichler, traduit par M-me de Montolieu. Притязаніе на Вальтеръ Скотта, но тѣхъ же щей, да пожиже, какъ говаривалъ Алексѣй Михайловичъ. Прочелъ я однакоже его съ удовольствіемъ. Вчера опять ѣздилъ я въ Тишертъ съ Клюпфельдами, Кремерами, Пушкиной, Rossilion и Colonel du Traiteur, который замѣнялъ намъ прошлогдняго Вейнера своюю германскою любезностію на французскій манеръ: elle est fierte cette femme, la serpente, voulez-vous du desert et tes roupons etc, etc, etc. Пушкина Ольга морила насъ отвѣтами ему такимъ же выговоромъ. На дняхъ нашли мы съ Карамзиными у Бумажнаго Озера эхо неимовѣрное, которое повторяетъ цѣлыя фразы съ точностію чудесною. Только что не отвѣчаетъ: „je me porte fort bien“ на вопросъ: „comment vous portez-vous“? Вчера привезли сюда къ доктору Винклеру, у котораго она будетъ жить, бѣдную Куракину-Голицыну, столь долго и безъ пользы содержавшуюся въ Charenton. Вѣроятно, ей будетъ здѣсь хорошо, потому что Винклеръ добрый старикъ, да и родственникамъ ея можно будетъ часто посѣщать ее здѣсь. Намъ здѣсь сказали было, что несчастный Трубецкой при смерти боленъ, а послѣ совершенно о немъ замоyleли, и не знаемъ, что съ нимъ сдѣлалось. Что сестра его Потемкина? Она, кажется, не ожидала для него такой строгой участи. Срокъ мой къ отъѣзду подвигается. Выѣду между 20-мъ и 25-мъ. Разставаніе со мною будетъ тяжело Карам[зинымъ]. Онѣ совершенно въ одиночествѣ останутся еще на мѣсяцъ.

Благодарю милую Машеньку за добрыя вѣсти, которыя ты мнѣ даешь о ней, и нѣжно цалую; перецалуй она также за меня

сестрицъ и Павлушу. Простите. Благословляю и обнимаю васъ отъ всего сердца. У меня насморкъ, и я чрезвычайно глупъ. Отчего говорятъ *насморкъ*? Надобно говорить *носмокръ*. *Поносъ* также неправильно: надобно *понесъ* или *пронесъ*. Спроси объ этомъ мнѣніе Софьи Васильевны, которой, очень радъ, что имѣю случай при семъ засвидѣтельствовать мое почтеніе. Сейчасъ вспомнилъ я, что здѣсь Уварова и, вѣроятно, Жукова съ нею: надобно же мнѣ постараться увидѣть ее. У Карамз[иныхъ] была на дняхъ Долгорукая-Гагарина, которая очень довольна ревельскимъ воздухомъ, пребываніемъ. Я заѣзжалъ къ ней въ 9-ть часовъ вечера, и мнѣ сказали, что она уже почиваетъ. Также познакомился я и съ другою твоею кузиною, Апраксиною, которая показала мнѣ очень похожа на твою же кузину Гагарину-Пушкину.

Что же не высылаешь ты книгъ къ Кремерамъ? Ты, я думаю, не на шутку ревнуешь и по дѣломъ, потому что онѣ мнѣ совершенно нравятся. Ужъ и о піанистеѣ, какъ и о нихъ, не молчишь ли ты по той же причинѣ?

Есть ли кому получать письма въ московскомъ домѣ за отсутствіемъ Демида? А нето письмамъ не мудрено пропадать, если за нихъ отвѣчаетъ:

le Nestor du galant rivage,
le patriarche des amours.

39.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 16-го [августа 1826 г.].

Не знаю, счастье ль быть съ тобой неразлучно,

Но въ этомъ поклянусь я словомъ и душой,

Что въ перепискѣ быть съ тобой

Невыразительно какъ скучно!

Вотъ тебѣ мое привѣтствіе, когда мнѣ пришли сказать, что нынѣшняя почта мнѣ ничего не принесла. И тутъ нечего доискиваться причинъ: одна ты виновата! На нѣсколько писемъ моихъ о піанистеѣ ничего не отвѣчаешь, а пишешь мнѣ о своихъ дуракахъ Девонширѣ, Рагузскомъ,

Ce sot qui trouve encore un plus sot *qu'il admire*,

а тамъ и вовсе не пишешь. Вижу, что и до тебя мои письма не всѣ доходятъ, а къ другимъ ко всѣмъ доходятъ въ точности; все отъ того, что у тебя нѣтъ никакого порядка: нѣтъ кому исправно принимать и относить письма, а это отъ того, что ты могла просидѣть бы годъ безъ моихъ писемъ и не спохватилась бы, пришла ли хоть разъ почта въ теченіе года. Богъ съ тобою! Я взбѣшенъ! Обнимаю и благословляю васъ всѣхъ отъ души. Теперь даю честное слово тебѣ, что въ первую разлуку нашу уже не съ тобою, а съ дѣтьми буду вести переписку.

17-го.

Бѣда безъ бѣды не бываетъ. Теперь новая досада: сижу съ флюсомъ не такимъ, какой былъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы, но все порядочно скучно. Сегодня была у насъ ворожея и говорила мнѣ, что у меня жена не такъ хороша и добра, какъ я, что она скупа и сердита; въ другое время заступился бы я за тебя, но тутъ я былъ радъ, что бранять тебя. Ничто тебѣ! Въ другой разъ не оставляй меня безъ писемъ, а не то предамъ тебя поношенію всѣхъ ворожей, да еще тѣмъ кончу, что стану имъ вѣрить. Не могу писать: бранить тебя не хочется, шутить—ты того недостойна, о постороннемъ говорить духа нѣтъ.

Обнимаю и благословляю васъ всѣхъ. Будьте здоровы!

40.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 21-го [августа 1826 года].

Беру назадъ свою эпиграмму и колкій лаконизмъ послѣдняго письма. Вчерашняя почта тебя оправдала, но и меня не совсѣмъ обвинила. Виновата не рука твоя писавшая, но рука, на почту пославшая письмо, твоя или Нестерова, того рѣшить заочно не могу. Вчерашнее твое письмо—отъ 9-го числа, но я могъ бы его получить уже по предпрошедшей почтѣ, а вчера имѣть свѣжѣйшее. Какъ бы то ни было,—миръ, миръ, глаголю намъ. Подозрѣваю также изъ письма твоего, что ты на первый голосъ мой о Лютернѣ моей просто забыла отвѣчать, потому что не вижу удивленія въ тебѣ, что я не обстоятельно говорю тебѣ о ней: слѣдовательно, ты получила мое письмо; слѣдовательно, ты все по *старому*

[нѣтъ, извини: по *прежнему*], все та же голубушка à tête de linotte, то-есть новое явленіе въ царствѣ пернатомъ. Я не могу выразить тебѣ, какъ мнѣ больно, когда моя почта осѣчется и останусь съ пустыми руками: смѣсь грусти, страха, досады овладѣетъ мною, и я—точно какъ въ воду опущенный. Ты знаешь, что я вообще не люблю les mécomptes въ жизни, а это одно изъ чувствительнѣйшихъ, хотя не изъ важнѣйшихъ. Оно схватить на часъ,—не то, что понуждаетъ сходить на часъ, хотя и можно было бы сравнить эту сердечную схватку съ жестокимъ рѣзомъ въ животѣ, но держать меня часъ,—пока не втолкую себѣ въ голову и въ сердце, что часто малѣйшее обстоятельство, независимое отъ тебя, можетъ заставить письмо не притти въ пору на почту, и проч. и проч., кромѣ того, что, пожалуй, еще наши письма ходятъ и по рукамъ, пока не дойдутъ до нашихъ рукъ. Чего добраго? Я не прочь отъ этого, но прошу только васъ, господа, на письменныхъ заставахъ команду имѣющія, недолго задерживать наши письма! Я знаю, что вы не очень грамотны и довольно тупы по своей породѣ и что легко не разбираете вы ни руки моей, ни смысла моего! Ищете, чего нѣтъ, и не находите то, что есть! Право, въ моихъ письмахъ нѣтъ никакой тайны! Напрасно мучите вы свои зубы, чтобы разгрызть мои орѣхи: въ нихъ не доберетесь до ядра, потому что его нѣтъ! Мои орѣхи свистушки, въ которыя свищу, когда мнѣ сдѣлается очень тошно, глядя на васъ и то, что вы дѣлаете, и которыми освистываю васъ и всѣхъ православныхъ дураковъ, какой породы бы они ни были! Вотъ вамъ моя исповѣдь. Вѣрьте ей, она чистосердечна! Впрочемъ, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребыть вашимъ

(что бишь вы?—Превосходительство, или выше, или еще выше? право не знаю; но сами вставьте свои титула, а я со всею покорностію слуги, который изъ передней ругаетъ своихъ господъ, но по неволѣ имъ повинуется)

всепокорнѣйшимъ слугою,

Князь Петръ Андреевичъ сынъ Вяземскій,
отставной камеръ-юнкеръ и болѣе ничего.

Я радъ, что пришлось мнѣ къ случаю объясниться на этотъ счетъ. Надѣюсь, что это объявленіе пойдетъ къ дѣлу и принято будетъ въ уваженіе. Теперь должно мнѣ будетъ и тебѣ со всею возможною осторожностью объявить тайну и принести исповѣдь и покаянiе. Не знаю, поспѣю ли ко дню твоего рожденiя. Не думай, чтобы это было *par fausse considération* и по желанію не огорчить тебя лишнимъ свидѣтелемъ дня, который иногда ¹⁾ то-есть со временемъ не то, чтобы былъ чернымъ днемъ, а такъ бываетъ праздникомъ ¹⁾ не въ праздникъ. Нѣтъ, я знаю твердость души твоей и увѣренъ, что ты выше мелкихъ расчетовъ чиселъ, какъ бы ни были они крупны въ полномъ итогѣ. Нѣтъ, дѣло въ томъ, что меня подмываетъ и подмываютъ до отъѣзда въ Петербургъ прогуляться въ Гельсингфорсъ моремъ на яхтѣ Спафарьева, отправляющейся съ финляндскимъ сенаторомъ, который очень зоветъ меня съ собою. По настоящему предложенію поѣздка совершится въ три дня, т. е. отправимся въ понедѣльникъ съ разсвѣтомъ, къ обѣду должны быть на мѣстѣ, а въ среду возвратиться обратно; но вѣтеръ противный можетъ поперечить намъ, и тогда поѣздка продолжится дней шесть, ибо скъзываютъ, что, какъ вѣтры ни будь противны, а все болѣе двухъ сутокъ не проѣдешь. Я еще навѣрное не знаю, ѣду ли, а признаюсь, что хочется съѣздить. Ты меня благословишь, не такъ ли? А между тѣмъ я тебя благословляю на удаленіе дня твоего рожденiя. Родись не прежде дня моего пріѣзда. Тебѣ же лучше: ты помолодѣешь, когда украду за тебя нѣсколько дней изъ твоей жизни; только нѣсколько дней, не болѣе, а ты уже и обрадовалась, думая, что спустишь съ плечъ своихъ нѣсколько лѣтъ или по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣтъ, извини! дарю тебя ²⁾ въ день рожденiя только нѣсколькими днями: къ 17-му во всякомъ случаѣ сведемъ мы свои счеты. Такимъ образомъ по слѣдующей почтѣ, т.-е. по вторичной, можетъ быть, и не будетъ отправлено къ тебѣ письма.

Володя совершенно выздоровѣлъ. Наши змѣи не смертельно ядовиты, и большой опасности въ нихъ нѣтъ. Флюсъ мой также

¹⁾ Точки въ оригиналь.

²⁾ Въ оригиналь: тебѣ.

прошелъ, и сегодня думаю вновь зачать купанія. Дни жаркіе и ночи теплыя. Пары опять показываются; вѣроятно, горятъ лѣса или земля: вчера солнце было точно красной мѣди.—Что же не присылаешь ты романсовъ Ключфельдамъ и книгъ Кремерамъ? Ты меня выводимъ изъ терпѣнія своею африканскою ревностію. Сейчасъ ѣду искать Лютера и переговорю съ нимъ окончателно.— Ъздилъ и окончателный разговоръ тѣмъ кончился, что конца не будетъ. Піанистка возвратилась къ своему мѣсту въ деревню, а родители сказали мнѣ, что она боится ѣхать въ даль и не можетъ рѣшиться. Если твой отвѣтъ пришелъ бы ранѣе, то, можетъ быть, и удалось бы еще передѣлать это дѣло или прискать другую. Теперь не знаю, удастся ли. Между тѣмъ я уже говорилъ, и мнѣ обѣщали прискать, я сегодня вечеромъ еще дамъ порученіе. Нѣтъ намъ счастья въ нашихъ планахъ воспитательныхъ, да кажется и ни въ какихъ. Увидимъ, что будетъ. Швейцарецъ кажется мнѣ глупъ, и потому не имѣю охоты его взять.

Простите, мои милые. Обнимаю и благословляю васъ отъ всей души. Ты вѣдь на меня не разсердишься, если опоздаю немного? Меня и то ободряетъ, что коронація все еще не назначена; можетъ быть, она совершится и въ первыхъ числахъ сентября. Тебѣ тогда и безъ меня будетъ весело, а я гораздо охотнѣе погляжу на Свеаборгъ и Гельсингфорсъ, чѣмъ на Иванъ Великій и на Ивана Александровича Нарышкина.—Разсказъ о медвѣжьей плясѣ Павлуши очень насъ смѣшилъ; держи его однакоже въ рукахъ, чтобы не слишкомъ избаловался, а потомъ хуже будетъ съ нимъ возиться. Цалую ихъ всѣхъ и тебя тутъ же.—Не забывай, что, можетъ быть, на будущей недѣлѣ писемъ отъ меня не будетъ.

Притиска Гамильтона.

Chère princesse ¹⁾ Vesemsky ²⁾, je crois que vous avez oublié votre ancien ami Hamilton. Je vous embrasse de tout mon coeur.

¹⁾ Сначала вмѣсто princesse было написано: madame de.

²⁾ Такъ въ оригиналь.

41.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[Ревель]. 23-го [августа 1826 г.]. 6 часовъ утра.

Черезъ часъ сажусь на яхту, и пускаемся въ Свеаборгъ. Благослови меня, голубушка, и авось возвращусь сюда благополучно въ среду или четвергъ, т.-е. 26-го, и найду здѣсь хорошія о тебѣ вѣсти.—Всѣ эти дни искалъ я новую піанистку, и, кажется, есть на примѣтѣ. Мы ничего не знаемъ, что у васъ дѣлается. Была ли вчера коронація или нѣтъ?

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые, и прошу вашего благословенія. Сважи Машенькѣ и Пашенькѣ, чтобы онѣ по картѣ слѣдовали за мною моремъ изъ Ревеля въ Свеаборгъ, а тамъ въ Гельсингфорсъ. Будьте здоровы, и дай Богъ увидѣться намъ въ радости.

Я не думалъ писать тебѣ сегодня; итакъ, ты по слѣдующей почтѣ, можетъ быть, не получишь. Съ судна не встанешь, пока не Можетъ быть, я почту и прогуляю.

42.

Князь П. А. Вяземскій своей женѣ.

Гельсингфорсъ. 24-го[—25-го августа 1826 г.].

Вчера писалъ я тебѣ изъ Ревеля, сегодня пишу изъ Гельсингфорса, столицы Княжества Финляндскаго. Слѣдовательно, мы не утонули, кораблекрушенія не было, и плаваніе было довольно благополучно. Точно такъ, хотя въ плаваніи было довольно и неудачи. Назначенъ былъ отъѣздъ къ 8 часамъ утра, собрались не прежде 12-го, да и то по пустякамъ: ни малѣйшаго вѣтра не было, и бригъ ¹⁾ нашъ *Факель* стоялъ неподвижно. Желая укрыться отъ стыда прозѣвать на берегъ, кое-какъ на веслахъ выбрались

¹⁾ Въ оригиналѣ: брикъ.

мы изъ первой гавани и простояли во второй до трехъ часовъ. Хорошо море, но не тогда, какъ ждешь погоды. Это самое глупое и досадное состояніе: мнѣ напомнило оно мое страданіе въ началѣ Бородинскаго дѣла, когда я не имѣлъ лошади и думалъ простоять все сраженіе. Тогда только было поважнѣе. — Наконецъ въ три часа какой-то вѣтеръ [я еще не затвердилъ словаря морского], но только не совсѣмъ попутный, поднялъ съ мѣста нашъ „Факель“, и мы кое-какъ поплыли. Позже вѣтеръ сдѣлался совершенно попутный, но уже не во время: темно было на дворѣ, т.-е. на морѣ, и надобно было намъ бѣгъ свой умѣрить, а не подавать ему крылья, потому что въ близости Свеаборга изъ моря торчатъ скалы, на которыя наткнуться носомъ, а особливо же носомъ корабля, не весело. Въ семь часовъ утра стали мы сегодня на якорѣ передъ Свеаборгомъ, крѣпостью, построенной на скалахъ, образующихся островами въ родѣ морского пояса. Видъ дикій, но не безъ живописи. Жаль, что утро было пасмурное и туманное, и картина представилась глазамъ нашимъ не въ хорошемъ видѣ. Въ гавань вѣзжаешь, какъ въ каменные ворота, между скалъ. Все море перерѣзано между Свеаборгомъ и Гельсингфорсомъ каменными островами, и море смотреть то широкою рѣкою, то озеромъ: оно здѣсь разжаловано изъ безграничности своей въ разныя ограниченныя отдѣленія. Эти морскіе покои имѣютъ свою прелесть, и весело ходить между ими на кораблѣ, потому что вода вездѣ довольно глубока. Мы однакоже вѣхали въ гельсингфорсскую гавань [ихъ двѣ и готовится третья, когда городъ расширится] на маленькомъ катерѣ, который выслали намъ. Высадили насъ передъ домомъ купца, красиво выстроенномъ. Гельсингфорсъ совершенно новый городъ: подъ шведскимъ владѣніемъ былъ онъ маленькимъ уѣзднымъ городомъ, который и тотъ выгорѣлъ въ войну; уже подъ русскимъ владѣніемъ пожаловали его въ столицы Княжества Финляндскаго: прежде былъ столицею Або. Городъ чистъ и послѣ Ревеля узкаго, древняго смотреть маленькимъ Петербургомъ. Дома почти всѣ подъ одно лице, улицы довольно широки, площади; Сенатъ — лучшее зданіе въ городѣ, построено архитекторомъ¹⁾

¹⁾ Въ оригиналь оставлено мѣсто, повидимому, для фамиліи архитектора, но заповнень пробѣлъ не былъ.

подъ генераль-губернаторствомъ Барклая-де-Толли. Не знаю, здѣшніе сенаторы почише ли нашихъ, но по крайней мѣрѣ чище нашихъ засѣдаютъ. Комнаты богато и хорошо убраны, съ щегольствомъ и роскошью. Я живу у одного изъ здѣшнихъ сенаторовъ, барона *Klingkowström*, съ которымъ мы и приплыли изъ Ревеля. Онъ пріятный человѣкъ, много бродилъ по свѣту, говоритъ почти на всѣхъ языкахъ европейскихъ. Покои его убраны *en petite maîtresse*, и вообще, кажется, много порядка въ его житейскомъ быту. — Болѣе всего миѣ нравятся въ городѣ и за городомъ наросты каменные, эти пригорки гранитные, которыми всклокочена вся почва. Смѣсь этой дикости съ зеленою луговъ и обработанныхъ полей живописна. Жаль только, что нѣтъ лѣса. Перенесите сюда прозябаніе ревальское, и чуть ли Гельсингфорсъ не перетянетъ. Впрочемъ, новизна все будетъ портить. Ревель милъ сѣдиною живописною.

25-го. *6 часовъ утра*. Всталъ я рано, а кажется безъ пользы. На дворѣ тихо, а море еще тише. Гляжу въ окошко: ничто не колыхнется, ни вѣтки, ни волны. Миѣ на сегодняшній день готовится еще много потѣхъ, если безвѣтріе принудить остаться, а все хотѣлось бы уплыть. Вчера обѣдалъ я у своего хозяина съ молодымъ Армфельтомъ, адъют[антомъ] Закревскаго, о которомъ намъ говорилъ Мухановъ. Любезный и ловкій парень. Хорошо говоритъ по-французски, съ нѣкоторымъ убранствомъ, но пріятно и пріятель. Послѣ обѣда отправились мы на лодѣ въ *Turholmen*, верстъ шесть отъ города: маленькая дача на правомъ берегѣ моря. Миловидное положеніе! Домикъ между скалъ и зелени деревьевъ. Море въ этомъ мѣстѣ — точно огромная гранитная чаша съ водою. По сторонамъ видны еще другія дачки и напротивъ дачка *Cronstedt* другого адъютанта Закревскаго. Въ *Turholmen* живетъ г-жа *Schwenson* съ старымъ мужемъ: та же смѣсь живой зелени съ дикимъ камнемъ. Она очень мила и привѣтлива и довольной ¹⁾ красивой наружности, хотя и не красавица, а онъ что-то вовсе не улыбочивъ. Туда ѣхали мы съ вѣтромъ, а возвращались противъ вѣтра и въ сумеркахъ, но благополучно, хотя

¹⁾ Такъ въ оригиналь.

нашимъ финляндцамъ и трудно было веслами разсѣкать набѣгающія на насъ волны. Не знаю съ чего, но я въ водѣ никакого страха не вижу, хотя отъ природы я и не рѣшительной неустрашимости [особливо же, когда ѣду съ тобою въ каретѣ на косогорѣ]. Видно, мнѣ на водѣ и погибнуть.

Сказать ли тебѣ, что здѣсь открыли мѣдныя и желѣзныя руды? что главный торгъ Финляндіи лѣсомъ, досками и дегтемъ? что я живу въ *Freds gatan*, т.-е. *мира улица*, въ кварталѣ *Слона*? что въ этой улицѣ зданія сената, генераль-губернатора, почта, бани, и что, слѣдовательно, она первая улица въ городѣ? что строится деревянный театръ и разложить вокругъ него садъ, городское гулянье, которое и зачалось уже? Тебѣ все это не нужно, но мнѣ надобно написать на память: такимъ образомъ я пишу это письмо болѣе къ себѣ, чѣмъ къ тебѣ, а тебѣ оно только сообщается за свѣдѣніе.

Les rochers de Sörnäs [Сернесъ] близъ города по петербургской] дорогѣ; съ нихъ видишь Гельсингфорсъ и Свеаборгъ. Я взобрался на одну изъ скалъ; скала не скала, а гора изъ дикаго камня или дивихъ камней, только кое-гдѣ зеленѣющихъ подъ мохомъ ихъ покрывающимъ. Это образчикъ всей Финляндіи; только есть горы гораздо высшія, и часто изъ нихъ и черезъ нихъ несутся потоки.

Я встрѣтился здѣсь съ графомъ Владиміромъ Пушкинымъ. Дай знать сейчасъ его матери и сестрамъ, что онъ здоровъ и безпокоится только о томъ, что давно не имѣетъ отъ родныхъ никакого извѣстія.—

Тишина воздуха меня бѣситъ. Капитанъ корабля не идетъ за мною; худой знакъ: слѣдовательно, нѣтъ надежды тронуться съ мѣста. Авось воздухъ намъ въ паруса и въ носъ, когда день разгуляется. Теперь онъ еще со сна и не расшевелился. Прости, моя милая. Надѣюсь, что не придется мнѣ добавить [къ] ¹⁾ этому письму журналъ и нынѣшняго дня. Обнимаю и благословляю васъ отъ души.

. и черезъ четверть часа оставляю Гельсинг-

¹⁾ Въ оригиналь было написано какое-то другое слово, которое зачеркнуто.

форсъ.—Надѣюсь вечеромъ пить чай дома. Еще разъ благословляю и обнимаю, и вы меня, мои милые, обнимите и благословите.

На 4-й страницѣ.

À Madame la Princesse Wiasemski. À Moscou.

Я Сіятельству Книгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ Вяземской. Въ собственномъ домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.

43.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[Ревель. 28 августа 1826 г.].

Не въ среду, какъ я писалъ тебѣ, отправился я изъ Гельсингфорса, а въ четвергъ, и приплылъ въ Ревель только вчера въ пятницу къ обѣду. Въ среду былъ я уже на суднѣ, но какъ мы не жилились, а вытти не могли. Входъ и выходъ ¹⁾ Свеаборгскій очень затруднителенъ, узокъ и загражденъ скалами. Просидѣвъ на суднѣ съ запоромъ до второго часа и узнавъ отъ капитана, что въ тотъ день не будетъ никакой возможности вытти изъ Свеаборга, возвратился я на яликѣ въ Гельсингфорсъ и провель тамъ еще день, кое-какъ съ скувою пополамъ, хотя скучно и не было. Но ты знаешь, что я не люблю противорѣчій въ жизни. Наконецъ, въ четвергъ рано поутру подулъ намъ попутный вѣтръ; мы отправились, но не долго имъ пользовались ²⁾; вѣтеръ началъ стихать, стихать и вскорѣ совершенно утихъ, такъ что мы нѣсколько часовъ совершенно были скованы. Къ вечеру поднялся вѣтръ, хотя и не хорошій, но все-таки мы могли подвигаться и, лавируя всю ночь и цѣлое утро, къ первому часу вчера передъ обѣдомъ стали мы на якорѣ. Я не былъ боленъ и ночью спалъ очень хорошо въ каютѣ, но поѣздка мнѣ была не очень по сердцу. Можно въ нѣсколько часовъ, пять-шесть, совершить это плаваніе; тогда весело; но безъ счастья нигдѣ не хорошо. Возвратясь, нашелъ я всѣхъ дома здоровыми и твои два письма отъ

¹⁾ Въ оригиналь передъ словомъ Свеаборгскій зачеркнуто слово въ.

²⁾ Сначала было написано воспользовались, но буквы вос зачеркнуты.

14-го и 19-го. Слава Богу, что вы здоровы, и радуюсь, что ты въ Москвѣ. Я такъ загулялся, что мнѣ совѣство было гулять бы одному. Гуляй и ты, моя голубушка!—Зачѣмъ тебѣ посредство Тимирязева, чтобы узнать отъ Турно о судьбѣ письма твоего? Развѣ не можешь сама свидѣться съ Турно? *Que diable, dis-tu, que ton beau-père vient de te broder quatre ou cinq chambres?* Прасковья Юрьевна также ли въ Москвѣ? Скажи имъ мое сердечное почтеніе.—Желаю тебѣ успѣха во всѣхъ дѣлахъ, но кажется, въ эту суматоху ничего не сдѣлаешь. Дождись меня. Буду на той недѣлѣ, но дня еще не назначилъ. Ко дню рожденія твоего уже мнѣ не успѣть. *Il faut que tu fasses ton deuil de ton jour de naissance.* Не подумай, что тутъ эпиграмма.

Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur.

Что за туманъ и дождь и вѣтеръ на дворѣ! Вы, кажется, не разгадали моей загадки: я говорилъ не прямо о, а объ, спрашивая: *qui a possédé le premier instrument à vent?*—Что ты меня потчиваешь древнею исторіею, говоря мнѣ о Дороховыхъ, а молчишь о новѣйшей, ничего не отвѣчая на требованіе прислать книги дѣвицамъ Стаемер! Теперь уже не присылай, потому что онѣ скоро ѣдутъ. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Княжнамъ имѣю честь посылать го-стинець гельсингфорскій, три платочка, а тебѣ ничего, потому что ты вѣрно уже и безъ того мотаешь. Нечего мотать головою, уже вѣрно такъ!—Вотъ куда дернуло Дениса! Князь Федоръ не отправится ли также? Цалую тебя вѣжно. Завтра узнаю что-нибудь о новой піанисткѣ. Поблагодари Толмачева за письмо его, которое дѣлаетъ честь его чувствамъ. Не отвѣчаю ему, потому что скоро надѣюсь съ нимъ увидѣться; тогда все переговоримъ подробнѣе.

44.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[Ревель]. 31-го августа [1826 г.].

Спасибо за вчерашнія письма отъ 20-го и 24-го. Радуюсь, что вы здоровы, мои милые, и что ты и вы въ Москвѣ. Съ большимъ удовольствіемъ прочли мы твое описаніе коронаціи. Если

будетъ еще что примѣчательнаго, напиши къ Карамзинымъ въ Ревель, потому что меня уже письмо твое не застанеть. Ёду, т.-е. рѣшился непремѣнно выѣхать, въ пятницу въ ночь, т.-е. 3-го числа, и, вѣжета, на этотъ разъ рѣшеніе мое разрѣшится въ самомъ дѣлѣ, а не выкинеть, какъ оно уже нѣсколько разъ случалось. Но тебѣ не скучно и потому мнѣ не совѣстно; къ тому же твержу одно: мнѣ не хотѣлось быть на вашихъ праздникахъ, и я къ самому концу ихъ и явлюсь. Желаю съ нетерпѣніемъ знать объ успѣхѣ свиданія Четвертинскаго.—Что же у васъ за сплетни въ Москвѣ? Ахъ, вы, мои Москвичи! — Воткнули ли Кашкину хоть павлиное перо на раздачѣ богатыхъ и великихъ милостей? Онъ, голубчикъ, и тому былъ бы радъ, да и не онъ одинъ. Болѣе всего позабавило меня графство Куруты. Вотъ настоящій придворный маскарадъ. Люди! люди! куда вы глупѣе самихъ скотовъ! Впрочемъ, все это въ порядкѣ. Не разсудокъ главное преимущество человѣка, а напротивъ способность дурачиться и сходить съ ума. Звѣри бѣсятся, это не весело; а мы пользуемся отряднымъ безуміемъ, къ тому же и довольно невиннымъ. — Пѣнистка не дается мнѣ въ руки: всѣ боятся Москвы, какъ дикой земли. Сейчасъ ёду еще на ловлю: авось что-нибудь и поймаю къ отъѣзду. Только врядъ удастся ли увезти съ собою. Какъ это не боишься ты слѣдствій долгаго tête-à-tête, а особливо же въ дорогѣ съ молоденькою нѣмкою? Видно, ты меня уже совсѣмъ пожаловала въ старики. А между тѣмъ все-таки ревнуешь въ Кремерамъ, какъ ни увертываешься въ письмѣ, оправдываясь забвеніемъ, недосугами. Я чутьемъ за пять тысячъ верстъ разнюхаю твою ревность. Да и по дѣломъ! потому что я совершенно плѣнился ими; только прошу не разбалтывать этого по городу: ты, пожалуй, рада тому, чтобы испортить мои другія дѣла. Я знаю твое воровство. Особливо же не говори Анетѣ Окуловой, которая болѣе всѣхъ, даже болѣе и тебя, ревнуетъ меня ко всѣмъ. — Ты говоришь, что посылаешь мнѣ костромскія письма, а инъ нѣтъ, кромѣ Демидова письма. Впрочемъ, поговоримъ обо всемъ въ Москвѣ. Теперь тебѣ не до того. Вы всѣ пьяны коронаціей, и мнѣ, трезвому, съ вами говорить не встаети. Только замѣчу одно: не давайте Трубецкой воли. Зачѣмъ освободили

ея женщину? Тутъ правосудіе должно дѣлать свое дѣло. Еще важное дѣло: если зиму проведемъ въ деревнѣ, на что я совершенно согласенъ, то вели непремѣнно сдѣлать мнѣ въ кабинетѣ каминь, въ окошкѣ или изъ печки. Что ты опредѣляешь мнѣ въ кабинетъ? Не угольную ли комнату на правой сторонѣ, т. е. не ту большую, въ которой обѣдаемъ, а противоположную ей? Кажется, это лучшая для меня, тѣмъ болѣе, что возлѣ есть маленькая комната и выходъ. Получила ли ты мое письмо, гдѣ совѣтую отдать нашъ домъ въ наймы и на зиму, а самимъ взять три или четыре комнаты для пристанища на случай прїѣздовъ, т. е. твоихъ!!!!!!!!!!!!!! А я вѣрно ни разу не загляну въ городъ????????? — Сейчас возвратился я изъ города; все еще не держу піанистви, а есть одна на примѣтѣ, и завтра хотѣли дать отвѣтъ рѣшительный. У насъ уже осень на дворѣ, а особливо же на морѣ и въ морѣ. Безперестанный ¹⁾ вѣтеръ и разъ двадцать въ день то солнце, то дождь, и довольно холодно. Я однакоже все еще купаюсь. Простите, мои милые. Сважи мой сердечный поклонъ Киселевой и сердечное спасибо мужу за то, что онъ держитъ тебя въ рукахъ. Застану ли я ихъ еще въ Москвѣ? Обнимаю и благословляю васъ отъ души.—Напиши же къ Карамзинымъ и вели дѣлать каминь; только прошу не забывать моихъ порученій, потому что они приказанія. Слышишь ли: приказанія?

На оборотъ 2-ю листа:

Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской, въ собственномъ домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ Москвѣ.

45.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

6-го сентября [1826 г.]. С.-Петербургъ.

Со вчерашняго вечера я здѣсь; никого еще не видалъ, кромѣ балета „Руслана и Людмилы“, куда бросился съ тоски и съ нечего дѣлать. Отсутствіе Муханова меня очень разстроило: онъ долженъ

¹⁾ Такъ въ оригиналь.

былъ меня отправить, и теперь я, какъ дитя безъ кормилицы. Не знаю еще, какъ мнѣ ѣхать: бричка, въ которой я пріѣхалъ изъ Ревеля, нивуда не годится и замучила меня и на этомъ маломъ разстояніи; коляска Голицына ждетъ ли меня или нѣтъ, неизвѣстно; или просто ѣхать мнѣ въ дилижансѣ? Все это зналъ Мухановъ, и теперь все это надобно мнѣ самому узнать, бѣгать, рыскать, хлопотать. Во всякомъ случаѣ не бойся или бойся: не заживусь! Поздравляю тебя, моя голубушка, со днемъ рожденія. Ну, что же дѣлать? Крѣпись! Еще годовъ стукнулъ! Это не весело; утѣшься тѣмъ, что и мнѣ не весело. Не знаю даже, съ кѣмъ распить сегодня бутылки шампанскаго за твое здоровіе и твое горе. Заѣзжалъ я къ в[нягинѣ] Софіи Волконской, но узналъ, что она на дачѣ, и поѣду сегодня. Слышу, что есть облегченіе въ участи несчастныхъ, но я еще ничего не видалъ и никого не видалъ. Карамзинныхъ оставилъ я здоровыми: онѣ безъ меня совершенно осиротѣли. Можетъ статься, что онѣ всю зиму проведутъ въ Ревелѣ. Барышни того очень желаютъ; желаетъ и Екат[ерина] Анд[реевна], но боится, чтобы дочери не черезъ силу приносили ей эту жертву. По многимъ отношеніямъ имъ очень хорошо прожить этотъ годъ въ Ревелѣ. Что ждетъ ихъ въ Петербургѣ? Возобновленіе ранъ, еще не закрытыхъ, скучныя свѣтскія обязанности принимать и отдавать визиты и все какая-то неволя. Тамъ имъ покойнѣе, вольнѣе и, какъ ни говори, сердцу, хотя не веселѣе, а все легче. — Наканунѣ отъѣзда моего завелъ я маленькую интрижку съ молодою піанисткою, но за краткостью времени кончить ничего не успѣлъ. Какъ офицеръ, который два года стоя въ гарнизонѣ въ городѣ бился около одной женщины по пустывамъ и наконецъ, оставивъ городъ, говорилъ: *encore un jour et je l'avais!* могу и я сказать то же о піанисткѣ, но по крайней мѣрѣ надѣюсь имѣть ее *rag proscrigation*. Она, кажется, не очень сильна въ исполнительской части, но, говорятъ, хорошо знаетъ музыку и въ состояніи учить; показала она мнѣ хорошо воспитанною и доброю нѣмочкою. Отъ Клюпфельдовыхъ узнаемъ болѣе. Сейчасъ ѣду на почту посмотреть, нѣтъ ли писемъ отъ тебя. Спасибо за письмо отъ 31-го. Поздравь Четвертинскихъ. Какова она? Жаль мнѣ сердечно, что ничего къ пользѣ ихъ не дѣлается. Да изъ чего же бьешься ты

по переднимъ и баламъ герцоговъ, графовъ и князей, если ты ничего устроить не умѣешь? — Прости, обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Теперь уже рукою достать до васъ; авось скоро и губами. Дай только Богъ увидѣться намъ въ радости или по крайней мѣрѣ въ спокойствіи духа.

46.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[С.-Петербургъ. 8-го сентября 1826 г.].

Кажется, выѣду отсюда не прежде понедѣльника, т.-е. 13-го, въ коляскѣ Голицына. Безъ Муханова я здѣсь, какъ безъ правой руки. Надобно самому обо всемъ хлопотать, искать и проч. К[нягиня] Софія Волконская, сказываютъ, не на шутку больна; увижу ее сегодня. Ей совѣтуютъ тотчасъ ѣхать за границу, но движенія кареты ей вынести нельзя, а моремъ становится поздно. Мужъ ея теперь главный по придворной части: должно его просить о Четверт[инскомъ]; также подъ его вѣдомствомъ и удѣльные имѣнія, куда хотѣли купить деревню в[князя] Ѳедора. Постарайся черезъ в[нягиню] Зенеиду устроить ихъ дѣла.

У меня въ комнатѣ такъ холодно, перо такъ скверно, что нѣтъ возможности писать. Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Сейчас пускаюсь рыскать; обѣдаю у Татищевой.

8-го.

47.

Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ.

[С.-Петербургъ]. 1826 года, 9-го [сентября].

За что ты сердишься, моя голубушка? Чѣмъ я виновать? Развѣ не сказалъ я тебѣ съ самаго начала, что на вашихъ праздникахъ быть не хочу, что мнѣ торжествующая Москва гадка. Развѣ я не расчелся уже съ потомствомъ по этому предмету *et n'y as-tu pas reconnu cette assurance d'immortalité, qui me poursuit dans tout ce que je dis et dans tout ce que je fais*, какъ ты

говоришь эпиграмматически въ своемъ вчерашнемъ письмѣ, т.-е. эпиграмматически по твоему, а по моему просто грамматически и исторически. Такъ я и дѣлаю! Приѣхать бы мнѣ на праздники, то только тебѣ быть помѣхою, а самому себѣ не на радость. Воля твоя, я правъ передъ тобою и передъ собою. Какъ говорилъ свачала, такъ дѣлаю и теперь. Смотри, не говори вяжнѣ Аннѣ о томъ, что писалъ тебѣ вчера о болѣзни к[нягини] Софіи. Ей не сказываютъ. Вчера я видѣлъ ее и нашель очень слабою; она въ постелѣ, но довольно жива въ разговорѣ. Видѣвшіе ее прежде сказываютъ, что ей теперь лучше. Тутъ были посторонніе, и мы мало говорили съ нею. Какъ ни крѣпился я, какъ ни думалъ поразить тебя нечаявностію, а видно надобно по прежнему *lacher le grand mot*: денегъ! Приготовь мнѣ рублей пятьсотъ къ приѣзду, которые займу здѣсь у кого-нибудь, а у кого?—право, не знаю! Сегодня вытаскиваются послѣдніе рубли. Сосѣдъ мой Завадовскій не очень надеженъ, хотя и обѣщаль постараться мнѣ приготовить къ отъѣзду. Только объявляю тебѣ, что прошу отъ тебя эти пятьсотъ рублей въ займы и зимою заплачу ихъ тебѣ изъ выручки за свои труды. Шутки въ сторону, хочу отнынѣ содержать лично свою персону своею работою. Только тебѣ ничего изъ этого не будетъ; прошу и не считать на эти деньги! Смотри же: уговоръ лучше денегъ! И не думай, чтобы я сталъ дѣлиться съ тобою потовыми и чернильными своими денежками.—Ѣду въ понедѣльникъ.—Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Дай Богъ увидѣться намъ въ радости.

48.

Нязь П. А. Вяземскій своей женѣ.

[С.-Петербургъ]. 11-го [сентября 1826 г.].

Я всетаки ѣду, а съ чѣмъ?—право, не знаю! До сей поры сижу безъ гроша, хотя и ожидаю благодати изъ трехъ мѣстъ. Но пословица говорить: „на посулѣ, какъ на стулѣ“, а на стулѣ не доѣдешь къ вамъ. *Ce n'est pas une chaise de poste, quoique les promesses fassent aussi courir.* Ты видишь, что я въ горѣ не унываю и что умъ мой не тускнеть въ препятствіяхъ.—Этотъ Пе-

тербургъ мнѣ никогда не доброжелательствовалъ, и всегда выношу въ немъ крутыя минуты!—Только ты смотри, изготовь 500 рублей, чтобы тотчасъ по приѣздѣ моемъ отправить ихъ благотѣльной душѣ, которая сжалится надъ моей участью. Хотя и стою здѣсь, какъ ракъ на мели, какъ корабль въ тиши, но все надѣюсь, что на той недѣлѣ благотворный приливъ и попутный вѣтръ кинутъ меня въ вамъ, мои милые, которые уже успѣли постарѣть безъ меня. *J'espère que ce pluriel est ici fort délicat.*

Обнимаю и благословляю васъ, мои милые. Смѣшно же будетъ, если не найду здѣсь пятисотъ рублей и долженъ буду ждать денегъ отъ тебя. Во всякомъ случаѣ заложу себя и приплю къ вамъ Михея или ¹⁾ заложу его, благо что онъ не отпущенъ еще на волю, и приплю себя.

Il est sauvé l'homme au manteau!

Добрый Полетика далъ мнѣ пятьсотъ руб[лей], и я завтра въ ночь или въ понедѣльникъ утромъ ѣду.

¹⁾ *Передъ этимъ словомъ зачеркнуто слово: благо.*

П И С Ь М А

княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской

къ

СВОЕМУ МУЖУ

князю Петру Андреевичу Вяземскому.

1824 г.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Тула. 26 мая 1824 года].

Nous cheminons bien lentement, cher ami, me voici à Toula lundi matin. La première nuit nous avons couché à Лопасня, après être restés embourbés pendant plus de deux heures à dix verstes de Podolsk. Nicolas supporte très bien le voyage et est très accomodant. Par moment Nadinka est insupportable: elle demande à chaque instant sa bonne.

Et vous, mes chers amis, que faites-vous? Je vous suppose bien tranquilles en comparaison de nous et je vous en félicite; c'est une triste chose qu'un voyage avec de petits enfants, avec une route aussi exécrable que la nôtre. Зонтагъ n'est pas à Toula ni personne de ma connaissance. Adieu! Je t'embrasse bien et bien tendrement ainsi que les chers enfants. Mes amitiés à M-lle Goré.

Toula. Le 26 Mai.

На оборотъ 2-го листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Орелъ. 28 мая 1824 г.].

Nous voici à Орелъ; nous y sommes arrivés le 27, à sept heures du soir. Les routes depuis Toula sont très bonnes, mais nous n'allons pas vite, parce que nous couchons toutes les nuits à cause

des enfants, qui, Dieu merci, supportent la route à merveille. Nicolas continue à être charmant, et Nadinka commence à être moins insupportable. Je n'ai vu personne ni rien du tout à Toula; je suppose qu'il en sera de même ici et à Kieff, si je ne trouve pas Orloff. Adieu, cher ami. Je te recommande un pauvre allemand qu'on a dévalisé sur la grande route. Je t'embrasse mille et mille fois ainsi que les chers enfants. Bien des amitiés à M-lle Goré. Cette lettre te sera envoyée par Plakhoff, que je viens de voir. Adieu, bien cher ami.

Le 28 Mai.

На оборотъ 2-го листа. Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.

51.

Нягиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Кіевъ. 1-го іюня 1824 г.]

Après un trajet de huit jours, nous voilà enfin à Kieff, tous bien portants. Quel aspect délicieux, quel site, que le Dnieper est beau! Jamais je n'ai vu de ville d'un aspect plus pittoresque. Nous nous y reposerons deux jours et demi; je pars par Ouman le même jour que M-r Raievsky, qui se charge de me faire bien voyager. Orloff Michel est à Odessa, et moi je loge chez sa femme, précisément dans la maison que me proposait Léon Davidoff. Toute la famille m'a fait l'accueil le plus gracieux, et, tu me connais dans ces circonstances, me voilà toute prête à en être attendrie. J'ai dîné chez les Raievsky une heure après mon arrivée. Maintenant je vais prendre un bain et, si je ne me couche pas tout de suite après, j'y retournerai le soir. Demain dimanche nous allons ensemble à la messe, et puis visiter les catacombes. Le soir il y a promenade et musique; ainsi me voilà lancée dans les plaisirs jusqu'au col. Que n'es-tu avec moi! vraiment c'eut été un voyage tout-à-fait délicieux. Le temps est superbe, et l'on a mangé des fraises aujourd'hui, tandis qu'elles ne fleurissent pas chez vous et que vous gelez. J'espérais avoir de tes nouvelles, mais la poste ne m'a rien apporté.

Que le bon Dieu veuille sur vous et sur nous et nous accorde une réunion tranquille et agréable. Que font les chers enfants? Les aînées pensent-elles quelquefois à moi? Et M-elle Goré comment s'arrange-t-elle sans moi? Nadinka commence à me craindre et à devenir un peu plus raisonnable. Elle est d'une délicatesse qui m'alarme bien des fois. Je me suis déjà repentie de l'avoir emmenée; il faut des soins et des ménagements, et je vais m'enfoncer dans des déserts. Que le bon Dieu nous prenne sous Sa protection! Adieu, cher ami! Je t'embrasse bien et bien tendrement. Il est impossible d'être plus aimable pour moi que l'est M-me Orloff; elle m'a fait accepter de force ses chambres pour aller se nicher Dieu sait où. Nous repartons d'ici le 3 Juin à dix heures du matin, et nous sommes arrivés le 31 vers les deux heures. Imagine-toi que Volkonsky doit être parti à l'heure qu'il est pour le Caucase, et si ce n'étaient les Raievsky, qui se chargent absolument de moi, j'aurais été fort malheureuse pendant le reste de mon voyage, qui aura lieu à travers sables et déserts. Encore une fois adieu, bien cher ami.

Véra Viasemsky.

Le 1-er de Juin.

На оборотъ 2-го листа: Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ.

52.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Кіевъ. Іюнь 1824 г.]

.....¹⁾ qu'Orloff est à Odessa. Je crois l'y trouver encore, si le bon Dieu nous aide dans cette dernière partie du voyage, comme Il l'a fait jusqu'à présent. Bien cher ami, la réception de ta lettre m'a serré le coeur. Tu t'ennuyes à la campagne; je m'y attendais, mais te connaissant bien j'espère qu'il n'y a eu que le premier moment de pénible et que cette lettre te trouvera parfaitement habitué à

¹⁾ *Начало письма утрачено.*

ta solitude. Dis-moi la vérité cependant, et si ton indisposition nerveuse te revenait malheureusement, de grâce, fais m'en part, je hâterai mon retour ou bien tu te décideras à venir me rejoindre. Je m'acquitterai de ta commission pour Pouchkin. Nous avons déploré ici la mort de Byron. Quand au second article de ta lettre, qui a rapport à Кюхельбекеръ, j'ai bien peur d'échouer. J'ai pu m'orienter ici sur la société d'Odessa, et son nom y est toujours défavorablement prononcé. On parle d'un renvoi fait par Антонский à Moscou, et qu'une place au Lycée ou à toute école publique lui sera impitoyablement refusée. Cependant, j'agirai lentement, tâcherai de voir par moi-même, quels sont ceux qui pourront s'attendrir le plus facilement en sa faveur, et alors j'agirai sans, je te l'avoue, espérer de réussite d'après l'opinion mauvaise généralement établie que l'on a de lui. C'est bien malheureux. Embrasse mes soeurs. Je leur écrirai ainsi qu'à maman d'Odessa. J'ai mal aux jambes à force d'avoir monté, descendu et fait des saluts à tous les saints. Les catacombes où ils reposent inspirent plus de terreur que de curiosité. J'en demande pardon au bon Dieu, mais l'idée du moine dans l'homme errant ne m'a pas quittée.

Te rappelles-tu d'un Comte Olisar, que nous avons vu à Pulavi et chez M-me Alexandre, dont la femme a été enlevée par Gogel. Il est ici maréchal de la noblesse et, par parenthèse, il sert aux menus plaisirs de la soirée. S'il avait dix ans de plus, ce serait un ci-devant jeune homme parfait. Nous avons aussi ici le Чебытаревъ des Mouravieff ¹⁾ qui est l'être le plus sot et le plus scandaleux que l'on puisse voir, le Mouhanoff que j'ai vu chez toi et quelques Polonais,—voilà le cercle brillant de Kieff. Tu conçois que ces dames ne seraient pas fâchées de le voir mieux composé. On lit de tes vers, et en général on me charge de te dire que l'on attend avec impatience le plaisir de te connaître. Nous avons déjà fait tout plein de projets pour toi, et nous avons décidé que, quand tes affaires seraient arrangées, tu prendrais du service ici, car l'existence y est à un prix très modique, et que Kieff est certainement la province la moins ennuyeuse de la

¹⁾ Три слова не разобраны.

Russie. Adieu, bien cher ami. Je t'unis à tes enfants pour t'embrasser bien tendrement et vous dire, combien je vous aime. Nicolas et Nadinka supportent bien la route, mais la pauvre petite, quoique fort gaie, tousse beaucoup. Il fait si chaud ici que la route ne peut que lui faire du bien. Adieu. Je t'écrirai des lettres plus soignées d'Odessa; ne m'enveux pas pour celle-là, que je n'ai pas le temps de relire. Adieu.

53.

Нягиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

Odessa. Le 13 Juin [1824].

Je suis toute peinée de n'avoir encore rien de bon à t'annoncer, bien cher ami. La toux de Nadinka va mieux, mais elle n'est point passée; les de Nicolas sont bonnes quelquefois, mais plus souvent mauvaises. Je ne puis me décider à aucun médecin, car chacun me vante le sien et me dit du mal des autres. Je me suis cependant arrangée avec le médecin de Troubetzkoy pour l'avoir à chaque instant, si j'en ai besoin, et j'ai choisi encore trois autres médecins les plus réputés. Demain nous avons la première consultation. Les vents et la poussière sont si terribles que je ne leur fais prendre l'air qu'en voiture pour les habituer un peu, et ensuite ils iront beaucoup au jardin Patalsky, qui, quoique le plus beau de la ville, est encore une triste chose. Il n'y a pas moyen d'avoir de campagne, et l'air est bien étouffant en ville. Que faire? il faut bien payer pour l'apprentissage. Le médecin, que je vois, mais dont je ne puis me décider à appuyer et à laisser commencer le traitement avant les autres médecins, m'engage à passer l'hiver en Crimée disant que la traitement ne pourra pas être finie cet été. Les enfants vont avoir un lit de fougères et de feuilles de lauriers, ensuite on parle de bains de cuves avec de l'eau de la mer, du quinquina et des aromatiques. Demain tout sera décidé, comme je te l'ai déjà dit, et commencé après demain, si le bon Dieu le permet. Je t'envoie des cadeaux, cher ami, pour le jour de ta fête et de ta naissance: un chapeau de jonc, il s'étire sur la tête; tu le trouveras peut-être étroit du commencement, parce qu'ils sont

tout-à-fait ronds en dedans; fais lui donner la forme ordinaire; la pluie ne les gête pas; de plus, une paire de pantalons rayés, deux cannes, une épingle de fer et un couteau pour livre, qui sert aussi à les marquer à l'endroit où on en reste. Dis-moi ce que tu voudras à mon retour. Comment se portent les chers enfants? Je suis si peinée de n'avoir point encore de vos nouvelles. Je ne prevois pas ce que je pourrai pour Kuhelbeker: le C-te et la C-tesse V[orontzoff] partent demain pour la côte méridionale de la Crimée et y resteront deux mois; malgré que je sois très bien avec M-me Gourieff, je n'ai pas encore osé entamer l'affaire; cependant dans quelque temps je le ferai. Jusqu'à présent je suis extrêmement fêtée à Odessa; tout le monde se dispute le plaisir de m'offrir ses services, et j'accepte de tous côtés, mais c'est la P[rincesse] Volkonsky avec laquelle je suis inséparable; elle est une bien bonne personne. Sa fille est délicieuse. Je lui dis souvent que, si tu la connaissais, tu serais à ses pieds: belle, douce, bonne, aimable, infiniment d'esprit et d'instruction, très causante, une tournure et une manière d'être tout-à-fait française, parfaitement élevée; il ne lui manque rien. Elles vont dans un mois à Cyxanovo; j'espère d'abord que tu iras les remercier pour moi. Je suis très souffrante ce soir du mal de mer à cause d'une trop longue promenade. Voilà pourquoi ma lettre sera moins longue que je ne me le proposais. J'ai été avec la C-tesse Voron[tzoff] en yacht de Sontag, sur lequel elle s'embarque après-demain, et cela m'a fait mal. D'abord j'ai du guignon: dès que je me mets en mer, elle devient violente, et les vagues m'effrayent, hormis le moment où nous nous baignons, car choisissant avec la jeune P[rincesse] Vol[konsky] les lieux les plus éloignés nous n'allons pas fort avant dans la mer. Tout le monde me charge de t'engager à venir. Quand je pourrai t'écrire par occasion, je te dirai le pour et le contre en t'assurant cependant dès à présent que surtout sans service tu te plairais plus ici qu'à Moscou. Lis à ce sujet ma lettre aux Karamsin. Je t'embrasse mille et mille fois, bien cher ami, et en fais tout autant par rapport aux chers enfants et surtout Marie. Je suis un peu gênée ici pour mes plaisirs; je suis cependant seule, et cela me prive bien souvent de promenade. Pour le spectacle

je me suis arrangée de manière à y aller avec Pierre Troubetzkoy; je crois, que tu ne désapprouveras pas; en tout cas, bien cher ami, j'ose t'assurer que toutes mes démarches sont et seront réglées avec sévérité et prudence. Je n'ai rien de bon à te dire du neveu de Василий Львовичъ. C'est un cerveau tout-à-fait renversé et que nul ne pourra dominer; il vient de faire de nouvelles farces à la suite desquelles il a demandé son congé; tous les torts sont de son côté. Je sais de bonne part qu'il ne l'aura point. Je fais tout ce que je peux pour calmer sa tête; je le gronde de ta part en l'assurant que bien certainement tu l'aurais accusé le premier, car ses derniers torts sont ceux d'un éventé. Il a cherché à donner du ridicule à un personnage important pour lui et l'a fait; cela s'est su, et, comme de raison, on ne peut plus le voir de bon oeil. Il me peine véritablement, mais jamais je n'ai rencontré autant d'étourderie et de penchant à la médisance qu'en lui; avec cela je lui crois bon coeur et beaucoup de misanthropie; non point qu'il fuie la société, mais c'est les hommes qu'il craint; c'est peut-être l'effet du malheur et les torts de ses parents, qui l'on rendu ainsi. Adieu, bien cher ami. Je t'embrasse bien tendrement.

54.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 16 іюня 1824 г.]

J'ai reçu deux de tes lettres à la fois, cher ami, et ce sont les premières depuis que je suis à Odessa; aussi m'ont elles fait un bien grand plaisir, car je commençais à m'impatiser. Il me paraît qu'il doit y avoir une lettre d'égarée, celle que tu dis avoir envoyée à Рущковскій; au reste peut-être que tu m'induis en erreur: tu me parles d'une longue lettre, et je n'en ai reçu que deux fort courtes, toutes deux par poste, tandis que dans l'une tu me parles de Davidoff. Peut-être est-il resté à Kieff, où est-il allé chez sa mère. N'importe, je suis toute heureuse d'avoir de vos nouvelles et de savoir que vous vous portez bien. Je ne suis point inquiète pour Перпуня, et j'espère que la toux de Paul se dissipera en le tenant un peu à

la maison. Avec l'envoi, que tu recevras de Николаевъ, il y aura d'ajoutée une perse rose pour les deux petites. Dis-moi, si la réception leur fera grand plaisir. Les deux miens vont bien, Dieu merci. Je suis tous les jours dans l'eau jusqu'au col. Comme tu serais content des bains de mer. En verité, il ne me sort pas de la tête un établissement ici, jusqu'au moment où nous pourrions aller dans l'étranger. Une très bonne maison, toute meublée, te coûtera trois mille roubles; cinq chevaux loués avec cochers, harnais, tout ce qu'il faut,—moins de trois mille roubles. Pour la table, avec assez de luxe, tu dépenseras trois cents roubles par mois. La viande est à huit sols la livre, le poisson au plus bas prix et excellent. Le vin de table coûte moins d'un rouble la bouteille; le sucre—38 roubles le poud; le café le double moins qu'à Moscou; les seuls articles chers sont le bois et le blanchissage et encore pas trop, car j'ai une blanchisseuse excellente, et pour huit personnes qu'elle sert, avec nourriture, appointements, bois, eau et savon, tout en un mot, me revient à 60—70 roubles par mois. Avec 25 et 30 mille roubles nous vivrons bien. Les Gourieff en dépensent 60, il est vrai, mais ils ont tous les jours du monde et une table prête à nourrir dix personnes, qui viendraient sans invitation; avec cela au moins douze plats, vingt chevaux, en un mot il n'y a qu'eux et les Voronzoff, qui mènent un grand train; tous les autres sont sur le pied négociant. Avec les chevaux loués, ce qui est un peu plus cher, mais plus commode, nous n'aurions besoin que de trois domestiques: ton valet de chambre ferait aussi les emplettes; un laquais, que nous prendrions ici, un arnaoute ou un albanais, ils sont excellents serviteurs et se font payer à raison de 25 par mois, et un buffetier. Pour gouvernante, si M-lle Goré quitte, il ne me faudra personne que la bonne allemande, car j'aurais ici autant de temps, qu'à la campagne. Les plaisirs ne ¹⁾ sont ni nombreux ni variés; le spectacle toute l'année, quelques dîners ou visites aux houtors et quelques soirées en hiver chez le C[omte] Voronzoff; voilà tout ce que tu as à attendre ici. Pour compensation tu auras une existence tout-à-fait indépendante. Les Voronzoff font l'accueil le plus empressé à tous les arrivés; les Gourieff seront aux petits soins avec nous; quelques

¹⁾ *Передъ этимъ словомъ зачеркнуто* ici.

jolies femmes et madame Edlîng, belle-soeur de Sévérin, femme aussi aimable qu'instruite et de conversation la plus intéressante; force consuls, encore plus de bons négociants, le voisinage de Kieff, fréquemment la société des Orloffs, toujours celle de Pouchkin. Ajoute à cela que les médecins demandent au moins un an ou un an et demi pour une guérison radicale, ce qui fait que je ne vois pas trop ce qui t'empêcherait de venir me rejoindre avec toute la famille au mois de Septembre. J'ai une frayeur mortelle cependant que tu ne me crois livrée à la dissipation ou à la légèreté et que c'est pour m'amuser que je désire rester à Odessa. Je me conduis en vérité, comme un Caton, et je n'ai nul mérite à cela, car tout le monde fait cela; il n'y a que des femmes sages ici; ma société journalière, mes sorties, mes bains, mes promenades, tout cela se fait avec les Volkonsky et surtout la P[rincesse] Aline, la fille, que l'on me confie dès que la mère ne peut pas nous accompagner. En fait d'hommes, je voyais plus souvent Buhna Volkonsky, qui est parti pour le Caucase; deux ou trois fois le P[rince] Schahoffskoy, frère de Pauline Mouravieff, qui m'a rendu tout plein de services et qui vient de partir avec les Voronzoff; tous les jours Pouchkin, que je prêche tant et plus; Saveleff, qui fait toutes mes commissions; Viguel, que je retrouve partout pour mes péchés, et voilà tout. La P[rincesse] Volkonsky part dans quinze jours tout droit pour *Цыханово*; de grâce, va la remercier pour moi, et va causer pour toi avec la P[rincesse] Aline, que je te recommande. Je me livrerai alors en entier à m-me Gourieff et aux Stourdza. On est enchanté de savoir que M-me Catalani a plu; on l'aime beaucoup. Comment M-me Anti supporte-t-elle cette rivalité. Ici le spectacle est bien mauvais et le théâtre bien laid. Donne-moi, je te prie, un peu de détails sur les enfants et la surveillance que tu désires pour eux. Es-tu content de la manière dont cela va? De grâce, fais-moi cadeau de bécicles pareilles à celles que Wasiltchikoff a données à M-me Obrescoff (comment va-t-elle, la pauvre femme?) et envoie-les moi par Pierre Trubetzky, qui va passer trois semaines à Moscou. Parle-lui de Pouchkin et de tout ce qui pourra exciter ton intérêt ou ta curiosité. Adieu, bien cher ami, je t'embrasse de toute mon âme et t'aime de même.

Odessa. Le 16 Juin.

Je t'écris toujours par l'extra-poste, qui part deux fois par semaines, le lundi matin et le vendredi soir.

55.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 20 июня 1824 года].

Je suis toute mécontente et affligée de recevoir si rarement de tes nouvelles et de celles de mes chers enfants, d'autant plus que je sais bien que ce n'est pas toi qui a tort, mais la poste. Prends bien tes informations, cela en vaut bien la peine, cher ami, puisque je ne suis encore qu'au commencement de mon séjour à Odessa, où par parenthèse j'étouffe. Les enfants sont maintenant pieds nus et en chemise couchés, vautrés, assis toute la journée dans du sable, et autre cela ils prennent encore un bain de sable au bord de la mer, dans le moment de la journée où il y a le moins de vent. Je ne cherche plus un houtor entier, mais je cherche pourtant deux chambres, une pour y faire manger et coucher les chers enfants et l'autre pour leur faire faire la cuisine, pour qu'ils y jouissent d'un meilleur air que celui de la ville. Quant à moi, après avoir passé la journée et dîner avec eux, je reviendrai coucher chez moi; ne crois pas que je sois loin d'eux: ce que j'ai en vue est tout-à-fait aux portes de la ville, c'est chez Langeron, qui est absent dans ce moment et dont on rebâtit malheureusement la maison. Il faut que tu fasses deux observations sur ma lettre. D'abord les renseignements sur la poste. Il y en a une qui s'appelle extra-poste; c'est celle par laquelle tu reçois mes lettres, et celle par laquelle je te supplie de me répondre. L'autre observation à faire—c'est mon dîner. Je suis fâchée que tu n'y assistes pas. D'abord j'ai journalièrement la soupe au riz des enfants, jamais de légume et quelquefois un morceau de boeuf ou la moitié d'un poulet. Je mange, quand la faim me presse, force oranges ou force cèrises, ou bien, quand l'appétit devient extrême, je vais dîner chez les Gourieff, ce qui me rassasie pour huit jours. Ma seule société continue à être celle des Volkonsky; en fait d'hommes à nommer Pouchkin, que je commence à croire

moins mauvais, qu'il n'en a l'air et auquel une société, comme la tienne, pourrait faire du bien, pour *certaines choses* mais pas en général, car il vous faudrait aussi, monsieur, parfois un peu de déférence pour mes avis. Je vis ici en aventurier, mes fonds baissent terriblement, je n'ai pas envie d'emprunter et je vais entreprendre le négoce. Je veux vendre mes bracelets, si on m'en donne un prix raisonnable. Mes enfants et moi nous trottons en voiture, et voiturons les autres, sans savoir comment je payerai une fois le mois échu, et cela me plaît beaucoup de me trouver dans cette position. Au pied de la lettre je me suis surprise à rire, quand je me trouve dans l'embarras: par exemple, on vient me demander l'argent de mon loyer etc.... ne t'inquiète pas cependant. Je puis avoir de l'argent, dès que j'en voudrai. Comme tout mon temps m'appartient ici, je m'en vais, outre que je lis presque toute la journée, faire un cours de littérature française avec Gilet, qui ne me prendra que cent roubles par mois et viendra tous les jours. Nous commençons à passer en revue les prosateurs, puis les poètes, après cela nous nous mettrons jusqu'au col dans l'histoire. J'ai économisé les cent roubles, que je lui donnerai, sur des chevaux, que j'ai loué beaucoup meilleur marché; je ne paye plus que 230 par mois. Je ne savais pas que Pauline toussait, suis bien charmée d'apprendre que cela va mieux et pour elle et pour Paul, que je désire extrêmement voir en militaire; il doit être tout-à-fait drôle. Pauvre Pierre; j'espère que tu ne donneras pas plus de 25 roubles à sa vilaine nourrice, que Paracha dit être extrêmement capricieuse et méchante. Je puis en plein m'acquitter de ta commission et inviter l'été, que j'ai trouvé parfaitement établi depuis Kieff, à aller vous voir; ce sera même un trait d'égoïsme, car nous respirerions dans l'intervalle; aujourd'hui surtout je n'en puis plus. Pauvre ami, que je te plains! Ne voila-t-il pas ce mariage qui s'arrange tout exprès pour te contrarier. C'est vraiment désolant! Et les *кухонные расходы* à quel propos t'ennuient-ils? est-ce simplement la lecture ou des disputes du cuisinier avec *Настасья*? Quant à la vente, comment peux-tu t'affliger de ce qu'elle ne suffit pas pour le paiement des dettes? Tu le savais depuis bien longtemps; je t'ai repeté vingt fois qu'il te resterait au-delà de cent mille roubles à la couronne,—ce qui se payera bien facilement avec nos revenus

et encore plus facilement à l'ouverture de la nouvelle banque. Mais je te dis bien sérieusement que nous pouvons vivre à Odessa avec 30 mille roubles. Décide-toi à quelque chose, prends du service; on te fera gouverneur dans quelque province méridionale de la Russie ou plutôt de la Crimée à cause du climat. Tu seras occupé, tu dépenseras peu, tu auras toujours six mille roubles d'appointement, et une fois que nos affaires auront pris tout-à-fait bonne tournure, nous irons achever l'éducation de nos enfants dans l'étranger; réfléchis à ce que je te propose. Si les Karamsines ou toi avez un projet plus raisonnable, faites m'en part, je vous prie. Il faut pour toi que tu changes de genre de vie; celui que nous menons à Moscou n'est point agréable et nous coûte cher. Ici nous dépenserons aussi peu qu'à la campagne, car c'est une véritable campagne, hormis qu'ici j'aurai des médecins, un bon climat, le vivre bon marché et des maîtres pour mes enfants, toi—la société des Voronzoff, celle des négociants, les bains de mer et un mauvais spectacle italien; avec cela impossible de veiller, tout dort à dix heures; on ne reçoit nulle part hormis des visites l'après dîner. Adieu, bien cher ami! Je t'embrasse mille et mille fois. Je vous envoie à tous des cadeaux par Troubetzkoy, s'il s'en charge. Il partira dans huit jours. Que le bon Dieu veille sur nous tous. Je t'ai écrit deux fois de Kieff. Je viens de recevoir encore deux lettres à la fois.

Odessa. Le 20 Juin.

56.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 23 іюня 1824 г.]

Je n'ai plus le courage de me plaindre de l'inexactitude des postes ¹⁾ et malgré que le désordre soit complet et que je reçoive tes lettres les unes plutôt, les autres plus tard, je me trouve toute heureuse cependant de les avoir; dans deux jours je viens d'en recevoir trois, et cela m'a causé plus de plaisir que je ne saurais te le rendre. Figure-toi la pénurie de la société d'Odessa, puisque celle de M-r Евреиновъ me fait grand plaisir; c'est celui qui *retourne les*

¹⁾ Въ оригиналь: мес.

confitures; il est venu passer ici quelques jours pour affaire, et nous nous sommes fait tous deux un accueil touchant. Comme Mad. Pouchkin en aurait ri,—moi que ne voulait pas lui parler à Moscou ¹⁾.

.

 je me donne toutes les peines possibles pour trouver au moins une chambre hors de la ville, mais je n'ai encore que peu d'espoir; cependant, j'espère que cela s'arrangera, car toutes mes connaissances s'en occupent. À propos, j'ai un voisin, ne vous en déplaît, chez lequel je vais jouer du clavecin, un grec, qui a je ne sais combien de cent mille roubles; je suppose que tu trouveras que je fais bien de cultiver la connaissance de ce gracieux personnage, qui jusqu'à présent ne m'offre cependant rien que des confitures et me demande en soupirant si tu es pour les grecs. As-tu connaissance d'une brochure de Stourdza ou veux-tu que je te l'envoie, ainsi que l'ouvrage de Pouqueville, dont j'espère faire l'emplette bientôt? Pouchkin pour t'écrire attend le départ de Troubetzkoy. Quelle tête et quel cahos que sa pauvre tête! Souvent il me fait de la peine, mais plus souvent encore il me fait rire. Viguel se rappelle à ton souvenir; je ne l'échapperai nulle part. Adieu, bien cher ami, embrasse les enfants et particulièrement Marie en lui disant que je suis toute attendrie et toute contente de son application et de son obéissance; j'espère que Pauline l'imitera. Mille choses amicales à M-elle Goré. Quels sont ses projets? quels sont les tiens? De grâce, parlez-m'en; tâche donc de recevoir de l'argent, paye tes dettes et dis-moi combien il en restera à la couronne. De grâce, n'oublie pas que Czertvertinsky doit être payé le 1-er de Juillet; fais ce que tu veux, comme tu veux, mais paye-le ou tu le mettras dans une mauvaise position. Adieu, cher et bon ami, je t'embrasse bien et bien tendrement. — La P[rincesse] Volkonsky doit partir dans une quinzaine de jours. Elle ira te voir avant d'aller à Суханово; remercie-moi pour cette bonne fortune, car la fille est délicieuse, plus spirituelle, plus instruite, et encore plus aimable que jolie, cependant une figure charmante. J'envoie à Marie par Troubetzkoy une blouse pour le jour de sa fête, pour le vôtre, Monsieur, des mouchoirs en

¹⁾ Описано 14 строкъ письма, въ которыхъ говорится о ходѣ мѣненія дѣтей.

batiste, et pour Vielhorsky celui qui est dans le genre qu'il ambitionnait. Mille choses tendres aux Czetvertinsky, aux Lodomirsky. Sophie est-elle accouchée? J'écrirai à ma mère tous les 15 jours, aux Karamsines tous les mois. Merci de ce que tu m'en fais souvenir; j'ai écrit cependant, comme tu dois le voir, avant ton conseil. Nicolas et Nadinka t'embrassent; Nadinka est devenue noire comme une bohémienne et Nicolas aussi et moi aussi par parenthèse; ces maudits vents et cet insupportable soleil dessèchent et nous brûlent. La sauterelle est depuis longtemps en Bessarabie, et on l'attend ici de jour en jour; au reste, il n'y a rien à manger pour elle, car tout est rôti. Sontag te dit mille choses, il n'est resté que deux jours; c'est sur son yacht qu'est partie la famille Voronzoff. A propos de Kuhelbequer. Gourieff n'a que 4 mille roubles pour sa chancellerie, qui lui coûte déjà plus que cela. Voronzoff a 20 personnes dans sa chancellerie et l'on attend une réforme. Blaremborg, chef des douanes, reçoit ses subordonnés de Pétersbourg. Il reste Vitt, mais il n'est pas ici, et nous l'attendons pour l'attaquer. J'espère que cela réussira. Adieu, bien cher ami.

Odessa. Le 23 Juin.

57.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 25 июня 1824 г.]

Cher ami, si Troubetzkoy n'était pas lui-même porteur de cette lettre, et s'il ne pouvait avec vérité t'assurer qu'il avait vu Nicolas gai, quoiqu'indisposé, j'aurais craint de te parler aussi franchement que je vais le faire. Nicolas est moins bien qu'à Moscou ¹⁾ . . .
 . . .
 . . .
 Dès que cela ira mieux, et aujourd'hui il va déjà mieux, c'est à dire dans deux ou trois jours nous déménageons à la campagne; comme la chambre est trop petite pour me contenir, je dormirai avec Владиміръ, pardon pour la réunion, et Наталья, pour que tu

¹⁾ Пропускаются 17 строкъ, въ которыхъ княгиня В. Ф. Вяземская описываетъ ходъ болѣзни сына Николая.

ne sois point jaloux, dans une tente tout-à-fait auprès de la chambre des enfants, pour que tu ne puisses concevoir l'idée qu'ils puissent manquer ou de surveillance ou de secours. De plus je suis à deux pas de M-me Gourieff, qui est tout soin et toute attention pour moi; c'est elle qui a insisté, pour que nous déménageassions, l'air étant étouffant en ville. On dit ici l'hiver mauvais pour les enfants; je ne le crois pas. Nous pourrions aller en Crimée. Kieff même vaut mieux que Moscou. Tout ce que je te dis, au risque de te faire croire plus que ce qu'il y en a, n'est que pour ma tranquillité et par égoïsme, je te l'avoue. Un soupçon de ta part sur peu de surveillance et de soins pour nos enfants, en ton absence et dans leur état, me serait insupportable; c'est avec larmes que je te l'affirme, car je suis toute agitée en y pensant seulement. Nicolas est gai et bavard, il s'amuse beaucoup et mange peu; il boit de la bière anglaise avec de l'eau, il mange une fois dans la journée de la soupe et, quand il n'y a pas de gibier, du poulet. Rien d'autre; ils prennent tous deux le lait de chèvre et prenaient les mêmes remèdes; pour Nadinka moins forts; elles continue les poudres qui lui font du bien. Dis à Scudéri que Nicolas saigne des gencives, on croit cela un léger scorbut; le voisinage de la mer n'influe-t-il pas sur cela? Nadinka est très sage et très gaie et noire comme une taupe, mais elle ne marche pas. Et vous, chers amis, comment allez-vous, comment se porte toute la chère famille? je te suppose une agitation plus ennuyeuse, mais moins pénible que la mienne; ma responsabilité me paraît effrayante; dis-moi ce que tu penses d'elle. Pauvre ami, probablement ma lettre te rendra soucieux, tandis que je serai alors, je l'espère, tranquille et contente. Voilà encore un des maux de l'absence. Que le bon Dieu veille sur nous tous; c'est mon instante prière. Quinze jours après Troubetzkoy tu auras encore de fraîches nouvelles par la P[rincesse] Volkonsky. Comme elle est bonne pour moi! Voilà la liste de ce que j'envoie: une blouse avec ceinture pour Marie, pour marque de mon contentement pour sa bonne conduite, deux poupées pour son jour de naissance et sa fête, une poupée à Pauline, deux à Paul, une à Groucha ¹⁾, rien à Pierre, dis-le à Anna Захаровна, trois mouchoirs en écosse pour toi, un à Czetvertinsky,

¹⁾ Ce qui est entre les deux parenthèses arrivera plus tard.

l'autre à Lodomirsky, un en crêpe à Viéllhorsky, deux douzaines de mouchoirs de poche, que tu donneras à Наталія, pour qu'elles me les serrent pour mou retour, ainsi que tous les gants, deux mouchoirs avec or et argent, une perse et une étoffe, ainsi que deux collets brodés. Djeu te préserve d'en disposer pour qui que cela soit. J'enverrai plus tard un cadeau à M-elle Goré, maintenant il n'y a rien de joli. Si tu peux m'envoyer de l'argent par Troubetzkoy, tu me feras bien grand plaisir. Adieu, cher et bon ami; c'est bien et bien tendrement que je t'embrasse et vous félicite tous trois pour le 29, que nous fêtons ici, si j'ai l'âme tout-à-fait en paix. J'embrasse aussi bien tendrement les chers enfants, et dis à M-elle Goré mille choses tendrement amicales et lui suis bien reconnaissante pour les soins.

Le 25 Juin.

58.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 27 июня 1824 года].

Nicolas va mieux de rechef, la tention du ventre a entièrement disparu; Nadinka est comme elle était à Moscou. Voilà les nouvelles les plus interessantes à te donner. Nous demenageons aujourd'hui 27 à la campagne. Je ne le fais que pour n'avoir rien à me reprocher, car toute la ville crie qu'il faut absolument y aller. As-tu vu Troubetzkoy? J'ai si peur, que ma lettre ne t'agite. Je te jure qu'il n'y a aucuns symptomes alarmants seulement sont moins bonnes qu'à Moscou, voilà tout, et cela à cause du changement de la nourriture; la bière est aigre, le porter est aigre, il n'y a nulle part de glace, et les chaleurs sont si fortes que dans la journée les boissons se gâtent; je crois, si à la campagne le cave n'est plus fraîche, que nous adopterons l'eau et le vin qu'on croira donner le moins d'aigreur. Pouchkin ne veut absolument pas écrire sur la mort de Byron; je le crois trop occupé et surtout trop épris pour s'occuper d'autre chose que de son Оубъицъ, qui à mon avis est un second Child-Harold: un jeune homme de mauvaise vie, dont en partie le portrait et l'histoire doivent ressembler à l'auteur. Il

m'en a dit quelques fragments, car cela ne peut s'entendre en entier; on dit le poème très licencieux; c'est plein d'épigrammes contre les femmes, mais on retrouve dans plusieurs descriptions la grâce de ses premiers vers. Il avait encore commencé une „Цыганка“, qu'il ne veut pas achever. Parle à Troubetzkoy de Кюхельбекеръ. J'ai appris après son départ qu'il était nommé directeur des douanes; nous attendons aussi Vitt pour lui en parler. Si cela ne réussit pas chez l'un des deux, il n'y aura plus d'espoir de le placer à Odessa. Je ferme ma lettre sans la finir à cause de notre déménagement. Adieu, bien cher ami! Je t'embrasse mille et mille fois ainsi que les chers enfants. Que le bon Dieu soit avec nous tous.

Le 27 Juin.

Pour la quantième fois recois-tu mes félicitations pour les jours de nom? Nous boirons à vos santés dimanche à ma campagne.

На оборотъ 2-ю листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ. — *Здѣсь же почтовая помѣтка:* 8. Одесса. 30 іюня 1824.

59.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 29 іюня 1824 г.]

Me voici établie à la campagne, bien pour le moment et mieux depuis la semaine prochaine. Le propriétaire du houtor est un bon négociant grec, sur lequel mon titre de princesse a eu assez d'influence, pour le faire rougir d'être mieux logé que moi; il fait nettoyer sa maison pour moi. J'y passerai, si le bon Dieu le permet, le temps de la belle saison, et j'y attendrai mon rappel et tes décisions. Les enfants vont toujours de même qu'à Moscou; peut-être que le bon air influera sur leur santé! J'adresse au bon Dieu des prières bien ferventes, pour que notre voyage ne soit point inutile. La mort de Sophie Narischkine nous a attérée; je crois Czetvertinsky tout affligé de cette nouvelle; est-il vrai que Tourguéniëff soit congédié, et l'apostrophe de Екатерина Андреевна à son sujet est-elle vraie aussi? On parle ici d'un *je vous envie*, et vous m'avez manqué qui lui

ressemble assez. J'ai diné aujourd'hui chez les Gourieff. Nous avons bu à ta santé, car c'est le 29. Que de Pierre nous avons à fêter le mari de la P[rincesse] Volkonsky, le père de M-me Gourieff, toi et mes deux enfants! Te doutais-tu de cette réunion de toast? J'espère que vous avez aussi pensé aux absents, et que nos santés n'ont pas été oubliées. Adieu, bien cher ami; n'oublie pas de faire partir mes lettres et de donner à lire aux Czetvertinsky celles que je t'écris, en les embrassant bien tendrement de ma part. Comment vont les projets et la santé de M-lle Goré? l'application, la conduite et la santé des chères petites? Je vous embrasse tous mille et mille fois. Que le bon Dieu nous protège. Adieu, bien cher ami.

На оборотъ второго листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.—Здѣсь же помѣтка почты: 28. Одесса. 30 іюня.

60.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему муму.

[Одесса. 4 іюля 1824 г.]

Cher et tendre ami, après 15 jours d'une pénible attente j'ai encore reçu tes deux lettres, qui m'ont fait plaisir et peine. Pauvre M-elle Goré et mes pauvres petites, comme elles se trouveront moins bien sans elle! Recommande-les aux soins de Caroline et dis qu'Hélène ne les tourmente pas à tout propos, qu'elle tâche d'imiter M-elle Goré. Dis à Геѣпманъ que je suis enchantée de le savoir chez nous; j'espère qu'il fera un peu la gouvernante sans M-elle Goré. Ne me permettrais-tu pas de venir? Je ferai la route en dix jours, j'en resterai huit pour préparer tout ce qu'il faut et emmener les enfants; pour retourner nous serons douze jours; cela fera vingt, pendant lesquels Nicolas et Nadinka resteront chez eux, sous la surveillance d'un bon médecin, de Gilet, ci-devant gouverneur des Boutourline, et de sa femme élevée dans la même maison, qui s'installeront à ma place près des enfants, de M-me Gourieff, qui loge à côté de moi, de M-me Edling, belle-soeur de Sévérin, qui loge aussi à 50 pas de moi; c'est une femme distinguée; toutes deux verront journa-

lièrement mes enfants ainsi que le médecin, dont la campagne est vis-à-vis de la nôtre. Paracha les soigne parfaitement, tu es sûr de *Васяляса*, *Миша* se conduit très bien. Pèse tout cela et décide, car si tu ne me dis rien de positif, de mon chef je ne prendrai aucun parti, et je passerai mon temps à me tourmenter. Maintenant je vais répondre à lettres article par article. *Louis* est un médecin, dont Scudéri nous a parlé vingt fois; ce n'est pas ma faute, si vous avez une aussi mauvaise mémoire. *Varsovie* est un oubli facile à concevoir, quand on a une femme qui ne fait que courir les grands chemins. De Kieff je vous ai écrit que l'on me disait Volkonsky parti, d'Odessa je vous ai dit l'avoir encore trouvé là. Comme nous nous sommes partagés: tu as le frère, que tu aimes le mieux, moi de même; tu as le mari dans ton voisinage, moi j'ai la femme, que je vois plusieurs fois dans la journée. Elle part, je crois, le 14 ou le 15 de ce mois, mais elle restera un peu longtemps en route. *Да остепенить хоть разъ* est, comme vous voyez, une phrase tout-à-fait choquante, car elle est déplacée. Avant de penser à Paris, pensons à une réunion, celle qui peut se faire à moins de frais est à Kieff ou Odessa, où avec économie on peut vivre à raison de 24 mille roubles et fort bien avec 30. Pouchkin ne se fâche pas pour l'argent et me ferme la bouche, dès que je lui en parle. Je cherche à me l'adopter pour fils, mais il est désobeissant comme un page; s'il était moins laid, je lui aurais donné le nom de chérubin: véritablement il ne fait que des enfantillages, mais cela même lui cassera le col d'un jour à l'autre. Parle de lui avec Troubetzkoy et demande lui le récit de ses dernières mystifications. Ne lui parle pas de Byron avant la fin de son *Овѣришь*; il ne fera rien, même s'il te le promet. Il dit que, depuis qu'il me connaît, il a peur de toi; il dit: „j'ai toujours considéré votre mari comme un *холостой*; maintenant, c'est une puissance pour moi, et la première lettre que je lui écrirai commencera par *Ваше Сіятельство, Милостивый Государь*, avec toutes les cérémonies et les honneurs possibles“. J'ai écrit deux fois à ma mère!!! J'ai écrit!! C'est toi qui peux te tromper, quand on parle de *дѣвочки*, sans en définir la qualité à cause des diverses espèces que tu connais, mais mon coeur ne me tromperait pas; pour moi il n'en est que deux à Moscou. Comme je suis touchée de l'obéissance et

de l'application de Marie. L'histoire de l'album est touchante et drôle tout à la fois. Cela me désole de savoir les petites sans gouvernante; ne pourrais-tu pas charger Жихаревъ de tes affaires et m'arriver? Et puis la route, cela me tourmente. Паpаша m'assure que Caroline ne voudra pas venir; offre-lui 500 par an, pourvu qu'elle vienne; elle a peur de toi; tranquillise-la à ce sujet. Ton valet de chambre Иозифъ pourra avoir soin de Paul. Si tu prends Михефъ, prévien-le de beaucoup d'occupation; s'il redoute de s'en charger, laisse-le, on trouve de bons domestiques ici à 25 roubles. Comme il vous faudra deux équipages, ne prenez que deux hommes. N'y aurait-il pas moyen de placer les enfants d'Olga et de me l'emmenner. Si Настасья veut venir, prends-la; si non, parles-en à Sophie, à laquelle je demande une femme de chambre pour moi. Si tu te décides à partir bientôt, fais-le-moi savoir, et permets-moi au moins de venir à Kieff. C'est l'horrible partie du chemin: point d'abri, point de nourriture, point d'eau aux postes, il faut s'arranger de ville en ville; je vous indiquerai Mr. Grews, M-me Lorcr; puis à Nicolaieff il faudra s'arrêter chez Sontag. Au reste, à Kieff M-me Орloff pensera à tout, si elle y est; si elle n'y est point, ce sera l'excellent M-r. Raewsky; M-me et M-elle Marie se chargeront des petites. Nous sommes amis, comme si nous nous connaissions depuis 15 ans. de Nicolinka vont assez bien, les enfants sont très gais, mangent bien, dorment bien, mais je ne trouve pas qu'ils aillent mieux, et les médecins me disent que cela ne pourra pas aller mieux avant deux ou trois mois. Je ne dis rien à Boulgakoff, car ni mes doigts ni ma tête ne vont plus. À mesure que tu recevras des effets d'ici, remets ceux qui sont pour moi à Sophie, qui me les vendra, si je ne reviens pas à Moscou. Adieu, bien cher ami, je t'embrasse aussi tendrement que je t'aime. Comme j'ai envie d'aller vous chercher, comme je n'ai pas envie de quitter les enfants, nous voici tous deux dans une position bien pénible. En tout cas, ma maison Davidoff est prête à vous recevoir. Mon hutor même est à vos ordres. Dites-moi quelque chose de décisif, car il faudra changer de domicile; la maison Davidoff ne vaut rien pour l'hiver, mais elle est bonne jusqu'au mois de Novembre.

Odessa. Le 4 Juillet.

61.

Нягиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 4 июля 1824 г.]

Je ne t'écris que quelques mots pour t'annoncer la réception de quelques effets que j'avais acheté pour vous. Si tu te décides à venir me rejoindre sans me laisser venir à Moscou, remets-les d'après la note que j'envoie à Sophie, qui me les vendra et m'enverra l'argent; je les ai pris à crédit, car je ne voulais pas laisser passer une bonne occasion; ces effets seront remis à la poste de Херсонъ par Савелевъ. Je t'embrasse tendrement ainsi que les chers enfants. Les nôtres vont assez bien. Déroule les paquets, il y a dedans des poupées: le Turc avec sa femme pour Marie, la poupée à blouse pour Pauline et les deux polichinelles pour les deux petits garçons, une petite poupée à blouse pour Groucha. Les deux petits bâtons rouges séparés se mettent dans les chapeaux des poli[chinelles]; à l'épingle noire s'accroche le cordon rouge.

Le 4 Juillet. Odessa.

62.

Нягиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

Odessa. Lundi 7 Juillet [1824].

Tu m'as donné de l'inquiétude pour longtemps, cher ami, par la nouvelle imprévue du départ de M-elle Goré, et je crains bien de t'en avoir donné plus que tu ne dois en avoir pour Nicolas, dont les deviennent meilleures depuis quelques jours; il est très gai, il a même été à la messe aujourd'hui dimanche avec moi; cependant, je ne trouve encore rien de mieux; cela veut dire que je ne trouve pas qu'ils aient fait un pas vers la guérison. C'est avec une vive impatience que je vais attendre de tes nouvelles et une décision. Si tu viens, seras-tu tenté d'amener le cuisinier ou bien donneras-tu tout-à-fait dans la réforme, c'est à dire te contenteras-tu de quatre plats accomodés par une cuisinière d'ici? Cela doit faire sur ce seul article une différence de trois mille roubles par an; de grâce, personne

de nos gens, excepté Микей, et cela, parce qu'il te le faudra en voyage ¹⁾

De grâce, faites faire à tous les équipages le pieux, qui retient les voitures, quand on monte les montagnes, car il y en a beaucoup; de grâce, montez celle d'Ольшаны à pied ou une voiture après l'autre, s'il fait trop mauvais temps, car il arrive bien souvent des accidents à cet endroit. Puisque c'est probablement vous qui viendrez, il vous faut cet aveu. On nous a versé là. Nous avons fait une chute horrible; j'ai cru mes enfants tués ou grièvement blessés, et c'était les flots de bière et de vin, que nous avons pris pour du sang; ils n'ont pas eu une seule égratignure, mais Paracha a eu le bras foulé ou demi, je n'en sais rien. Elle s'est trouvée mal plusieurs fois; elle a eu le courage de faire sortir Nadinka avant elle et de la tenir d'une main jusqu'au moment où on la lui a prise et où elle tombée en défaillance. C'était à la porte du médecin qui pourra vous conter cela. Elle a repris depuis quelque temps l'usage de son bras, qui ne la fait presque plus souffrir du tout. Je me décide à vous effrayer, pour que vous soyez prudent. On peut certainement voyager les nuits claires en s'informant des bonnes ou mauvaises routes; quant à nous, nous avons versé en plein midi et par la faute seule de nos cochers, qui montant la montagne ventre à terre ont повернули слишком круто, et ont fait monter les deux roues de la voiture du même côté sur un monticule, et les deux autres manquant de terre ont fait tomber la voiture à plat. Владимиръ et Миша par-dessus leur siège prévoyant même la chute n'ont pu éviter de la faire, à cause de la rapidité avec laquelle nous montions, aussi notre gendarme a-t-il rossé les cochers de manière à en garder souvenance, la belle consolation. J'ai adressé différentes choses que j'avais acheté pour nous à Руховскій par Херсонъ; après avoir déballé les effets remets aux enfants ce qui est pour eux, fais remettre à Sophie les effets arrivés avant et actuellement d'après note qui lui est adressée, et prie la de me les vendre; cela ne vaut pas la peine de les faire

¹⁾ Опушено 32 строки письма, въ которыхъ княгиня В. О. Вяземская пишетъ мужу, кого изъ прислуги слѣдуетъ ему взять съ собою и какія вещи привезти, если онъ рѣшится прѣхать въ Одессу.

revenir, en prevenant Aimée de l'arrivée et de la vente de ces effets et lui demandant si elle les veut. Lis le passage à Sophie, que j'embrasse tendrement ainsi que son mari, ses enfants, toute la famille Czetvertinsky ¹⁾

Pourquoi ne viendrais-tu pas ici tout de suite et ne m'enverrais-tu pas mettre ordre à tout, ou bien charge Жихаревъ d'arranger le tout. Tu as l'imagination trop poétique pour ces détails. Adieu, bien cher et bien tendre ami. Comment t'arranges-tu de ton métier de gouvernante? Est-il vrai que Bobrinsky épouse Lydie Gortschakoff? Dis à Boulgakoff que je ne connais que fort peu les Voronzoff; ils m'ont accueilli fort poliment, voilà tout ce que j'en puis dire; ils étaient au moment de leur départ pour la Crimée, quand je suis arrivée; quant aux noirceurs, qu'il me reproche, elles sont sans fondement, je lui suis fidèle, autant par raison que par besoin. Le seul homme que je connaisse est Pouchkin, et je crois que je lui ferai plutôt une infidélité pour l'oncle que pour le neveu. Malgré ce que j'en dis, nous sommes fort bien; il est drôle au possible. Je le gronde, comme si c'était mon fils. Sais-tu qu'il a demandé son congé? De grâce, quand vous serez au moment du départ, faites acheter par Настасья deux pièces entières de холстинки russe à 80 sols pour robes d'enfants. Elle coûte le double ici.—J'embrasse bien tendrement mes chers enfants et particulièrement Marie à cause de sa bonne conduite.

63.

Княгиня Вѣра Фёдоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 11 іюля 1824 г.]

Maintenant j'ai reçu toutes les onze lettres dont tu me parles, et je commence même à les recevoir plus exactement. Tu me demandes des détails sur le traitement des enfants, je t'en avais fait

¹⁾ Опушено 23 строки письма, въ которыхъ княгиня В. Ф. Вяземская пишетъ главнымъ образомъ о распоряженіяхъ по дому.

un long récit, mais c'est changé depuis ¹⁾
 ,
 malgré que le médecin trouve que les enfants vont mieux, moi je ne trouve aucun changement, et ce qui me désespère sérieusement, outre que notre séparation n'aura peut-être amenée aucun bien, c'est que je suis toujours tourmentée de l'idée que tu croiras peut-être que les enfants ne sont pas assez bien soignés; dis-moi que je me trompe, et tu me soulageras d'un grand poids. J'ai reçu hier au spectacle ta lettre par Catalani, qui répart dans trois jours et qui te portera la présente avec tous les détails que tu demandes. D'abord il faut pour le loyer et le chauffage de l'année 5000 roubles. Pour cinq chevaux et l'entretien de trois cochers loués 3000; moins, si les chevaux nous appartiennent, et pour 1500 on peut avoir six jolis chevaux. La dépense pour l'année sera donc la même, excepté que les 1500 sont perdus au bout de l'année, si nous louons, et que des six chevaux même gâtés il nous resterait bien quelque chose. L'entretien d'un cuisinier, de *Маша*, *Михей*, un valet de chambre et un laquais dépend des appointements que tu voudras donner, cependant il faut mettre aussi pour cela deux mille roubles. La nourriture est à huit roubles par mois. L'entretien de la maison pour dix personnes, que nous sommes, reviendra à 500 par mois. Pourtant ce qui est mangeable et buvable à l'exception de toi. Entretien pour sept femmes, nécessaires pour nous toutes, je suppose 2000 roubles, y comptant les appointements d'Hélène et de Caroline. Blanchissage pour toute la maison 2000 roubles. Tout cela payé assez chèrement ne fait que 20000 par an: j'en suppose encore dix pour l'habillement et les fantaisies. Tu vois donc qu'avec trente mille roubles nous vivrons très bien à Odessa. Si tu veux y venir et me mettre à la tête de tout le ménage, sans te mêler de rien absolument que de ne point faire de dettes, car il y a ici, comme partout, des actrices, des danseuses à protéger, une ressource où l'on peut dépenser en table et en vins, un M-r. P. Y. chez lequel on peut jouer gros jeu. Je t'en prie, prends-moi pour tuteur, je serai tout-à-fait

¹⁾ *Отуцено 15 строкъ письма, въ которыхъ разсказывается о томъ, какъ идетъ льченіе дѣтей.*

complaisante, je te permettrai même quelquefois de faire le mauvais sujet, et je mettrai par mois une somme à part pour cela, qui sera le fruit de mes économies dans le ménage. Si tu viens, Гейнemannъ ne voudra-t-il pas venir? Il n'y a pas de bon maître de clavecin, et il pourrait, comme on me l'assure, avoir plusieurs leçons. Il logerait chez nous, aurait l'entretien et mille roubles par an. Ne lui en offre pas davantage pour deux heures de clavecin par jour. Point de gouvernante, je n'en veux plus, cela nous réussit trop mal. Il y a un bon maître de langue ici. J'ai parlé avec Vitt de Кюхельбекеръ, il paraît disposé à faire tout ce qui dépendra de lui pour le placer. Pouchkin m'a pris ta lettre pour faire la записка demandée par Vitt; demain je la lui remettrai en reitérant mes prières; nous ne savons pas quel rang il a ni quel rang il veut; nous tâcherons d'arranger cela au mieux. Imagine-toi que Vitt a été à Nicolaëff contre la sauterelle avec sept mille hommes pour l'empêcher de passer le Bug. Il a été victorieux deux fois, mais la nuit, en moment où il se reposait et au moment où la sauterelle se repose habituellement, il a été trompé par elle; elle a passé le Bug, pendant que la sentinelle battait la générale et mettait tout le camp en rumeur. C'est un exploit digne d'Alexandre. A propos d'histoire ancienne, il y a une troupe de provençaux arrivés ici pour jouer Mithridate; nous attendons ce spectacle avec impatience; si cela pouvait nous ramener le temps *trouvères*, comme cela serait à propos pour rompre la monotonie de ces temps; je te promets que le premier fabliau ou¹⁾ te sera envoyé avec un récit de l'effet qu'il produira. De grâce, dans tes décisions n'oublie pas que je suis à 1500 verstes et parle-moi clairement et posément, dès que tu le pourras; quoiqu'il me soit presque indifférent d'aller vous trouver ou de vous voir venir, je voudrais savoir ce qu'il en sera; je crois cependant que je penche pour rester ici à cause du voyage pour mes enfants et du climat qui est préférable à celui de Moscou, malgré que depuis deux jours nous sommes inondés, et que sans le secours de mes grecs je n'aurais pu ni descendre ni monter sur mon rocher. Il fallait un *t* à m'équipât. Je donne tes lettres à Pouchkin, qui rit toujours comme un fou.

¹⁾ Одно слово не разобрано.

Je commence à l'aimer *d'amitié*. Ne t'effraye pas. Je le crois bon, mais l'esprit aigri par les malheurs; il me témoigne de l'amitié, et j'en suis touchée; il vient, ¹⁾ même quand il fait mauvais, de plus il a l'air de s'ennuyer chez moi et je trouve très joli de sa part de ne point se rebuter. Au reste, il me parle avec confiance de ses ennuis, comme de ses passions, et cela fait toujours passer le temps. N'avez-vous pas de honte de m'envoyer des lettres par poste toutes couvertes de sottises, et pourquoi par *Симферополь*? Qu'est-ce que c'est que ce M^r Варяпъ, qui m'écrit en me l'envoyant? Avez-vous trouvé que le trajet de Moscou ici était trop court pour les envoyer par la Crimée? Toi et Boulgakoff vous êtes deux fous. Et moi, comme je suis sage, d'une sagesse à toute épreuve; il faudrait cependant que j'agisse avec vous, comme vous le faites avec moi, mais je suis trop bonne, je ne veux pas vous donner de jalousie, d'autant plus que je ne parierai pas que vous ne vous y laissiez prendre, toujours si bien disposé. Les enfants vont assez bien, le médecin dit qu'il trouve Nicolas beaucoup mieux, et moi je trouve que c'est à peu de choses près toujours de même. Nadinka est très drôle; ils sont toute la journée à l'air, excepté cependant hier et aujourd'hui, où pleut à verse; tous les habitants crient au miracle et au bonheur. Je suis restée hier par une pluie très forte près d'une heure au bord de la mer avec Pouchkin pour voir un vaisseau battu par la tempête. Le grand mât a été cassé, l'équipage s'est placé sur deux canots, le vaisseau chavirait à me faire pousser des gémissements; à la fin le temps a été si gros qu'il a fallu rentrer, la pluie empêchant de rien distinguer; quelques heures après le temps s'est calmé, et le vaisseau est arrivé au port, qui est tout près de chez moi; on ne le voit pas des côtes, mais quand on est en pleine mer, il se voit parfaitement ainsi que la quarantaine. On vous avait annoncé, n'est-ce pas, qu'Ypsari était prise? Au contraire Canaris a brûlé la flotte turque, dix mille turcs ont péri, la flotte est presque anéantie; c'est pour la troisième fois que ce Canaris réussit aussi bien. Quelle joie ici à chaque bonne nouvelle. Je demeure chez un négociant grec qui a des pêcheries et des vignobles, et je vais bientôt jouir

¹⁾ Вь оригиналь зачеркнуто: chez moi.

de ce double plaisir; celui que je m'accorde en plein maintenant, c'est de me placer sur des pierres immenses avancées dans la mer, de voir les vagues se briser à mes pieds et quelquefois de n'avoir pas le courage d'attendre la neuvième, quand elle s'avance avec trop de rapidité; j'en mets alors plus qu'elle pour m'enfuir, quitte à revenir un instant après; il nous est arrivé avec la C[omtesse] Voronzoff et Pouchkin de l'attendre et d'en être arrosés assez copieusement pour être obligés de changer de vêtements. Pense bien, cher ami, que tout en t'engageant à venir à Odessa je ne te promets pas que tu t'y amuses, qu'il y a peu de société, point pour le moment, mais assez en hiver, point de promenades, excepté un vilain jardin, point de bois, une stérilité affreuse, la seule chose qui récréé la vue c'est la mer, mauvais spectacle italien trois fois par semaine et deux ou trois femmes agréables, M-me Edling, qui te rappellera M-me Сръчипъ. Les Volkonsky partent décidément mardi le 15; elles resteront très longtemps en route et passeront par Ostafievo pour aller à Souhanovo; ne fais pas l'âne, je t'en prie, nous avons tant parlé de toi que tu me rendrais honteuse, si tu ne leur faisais un accueil empressé. Combien de fois je suis troublée de l'idée de savoir les petites livrées à Hélène et Caroline, elles sont si communes; amène-les-moi au plus vite ou laisse-moi aller les chercher. Pouchkin est sans le sol et moi aussi, je dois de tous côtés. Je cesse de t'écrire faute d'encre. Adieu, cher et bon ami, je te réunis à mes enfants pour vous embrasser tous et vous dire combien je vous aime et combien je désire une prochaine et heureuse réunion. Je te félicite pour le 12. J'espère que nous passerons ensemble le 6 de Septembre. Quand vous passerez par Kieff, arrêtez-vous chez les Orloff, maison Давыдовъ.

Odessa. Le 11 Juillet.

Comme c'est positif! On dirait que tu m'as écrit que tu allais te mettre en route. des cuisiniers d'ici veulent 7 et 800 roubles d'appointements: ainsi il vaut autant amener le nôtre, s'il veut venir. Il faut absolument apporter la batterie de cuisine, tout cela peut se placer dans la брѣвна ou dans des sacs de cuir autour des sièges de cocher. J'embrasse mes soeurs.

64.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 14 іюля 1824 г.]

Je ne t'écris que deux mots par poste pour l'acquit de ma conscience; je t'écris une énorme lettre et une seconde moins longue par la P[rincesse] Volkonsky et par M-r Catalani, qui partent le même jour. Les enfants vont assez bien, Dieu merci, et moi parfaitement. J'aurais bien voulu changer et la chose et la phrase, si cela dépendait de moi. Je vous embrasse tous bien tendrement, et attends avec impatience ma décision pour notre réunion: où, quand et comment?

Le 14 Juillet. Odessa.

На оборотѣ 2-го листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.

65.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 15 іюля 1824 г.]

As-tu écrit à Michel Orloff pour le remercier, lui et sa femme, pour l'amitié et les prévenances qu'ils ont eu et ne cessent d'avoir pour moi; ils viennent encore d'envoyer *une créditive*, voyez comme je profite, de trois mille roubles sans que j'aie jamais rien demandé. Je crois cependant que je vais m'en servir pour Pouchkin, que je sais très gêné. Sa ¹⁾ femme m'écrit qu'entre Kieff et Odessa, près de la terre de sa grand-mère, il y a un établissement de santé à l'instar de ceux de Lyon et de Suisse, pour redresser les membres et dissoudre les bosses, excroissances produites par le rachitisme et les humeurs froides par le moyen des bains de vapeurs et des remèdes extérieures, et qu'un enfant de M-me Bierginska, soeur de M-me Chodkievicz, au bout de 4 mois a éprouvé un grand bien.

¹⁾ *Передъ этимъ словомъ въ оригиналь зачеркнуты слова: de plus.*

J'ai appris encore qu'un médecin français d'ici allait avoir un pareil établissement ici; je le verrai, consulterai le mien, et déciderai de ce qu'il faudra faire; j'aime mieux cependant ne rien entreprendre d'aussi sérieux cette année, si tu viens me rejoindre, et d'attendre l'été prochain; le médecin assure qu'il trouve Nicolas mieux. La P[rincesse] Volkonsky les voit presque tous les jours; je te supplie d'être au petit soin avec elles, d'abord parce qu'elles sont charmantes et toutes bonnes pour moi; je les regrette infiniment, car je vais m'ennuyer à mourir sans elles. J'ai fait provision de livres d'étude pour m'en rassasier le long de la journée, et pour mes distractions j'aurai quelques romans, le spectacle italien et Pouchkin, qui s'ennuye bien plus que moi: les trois femmes dont il était amoureux viennent de partir. Qu'en dites-vous? c'est dans votre genre. Heureusement, il y en a une qui revient ces jours-ci; je lui prédis que vous serez souvent rivaux. Je t'envoie du tabac par la P[rincesse] V[olconsky]. De grâce, une couturière; parles-en avec Sophie; on paye jusqu'à 50 roubles pour une robe garnie. Ne pourriez-vous pas me l'envoyer par occasion ou avec courrier? peut-être Boulgakoff pourra-t-il le faire? Adieu, je vous embrasse tous de coeur et d'âme. De grâce, que les petites n'oublient pas ce qu'elles ont appris avec M-elle Goré.

Odessa. Le 15 Juillet.

Je t'envoie de plus dans le tabac six tuyaux de marbre dont on se sert pendant l'été, parcequ'ils sont toujours froids. Dis-moi si le tabac est bon. Il est à un rouble et 80 sols la livre; est-ce bon marché? As-tu reçu des effets par Volkonsky où il se trouve un chapeau etc., le second par Troubetzkoy et le 3-e par Saveleff, où se trouvent les poupées etc. C'est le plus intéressant, car il y a pour près de 1500 roubles de marchandises. Voici un paquet pour M-me Volkoff; envoie-le tout de suite dans leur maison de ville avec l'ordre de le lui faire parvenir.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 18 июля 1824 г.]

Les enfants vont bien, cher ami. Nicolas prend des forces, marche davantage ¹⁾

.
Je réponds article par article à ta lettre et j'ai manqué éclater de rire à l'endroit où tu parais inquiet pour moi; pardon, cher ami, je suis presque aussi grasse qu'à Moscou. C'est pour me flatter que je dis que je maigris, mais ce qui est très vrai, c'est mon infatigable appétit, quand je dine autre part que chez moi. Si je promets l'espionnage demandé par toi, quand je mange trop, je te demande la permission de la faire aussi pour ma conduite et de t'en rendre un peu compte, car elle est admirable. Imagine-toi que jusqu'à présent il n'y a pas eu la moindre tentative de coquetterie même spirituelle; le seul homme que je vois est Pouschkin qui est amoureux autre part; cela m'a mis tout de suite à l'aise, et nous sommes déjà très bons amis; sa position y entre pour beaucoup: il est vraiment malheureux. Nous ne savons rien de ce qui se passe à Pétersbourg par rapport à lui, au moins aujourd'hui, car je ne l'ai pas vu. Comme tu m'as fait du bien en me tranquillisant; c'est l'inquiétude trop vive que j'éprouvais par moment qui me rendait soupçonneuse et me faisait craindre d'être accusée par toi de négligence. Je suis désolée que tu n'aies point reçu le chapeau; je vais t'en envoyer un second, quand mon amoureux reviendra. C'est Pouschkin qui le nomme ainsi. Devine qui c'est?—Савелевъ, le ci-devant mari de la Татищевъ. Je t'enverrai derechef une épingle et des cannes. Si la phrase *le chapeau s'étire* te paraît ridicule, je la tiens de M-r Bauvet, négociant français, qui me l'a faite ainsi. Revenons à Odessa. Comme séjour, et plus sous le rapport du service, c'est, comme tu le dis, en Russie la ville la moins ennuyeuse et celle où tu auras le plus

¹⁾ Опушено 16 строкъ письма, въ которыхъ княгиня В. Ф. Вяземская рассказываетъ о томъ, какъ идетъ леченіе сына Николая.

de liberté. Tu parleras spectacle, négoce, plantations, un peu des affaires de la Grèce, qui vont au plus mal, jamais politique ni affaires du gouvernement, car ce sont des conversations qui n'ont jamais lieu; ainsi avec la meilleure volonté des espions, qui probablement existent ici comme ailleurs, il est impossible de s'accrocher à quelque chose pour faire de faux rapports. Au reste je parlerai là-dessus et ferai part de ma conversation. En général je ne trouve point de gêne, il paraît que chacun vit comme il veut et comme il peut. À la moitié d'Août il faudra prendre une décision; je trouverai à qui confier mes enfants, si nous nous décidons à les laisser à Odessa en hiver; j'avoue que je crains horriblement le voyage du retour avec eux; j'é viendrais, comme tu le dis, à Moscou et toi, tu iras à Odessa, ce qui vaut d'abord mieux, car tu verras alors si le séjour te convient pour plus longtemps ou non. Mais pourquoi ne me permettrais-tu pas de venir tout de suite? Nous aurions pu aller tous ensemble passer l'hiver à Odessa. Au reste, fais comme tu veux. Je t'envoie un billet de mon ami le Grec auquel, de préférence à tous les autres, je demande de l'argent, quand j'en ai besoin. Je n'ai plus besoin de couturière, j'en ai loué une ici. Adieu, bien cher et bien bon ami; tu dois voir par mon énorme correspondance si j'ai le temps de soigner mon style, et quand tu me grondes par rapport à cela, je ris, aussi fort, quand je lis les expressions de ton inquiétude par rapport à ma maigreur. Je te remercie beaucoup pour ta libéralité envers les enfants; que cela n'aille pas cependant jusqu'à leur faire gagner un rhume ou une indigestion. Je ne me rappelle pas bien de *l'avis au lecteur* dans la lettre d'Aimée ni à quel propos, mais il est probable que cela te concerne. Je n'écris qu'à toi, j'ai peur de manquer la poste, j'ai attendu la réception de tes lettres pour t'écrire, et il se fait tard. Adieu, cher ami, j'embrasse bien tendrement les enfants et toi et vous suis bien tendrement et bien vivement attachée.

Odessa. Le 18 Juillet.

La P[rincesse] Volkonsky est partie le 16. Elle a un nepeдовой; tu devrais bien te faire avertir, quand il viendra à Подольскъ, et aller à sa rencontre. Si Pouchkin quitte Odessa, je serai

fraiche, je n'ai plus que lui pour société, consolation, conversation, promenade, spectacle etc. J'ai donné à Vitt un papier concernant Кюхельбекеръ; il fera tout ce qui dépendra de lui pour le placer.

67.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

Le 19 Juillet 1824. Odessa.

Je me suis tellement dépêchée la dernière fois que je t'ai écrit pour ne pas manquer la poste que j'ai laissé passer plusieurs de tes frases sans y répondre. Revenons d'abord au sujet intéressant, c'est la santé des enfants. Nous avons cherché un meilleur climat que le nôtre et avons pleinement réussi en cela, car celui d'ici comparativement au nôtre est excellent, et que tous les enfants arrivés ici faibles et malades deviennent beaucoup plus forts au bout d'un an ou deux. Ce ne sont certainement pas les médecins que l'on peut venir chercher ici, car ils sont tous très médiocres. J'attends impatiemment celui du Comte Voronoff pour le consulter, et ce sera en partie lui, qui décidera du retour ou de la prolongation du séjour à Odessa pour les enfants, si tu ne me fais pas venir tout de suite pour revenir tous ensemble avant l'hiver; mais si je ne pars qu'à la fin d'Août ou au commencement de Septembre, pour que tu viennes du suite me remplacer, je transporterai les enfants en ville et les laisserai en pension chez le médecin ou bien après avoir installé chez eux les Gillet, qui sont de bien braves et de bien honnêtes gens, et dont *lui* a toujours été excellent gouverneur. Je passerai donc, comme tu le dis, l'hiver à Moscou, et le printemps j'arriverai avec le reste de la famille; il me paraît que quelque temps passé en Crimée serait efficace pour Nicolas et fait bon pour tout le reste de la famille. De plus en t'engageant à venir ici j'ai cru te faire plaisir, car je te sais si peu agréablement à Moscou que tout changement de lieu pourrait te faire plaisir; ensuite nos affaires pécuniaires y gagneraient, car positivement il ne faut pas plus de 30 mille roubles pour vivre ici. Supposons que le déplacement nous coûtât encore 10 ou 15 mille de plus pour cette année, nous les dépenserions en vivant à Moscou, ainsi ce ne sera point

un argent plus mal employé. En tout cas il me faut aller à Moscou, d'abord pour accompagner les enfants en route, puis pour terminer toute dépense de ménage en notre absence à Moscou, c'est à dire anéantir toute la дворян, régler le peu d'effets qui doivent nous suivre dans notre déplacement, fixer la mode de réception de nos revenus, confier nos affaires à un homme diligent et intègre, et entrer dans mille petits détails qui ne te viendraient seulement pas dans l'idée. Je ne sais si tu me trouves raison, mais les enfants dont la santé a souffert d'un voyage par le plus beau temps, doit les exposer bien plus, si nous retournons en Septembre; cela les privera encore de la plus belle saison d'Odessa, qui est l'automne. Je continuerai à chaque poste de te faire part de mes idées là-dessus, à mesure que je verrai du pour ou du contre pour mes projets; mais toi, tâche de secouer un peu ta paresse de décision, et ¹⁾ pense que tes lettres du 10 Juin n'ont été reçues par moi que le 19 Juillet; c'est plus d'un mois qu'elles sont en route, et cela c'est toujours de même ¹⁾; et parle-moi par avance et aussi positivement que cela peut se faire de ce que tu désires, espères etc.... Parle-moi aussi de nos affaires, puisqu'elles sont au moment d'être débrouillées; dis-moi ce qu'il te restera de dettes et où, car on dit que la nouvelle banque est ouverte, sur combien de revenus nous pouvons compter hors de chez nous en ayant soin de déduire des revenus d'Ostafiévo, ce que coûtera l'entretien des gens d'affaires, des artisans etc....? Je fais comme toi pour le service, je le confonds avec l'argent; une place de gouverneur rapporte dix mille roubles, ce serait autant d'épargné sur nos revenus. Quelqu'un d'ici sera obligé de quitter sa place, la femme ne pouvant supporter le climat; ce serait ce que j'aurais désiré pour toi. C'est une place facile et point désagréable: de l'intégrité, de la prévenance, un peu de surveillance et voilà tout. Votre probité, Monsieur, m'est connue, votre amabilité de même, vous secouerez un peu votre paresse, comme j'ai déjà eu l'honneur de vous le demander, et tout irait bien, soit dit sans vous fâcher ni vous presser, car j'aime beaucoup mieux que vous voyez par

^{1—1)} Слова „et pense toujours de même“ *зачеркнуты, и рукою княгини Вьры Федоровны написано: „Совраха. J'ai reçu ta lettre du 10 Juillet le 19. Ainsi cette fois-ci cela a été bien vite“.*

vous-même que par mes yeux,—raison de plus pour venir passer ici d'une manière indépendante un an ou deux, que je crois encore nécessaire pour la santé des enfants et l'arrangement de nos affaires, avant de nous transporter plus loin. Il en sera ce que vous voudrez, je suis toujours à vos ordres, prête à partir ou à rester au moindre signal ¹⁾. il n'y a point d'indice qui puisse nous faire espérer qu'elle commence à monter. Hormis cela elle est toujours gaie, dort bien, mange bien et ne paraît jamais souffrante. Je suivrai ton conseil économique, j'écrirai à mon frère. Je prendrai des renseignements sur le chapeau à Nicolaëff; il est impossible de s'en procurer un autre, il n'y en a plus. Tu recevras les cannes et une épingle, dès que mon amoureux sera revenu. Je ne suis pas déménagée chez Volkonsky, parce que c'est par trop mauvais, pas moyen de loger,—c'est une espèce de *землянка* faite pour son intendant. Comme tu m'as amusée avec tes mauvaises plumes, mon rapprochement avec *Еврейновъ*, tes inquiétudes sur ma santé. Pardon, plus je les croyais réelles et plus c'était drôle, car je n'ai pu te dire qu'elle était mauvaise que par plaisanterie. J'ai eu de bien vives inquiétudes, mais elles me faisaient souffrir au moral et non au physique. Grâce à Dieu, je suis tranquille maintenant et j'en jouis doublement, puisque cela doit rejaillir sur toi. Pouschkin me prie si instamment de lui procurer la jouissance de lire tes lettres que, malgré tes saletés, je les lui donne à condition qu'il les lira bas, mais quand il rit, j'en ris aux larmes avec lui. Tu vas me trouver impudente. J'ai déjà recommandé M-me Dangeville au directeur; cela ira bien pour elle, et elle fera de l'argent autant qu'on peut en faire à Odessa. Malgré que tes lettres soient numérotées, je t'ai dit dans le temps „*кажется пропало*“, parce que je reçois quelquefois les plus fraîches huit jours avant les vieilles; j'en reçois par Pétersbourg, par la Crimée, il y a beaucoup de désordre et point d'espionnage ou un espionnage fatigué de ne trouver que des détails de famille, car il me paraît que tes lettres ne sont point décachetées à la poste. Pourquoi nous parles-tu si obscurément de l'affaire de Pouschkin? L'absence du Comte Voronzoff fait que nous

¹⁾ *Отпущены 3 строки письма, въ которыхъ говорится о состояніи здоровья дочери Надежды.*

ne savons rien de ce qui le concerne. Comment cette affaire a-t-elle pu prendre une mauvaise tournure? Il n'est fautif que d'enfantillages et d'un peu de juste dépit de le voir employé, pour aller à la découverte de la sauterelle, encore a-t-il obéi. Il y a été et a demandé son congé en revenant, parce que son amour propre se trouvait blessé. Voilà tout. Quand les souverains sauront-ils comment se passent les choses, et quand finira-t-on d'envenimer tout ce qui se passe chez eux?—Si Анна Захаровна te fait une longue mine, j'en ai une, à peu près semblable, en mademoiselle sa fille, qui meurt d'ennui à Odessa, car elle est enfermée à la campagne et que dans notre bonne ville il n'est question ni d'ombre, ni de jardin, ni de bois, qu'elle est au soleil ou dans la chambre, sans distraction ni société. Nicolas m'a déjà régala d'un: „вамъ здѣсь весело, оттого что вы выѣзжаете, катаетесь, въ театрѣ ѣздите, а намъ здѣсь очень скучно, и мы хотимъ въ Москву“. Cela me paraît n'être pas entièrement de lui, j'ai tout de suite proposé un spectacle polonais qui m'a été refusé; je renouvelerai mes propositions dans quelque temps, car il faut que je lui rende justice: elle est très attentive et très soigneuse pour les enfants, a ses bouderies près ainsi qu'à son amour-propre blessé, dès que je veux me mêler de ce qui les concerne. Cependant le médecin même a été frappé de ses soins, de son attention à tout et de son attachement pour les enfants. Elle est toute en larmes maintenant à cause de la conversation que je viens d'avoir avec le médecin. Il dit: „comme médecin, honnête homme et chrétien, je vous déclare qu'un retour en automne pourrait être pernicieux pour vos enfants et leur faire un tort irréparable; il faut vous en aller au plus tard les premiers jours d'Août ou rester. Le climat d'ici comme de raison doit être plus avantageux pour vos enfants que celui de Moscou, mais je ne veux point vous flatter même ici d'une prompte guérison. Il faut très peu de remèdes, ni fer ni mercure, et attendre une amélioration de santé du temps et du climat. Dites à votre mari qu'il se décide ou à vous faire quitter Odessa le 15 d'Août, sans égard à priver vos enfants d'un bel automne, qui durera peut-être jusqu'à la mi-Novembre, ou bien à faire décidément rester vos enfants près de deux ans.¹ Les bains de Kosloff ne valent rien pour eux“. Réponds-moi tout de suite là-dessus ne vaudrait-il pas mieux en cas

d'établissement à Odessa que tu viennes tout de suite avec Paul, que ce sois toi qui laisse les enfants et pas moi? Les tiens se portent bien et peuvent rester chez les Czetvertinsky; les miens sont malades, et Paracha désespérée de l'idée de se trouver sans l'un de nous, ce que je conçois, car tout en étant sûre des Gilets ce sont toujours des étrangers. A ton arrivée ici, si elle est prompte, j'aurai le temps d'aller terminer nos affaires, et de revenir pour l'hiver avec toute la famille ou bien de ne revenir qu'au printemps, si tu l'aimes mieux. Si cela ne te convient pas, fais-moi venir seule, ou revenir avec les enfants au mois d'Août, mais pas plus tard, car alors je ne viendrai pas, même si tu l'ordonnais, car ce serait absolument risquer la vie des enfants. Tu dis que c'est un pas remarquable vers la guérison qui doit me décider; les enfants vont bien, mais pas assez pour que je puisse ni annoncer ni espérer un prompt rétablissement; je l'espère plus prompt qu'à Moscou, mais ce n'est que de l'espoir, et je n'ai moi-même aucune certitude ni à avoir ni à donner là-dessus. L'espionnage et la calomnie, que tu es payé pour craindre, existe moins ici qu'ailleurs; il y a de la surveillance et une absence totale de conversation politique, donc il n'y a pas moyen de mal interpréter ce dont on ne parle jamais; tu pourras jouir en plein du plaisir de voir la mer et le soleil, sans te trouver dans le cas de les apostropher. Voilà un détail de l'existence que j'arrange idéalement pour toi: en t'éveillant un bain, le déjeuner à l'ombre de la maison et de ton chapeau et du côté où le vent ne te l'arrache pas de dessus ta tête; t'occuper dans ton cabinet jusqu'à quatre, un tout petit tour de promenade à cause de l'excessive chaleur avant le dîner, que tu feras ordinairement en famille, Pouschkin, Gilet, ou l'abbé *Boisvin*, sur lequel je te demande un calembour; l'un des deux donnera leçons aux enfants. De temps à autre et par invitation tu iras dîner chez les Voronzoff, où tu feras la cour à la femme, ou chez les Gourieff, ou chez les négociants, où tu seras *Boisvin*. A huit heures et demie, trois fois par semaine, tu iras au spectacle, dans les entr'actes derrière les coulisses, et même dans les chambres de toilette pour assister à celle de M-elle Vitalia; c'est son père qui l'habille en faisant remarquer aux spectateurs les belles épaules, etc. Ensuite tu reviendras à la maison avec moi, car nous n'aurons

qu'un équipage, sauf les fois que je te permettrai d'aller boire à la ressource argent comptant, et coucher à bord chez les marins, dont tu feras la connaissance et où tu boiras gratis. Suis-je indulgente? Embrasse-moi tendrement pour cela, car je suis très sévère pour moi-même. Comme je suis seule, et que je veux sortir, je m'arme de raison et de froideur pour éviter tous propos; je ne reçois que les indispensables et refuse poliment l'augmentation de réception masculine. Je suis toute enchantée de mes vertus. J'embrasse bien tendrement toute la chère petite famille. Rappelle-toi que, si je viens à Moscou, il ne faut rien donner à Sophie ni vendre nos effets.— J'agirai alors comme j'en aurais la fantaisie. Il n'y a que la zéphyrine ourlée que je vends à qui veut.

68.

Нягиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

Odessa. Le 25 Juillet [1824].

Quel temps, cher ami! Je n'ai jamais rien vu de pareil: pas un nuage, pas un zéphyr, une mer calme et scintillante de mille feux, jamais la neige ne fut aussi éblouissante, avec cela toute nuancée par les différents courants et fleuves qui s'y jettent; c'est vraiment magnifique; voilà comme est ordinairement l'été ici, et surtout le mois de Juillet et d'Août. Cette année-ci, ces jours sont moins communs, car le temps est mauvais partout; qu'il est beau, cependant, en comparaison de celui du nord de la Russie. Les enfants ne rentrent dans la chambre que pour dormir; ils sont gais, contents, tout va bien, mais je ne suis pas encore tout-à-fait contente Nicolas ne prend aucuns remèdes, Nadinka rien qu'un sirop pour sa toux, qui tantôt vient, tantôt passe. Je la trouve engraisée de figure, et ils ont très bon teint, quoique très hâlés tous les deux. Ils prennent des bains de sable. Les forces n'augmentent pas encore visiblement, et le médecin me dit que je ne dois pas compter là-dessus de si tôt; je me résigne pourvu que cela vienne un jour. Je t'ai choisi les deux plus jolies cannes qui soient restées, plus de chapeaux de jonc à acheter, trois paires de *подтяжки для панталонъ подъ сапоги*, cependant d'une ma-

nière très évidente, c'est charmant, en fer, en bronze et en maroquin; je me suis rappelée du choix des échantillons pour gilets, et j'ai fait de même, j'en ai pris de chaque espèce. Aujourd'hui, je rachèterai aussi des épingles. Comme tu es étourdi. Tu me dis: „Расплатись съ Пушкинымъ, какъ слѣдуетъ“. А какъ слѣдуетъ? Ni lui ni moi, nous n'en savons rien. De plus, mon Prince, laissez-vous toucher, faites-moi cadeau de mille roubles pour acheter du linge; cela me remplacera trois mille roubles en Russie. En tout cas, si même nous nous transportons à Odessa, je ne puis me dispenser de faire des chemises, car il y a 13 ans que je porte les miennes. Et ne retenez pas les 317 roubles que la P[rincesse] Volkonsky vous payera pour moi, ni ce que Sophie doit m'envoyer pour la vente de quelques effets, parce que je les dois ici pour elle. Ma société masculine, qui se bornait à Pouchkin, va s'augmenter de celle du petit Boutourlin, aussi ennuyeux qu'un jeune homme de 17 ans peut l'être avec peu d'esprit et une vivacité incroyable, et de celle d'un soi-disant gouverneur agé de 30 ans, très joli garçon et aussi spirituel qu'un anglais peut le paraître en parlant français. Il est instruit, et est resté quelque temps en Italie, et a une conversation agréable. Léon Narischkin est arrivé hier. Sa femme arrive aujourd'hui avec la C[omtesse] Voronzoff; ils ne restent que huit jours et partent pour l'étranger. La C[omtesse] V[oronzoff] reviendra avec son mari de 1) Бѣлая Церковь vers la fin d'Août. Ainsi, la monotonie de mon existence ne se trouvera rompue que pour peu de moments, et je ne m'en plains pas, m'étant préparée à venir à Odessa pour la santé de mes enfants et non pour mes plaisirs. Plusieurs personnes me trouvent admirable de ce que je conserve ma gaieté dans ce désert. Je pense souvent à vous, mes chers amis, je lis beaucoup, je fais des notes pour aider mon ingrate mémoire, et ma journée se passe, si ce n'est avec plaisir, au moins sans ennui. Ma seule dissipation et distraction est le spectacle, auquel je vais presque toutes les fois. Aujourd'hui j'y vais avec M-me Gourieff, qui y mène sa fille; j'ai résisté à toutes les supplications de Nicolas qui a été raisonnable, dès que je me suis avisée de dire que Caruso l'avait défendu. Le spectacle

1) *Между словами* mari и de *зачеркнуты слова*: pour aller rejoindre les enfants.

commence à huit heures passées, et jamais je ne suis de retour au hutor avant onze heures et demie; de plus, il faut au moins faire une demi-verste à pied pour regagner la maison, à laquelle aucun équipage, hormis un drochky ou reābra, ne peut arriver à cause de la rapidité de la montagne. La seule chose qui soit un vrai tourment pour moi, c'est la cuisine, dont nous ne sommes séparés que par une porte mal jointe. Il y a une odeur de mauvaise beurre qui me fait mal à la gorge, comme si je la mangeais. Les enfants n'en souffrent pas, car ils sont dehors, mais moi qui crains encore plus le soleil, je ne sais plus quelquefois auquel de ces deux désagréments me soumettre, et je suis alors comme une ombre errante et bien malheureuse. Point de remède à cette infortune. Léon Narischkin, touché de ma position, va se mettre en quatre pour me procurer une tente. Comme je serais heureuse, si cela se fait; jusqu'à présent cela n'a pu réussir. J'attends ta décision avec impatience; hormis la frayeur que j'éprouverai de me mettre en route avec les enfants, je suis indifférente à cette décision; la seule chose qui me fait désirer ton arrivée à Odessa, c'est, comme je te le répète, la crainte du voyage que seule j'entreprendrai avec plaisir, pour aller près de mes autres enfants, mais que je redoute extrêmement, même au mois d'Août, pour ceux qui sont avec moi. Pour moi, tu ne dois avoir aucune inquiétude; si tu ne peux venir même qu'en Septembre, je puis partir tout à la fin du mois; en Octobre, jusqu'en Novembre, je pourrais arriver sur roues à Moscou. La C[omtesse] Voronzoff et Olga Narischkin sont de retour depuis deux jours, nous voilà constamment ensemble, et déjà beaucoup plus amicalement. Dans l'absence de la C[omtesse], je jouirai de son clavecin, que je n'ai pas à la campagne, de son bain, de ses petits chevaux, ce dont Nicolas sera radieux. Adieu, cher et tendre ami, je t'embrasse du fond de mon coeur, ainsi que tous nos chers enfants; il vous est tendrement et vivement attaché. De grâce, fais-moi cadeau de mille roubles. La P[rincesse] Volkonsky doit te remettre 317, tu m'as volé l'argent de M-me Krivzoff 90, Sophie doit m'envoyer de l'argent; réunis tout cela, et envoie-le-moi ou apporte-le-moi, cela vaudra encore mieux.

69.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему шуру.

Odessa. Le 27 Juillet [1824].

J'ai reçu, cher ami, les 6000 roubles; j'en ai payé 1260 à Pouchkin; il a voulu décompter les 80 de perte sur mille. J'ai reçu la lettre envoyée par M-me Dangeville et les besicles, pour lesquelles je te remercie, car elles sont élégantes et bonnes, mais je ne te remercie pas d'avoir laissé passer une poste sans m'écrire: cela me peine et me rend sotté, car j'attends toujours le bonheur si impatientement. Je commence à être contente de la santé et de la figure de Nicolas, mais nous ne pouvons venir à bout de la toux spasmodique de Nadinka, qui en dépit des remèdes et ayant disparu presque entièrement recommence avec force tout-à-coup et sans raison. Je voudrais tant que cela allât tout-à-fait bien. Il y a de ces événements qui vous font toujours être sur le qui-vive d'un malheur. Il y a trois jours de cela que dinant chez les Gourieff j'y ai vu la seconde fille des Gourieff, âgée de sept ans, légèrement indisposée, mais se promenant en calèche; hier elle était déjà mal, et aujourd'hui sans espoir. Le père et la mère sont dans un état affreux comme de raison. J'y ai été dans l'instant avec la C[omtesse] Voronzoff; on ne nous a pas reçus; j'y retournerai seule, mais je ne crois pas pouvoir leur être agréable dans ce moment affreux. Depuis qu'Olga Narischkine, son mari et la C[omtesse] Voronzoff sont de retour, nous sommes inséparables, et mon état de fête a recommencé; elle sont aux petits soins avec moi. J'y dine et j'y soupe tous les jours, car elles ne restent que cinq à six jours et comme nous demeurons porte à porte; cela ne me fait point négliger les enfants. Aujourd'hui, nous allons par mer au spectacle. Au départ de la C[omtesse] Nicolas aura entièrement à sa disposition sa petite cariole avec 4 chevaux tout petits ¹⁾, il est rayonnant d'espoir. Nous continuons à ne rien savoir sur le sort de P[ouchkuin]. Même la C[omtesse], elle sait comme toi qu'il doit quitter Odessa. Son mari a dit simplement qu'il n'y avait rien à faire pour

¹⁾ Вь оригиналь зачеркнуто à sa disposition.

P[ouchkuin] à Odessa, mais nous ne savons pas comment cela finira. Je serai bien peinée, s'il quitte la ville tant que j'y suis, et encore plus, si nous nous y établissons; je l'aime beaucoup, et il se laisse gronder par moi comme par une mère; cela n'avance de rien pour le moment, mais il vaut toujours mieux qu'il s'habitue à entendre la vérité. Je n'ai pas vu M-me Dangeville, elle n'est point venue chez moi, mais ses affaires vont très bien. A quoi te décides tu? Le temps approche où il faut partir, si nous partons, et où il faut que tu arrives, si nous restons. Je ne me déciderai à rien, d'autant plus que j'ai envie de passer un ou deux ans ici. Je viens de fouetter Nadinka, elle est d'une méchanceté insupportable; cela lui arrive cependant plus rarement depuis quelque temps. Comment vont vos demoiselles et vos messieurs pour la santé, et pour les études et le caractère, les mauvaises habitudes? Je suis toute effrayée d'y penser. Bon Dieu, comme cela doit aller mal. Viens donc au plus vite, et laisse-moi les aller chercher. Adieu, cher et bien bon ami, je vous embrasse tous bien et bien tendrement.

Je t'envoie deux cannes, une brosse avec une corne, des bretelles en baptiste écorce, trois paires de подтяжки et une petite épingle, la seule présentable que j'aie trouvée. Mon amoureux n'a été de retour que pour trois jours; comme ces courses m'arrangent, chaque fois il emporte quelque chose pour vous.

70.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 4 августа 1824 г.]

Cher et bon ami, j'ai cru que je mourrais de rire, en voyant que je t'avais fait une citation, d'.....¹⁾ tout-à-fait à l'inverse et en me représentant ta juste colère contre moi, d'autant plus violente que je n'étais point là pour essayer le premier feu; mon excuse est dans l'état piteux ou je me trouvais, causé par l'exil de Pouchkin et par les idées noires qui m'opressaient dans ce moment. Parlant de ta dernière lettre tu me fais perdre l'esprit en me répétant: къ чему

¹⁾ Одно слово не разобрано.

эта возня? Ne m'as tu pas dit cent fois que tout séjour te semblait préférable à celui de Moscou, que pour peu que celui d'Odessa convint à nos enfants et que le vivre n'y était pas cher, tu serais très content d'aller y passer l'année ou les deux années, qui doivent encore précéder notre départ pour l'étranger?

Tu me fais faire des notes sur ce que nous pouvons dépenser ici, me voilà toute imbue de l'idée d'y rester tant par goût pour toi que par nécessité pour les enfants. Ils vont bien maintenant, mais *c'est le voyage du retour qui peut être dangereux pour eux*, mais c'est surtout l'hiver qui doit leur être favorable ici; de plus nous pouvons vivre avec trente mille roubles, ce qui serait impossible à Moscou et fort désagréable à Ostaffievo ou à Kostroma, ou nous n'aurions ni médecin, ni maitres, et ou nous nous ennuyierions de plus à notre aise et toi par excellence. Le séjour d'Odessa n'est ¹⁾ pas très agréable, mais c'est certainement la seule ville en Russie hormis Pétersbourg qui échange son cachet provincial en caractère tout-à-fait étranger; décidément j'attendrai une réponse décisive. Aujourd'hui c'est le 4, donc je puis recevoir une réponse à cette lettre les derniers jours de ce mois. *Je crains horriblement le voyage du retour pour les enfants*, c'est ce qui me fait désirer *qu'ils restent à Odessa cet hiver*. Veux-tu que je vienne chercher les enfants pour nous transporter tous? Si non, fais-moi revenir, et tu partiras après mon retour à Moscou. Je ne crains plus de laisser les enfants sans moi, d'abord parce qu'ils vont bien, et puis parce que la C[omtesse] Edling, femme très distinguée et prudente, et la C[omtesse] Voronzoff, femme aimable et toute puissante à Odessa, toutes deux logeant près de mes enfants, s'arrangeront à aller les voir journalièrement, entreront dans tous les détails, m'en informeront, et se feront réveiller la nuit pour aller voir mes enfants, dès que Папана les demandera; naturellement on ne peut jamais être tout-à-fait tranquille: je ne le suis pas même bien pour toi ni pour ceux qui sont avec toi. Qui peut défier le sort. Mais toutes mes précautions sont bien prises; réponds-moi de suite, et deux jours après la réception de ta lettre, si tu me dis de venir, je me mettrai en route. En cas que cela s'arrange, comme je le crois, tenez-moi une calèche prête. Анна Заха-

¹⁾ ВЪ оригиналь зачеркнуто certainement.

ровна et Pierre, Hélène, Caroline, une femme de chambre et Paul se mettront dans la voiture à 4 places qui reviendra avec moi; et dans la calèche de Varsovie, ou la *бручка* et la voiture à deux places que vous devriez échanger pour une nouvelle voiture, ou plutôt un landau à deux places, je me placerai avec mes deux filles; cela fait que l'un de ces deux équipages te restera pour venir nous rejoindre. Si la *вошня* t'effraie, comme tu dis, je resterai à Moscou, tu passeras l'hiver à Odessa, et au mois de Mai tu nous feras venir, si tu veux y rester, et reviendras à Moscou, si tu l'aimes mieux. La séparation serait longue, elle recommencerait à la mi-Septembre pour durer jusqu'à la mi-Mai. C'est effrayant, juste huit mois! Auras-tu le courage de rester sans *moi*, huit mois; il est vrai que pour *une* tu peux en avoir huit, cependant je te crois trop consciencieux pour cela. Je suis curieuse de savoir si tu es aussi sage de conduite que je le suis d'esprit; pas même une mauvaise idée à me reprocher. J'écris à Pouschkin par la poste d'aujourd'hui, et je te garde mon brouillon. Je le regrette beaucoup, j'avais placé toutes mes affections odessoises sur lui. Je te dis toujours: je recevrai telle et telle personne, et puis je mets cela à demain après demain; vient ensuite quelque invitation, et somme totale cela fait que je ne reçois personne, et que, par parenthèse, je suis sans distraction, livrée à la chaleur accablante, aux mouches et au grailon, ce qui ne laisse pas de faire une existence peu agréable. Quand j'étouffe, je cours à la mer, je pleure un peu, puis je rêve, et je reviens presque toujours armée de patience et de résignation. Les accès de courage ne me réussissent point; hier j'étais allée me baigner toute seule; il faut passer devant le *кордонъ* de cosaques; un chien s'est jeté sur moi, d'un coup de dent a enlevé l'étoffe de mon parasol, de l'autre a mis les baleines et le métal en pièces; il ne me restait pour le combat que le manche, quand fort à propos pour moi un cosaque est venu me délivrer au moment où je me résignais à attraper quelques morsures. Ce matin autre accident; on attelait ma voiture pour y aller à la messe, j'entends de grands cris, je saute à bas de mon lit, et nous trouvons au bas de notre montagne un des chevaux de trait tombé du sommet ou l'on attelait ma voiture; comme de raison il est mort sous le coup, et me voilà à payer les pots cassés, non pas que j'y soit

obligée, mais l'извощикъ veut le faire payer par le cocher et en a le droit, et mon coeur est trop compatissant pour ne pas alléger au moins de moitié son chagrin. De grâce, réponds-moi tout de suite, afin que je puisse partir le plutôt possible, si je dois aller chercher tes enfants, mais si c'est pour rester tout l'hiver à Moscou, permets-moi de rester jusqu'à la mi-Septembre avec les miens. Adieu, cher et bon ami; je t'embrasse avec le peu de force que me laisse l'insupportable chaleur qu'il fait, je fonds et je cours en chemise jusqu'à six heures. Que le bon Dieu nous protège. J'embrasse toute la chère petite famille.

Odessa. Le 4 Août.

Il me manque le 14 numéro de tes lettres, à moins que cela ne soit celle de M-me Dangeville qui n'est pas numérotée. Il me manque encore la toute première et la troisième, mais celles-là je suis bien sûre de les avoir reçues et lues vingt fois, on me les aura volées; j'en ai été désolée, car j'aime beaucoup la lecture de tes lettres. Combien de fois nous les avons lues et commentées avec Pouschkin, qui appréciait beaucoup celle que tu écrivais. Pauvre Pouchkin, il riait comme un enfant en lisant celle où tu disais qu'il fallait absolument t'aller coucher après l'avertissement bruyant de Czertvertinsky. Il fait un vent, ce n'est pas de Czertvertinsky que je parle, mais du vent, вѣтеръ d'Arabie déserte; c'est un vent, qui me brûle et du quel les habitants de la ville se plaignent beaucoup: ils ne peuvent mettre le nez à cause des tourbillons de poussière. Dans mon hutor il n'y en a pas, et, malgré le vent, les enfants sont à l'air toute la journée, car il est trop brûlant pour être dangereux. Comme je suis bavarde, c'est par ennui. Adieu, je t'embrasse mille et mille fois.

На оборотъ 4-ю листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.

71.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему муму.

Odessa. Le 8 d'Août [1824].

Je n'ai point le сердечное убѣжденіе, dont tu me parles, cher ami; *le mieuх* est trop lent et n'est pas assez conséquent, pour que je puisse avoir la certitude, que le climat remettra entièrement les

enfants; quant aux médecins, non seulement que je n'ai point de confiance en eux, mais j'en ai peur. Voilà trois jours que je suis dans un état d'agitation violente causée par la mort de la petite Gourieff; les médecins ici ont ignoré sa maladie; ils ont été éclairés par un médecin anglais qui accompagne les Narischkine dans l'étranger, mais trop tard. Un enfant de sept ans, charmante petite fille, est morte de l'eau dans la tête et traitée pour une fièvre nerveuse, ce qui a décidé et aura ¹⁾ le mal. Les parents sont au désespoir. Cela a de plus éveillé des propos et des querelles entre les médecins, qui m'ont fait frémir; chaque année il meurt à Odessa six cents et jusqu'à huit cents enfants; il est vrai que c'est dans la basse classe; mais il est vrai aussi que cela m'a frappé de terreur et d'angoisse. Aujourd'hui nous devons avoir consultation sur ce qui valait décidément mieux pour les enfants,—partir ou rester; mais ma décision prévient la leur. Mon médecin hésite, tâtonne, parle du retour; il est honnête homme, et je prends ce conseil comme un aveu de ses faibles talents; le médecin de la C[omtesse] Voronzoff ne revenant peut-être pas cet hiver, je me décide à m'en aller. Dieu préserve que cela ne soit arrivé, mais dans un cas grave il n'y a pas un seul médecin en qui j'aie assez de confiance pour espérer un bon traitement. Le climat a certainement fait du bien aux enfants, mais je reviens avec eux, et l'été prochain nous verrons ce qu'il y aura à faire, si le bon Dieu permet que nous nous réunissions tous sains et saufs. Je regrette le séjour et l'indépendance d'Odessa, plus encore une partie des habitants et la C[omtesse] Voronzoff, avec laquelle j'étais tendrement. L'hiver aurait pu être plus argéable pour nous que celui de Moscou, et malgré toutes ces raisons et ma dernière lettre, où je décidais pour le déménagement de toute la famille à Odessa, malgré que tu vas me taxer d'inconséquence, malgré que j'aie peur du voyage du retour pour les enfants,—je les ramène. Je crains plus encore les médecins d'ici, ne connaissant point l'hiver, qui peut-être sera difficile à supporter pour les enfants. Je m'en vais m'occuper des préparatifs du départ; il faut espérer que puisque l'été a été si mauvais chez vous, l'automne sera supportable. Je me ferai donner plusieurs *marche-routes*, t'informerai du chemin que je prendrai, en tout

¹⁾ *Повидишому, зтьсь пропушено слово.*

cas, je ne traverserai rapidement que la steppe, et dans chaque ville de gouvernement où je pourrais espérer un bon gîte, je m'arrêterai, tant qu'il faudra pour laisser reposer les enfants. Я такъ Танариса не такъ назвала, потому что онъ Канарисъ, а все ¹⁾ не Ботиарисъ, котораго я не знаю. J'ai trouvé que Paul était insuffisant pour te rappeler tes devoirs, et pour que tu songes que tu as une femme; j'arrive, et bien à contre coeur cependant, car j'avais bien envie de rester, mais tu en appelles à mon coeur, à ma raison, à notre bourse. Comment résister à tout cela? Je ferai des emplettes avant de partir, nous pourrons envoyer l'argent après mon retour. J'apporterai un service de table, différentes choses bon marché et nécessaires pour le ménage, du vin du Chypre pour toi. Prépare-toi à être persécuté par moi, pour aller passer un an ou deux à Odessa, s'il nous faut ce temps avant d'aller à l'étranger. Le climat est beau, le voisinage de la mer agréable, la maison des Voronzoff charmante, la manière de vivre étrangère, et on y jouit de l'indépendance que l'on ne connaît dans aucune des autres villes de la Russie. Point de prétentions, point de commérages, chacun y vit comme il veut et comme il peut, on n'a pas besoin de faire le grand seigneur, et on peut y vivre tout-à-fait en bourgeois. Je suis bien fâchée de ne plus être à même de m'acquitter de tes commissions pour Pouchkin, que j'aimais bien; je lui écrirai avant de quitter Odessa, et copierai ce que tu me dis pour lui. Pauvre infortuné, quelle existence il va trainer. Владимиръ est un fameux cochon; grâce à lui j'ai des histoires désagréables. Il voulait me voler de concert avec l'извозчикъ, maintenant ils se sont brouillés, battus, le cocher et le postillon ont déserté, et me voilà payant les chevaux et ne pouvant sortir; ma bête de conscience m'empêche de lui dire qu'il est un frippon, cependant je l'ai grondé et ai refusé de me mêler de ces affaires; il n'a que se faire rembourser comme il lui plaira. Il est accusé à l'unanimité et par nos gens et par ceux chez qui nous demeurons. Je crois que je ne partirai que les derniers jours d'Août ou les premiers de Septembre, et si en route il nous arrivait d'avoir de bien mauvais jours, je les passerai en place dans quelque ville où je serai à même d'avoir des secours pour les enfants

¹⁾ Сначала было написано все такъ, но послѣ буквъ такъ зачеркнуты.

en cas d'indisposition; ainsi, de grâce, ne t'inquiète point. Je prends un grec avec moi, il a la meilleure figure qu'on puisse voir, toujours gai, pauvre comme un rat d'église et travailleur infatigable; il nous sera nécessaire en route et à Moscou, et celui qui me l'a recommandé le dit d'un zèle et d'une fidélité à toute épreuve. Ne le prends pas pour toi cependant, car je compte comme notre aimable voisin, *former cet enfant* pour moi. Adieu, cher et tendre ami. J'embrasse mes chères petites et toi du meilleur de mon coeur. Qu'a donc eu la pauvre Marie à son oeil? Heureusement, ma soeur me dit que c'est guéri.

72.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 10 августа 1824 г.]

Malgré que tout semblait s'arranger selon mes désirs, c'est à dire que depuis quelque temps voyant mes enfants mieux, ayant reçu de toi les pleins pouvoirs pour un établissement à Odessa, voyant que même les Karamsine n'avaient plus rien contre ce projet, tout est changé, et j'y renonce avec la confiance intime que je fais une sottise, mais une sottise nécessaire, puisqu'elle m'est prescrite par les quatre principaux médecins d'ici, qui disent tous le climat contraire à mes enfants; n'est ce pas un aveu tacite de leur ignorance qui est toute puissante sur moi à cause de l'absence du médecin des Voronzoff. Ils ont l'air de dire qu'ils ne se sentent pas en état de traiter avec succès cette maladie, qu'ils disent cependant sur son déclin pour Nicolas et dans son principe par rapport à la pauvre Надя. Dieu veuille qu'ils supportent bien le voyage du retour; il faut espérer que votre automne sera plus beau que votre été. Nous avons eu 31 degrés de chaud à l'ombre, j'étais accablée, mais les enfants, Dieu merci, supportent bien cette affreuse chaleur. Надя tousse encore un peu; la mousse d'Islande lui a fait du bien. Je crois partir à la fin du ce mois et passer par Николаевъ, Полтава, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тула.—M-me Gourieff part samedi pour Moscou avec tous les enfants, et j'enverrai quelques bagatelles par le *передовой*; ne déballe rien, je t'en prie. Tu es gentil avec tes

offres. Si tu touches à mes effets, je ne te donnerai rien en arrivant. Vous occupez-vous de la réparation de la maison de la ville, car il sera impossible de garder les enfants à la campagne. L'escalier chaud, voilà la chose indispensable; pour les autres changements, fais comme tu voudras, ou rien du tout. Cela m'est égal. Je ne voudrai point, si c'est possible, de cet énorme poêle dans la chambre à coucher des enfants; mais je le voudrais adossé au mur qui donne dans le vestibule; cela rendrait leur chambre et celle de M-elle Goré tout-à-fait sèches, et il n'y a que cela de mauvais dans le bas. Nous n'aurons pas de buffetier, ce sera Настасья, qui aura cette charge; ainsi, le buffet peut te revenir en entier, si tu en as besoin; feras-tu percer une porte dans ma garde-robe ou dans la tienne? J'aimerais mieux que ce fût dans la tienne. Je répondrai aux Karamsine et à mes soeurs par la poste prochaine, je meurs de chaud et de sommeil, il est minuit. Adieu, cher ami, je suis cependant bien heureuse de l'espoir de vous revoir et de vous embrasser bientôt. Que le bon Dieu nous ménage une heureuse réunion. Nicolas et Нада courent le jardin en toute petite cariole avec quatre petits chevaux à longues guides; cela les amuse beaucoup. Demain Nicolas montera à cheval, il s'en fait une vraie fête. Il prépare une nombreuse cargaison de cailloux et de coquilles pour les frères et soeurs. Mes douleurs rhumatismales sont entièrement disparues, et en général les bains de mer me font beaucoup de bien. Au revoir, bien cher ami.

Odessa. Le 10 d'Août.

Je félicite ma chère Marie pour son jour de nom, et lui apporterai un cadeau. J'espère qu'elle se conduit toujours bien; j'éprouverai beaucoup de plaisir à la remercier pour sa bonne conduite en mon absence. Madame Dangeville a fait beaucoup d'effet et peu d'argent, à cause de différentes absences, deuils etc.

73.

Нягиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

Odessa. Le 15 d'Août [1824].

Je n'ai pas reçu de tes nouvelles par la poste d'aujourd'hui, cher ami. Tu me crois en route, et au lieu de cela je suis toujours

campée au bord de la mer, qui, par parenthèse, est effrayante aujourd'hui; le кипящее море est une expression que nous sentons dans toute sa justesse, car les bouillonnements de cette nuit m'ont empêché de dormir. Me voilà à attendre le clair de lune, ma voiture, la diminution des chaleurs, le retour de la C[omtesse] V[oronzov] pour partir. Dès que les deux premiers articles seront en ordre, les autres disparaîtront comme de raison; j'espère que nous pourrons nous mettre en route les derniers jours de ce mois. Je reviens de la messe, où j'ai prié Dieu pour nous tous et particulièrement pour Marie dont c'est le jour de fête aujourd'hui. Combien j'ai de regrets de ne point passer ce jour-là avec vous. Ne m'attendez pas avant le 17 Septembre; je passerai deux jours chez la C[omtesse] Goudovitch, deux à Kieff, un à Orel, un à Toula, c'est-à-dire que je ferai reposer les enfants partout où j'aurai de bons gîtes. Tu recevras de vieux et de nouveaux effets, auxquels je vous prie très sérieusement de ne pas toucher: les uns par un envoyé de Gourieff, les autres par Saint-Priest. Je ferai tout mon possible pour te rapporter des vers de Pouchkin, s'il y en a ici; connais-tu son „Démon“? Je frémis en songeant à l'idée de rester les 15 jours, que j'ai probablement à passer encore ici, sans avoir de vos nouvelles; n'aurais-je pas su te dire: ne m'écris plus, je pars. Que ce que c'est que cette paresse? Mes enfants continuent d'aller bien, c'est-à-dire qu'ils sont plus fort, plus gais, que tout le monde leur trouve bonne mine; la toux de Nadinka a presque entièrement cessé depuis qu'elle prend la mousse d'Islande, mais sont mauvaises. Stourdza me console en m'assurant que c'est l'effet des fortes chaleurs. Les médecins ne veulent donner aucuns remèdes, puisqu'ils trouvent les enfants bien; il faudra que Scudéri les voie tout-de-suite à leur retour. De grâce, fais arranger tout-de-suite la maison; ce serait folie de rester à Ostaffievo à cause du mauvais temps et surtout de la mauvaise route jusqu'à Moscou. De grâce, l'escalier et la chambre à côté de la chambre ¹⁾. Adieu, cher ami, je t'embrasse bien tendrement. Je suis obligée d'emprunter avant mon départ; sur les 6000 roubles que tu m'as envoyé il y a eu 1380 pour Pouchkin, et ensuite encore 600 en argent et 200 en emplettes pour lui; mille roubles ensuite pour mon logement,

¹⁾ Описано четыре строки.

puis les médecins, la voiture, le emplettes telles qu'un service de table, du nappage, de la toile etc. Nous nous arrangerons, quand je serai arrivée. As-tu pris les 3 douzaines de gants envoyés pour toi? C'est meilleur marché qu'à Moscou (vous radotez tous) et surtout plus joli et plus nouveau. Un service anglais complet coûte 350 roubles; ainsi ne te fais pas de mauvais sang: cela coûte le double à Moscou; je cherche maintenant couteaux et fourchettes. **Николенька** demande: „отчего жиды не вѣрятъ Христу?“ Je le lui ai expliqué; il me répond: „Да, стало, они хорошо дѣлаютъ. Можно ли вѣрить Богу-Отцу, Богу-Сыну? Надобно которому-нибудь одному, а то запутаешься легко“. Ensuite par réflexion il dit: „а я никому вѣрить не буду, лучше не ошибешься“.

Je me figure l'effet que cela aurait fait sur Pouchkin qui raffolait de lui. **Наденька** aura plus d'esprit que ses soeurs ainées.— Elle parle bien à présent.—Imagine-toi qu'hier à une représentation de M-me Dangeville un coup de sifflet est parti d'une loge tout-à-fait à la fin du spectacle; on a crié du parler: „à bas le cochon“. Quelle frayeur j'ai eu! Cela n'a jusqu'à ce matin eu aucune suite. Elle plaît beaucoup, mais elle fait peu d'argent. Je me figure les bénédictions que tu me donneras en décachetant et déchirant la lettre. Je n'ai pas de quoi faire une enveloppe.

На оборотъ 2-ю листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.

74.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 22 августа 1824 г.]

C'est la dernière lettre que tu reçois de moi: je pars dimanche, aujourd'hui c'est vendredi. Les enfants, Dieu merci, se portent bien; cela me désole de leur faire quitter Odessa dans le plus beau moment; l'automne est, dit-on, magnifique, mais le vôtre est si mauvais qu'il faut éviter de se trouver en route pour les enfants au moment des averses. Adieu! Je t'embrasse bien tendrement. Nous partons le 24; le 26 nous couchons chez Goudovitch, le 29 à Бѣлая Церковь, le

31 à Умань, le 2 ou le 3 à Kieff, d'où nous ne repartirons que le 5 ou le 6. J'espère pour le 17 être à Ostaffievo. Que le bon Dieu permette, que nous nous réunissions sains et saufs. J'embrasse toute la chère marmaille. Nicolas est aux anges de revenir.

Le 22 d'Août. Vendredi.

На оборотъ 2-го листа. Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ Москвѣ.

75.

Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу.

[Одесса. 25 августа 1824 г.].

J'ai été obligée de remettre mon voyage de deux jours. Dimanche tout ne pouvait être prêt que tard. Lundi je n'ai pas voulu partir, mais mardi le 26 nous partirons sans faute au réveil des enfants. Nicolas va très bien, mais Nadinka depuis hier recommence à tousser. Que le bon Dieu nous permette de nous réunir tous bien portants! C'est une prière bien fervente que je Lui fais. Adieu, cher et bon ami, je t'embrasse bien tendrement de même que les chers enfants. Prépare-moi deux milles roubles qu'il faudra envoyer tout-de-suite à mon arrivée.

Lundi matin. Le 25 d'Août.

На оборотъ 2-го листа. Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ.

РАЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

изъ

ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА КНЯЗЕЙ ВЯЗЕМСКИХЪ.

Н. В. Гоголь къ князю П. А. Вяземскому.

[Москва]. 1852. 1 Января.

Перекрестясь пишу въ вамъ. Ради Христа, принимайтесь скорѣе за грудь, который бы занялъ хоть сколько-нибудь всѣ способности, вамъ Богомъ данныя. Мы всѣ здѣсь поденщики, обязанные работать и работать и глядѣть вверхъ: *тамъ* плата. Безъ этого удѣлъ нашъ болѣзни, хандра, тоска и миллионъ искушеній отъ лукаваго, который такъ и ждетъ минутокъ нашего унынія. Мнѣ все чувствуется, что, если бы вы принялись за Исторію Царствованья Екатерины или если бы даже написали только статью о Царствованіи Екатерины съ мыслью дать въ ней урокъ и Государямъ и подданнымъ,—много бы это доставило нищѣ вашей собственной душѣ. Историческое сочиненіе со взглядомъ чловѣка, уже узнаваго жизнь и главное въ жизни, и съ цѣлью оставить въ немъ завѣщанье послѣ себя потомству, потомству, которое также должно быть намъ родное и близкое нашему сердцу, какъ дѣти близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящимъ и будущимъ)... Но что говорить! Одинъ только и есть языкъ, на которомъ можно говорить теперь писателю съ читателемъ,—это исторія, не разсуждающая, но выставяющая какъ въ зеркалѣ всѣ событія, заключающія оправданія Божія.

Отъ всей души поздравляющій васъ съ новымъ годомъ

Н. Гоголь.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

77.

А. С. Грибоѣдовъ къ князю П. А. Вяземскому.

Понедѣльникъ.

Я самъ слишкомъ привязанъ къ свободѣ, чтобы осмѣлиться стѣснять ее въ комъ то ни было, ¹⁾ почтеннѣйшій князь. Располагайте собою на завтра, а въ среду я у васъ обѣдаю, и тогда условимся, когда привлечь васъ ко мнѣ, покуда Давыдовъ еще не уѣхалъ въ деревню, а я въ Петербургъ.

Вашъ покорнѣйшій

Грибоѣдовъ.

Понедѣльникъ.

На 4-й страницѣ: Е. Сіятельству М. Г. К. П. А. Вяземскому.

78.

А. С. Грибоѣдовъ къ князю П. А. Вяземскому.

С.-Петербургъ. Іюля 11-го [1824 г.].

Любезный К[нязь] Петръ Андреевичъ, однимъ письмомъ вы меня до сихъ поръ вспомнили и обрадовали. Нельзя ли еще однимъ? Адресъ мой: въ Военно-Счетную Экспедицію Е. Вблгрд. Андр. Андр-чу Жандру, для передачи А. С. Гр.

Эти строчки доставить вамъ Сосницкѣй. Примите его въ число тѣхъ, кого любите. Коли сами въ городѣ, согласите его сыграть Волтера, роль, въ которой онъ необыкновенно хорошъ (во второмъ актѣ). Вся портретная истина сохранена въ точности. Это одушевленная бронза того бюста, что въ Эрмитажѣ. Я бы желалъ не столько остроты (которой, впрочемъ, эта комедія не изобилуетъ), но чтобы картина неизбежной дряхлости и потухшаго генія мѣстами прояснялась памятью о протекшей жизни, громкой, дѣятельной, разнообразной. Кто вѣкъ прожилъ съ большимъ блескомъ? И какъ неравна судьба, такъ самъ былъ неровенъ: рѣши-

¹⁾ въ комъ то ни было—такъ въ оригиналь.

тельно дѣйствовалъ на умы современниковъ, вель ихъ, куда хотѣлъ, но иногда, свѣтильникъ робкій, блудящій огонекъ, не смѣетъ назвать себя; то опять ярко сверкаетъ реформаторъ бичемъ сатиры; гонимый и гонитель, другъ царей и врагъ ихъ. Три поколѣнія смѣнились передъ глазами ¹⁾ знаменитаго человѣка; въ виду ихъ всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ суевѣріемъ богословскимъ, политическимъ, школьнымъ и свѣтскимъ ²⁾, наконецъ ратовалъ съ обманомъ въ разныхъ его видахъ. И не обманчива ли самая та цѣль, для которой подвизался? Какое благо?—колебаніе умовъ ни въ чемъ не твердыхъ??.. Теперь, на краю гроба, среди обожателей, ихъ оміама, ихъ плесковъ... А гдѣ прежніе сподвижники, въ юности пылавшіе также алчностью славы ³⁾, ума ⁴⁾, опасностей и торжествъ? И гдѣ прежніе противуборники?—отцы, дѣды тѣхъ, которые его нынче окружаютъ??—

Этого нѣтъ въ комедіи, но есть прозаическое сходство: удивленіе при встрѣ[чѣ] ⁵⁾ съ любовницею послѣ 60 лѣтъ разлуки; самодовольствіе Вольтера, что онъ первый познакомилъ французовъ съ англичанами, первый былъ вызванъ и увѣнчанъ въ театрѣ; анекдотъ съ перстнемъ, кофейная острота и проч. мелочь. Какъ бы то ни было, Сосницкій чрезвычайно хорошъ и добавляетъ автора. Не знаю, какъ вы его найдете?

Прощайте, меня перерываютъ.

НВ. Пишите же ко мнѣ. Вотъ я не лѣнюсь. А ⁶⁾ кабы теперь былъ въ Москвѣ, съигралъ бы въ деревнѣ у васъ роль старухи-маркизши, Волтеровой любовницы.

На 4-й страницѣ адресъ: Е. Сіятельству М. Г. К. Петру Андреевичу Вяземскому. Собств. домъ въ Чернышевомъ переулкѣ, въ Москвѣ.

¹⁾ Слова передъ глазами написаны надъ строкою; сначала Грибоедовъ написалъ: въ виду.

²⁾ Въ оригиналь: богословскомъ, политическомъ, школьномъ и свѣтскомъ.

³⁾ Сначала было написано къ славы, но къ зачеркнуто, а ѣ передълаано на н.

⁴⁾ Въ оригиналь: уму.

⁵⁾ Въ оригиналь: встрѣ.

⁶⁾ а притисано надъ строкою.

Н. С. Ансановъ къ князю П. А. Вяземскому.

[Сергіевскій Посадъ Московской губ. 10 Августа 1855 г.]

Почтеннѣйшій Князь Петръ Андреевичъ!

Всѣ добрые и истинно благонамѣренные люди порадовались вашему назначенію въ Товарищи Министра. Давно нуженъ былъ въ Министерствѣ Просвѣщенія—человѣкъ просвѣщенный, просвѣщенный въ настоящемъ смыслѣ слова. Еще лучше, если этотъ человѣкъ самъ—писатель; ибо для того, чтобы понимать писателей, нужно самому быть изъ ихъ числа, нужно цѣнить тѣ нравственныя и умственныя побужденія, которыя рвутся облечься въ слово, нужно цѣнить и мысль, и знанія, и вдохновеніе, и порывъ. Вотъ поэтому-то такъ рады всѣ, желающіе свѣта, что вы заняли въ Министерствѣ Просвѣщенія такое мѣсто.

На первый разъ, вотъ вамъ и просьба, исполненія которой теперь я надѣюсь. Вы знаете, можетъ быть, что я, мой братъ Иванъ, Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій, и Князь Владиміръ Черкасскій обязаны подпискою: всѣ сочиненія свои, назначаемыя къ печати, представлять на разсмотрѣніе не въ Цензурные Комитеты, а въ Главное Управление Цензуры въ Петербургѣ. Богъ знаетъ, какія опасенія могли породить такое требованіе; причины намъ не объяснены. Я не вхожу въ разсужденіе объ этой мѣрѣ, которую я, разумѣется, считаю несправедливою. Впрочемъ, съ перваго раза казалось бы, что эта обязанность подавать свои сочиненія въ Главное Управление Цензуры еще не составляетъ большого стѣсненія; но на дѣлѣ, впрочемъ, не такъ. Я подалъ въ цензуру невиннѣйшее грамматическое сочиненіе: *о Глаголахъ* (всего три листа печатныхъ); подалъ я въ Московскій Цензурный Комитетъ при прошеніи, въ которомъ изложилъ свои обязательства относительно цензуры, и просилъ, чтобы Московскій Цензурный Комитетъ взялся передать мою рукопись въ Главное Управление Цензуры; просьба моя была тогда же исполнена. Рукопись долго лежала въ Главномъ Управленіи Цензуры, изъ котораго была возвращена въ Московскій Цензурный Комитетъ съ предоставленіемъ ему права

разсмотрѣть самому. Московскій Цензурный Комитетъ держалъ рукопись еще дольше и наконецъ возвратилъ мнѣ ее пропущенною, съ исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ. Какъ вы думаете, сколько времени цензуровалась моя рукопись?—Полтора года!—Какая есть возможность печатать что-нибудь при такой медленности? Три печатныхъ листа о глаголахъ цензуровались полтора года!—У меня готовъ обширный трудъ грамматическій, но я не имѣю духу отдавать его въ цензуру, ибо прежде десяти лѣтъ нельзя и надѣяться получить рукопись обратно.—Подписка, взятая съ насъ, какъ вы видите,—тяжелая обуза. Эта подписка ставитъ насъ въ исключительное положеніе, которое непремѣнно стѣснительно. Потому: насъ не столько пугаетъ строгость цензуры, сколько эта убійственная медленность.

Итакъ, желаніе мое заключается въ томъ, чтобы со всѣхъ насъ была снята эта подписка и чтобы мы стали въ обыкновенныя отношенія къ цензурѣ. Я прошу именно, чтобы *со всѣхъ*; мнѣ было бы обидно, если бъ мнѣ позволили пользоваться обыкновенною цензурою, а кому-нибудь изъ моихъ товарищей не позволили. Я желаю, чтобы подписка была снята съ меня вмѣстѣ съ моими друзьями (братомъ моимъ Иваномъ, Хомяковымъ, Иваномъ Кирѣевскимъ и Княземъ Владиміромъ Черкасскимъ) или бы не была снята съ меня вовсе.—Но я, признаюсь, не вижу никакой причины не снять подписки со всѣхъ насъ. Мои друзья заслужили ее столь же мало, и гораздо менѣе, чѣмъ я.

Я прошу васъ, многоуважаемый Князь Петръ Андреевичъ, сказать мнѣ: нужно ли намъ подавать просьбу о снятіи съ насъ подписки или же Министерство Просвѣщенія сниметъ ее съ насъ само. Второе было бы лучше. Если снятіе подписки не можетъ быть безъ Высочайшаго разрѣшенія, то Министерство Просвѣщенія, въ такомъ случаѣ, само и можетъ испросить Высочайшее разрѣшеніе. Право, довольно трехъ лѣтъ литературнаго и ученаго стѣсненія для пятерыхъ изъ Русскихъ писателей. Дайте возможность мыслить и трудиться посильно для общей пользы, для всяческаго блага нашей Русской земли.

Глубоко почитающій васъ и душевно искренно преданный
1855. Августа 10. Константинъ Аксаковъ.

Посылаю вамъ мою брошюрку о глаголахъ, какъ и все, что печатаю. Быть можетъ, вы полюбобытствуете узнать, что могли вычеркнуть въ статьѣ о глаголахъ;— а вотъ что: *справедливымъ и безпристрастнымъ надо быть, хотя бы это была и тяжелая обязанность, но въ этомъ случаѣ* (то-есть: говоря о превосходствахъ Русскаго спряженія предъ иностраннымъ) *я вполне доволенъ обязанностію быть справедливымъ.* Все подчеркнутое цензура выкинула вонъ. Если сомнѣваетесь въ точности моей памяти,—можете вытребовать оригиналь.

Адресъ мой: Московской губерніи, въ Сергіевскій Посадъ.

80.

К. С. Аксаковъ къ князю П. А. Вяземскому.

[9 Сентября 1855 г.].

Многоуважаемый Князь Петръ Андреевичъ!

Благодарю васъ много за письмо ваше. Прекрасное чувство, которымъ оно проникнуто, отозвалось во мнѣ глубокимъ сочувствіемъ, несмотря, можетъ быть, на нѣкоторыя выраженія, съ которыми я не совсѣмъ могу согласиться. — Надежды мои стали еще живѣе; я подумалъ о возможности, не измѣняя убѣжденіямъ моимъ, принять дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія. По вашему совѣту поѣхалъ я въ Москву, чтобъ повидаться съ Авраамомъ Сергѣевичемъ; видѣлся съ нимъ,—сожалѣю, что видѣлся. Всѣ мои надежды разлетѣлись; рѣчи его и своимъ смысломъ и своими выраженіями изумили меня и отодвинули дальше, чѣмъ я былъ прежде. Если бъ я имѣлъ самую пламенную готовность, то и тогда меня бы оттолкнула его бесѣда,—бесѣда, которой я ужъ нисколько не ожидалъ.—Признаюсь, я не могу еще и теперь хорошенько опомниться отъ изумленія. Такъ вотъ какъ понимается дѣло просвѣщенія! Нѣтъ, такъ не только не сближаются, а отталкиваютъ. Я думалъ, что именно теперь начинается эта терпимость къ честному, добросовѣстному, самостоятельному убѣженію, это уваженіе къ человѣческому достоинству нравственнаго лица писателя; но я ошибся,—и это очень горько. Я теперь менѣе, чѣмъ когда нибудь, имѣю надежды на возможность безпрепятственно трудиться, на воз-

возможность открытой самостоятельной Русской мысли. Въ бесѣдѣ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ на меня пахнулъ тотъ удушливый воздухъ, отъ котораго гаснетъ всякій чистый огонь, — и мнѣ разомъ стало ясно многое

Прошу васъ, многоуважаемый Князь Петръ Андреевичъ, взять на себя трудъ передать Ав[рааму] С[ергѣевичу] (хотя ему это и должно быть ясно изъ разговора со мною), что я въ своихъ статьяхъ, подпавшихъ запрещенію цензуры, вреднаго ничего не вижу и отъ нихъ не отказываюсь.

Я уже не прошу о снятіи подписки; я вижу, что это невозможно при существующемъ взглядѣ. Я прошу только объ одномъ: чтобы не медлили и не тянули дѣла, и чтобы позволеніе или запрещеніе цензуры не заставляли себя ждать.

Но послѣ разговора моего съ Ав[раамомъ] С[ергѣевичемъ] еще болѣе оцѣнилъ я всю человѣчность вашего взгляда и всю глубину вашего чувства пользы и добра; поэтому еще разъ благодарю васъ за письмо, въ которомъ высказывается и то и другое.

Искренно и глубоко васъ уважающій и душевно преданный
Константинъ Аксаковъ.

Батюшка сердечно благодаритъ васъ за ваше доброе, привѣтливое слово объ его книгѣ и поручаетъ мнѣ сказать вамъ свое искреннее почтеніе. Онъ приготовилъ къ печати цѣлый томъ „Семейной Хроники и Воспоминаній“, но цензура приводитъ его въ отчаяніе, хотя въ цѣломъ томѣ нѣтъ ни одного слова, подлежащаго запрещенію цензуры.

1855. Сентября 9.

81.

Князь П. А. Вяземскій—В. А. Жуковскому.

[Москва. 1826 г.].

Изъ твоего письма и изъ письма, почти отъ того же числа писаннаго къ намъ съ Жихаревымъ, видно, что Тургеневы, или по крайней мѣрѣ Александръ, не имѣютъ понятія о тучѣ, угрожающей имъ въ Петербургѣ. Не имѣлъ ли ты или кто другой случая открыть имъ глаза, чтобы буря не застигла ихъ въ располхъ? По крайней

мѣрѣ успѣли бы они надуматься, что дѣлать. Разумѣется, тому, кто сильно замѣшанъ, лучше не возвращаться, но я почти увѣренъ, что Николай въ категоріи Михайла Орлова: сначала они занимались этимъ дѣломъ, но послѣ отстали и виновны въ одномъ вѣдѣніи безмолвномъ и то не всего. Не имѣешь ли еще писемъ отъ него и не объяснилось ли тебѣ хоть нѣсколько ихъ положеніе? Знаютъ ли они о немъ? Послано ли за ними? Можетъ быть, выжидаютъ, чтобы они выѣхали изъ Англіи, боясь сдѣлать европейскую огласку. При случаѣ не полѣнись, мой милый, сказать мнѣ слово, когда будетъ что-нибудь положительнаго; а лучше всего, если ты еще не писалъ имъ, то найди случай сказать имъ всю правду. Напримѣръ, черезъ свиту Веллингтона можно написать имъ. Правительство дѣлай свое дѣло, а человѣчество свое. Ты худо истолковалъ конецъ моего письма. А почему послѣднія происшествія могли бы перемѣнить мой образъ мыслей? Неужели онъ былъ основанъ на Трубецкомъ, Граббе-Горскомъ, Пестелѣ и проч? Развѣ ода Хвостова должна перемѣнить понятіе наше о поэзіи! Ты въ этомъ случаѣ судишь, какъ простолюдины знати, которые унижаютъ поэзію, потому что она имъ кажется ремесломъ однихъ Шаликовыхъ, Хвостовыхъ и что предъ судомъ ихъ близорукимъ все мѣшается въ одно: и начала, и существенность, и послѣдствія, и злоупотребленія. Твердаго образа мыслей, однимъ словомъ истины или того, что каждый почитаетъ истиною, не собьютъ побочныя стеченія, случайныя примѣненія, частныя противорѣчія. Карамзинъ не одобрялъ правительства Аракчеева или невѣжественнаго вліянія Шишкова, но со всѣмъ тѣмъ онъ не переставалъ быть проповѣдникомъ самодержавства, какъ единственнаго правленія, которое можно съ пользою приспособить въ Россіи. Чему же удивишься ты, что я, несмотря на безразсудныя покушенія многихъ и даже на преступныя нѣкоторыхъ, не отстаю отъ мнѣній, въ коихъ по мнѣ была, есть и будетъ вѣчная истина. Неужели мнѣ нужно было, чтобы принять эту вѣру и держаться ея до конца, имѣть апостолами своими Якубовича или, если хочешь, даже и Николая Тургенева? Христіанская религія не апостолами и проповѣдниками своими утвердилась, но они утвердились тѣмъ, что проповѣдывали Христіанскую религію, — то-есть истину. Это все, разумѣется, сравненія относительныя, приводимыя мною для

лучшаго объясненія своей мысли, а не *положительные доводы*; ибо не хочу грѣха таить: не имѣю въ себѣ ни твердаго убѣжденія въ истинѣ религіи въ томъ видѣ, въ какомъ ее намъ представляютъ, ни твердаго убѣжденія въ истинѣ показаній, выводимыхъ намъ Левашевыми, Чернышевыми, *qui sont et seraient partout le rebut du genre humain* по ничтожеству ихъ умственныхъ и душевныхъ качествъ. Посадите Карамзина, Дмитріева, славныхъ и непреложныхъ приверженцевъ царскаго величія, но людей прямодушныхъ и пряморазсудныхъ, или другихъ подобныхъ имъ, и тогда *обвиненія* получаютъ внутренній вѣсъ, котораго они теперь не имѣютъ. Я, напримѣръ, рѣшительно знаю, что Муравьевъ-Апостоль не предавалъ грабежу и пожару города Василькова, какъ то сказано въ донесеніи Рота. Городъ и жители остались неприкосновенными. Къ чему же эта добровольная клевета? Муравьевъ по одному возмущенію своему уже подлежитъ казни, ожидающей государственныхъ преступниковъ. Кажется, довольно было того. Чего же ожидать, на какую достовѣрность надѣяться, когда подобные примѣры совершаются въ глазахъ нашихъ? И это извѣстіе не уличное, оно почерпнуто изъ офиціального источника. И не вѣрю ¹⁾, не могу вѣрить положительнымъ замысламъ о царубійствѣ. Въ пылу преній, можетъ быть, одна или двѣ буйныя головы указывали на это средство, но оно не было общимъ и основательнымъ положеніемъ общества.—И послѣ того ты дивишься, что я сострадаю жертвамъ и гнушаюсь даже помышленіемъ быть соучастникомъ ихъ палачей? Все это дѣло во всѣхъ отношеніяхъ и послѣдствіяхъ огадило мнѣ Россію: одна надежда привязывала меня къ ней, что покойный Государь, рано ли поздно, возвратится къ мыслямъ, которыя онъ вѣкогда хранилъ и которыя однѣ въ исполненіи своемъ могли упрочить славу его царствованія. Теперь плачете о немъ одни вы, придворные, а народъ молчитъ, ибо онъ народнаго ничего не совершилъ. Теперь я уже ничего не надѣюсь, ибо не вѣрю чудесамъ. А между тѣмъ не знаю, какъ будетъ безъ чуда? Ограниченное число *заговорщиковъ* ничего не доказываетъ,—*единомышленниковъ* много, а въ перспективѣ десяти или пятнадцати лѣтъ валить цѣлое поколѣніе къ нимъ на секуръ.

¹⁾ *Всльдъ за этимъ словомъ написано и потомъ зачеркнуто: напротивъ послѣднія событ.*

Вотъ что должно постигнуть и затвердить правительство. Поколѣніе Пашковыхъ, Тутолминыхъ на исходѣ: они и мнѣнія ихъ живутъ еще какою-то насильственной жизнью, которая издохнетъ съ смрадомъ, а никакихъ плодовъ по себѣ не оставитъ. Изъ-подъ земли, въ коей оно теперь невидимо, но ощутительно зрѣеть, пробьется грядущее поколѣніе во всеоружіи мнѣній и неминучести, которое не будетъ подлежать слѣдственной комисіи Левашевыхъ, Чернышевыхъ и Татищевыхъ. Тогда что сдѣлаетъ правительство, опереженное временемъ и заснувшее на старомъ календарѣ?—Что говорить мнѣ о новыхъ надеждахъ, когда цензура глупѣе стараго, когда Баратынскому не позволяютъ сравнивать шампанскаго съ *пыжикомъ умомъ не терпящаго пльни*? Какъ не быть у насъ потрясеніямъ и порывамъ бѣшенства, когда держатъ насъ въ такихъ тискахъ, когда не позволяютъ намъ изложенія *площадныхъ мыслей* и запрещаютъ намъ малѣйшее киваніе головы, чтобы убѣдить насъ, что у насъ на плечахъ головы не людскія, а свинцовыя? И ты, напримѣръ, имѣющій доступъ, ты не берешь на себя быть указателемъ подобныхъ нелѣпостей и, опершись на право разсудка и истины, требовать болѣе уваженія къ человѣческому достоинству. Не говорю уже объ англичанахъ и французахъ, но разрѣши намъ по крайней мѣрѣ то, что разрѣшено у прусаковъ, австрійцевъ и проч. Я охотно вѣрю, что ужаснѣйшія злодѣйства, безразсуднѣйшіе замыслы должны рождаться въ головахъ людей насильственно и мучительно задержанныхъ. Развѣ наше положеніе не насильственное? Развѣ не согнуты мы въ крюкъ? Откройте не безграничное, но просторное поприще для дѣятельности ума, и ему не нужно будетъ бросаться въ заговоры, чтобы возстановить въ себѣ свободное кровообращеніе, безъ коего дѣлаются въ немъ судороги. Довозательство тому, что я не одобрялъ ни начала, ни средствъ, кои покушались привести въ дѣйствіе, есть то, что пишу тебѣ изъ Москвы; но постигаю причины и, не оправдывая лицъ, оправдваю дѣйствіе, потому что вижу въ немъ неминучее слѣдствіе бѣдственной истины. Не буду оправдывать, напримѣръ, голоднаго, который, спасаясь отъ смерти собственной, нанесетъ ее ближнему, чтобы похитить у него кусокъ хлѣба, но, постигая причину, въ душѣ своей признаю, что отчаяніе голода должно довести человѣка до изступленія. И если

по законамъ достоинъ будетъ наказанія одинъ голодный, то по нравственности гораздо большаго нареканія ¹⁾ достоинъ тотъ, кто добровольно допустилъ его до голода.—Въ этомъ отношеніи жалѣю, что чаша Левашева прошла мимо меня и что не имѣю случая выгрузить нѣсколько истинъ, остающихся во мнѣ подъ спудомъ. Не думаю, чтобы удалось мнѣ обратить своими рѣчами, но, сказавъ ихъ въ слухъ тѣмъ, кому вѣдать сіе надлежитъ, я почелъ бы, что не даромъ прожилъ на свѣтѣ и совершилъ по возможности подвигъ жизни своей. Напримѣръ, я тебѣ проповѣдую очень безкорыстно, потому что увѣренъ въ недѣйствительности словъ моихъ надъ тобою, но мнѣ все-таки легче, высказавъ то, что горѣло у меня на сердцѣ. Жертвенникъ курится не съ тѣмъ, чтобы вѣчно шло благоуханіе, а съ тѣмъ, чтобы не погаснуть или не лопнуть, если не будетъ исхода его пару.

¹⁾ Сначала было написано наказанія.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

18-го Іюля 1911 года въ Остафьевѣ, бывшей усадьбѣ князя П. А. Вяземскаго, нынѣ принадлежащей графу С. Д. Шереметеву, былъ открытъ памятникъ Н. М. Карамзину, который долго жилъ въ Остафьевѣ и написалъ тамъ восемь томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» ¹⁾.

Памятникъ сооруженъ графомъ С. Д. Шереметевымъ по мысли бывшаго владѣльца Остафьева князя П. П. Вяземскаго, исполненъ по рисунку академика Н. З. Панова и представляетъ собою гранитный, въ стилѣ Empire, монолитъ, на которомъ помѣщено бронзовое изображеніе восьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» съ лежащимъ на нихъ свиткомъ, изображающимъ девятый томъ, незаконченный въ Остафьевѣ. На лицевой сторонѣ памятника, обращенной къ окнамъ комнаты, въ которой работалъ Карамзинъ, находится окруженное лавровымъ вѣнкомъ бронзовое барельефное изображеніе Карамзина съ подписью: «Карамзину» и датой «1811—1911»; ²⁾ на противоположной сторонѣ — вырѣзаны слова изъ письма Карамзина къ Кривцову, отъ 22-го Іюля 1822 года: «Остафьево достопамятно для моего сердца: мы тамъ наслаждались всею пріятностью жизни, не мало и грустили; тамъ текли среднія, едва ли не лучшія, лѣта моего вѣка, посвященныя семейству, трудамъ и чувствамъ общаго доброжелательства въ тишинѣ страстей мятежныхъ.....»

Торжество открытія памятника сопровождалось засѣданіемъ, посвященнымъ памяти Карамзина. Засѣданіе было открыто графомъ С. Д. Шереметевымъ, который прочелъ слѣдующія строфы стихотворенія Ѳ. И. Тютчева: «На юбилей Н. М. Карамзина»:

Великій день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На что бъ откликнулась она?

¹⁾ Гр. П. С. Шереметевъ. Карамзинъ въ Остафьевѣ. 1811—1912. Москва. 1911.

²⁾ См. фототипическій снимокъ, слѣдующій за этой страницей.

Какой хвалой благоговѣйной,
 Какимъ сочувствіемъ живымъ,
 Мы этотъ славный день почтимъ—
 Народный праздникъ и семейный?

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ,
 Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,
 Средь колебаній и сомнѣній
 Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

.

Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
 Будь вдохновительной звѣздой;
 Свѣти въ нашъ въ сумракъ роковой,
 Духъ цѣломудренно-свободный,

Умѣвший все совокупить
 Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
 Все человѣчески-благое.
 И русскимъ чувствомъ закрѣпить,—

Умѣвший, не сгибая выи,
 Предъ обаяніемъ вѣнца,
 Царю быть другомъ до конца
 И вѣрноподаннымъ Россіи.

Произнесенныя въ засѣданіи В. С. Иконниковымъ и С. Ѳ. Платоновымъ рѣчи печатаются ниже.

Описаніе Остафьевскаго праздника помѣщено въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1911 г. въ статьѣ Б. Г—ва: «Остафьево 11 Іюля 1911 года».

Фот. П. Павлова.

Памятникъ Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ Московской губерніи, Подольскаго уѣзда, по мысли бывшаго владѣльца с. Остафьева Князя Павла Петровича Вяземскаго, воздвигнутый 18 іюля 1911 года.

КАРАМЗИНЪ—ИСТОРИКЪ.

В. С. ИКОННИКОВА.

Рѣчь въ собраніи 18 Іюля 1911 г., по случаю открытія памятника
Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.

Карамзинъ—историкъ *).

I.

Потребность въ исторіи Россіи была сознаана одновременно съ завершеніемъ лѣтописанія. Попытки подобнаго рода при Петрѣ В. не имѣли успѣха, но уже одинъ изъ его „птенцовъ“—Татищевъ рѣшается выполнить эту задачу; но и онъ не пошелъ дальше вступительныхъ статей, свода лѣтописей и примѣчаній къ нимъ. Тогда думали, что такой трудъ можетъ легко совершить ученый, одушевленный лишь добрымъ желаніемъ и патріотизмомъ, который притомъ считалъ это дѣло своимъ правомъ: Ломоносовъ добросовѣстно ознакомился съ источниками, тѣмъ не менѣе примѣненіе ложно-классической теоріи о геройствѣ славянъ и дѣйствующихъ лицъ, не уступающемъ древнимъ грекамъ и римлянамъ, не принесло пользы, а въ трудахъ послѣдователей этого направленія (Эминъ и Елагинъ) было доведено до полного искаженія фактовъ¹⁾.

Но въ это время въ Россіи дѣйствовала уже плеяда ученыхъ, вышедшихъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, которые внесли въ изученіе источниковъ русской исторіи приемы нѣмецкой науки и положили основаніе дальнѣйшей ея разработкѣ въ Россіи (Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Стриттеръ—„*Memoriae populorum*“). Послѣдующіе историки (Щербатовъ, Болтинъ) должны были считаться съ новыми требованіями. Кн. Щербатовъ, хорошо знакомый съ

*) Настоящій очеркъ представляетъ извлеченіе изъ монографіи о Карамзинѣ, входящей въ III-й томъ „Опыта русской исторіографіи“.

исторической литературой другихъ народовъ, обставляетъ свой трудъ, задуманный имъ въ обширныхъ размѣрахъ (15 томовъ до ц. Михаила Ѳед.), богатымъ собраніемъ лѣтописей и документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ, и старается опереться въ своихъ положеніяхъ на выводы современныхъ политическихъ писателей Западной Европы (Бэйль, Монтескьё, Юмъ и др.). Болтинъ, слѣдуя тѣмъ же авторитетамъ, привлекаетъ еще большій запасъ историческихъ данныхъ и широко пользуется аналогіей, но систематической исторіи онъ не написалъ. Между тѣмъ какъ русскіе писатели все еще ломали копы изъ-за этнографическихъ вопросовъ и толкованія первыхъ страницъ лѣтописи, въ Парижѣ одновременно появилось два труда—французовъ, служившихъ прежде въ Россіи (Левека и Леклерка), доведенные до позднѣйшаго времени и снабженные планами, картами и портретами (во 2-мъ), одинъ изъ которыхъ (Левека) даже требовательно критикую (Шлецеръ, Карамзинъ), несмотря на существенные недостатки, былъ признанъ лучшимъ произведеніемъ въ этой области.

Еще Татищевъ настаивалъ на необходимости яснаго изложенія и красоты слога для историка, но признавалъ, что необработанность русскаго языка не позволяетъ пока выполнить это требованіе (I, с. IX). Не могли удовлетворить позднѣйшаго читателя и другіе труды. Въ то время даже среди образованныхъ людей, воспитавшихся на латинскихъ писателяхъ (какъ напр. П. В. Завадовскій), существовалъ взглядъ, что русская исторія до Петра В. совсѣмъ не интересна. „По моему мнѣнію, писалъ онъ, исторія та только пріятна и полезна, которую или философы, или политикъ писали. Но еще *наши науки и нашъ языкъ* не достигнули до того: то лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари“ (1800 г.)³⁾.

Этой назрѣвшей потребности рѣшился удовлетворить Карамзинъ. „Могу и хочу писать исторію“, говоритъ онъ въ извѣстномъ письмѣ къ попечителю Московскаго университета М. Н. Муравьеву въ 1803 г., и въ томъ же году онъ былъ назначенъ историографомъ, чтобы имѣть возможность посвятить труды свои „полной исторіи отечества нашего“, какъ выражено въ указѣ. Въ это время Карамзинъ уже былъ „извѣстный писатель“, авторъ „писемъ русскаго

путешественника“, лично знакомый многимъ знаменитостямъ ученаго и литературнаго міра Европы, почетный членъ Московскаго университета, притомъ отказавшійся отъ двухъ предложенныхъ ему профессуръ—въ Дерптѣ и Харьковѣ, „находя эту должность неблагопріятной для таланта“ и „предпочитая заниматься и работать свободно, безъ всякаго принужденія“. Вслѣдъ затѣмъ Карамзинъ писалъ тому же Муравьеву: „Я могу умереть, не дописавъ исторіи; но Россія должна всегда имѣть историографа. Десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаеть одинъ человекъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ“³). Завѣтъ Карамзина не былъ исполненъ: мы не почтили этимъ званіемъ Соловьева, подобно Карамзину, всецѣло отдавашагося „Исторіи Россіи“. Но Карамзинъ относился отрицательно къ ученымъ званіямъ, не оправдываемымъ дѣйствительными заслугами. „Спрашивается, говоритъ онъ, для чего Лафонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Ж. Ж. Руссо, Дидротъ, Дорать и многіе другіе достойные писатели не были членами Академіи? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть погостство. Главное дѣло не получать, а заслуживать. Не писатели, а маратели всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ“⁴). И въ 1816 г. онъ снова пишетъ: „до конца моей жизни не назовусь членомъ никакой Академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ“⁵). Однако позже (1818 г.) ему пришлось подчиниться настояніямъ другихъ.

Въ то время, когда Карамзинъ принимался за исторію, значеніе его понималось уже, какъ творца новаго слога. Близкій къ нему И. И. Дмитріевъ говоритъ: „Карамзинъ началъ писать языкомъ, подходящимъ въ разговорному языку образованнаго общества 70-хъ годовъ; въ составленіи періода началъ употреблять извѣстную сжатость, притомъ онъ воздерживается отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій; наконецъ соблюдаетъ естественный порядокъ въ словорасположеніи“⁶). Онъ допускалъ и заимствованія изъ иностранныхъ языковъ, но не противныя духу языка, къ которымъ, однако, слѣдуетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ⁷). Приступивъ (въ 1797 г.) во второму изданію своихъ „Писемъ“, Ка-

рамзинъ цѣлыми десятками исключаетъ въ нихъ архаизмы („сей“, „овий“, замѣняя словами: этотъ) и варваризмы (діалогъ, вояжь, интересный, національный, натуральный, эрудиція и пр.)⁸⁾, а въ 1811 г. онъ считалъ уже бесполезнымъ вступать въ споры о достоинствѣ русскаго языка⁹⁾.

Татищевъ изучалъ языки польскій, нѣмецкій, французскій, отчасти шведскій, но долженъ былъ прибѣгать къ переводчикамъ¹⁰⁾. Щербатовъ зналъ французскій и итальянскій языки¹¹⁾. Карамзинъ былъ счастливѣе ихъ въ этомъ отношеніи. Онъ хорошо зналъ нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, позже усвоилъ французскій, а это содѣйствовало тому, что онъ ближе былъ знакомъ съ нѣмецкой и англійской идеалистической литературой и избѣжалъ раняго вліянія легкихъ французскихъ произведеній, и въ его манерѣ описывать мелочи можно видѣть вліяніе усвоенныхъ имъ приемовъ англійскихъ писателей¹²⁾. Впослѣдствіи онъ изучилъ и латинскій языкъ настолько, что могъ свободно пользоваться его текстами въ своей исторіи. Влеченія къ древнимъ писателямъ соединялись у него съ теоретическимъ увлеченіемъ политической свободой и республиканскимъ правленіемъ. Онъ самъ признается, что тогда онъ „обманывался призраками революціи“, „мечтами о платоновской республикѣ“, готовъ былъ *кровію пожертвовати* для счастья людей; упоминаетъ о „надеждахъ и замыслахъ“, увлекавшихъ его; о надеждахъ, что въ концѣ вѣка послѣдуетъ общее соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью¹³⁾. То было время, когда онъ переводилъ Платона, Цицерона, Тацита, трагедію „Юлій Цезарь“ Шекспира, республиканскія идеи въ которой были сильно выражены и переводъ которой былъ даже запрещенъ¹⁴⁾; когда онъ зачитывался надъ сочиненіями республиканца Шиллера (въ Парижѣ), находя мечты его „привлекательными“ и преклонялся передъ Виландомъ—нѣмецкимъ Вольтеромъ, съ которымъ, какъ и съ этимъ послѣднимъ, онъ познакомился еще въ юности. Но онъ цѣнилъ въ Вольтерѣ преимущественно борца противъ религіозной нетерпимости¹⁵⁾. Въ Лондонѣ онъ „съ великимъ вниманіемъ“ читалъ соч. Делольма: „Конституція Англіи сравнительно съ другими образами правленія“ и съ любопытствомъ разсматривалъ англ. хартію¹⁶⁾.

Воспитаніе въ пансіонѣ Шадена, гдѣ онъ научился цѣнить „наставленія Геллерта“, лекціи Шварца въ університетѣ и участіе въ масонскомъ кружкѣ Новикова, изъ котораго онъ впрочемъ скоро вышелъ, не найдя въ немъ цѣли для себя¹⁷⁾, заставили Карамзина ознакомиться съ корифеями нравственно-мистической литературы отъ Юнга и Штурма до Геснера, Бонне и Лафатера включительно и, хотя въ натурѣ Карамзина не оказалось сочувственныхъ нотъ чистому мистицизму, но идеи чувствительности и добра, развитыя въ современной романической литературѣ, нашли въ нихъ прочную подготовку къ усвоенію началъ нравственной философіи въ ученіи лорда Шефтсбери, поэта Попа, романиста Ричардсона и ихъ послѣдователей въ Германіи¹⁸⁾. Карамзинъ никогда не былъ строгимъ ортодоксальнымъ писателемъ, и деизмъ, проявленный имъ въ равнихъ произведеніяхъ (Деревня 1792; Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона 1793 и др.), настолько укрѣпился въ немъ, что далъ право одному изъ церковныхъ писателей впоследствии (Иннокентій Борисовъ, архіеп. таврич.) назвать Карамзина „хорошимъ деистомъ“, а другому (архим. Гавріиль)— „кантистомъ“¹⁹⁾. По собственному признанію Карамзина, онъ интересовался „практическою философіей“ (мораль, эстетика, психологія) и онъ самъ говоритъ, что въ философскія книги заглядывалъ тогда только „изъ любопытства“, предпочитая Канту—Виланда, Гердера, Попа, Галлера и т. п. поэтовъ-философовъ²⁰⁾. По вѣнцомъ его литературныхъ влеченій и увлеченій былъ несомнѣнно Руссо. Не забудемъ, что онъ не былъ собственно французскимъ писателемъ. Онъ вышелъ изъ протестантской Швейцаріи и былъ сначала протестантомъ и снова потомъ сталъ протестантомъ. Провозвѣстникъ „природы“ и „чувства“ съ одной стороны, а съ другой врагъ „энциклопедизма“ въ лицѣ своихъ „бывшихъ друзей“, онъ долженъ былъ вдвойнѣ прійтись по душѣ Карамзину. Руссо ставитъ Ричардсона рядомъ съ Гомеромъ и дѣлаетъ его своимъ образцомъ въ „Новой Элоизѣ“, котораго такъ превозносилъ и Карамзинъ²¹⁾. Послѣдній признаетъ Руссо „величайшимъ изъ писателей осьмаго-надесяти вѣка, человѣкомъ рѣдкимъ, авторомъ единственнымъ“, „пылкимъ въ страстяхъ и слогѣ, убѣдительнымъ въ самыхъ заблужденіяхъ, любезнымъ въ самыхъ слабостяхъ“²²⁾. Во время

путешествія онъ старается переживать настроенія Руссо²³). Его „Новая Элоиза“ была настольной книгой Карамзина. Если Карамзинъ не соглашался съ Руссо относительно пользы наукъ и искусствъ, то необходимо имѣть въ виду и его оговорку: „Чувство выше разума, писалъ Карамзинъ Батюшкову: оно есть душа души, свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни“²⁴).

Карамзинъ не измѣнялъ Руссо и впоследствии. Уже въ ноябрѣ 1811 г. онъ составилъ „Альбомъ“ для вел. княг. Еватерины Павловны ко дню ея тезоименитства, въ который онъ старался ввести избранныя изреченія и мнѣнія, подходящія къ настоящему торжественному случаю, важному по личнымъ отношеніямъ автора. Въ составъ этого „Альбома“ вошли статьи на излюбленныя Карамзинымъ темы. Не говоря о религіозныхъ мотивахъ, взятыхъ изъ Ис. Сирахова, Іова, Боссюэта, Цицерона, Державина, Попа, Гете и его собственныхъ, почти всѣ статьи, касающіяся „любви къ отечеству“, размышленій о Богѣ, монархіи и самодержавіи, о добродѣтели, супружествѣ и дружбѣ заимствованы изъ Руссо и отчасти изъ Монтэня, котораго читилъ какъ Руссо, такъ и Карамзинъ²⁵). Для послѣдняго у Руссо были весьма близкія точки соприкосновенія. Руссо высоко ставилъ книги Новаго Завѣта и выражался, что никто на свѣтѣ не уважаетъ столько Евангелія, какъ онъ, называя его самой возвышенной изъ книгъ; онъ преклонялся передъ личностью Христа („Если Сократъ умеръ какъ мудрецъ, то Христосъ умеръ какъ Богъ“). Руссо съ самой страстной ревностью возстаетъ и противъ новаго атеизма, и противъ матеріализма, и возвращается къ вѣрѣ, которая основывается у него не только на доказательствѣ разума, какъ у Вольтера и англійскихъ деистовъ, но и на глубочайшихъ потребностяхъ сердца. Онъ заявляетъ, что питаетъ самое глубокое уваженіе къ закону и существующимъ учрежденіямъ и глубочайшее отвращеніе къ революціи и раздорамъ партій. Руссо отказался составить конституцію для Корсики и Польши, такъ какъ не зналъ обычаевъ этихъ странъ. Если бы былъ *народъ боговъ*, онъ управлялся бы демократически; но такая совершенная форма нейдетъ для людей, и, перебравши всѣ формы правленія, онъ считаетъ этотъ вопросъ довольно бесполезнымъ, но замѣчаетъ, что „монархія, имѣя одну главу, поэтому во всѣхъ

вещахъ обнаруживаетъ всего больше силъ и твердости“. Далѣе онъ требуетъ устаповленія государственной религіи, потому что религія нужна, чтобы граждане любили свои обязанности ²⁶).

II.

Подъ тѣми же литературными вліяніями и влеченіями сложились историческіе взгляды Карамзина. Во время своего путешествія Карамзинъ писалъ: „Примѣчанія достойно, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ, и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы какъ исторію жизни, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ вліяли въ исторію привлекательность романа умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живостью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ *Фукидида и Тацита* ничто не можетъ сравниться съ историческимъ триумвиратомъ Британіи“ ²⁷). Необходимо прибавить, что впоследствии Карамзинъ является такимъ же поклонникомъ и романовъ Вальтеръ-Скота, съ которымъ не разставался до конца ²⁸).

Уже въ половинѣ 1797 г. Карамзинъ замѣтилъ: „Если Провидѣніе пощадитъ меня, если не случится того, что для меня ужаснѣе смерти..., займусь исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона—читать со вниманіемъ, дѣлать выписки; а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха. ²⁹.) Въ это время онъ предпринялъ изданіе „Пантеона иностранной словесности“, чтобы познакомить читателей съ произведеніями древнихъ. „Героизмъ“ грековъ и римлянъ все еще манилъ къ себѣ художественное перо русскаго бытописателя. Тутъ не лишнее припомнить и указанное предпочтеніе Карамзинымъ Плутарха, обширная галерея героевъ котораго должна была имѣть внушительное вліяніе на Карамзина, признававшаго, вслѣдъ за Екатериной II, культъ великихъ людей или героевъ, возникшій у нея также на основаніи увлеченія древними писателями и въ особенности Плутархомъ, впрочемъ общаго XVIII вѣку.

Будучи въ Лондонѣ, Карамзинъ записалъ свои мысли, по поводу чтенія одного изъ выдающихся историковъ Англіи—Юма, страницы

котораго навели его на размышленія, ставшія его убѣжденіями, о печальныхъ послѣдствіяхъ политическихъ переворотовъ: „здѣсь была не одна французская революція, сколько добродѣтельныхъ патріотовъ положило свою голову на эшафотъ“ и далѣе слѣдуютъ суровые приговоры о Кромвелѣ³⁰). Въ это время (1792—93 гг.), преклоняясь передъ Петромъ В., онъ замѣчаетъ (въ 1-мъ изд. „Писемъ“): „Доживемъ ли мы до того, чтобы какой-нибудь Философъ и Риторъ, какой-нибудь второй Робертсонъ описалъ жизнь и дѣла Петра Великаго“? ³¹). Д. Юмъ, какъ и др. современные англійскіе историки (Робертсонъ, Гиббонъ), находился подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ историко-политическихъ писателей. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, велъ переписку съ Монтескьё и издалъ переводъ его „Духа законовъ“, вліяніе котораго, какъ и идей Вольтера, отразилось на его исторіи и философскихъ трактатахъ. Карамзину могъ нравиться Юмъ, какъ противникъ релігіознаго фанатизма. Въ своей исторіи Карамзинъ пользуется Юмомъ для сравненія одинаковыхъ явленій у славянъ и англосаксовъ. Въ Юмѣ его могла привлекать и драматическая сторона изложенія. Частыя настоянія Карамзина на необходимости „красокъ“ и слѣдованія образцамъ древнихъ вытекали изъ его литературной школы и взгляда на исторію въ нач. XIX в., когда, слѣдую греческой и римской традиціи, исторію считали искусствомъ по крайней мѣрѣ на столько же, какъ и наукой, и даже въ германскихъ университетахъ она долго не имѣла самостоятельнаго значенія и присоединялась то къ кафедрѣ *краснорѣчія*, то (съ XVIII в.) къ государственному праву.

Съ писателями французской литературы Карамзинъ былъ близко знакомъ и пользуется ими въ исторіи. Вольтера онъ называетъ остроумнѣйшимъ писателемъ XVIII вѣка. Онъ обращается къ Монтескьё, для объясненія быта германцевъ сравнительно съ славянами и вліянія климата. Въ Парижѣ Карамзинъ съ удовольствіемъ читалъ соч. Мабли „объ исторіи Франціи“ (*Observations sur l'histoire de France*, 1791),—чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго,—посвященную главнымъ образомъ „исторіи правленія“, по его выраженію. Сочиненіе Мабли оканчивается временемъ Людовика XIV, но въ немъ вездѣ ясно указывается на причины предстоящей революціи, которая теперь такъ интересовала Карамзина.

Французская критика отмѣтила въ этомъ произведеніи патриотическіе взгляды, вѣрныя мысли, опредѣленные принципы, своего рода національный трудъ, достойный имени Тита Ливія. Карамзинъ могъ почерпнуть въ немъ взгляды на исторію, какъ „скрижаль откровеній и правилъ“, „изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго“. Но въ „предисловіи къ исторіи“, вѣроятно, имѣеть онъ въ виду другое сочиненіе Мабли „De la manière d'écrire l'histoire“ (Р. 1783), въ которой авторъ требуетъ, чтобы исторія была интересна и съ этой цѣлью можно отбрасывать и сокращать все мало занимательное, какъ эти битвы, войны, сухіе факты, относящіеся къ древности, чтобы не утомлять читателей однообразными событіями и умѣть выбрать среди этихъ мелочей наиболѣе достовѣрное и пріятное для чтенія, говорить больше о характерѣ и обычаяхъ страны; обращать особенное вниманіе на важнѣйшія эпохи, выдающіяся націи и великихъ людей. Есть еще указаніе, что Карамзинъ совѣтывалъ ³²⁾ Пушкину читать Гиббона, Монтескье, Вико и Бекварію. Въ предисловіи къ исторіи Макиавелли онъ называетъ „глубокомысленнымъ“ ³³⁾ и въ „Запискѣ“, когда онъ говоритъ, что „измѣняя число и власть сановниковъ, удержите хотя имя ихъ для народа“, то опять ссылается на „умнаго Макиавелли“.

Возражая противъ мнѣнія Вольтера о происхожденіи расъ, Карамзинъ вслѣдъ за Монтескье приписываетъ важнѣйшее вліяніе на особенности славянскаго племени — климату, какъ главному фактору въ племенныхъ отличіяхъ человѣческаго рода (I, 31, 43), и такое же значеніе отводилъ климату Гердеръ, произведенія котораго *Urkunde des m̄nshlichen Geschlechts* и „Богъ“ онъ читалъ и находилъ прекрасными, восторгаясь въ нихъ „восточнымъ великолѣпіемъ“, ³⁴⁾ но безъ сомнѣнія Карамзинъ былъ знакомъ и съ его „Идеями“. Гердеръ, стоявшій на почвѣ постепеннаго историческаго процесса и слѣдившій за развитіемъ гуманности въ человѣческихъ обществахъ, не могъ не понравиться нашему автору. Подобно Монтескье, признающему весьма важными факторами народныя обычаи и нравы, Гердеръ придавалъ большое значеніе традиціи, преданію. И Карамзинъ въ своей исторіи говоритъ: „Древній обычай сильнѣе убѣжденій духовенства, церковныхъ казней и требованій разума. Люди охотнѣе подвергаются волнамъ и бурямъ,

нежели незаконному насилію правительствъ. Истинный правитель умѣетъ уважать народные обычаи и никогда не дѣйствуетъ вопреки его правамъ и навыку“³⁵). Въ поэтическихъ очеркахъ Гердеръ представляетъ постепенное развитіе міроваго организма отъ самыхъ простыхъ формъ до человѣка, который въ свою очередь представляется ему посредникомъ двухъ міровъ—физическаго и духовнаго, въ которомъ продолжается дальнѣйшее совершенствованіе. Для развитія общества необходима гражданственность, а она не мыслима среди хаоса и беспорядка, какими представляются ему народныя волненія и особенно средніе вѣка.

Съ другой стороны, Карамзинъ, удивлявшійся Юму въ изъясненіи причинъ и слѣдствій, вполне пошелъ за нимъ въ признаніи за привычкою—основнаго фактора историческаго развитія. Привычки, говоритъ Юмъ, образуютъ наши нравы, нравы образуютъ общественную публичную жизнь людей и ея устройство. Измѣнить это устройство значитъ измѣнить нравы и привычки. Но привычки происходятъ постепенно; точно такъ же только постепенно онѣ могутъ быть измѣняемы. Кто въ своихъ понятіяхъ не принимаетъ въ расчетъ этой силы человѣческой жизни, тотъ не способенъ понимать *исторію*. Горе тому, прибавляетъ Юмъ, кто прикоснется до почтенной древней рухляди, до дорогаго наслѣдія предковъ³⁶). Карамзинъ не измѣнялъ Юму и въ позднѣйшіе годы. Въ августѣ 1812 г. въ томъ же письмѣ, въ которомъ сообщалъ Дмитріеву, что, въ виду надвигающихся опасностей, онъ радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ московскою удалою дружиною примкнуть къ нашей арміи, онъ прибавляетъ: „Теперь, безъ исторіи и безъ дѣла, читаю Юма о происхожденіи идей“³⁷).

Еще въ 1796 г. Карамзинъ признавался кн. Вяземскому о перемѣнѣ своего настроенія въ пользу философіи³⁸). Въ 1800 г. Карамзинъ писалъ, что онъ умножилъ свою бібліотеку новыми покупками, только не романами, а *философскими и историческими книгами*. Позже (1822) онъ сообщаетъ, что опять на свободѣ читаетъ *нѣмецкихъ метафизиковъ*³⁹). Необходимо замѣтить, что рядъ сочиненій Канта „о правахъ“, „о правѣ“, „о добродѣтели“ носятъ названіе „метафизическихъ основаній“ или „началь“, и можно полагать, что Карамзинъ былъ знакомъ съ ними; но и независимо

отъ того совпаденія въ мнѣніяхъ были возможны. Въ нравственномъ ученіи Канта видно вліяніе Руссо и Юма. „Эмиль“ Руссо овладѣлъ всѣмъ существомъ Канта, а портретъ его автора былъ единственнымъ въ его кабинетѣ ⁴⁰). Во время посѣщенія кенигсбергскаго философа, Карамзинъ выслушалъ наставленія о „цѣли жизни“, „о нравственномъ законѣ“, „о будущемъ челоѣка“—вопросы, которыми онъ такъ интересовался и о которыхъ любилъ размышлять ⁴¹). Вопросъ о добродѣтели составляетъ основной критеріумъ въ сочиненіяхъ Карамзина отъ первыхъ его повѣстей до исторіи включительно. Государство должно содѣйствовать осуществленію тѣхъ же началъ добра и справедливости.

Путешествіе познакомило Карамзина съ общественною и политическою жизнью Западной Европы, а событія, наступившія вслѣдъ затѣмъ, оказали въ свою очередь рѣшающее вліяніе на образъ его мыслей. Швейцарія правилась ему патріархальною простотою нравовъ; Англія—прочностью и уваженіемъ законовъ (см. Делольмъ) и судомъ присяжныхъ. Франція—общественной жизнью, привлекательность которой заставляла забывать ея недостатки, хотя развившіяся на его глазахъ политическія событія наводили на печальныя мысли о непрочности всего существующаго. „Не конституція, а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ“, говоритъ Карамзинъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англии, то будетъ дурно въ иной землѣ. Утопія (Моруса) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ *исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени*, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ ⁴²). Но все-таки общечеловѣческое начало брало еще верхъ у Карамзина надъ частнымъ, какъ у послѣдователя просвѣтительной эпохи XVIII вѣка. Въ Парижѣ онъ оспаривалъ Левека за его пренебреженіе къ реформѣ Петра В., но впоследствии онъ самъ судилъ уже иначе. „Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ“. „Всѣ жалкія іереміады, говоритъ Карамзинъ, объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной фізіономіи, или ничто иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи“. „Все

народное ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Могу ли не воспламениться любовію къ отечеству, представляя себѣ Петра?“ ⁴³).

Въ 1801 г. Карамзинъ написалъ похвальное слово Еватеринѣ II, въ которомъ она является продолжательницею дѣла Петра В. „Она явилась на престолѣ, чтобы возвеличить твореніе Петра, чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра“, и, обозрѣвъ ея учрежденія и побѣды, онъ восклицаетъ: „Духъ Петра В., Ты утѣшился!“ Оба они представляются ему „великими людьми“, „героями“, которымъ суждено было вознести Россію на высоту величія и славы. И еще въ 1803 г. онъ задавалъ себѣ вопросъ: „Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о Петрѣ Великомъ“ ⁴⁴).

III.

По возвращеніи въ Россію ⁴⁵), Карамзинъ пережилъ французскую революцію и возстановленіе монархіи, раздѣлъ Польши, суровое царствованіе Павла и новый переворотъ. Онъ вѣрилъ, что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума (писалъ онъ въ 1806 г.). „Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ“ ⁴⁶). Какъ и во время путешествія, Карамзинъ продолжалъ утверждать, что республика держится вѣрностію историческимъ традиціямъ и добрыми нравами, которые онъ ставилъ рядомъ съ уваженіемъ законовъ природы и счастливое сочетаніе которыхъ онъ видѣлъ именно въ Швейцаріи (хотя и не одобрялъ борьбы партій въ Женевѣ и олигархическихъ тенденцій въ Бернѣ). „Вотъ почему, замѣчаетъ онъ, монархическое правленіе гораздо счастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой республика падаетъ“ ⁴⁷).

Съ той же нравственной точки зрѣнія смотреть Карамзинъ

и на причины паденія Польши. „Республика, говоритъ онъ, безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольтва и народнаго униженія“⁴⁸). Вслѣдъ за Монтескьё и Фергюсономъ, онъ полагаетъ, что свобода состоитъ въ обезпеченіи того, что дается закономъ.

Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый, не боясь, живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.

(Ода на коронованіе импер. Александра).⁴⁹)

Не слѣдуетъ, однако, думать, что вліяніе событій оказало воздѣйствіе на одного только Карамзина, какъ историка. Ранке, вспоминая прошлое, замѣчаетъ, что еслибы восторжествовали революціонные принципы, то всемірная исторія въ объективномъ смыслѣ сдѣлалась бы невозможностью⁵⁰). Точно также Нибуръ въ своихъ письмахъ о событіяхъ 20-хъ годовъ говоритъ: „Мы находимся въ положеніи римлянъ во времена Гравховъ и должны страшиться тавихъ же ужасовъ. Тотъ, кто не видитъ этого, слѣпъ... Теперь я понимаю Катилину“⁵¹). Назвать Карамзина консерваторомъ въ отрицательномъ смыслѣ слова мы не можемъ. Событія первой четверти XIX в. поддерживали въ немъ только настроеніе, созданное раньше. „Здѣсь либералисты, тамъ сервиллисты, писалъ онъ императору Александру въ 1822 г., подразумѣвая подъ первыми всѣхъ, расположенныхъ къ новымъ теченіямъ, а подъ послѣдними—людей, стоящихъ за все старое, въ угоду правительству, склонному тогда уже къ реакціи“; но прибавлялъ: „истина и добро *въ срединѣ*: вотъ Ваше мѣсто, прекрасное, славное! Стойте же на часахъ безъ усталости“⁵²). Въ то же время (1818 г.) онъ пишетъ Дмитріеву: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію, судятъ, рядятъ, начинаютъ и писать. И смѣшно и жалко! Но будетъ, чему быть. Знаю, что государь ревностно желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія—и слава Богу! Пусть молодежь ярится: мы улыбаемся“⁵³).

При всемъ томъ Карамзинъ глубоко вѣрилъ въ силу просвѣщенія и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ближе не къ Руссо, а къ Вольтеру, какъ человѣку реформъ посредствомъ просвѣщеннаго правительства. Онъ говоритъ, что Екатерина II въ твореніяхъ славнѣйшихъ авторовъ и философовъ искала для себя правилъ мудрой политики... И въ одѣ на восшествіе на престолъ Александра I онъ взываетъ:

„Ты будешь солнцемъ просвѣщенія,
Наукой счастливъ человѣкъ“.

„Но унижается ли монархъ, спрашиваетъ Карамзинъ, когда онъ платитъ дань уваженія любимцамъ природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служить опорой для политической власти? *Добродѣтель и просвѣщеніе* должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія...“⁵⁴). „Наука, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи“⁵⁵). Онъ ставитъ въ образецъ нѣмецкіе университеты и по методамъ, и по широтѣ преподаванія. Онъ желалъ преуспѣянія Московскому университету и привѣтствовалъ открытіе въ немъ публичныхъ лекцій⁵⁶). Съ другой стороны, онъ весьма критически и даже сурово относился въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, не стоявшаго на высотѣ своего призванія. Въ 1811 г. (въ „Запискѣ“) онъ говоритъ: „Министерство такъ наз. просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и, какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени, единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя“. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о центральномъ органѣ управленія, ибо ученые въ авантажѣ не обрѣтались. Позже онъ осуждалъ какъ мистическія тенденціи въ министерство кн. А. Н. Голицына (отъ чего „должно умножиться число лицемѣровъ“), сопровождавшіяся печальнымъ дѣломъ Петербургскаго университета и возмутительными дѣйствіями Магницкаго въ Казани (причемъ онъ не исключаетъ⁵⁷) и „мистической вздорологии“ своего пріятеля Стурдзы⁵⁸), такъ равно и обскурантизмъ преемника кн. Голицына — Шишкова, выступленія котораго „противъ гра-

моты“ и грубыя выходки цензуры приводили Карамзина въ негодованіе. Подобныя дѣйствія высшаго органа просвѣщенія дали право Карамзину назвать его „министерствомъ затменія“—отзывъ, надолго удержавшій свое значеніе.—Однако Карамзинъ прибавляетъ: „Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ, т.-е. увѣренъ въ милости Божіей“⁵⁹). И не странно ли? Кутузовы, Магницкіе, Руничи, Карнѣевы, Шишковы могли стоять во главѣ „просвѣщенія“ и продѣлывать съ нимъ свои эксперименты, а когда заходила рѣчь о Карамзинѣ, то находили препятствіе въ маломъ его чинѣ⁶⁰).

Воспитанію Карамзинъ придавалъ большое значеніе. „Много ли у насъ характеровъ, писалъ онъ, и молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе?“⁶¹). Онъ привѣтствовалъ заботы Екатерины II и Александра I о народномъ образованіи, предлагалъ позаботиться объ увеличеніи средствъ для подготовки учителей; объ увеличеніи сельскихъ школъ; совѣтовалъ дворянамъ обратить вниманіе на это дѣло; предлагалъ привлечь къ тому и духовенство. Противникамъ просвѣщенія онъ ставитъ въ примѣръ многихъ швейцарскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ поселянъ, которые пахутъ землю и собираютъ библіотеки; пахутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что музамъ и граціямъ не стыдно посѣщать ихъ (называетъ примѣры). Въ Англии ремесленники читаютъ Юмову исторію, служанка Гориковы проповѣди и Кларису; лавочникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчій; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревняхъ“. Карамзинъ очевидно остается увѣренъ въ высказаннымъ мнѣніямъ, когда писалъ, что „просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума, спасительный антидотъ для всѣхъ дѣйствій человѣка“⁶²).

Подобныя мнѣнія, конечно, не могли нравиться обскурантамъ, почему Карамзинъ былъ предметомъ доносовъ въ цар. Павла I и при Александрѣ I, даже не смотря на его близость ко двору,—отъ такихъ людей, какъ тѣ же Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, Магницкій, Руничъ, цензоръ Туманскій⁶³) и т. п. Въ

зависимость отъ просвѣщенія Карамзинъ ставилъ и освобожденіе крестьянъ, которое онъ отдаляетъ на много лѣтъ⁶⁴). Необходимо, однако, помнить, что онъ стоялъ въ этомъ вопросѣ на той точкѣ зрѣнія, на какой находились и нѣкоторые либеральные дѣятели того времени (Карамзинъ, Мордвиновъ, И. В. Лопухинъ), между тѣмъ какъ безусловные консерваторы, Аракчеевъ и Канкринъ, поддерживали правительственные проекты объ освобожденіи крестьянъ. Независимо отъ того, здѣсь снова сказался въ Карамзинѣ послѣдователь Руссо, который призываетъ къ осторожности при введеніи реформъ и между прочимъ относительно крѣпостного права: „не освобождайте тѣла раньше души“, говоритъ Руссо, и далѣе онъ подтверждаетъ, что „страна, подверженная перемѣнамъ, всегда бываетъ слаба“⁶⁵).

IV.

Въ 1809 г. вел. княж. Екатерина Павловна вступила въ бракъ съ принц. Георгомъ Ольденбургскимъ, который въ званіи генераль-губернатора поселился въ Твери († 1812 г.). Въ послѣднее время выяснено все вліяніе Екатерины Павловны въ важнѣйшихъ событіяхъ первой половины цар. Александра I. Съ этого времени началось сближеніе Карамзина съ Екатериною Павловною, которую онъ училъ русскому языку, а черезъ нея съ импер. Александромъ и дворомъ вообще, продолжавшееся и послѣ переселенія Карамзина въ Петербургъ въ 1816 г.⁶⁶). Въ Твери же начались чтенія Карамзинымъ, въ присутствіи государя, цесар. Конст. Павл. и в. кн. Екатерины, его исторіи, и отсюда же вышла знаменитая его „Записка“ (1811 г.), представляющая рѣзкую критику современныхъ реформъ, связанныхъ съ именемъ Сперанскаго, и основанная на извѣстныхъ уже намъ положеніяхъ Карамзина о важности историческихъ основъ государства, народныхъ преданій и обычаевъ, о необходимости постепеннаго гражданскаго развитія и т. д.⁶⁷). Идеаломъ такой политики въ его мнѣніи является Екатерина II. Ссылки въ „Запискѣ“ пестрятъ именами Монтеस्कье и Макиавелли. Вѣрный принципу мирной политики, онъ указываетъ на вредъ военныхъ предпріятій, возражаетъ противъ напрасныхъ завоеваній новыхъ областей и настаиваетъ на необхо-

димости внутреннихъ улучшеній, гражданскаго благоустройства, отдавая при томъ преимущество не столько перемѣнамъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, сколько въ счастливомъ выборѣ людей ⁶⁸).

Очевидно тѣ же мнѣнія проводилъ Карамзинъ и при свиданіи съ Александромъ, когда „не соглашался съ нѣкоторыми мыслями монарха“ и когда вручилъ ему свою „Записку“. Въ похвальномъ словѣ Евѣтеринѣ II (1801) Карамзинъ постоянно соединяетъ имя Петра съ ея дѣяніями. Въ „Запискѣ“ онъ отдаетъ уже полное предпочтеніе дѣятелямъ медленнаго, постепеннаго прогресса. „Явился Петръ... Его цѣлю было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ. Провсѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія: художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ... Пусть обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе незаконное и для Монарха самодержавнаго... Въ семъ отношеніи государь можетъ дѣйствовать примѣромъ, а не указомъ“ ⁶⁹).

Говоря о преимуществахъ самодержавія, Карамзинъ разумѣлъ его въ духѣ „Наказа“ Евѣтерины II. „Главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что ея смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей“, говоритъ онъ. ...„Петръ, насилуя обычаи народныя, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Евѣтерина могла обойтись безъ нихъ... Евѣтерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердець, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній разума... Петръ удивилъ Европу своими побѣдами, Евѣтерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ... Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: *мы взяли свое*. Правиломъ монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами“ ⁷⁰). Въ Запискѣ есть нападки на дѣйствія Евѣтерины II, но они касаются явленій нравственнаго характера.

По своимъ мнѣніямъ, сложившимся на основахъ нравственной философіи, Карамзинъ былъ противникомъ войнъ, рисуя ихъ въ

самых мрачных красках. И въ утвержденіи власти Наполеона онъ видѣлъ вначалѣ торжество порядка и прекращеніе революціи. Но когда стремленія Наполеона вполнѣ обозначились, онъ высказалъ (въ „Запискѣ“) ипой взглядъ на него: „Ужасная французская революція была погребена, но оставила сына, сходнаго съ нею въ главныхъ чертахъ лица“. Во время нашествія Наполеона на Россію, послѣдній представлялся Карамзину уже настоящимъ „Тамерланомъ“ и „всемирнымъ злодѣемъ“⁷¹⁾.

V.

Въ 1816 г. Карамзинъ появляется въ Петербургѣ съ 8-ю томами своей исторіи, возобновляетъ сношенія съ Дворомъ и издаетъ свой трудъ на государственныя средства, не безъ посредничества, однако, гр. Аракчеева. Окунувшись въ сферу старыхъ связей и новыхъ отношеній, онъ съ особеннымъ расположеніемъ былъ встрѣченъ меценатомъ русской исторической науки, гр. Румянцовымъ, который благосклонно (какъ и братъ его) отнесся къ его труду, „безъ зложелательства и фальши, хотя мы и разныхъ системъ“, замѣчаетъ Карамзинъ. Другимъ мѣстомъ отдохновенія Карамзина было общество „Арзамасцевъ“. Но онъ хвалится также „ласками жителей и бояръ“; онъ признается, что закружился въ омутѣ большого свѣта⁷²⁾. Въ октябрѣ 1819 г. въ жизни Карамзина повторился моментъ, напоминающій эпизодъ съ „Запиской о древней и новой Россіи“. Мы говоримъ о „Мнѣніи русскаго гражданина“, представленномъ импер. Александру и касающемся вопроса „о возстановленіи древняго королевства Польскаго съ присоединеніемъ западныхъ губерній“. Развивъ подробно мысли на тему о невозможности мѣшать Евангеліе съ политикой, Карамзинъ ставитъ вопросъ: „сіе возстановленіе (Польши) согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи, согласно ли съ обязанностями императора, съ его любовью къ Россіи и съ самой справедливостью?... Мы взяли мечемъ Польшу, вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній... Для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ; иначе мы должныствовали бы восстано-

вить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, вел. княж. Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подоля, вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи... Наполеонъ могъ завоевать Россію; по Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской... Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше отечество... Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю“ ⁷³)... Напомнимъ, что и многіе изъ декабристовъ осуждали намѣреніе Александра I присоединить къ Польшѣ старыя русскія земли. „Записка о Польшѣ“ была читана Александру Карамзинымъ въ его кабинетѣ, и они пробыли вмѣстѣ 5 часовъ (8—1 ч. ночи); затѣмъ слѣдовали новыя свиданія, и Карамзинъ думалъ, что они „разстались навѣки“. „Душа моя остыла“, прибавляетъ онъ. Но онъ ошибся. Расположеніе государя къ нему не измѣнилось до конца (1819—1825) ⁷⁴). Уже съ осени 1823 г. семья Карамзина знала о планѣ престолонаслѣдія, составлявшемъ тайну, а онъ имѣлъ рядъ бесѣдъ о предметахъ государственной важности. „Я не безмолвствовалъ, говоритъ онъ, о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой (Гурьевской) системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ народнаго просвѣщенія или затменія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные“. Въ послѣднюю бесѣду (28 августа 1825 г.) онъ говорилъ Александру, что лѣта Его сочтены и что ему предстоитъ еще сдѣлать не мало, чтобы конецъ его царствованія былъ достоинъ прекраснаго начала. „Государь, замѣчаетъ Карамзинъ, выразилъ согласіе, прибавивъ, что непременно сдѣлаетъ все, дастъ коренные законы Россіи“ ⁷⁵). Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Карамзинъ руководился сознаніемъ долга. Своему другу А. И. Тургеневу, часто отвлекавшемуся за границу, онъ уже въ 1825 г. писалъ, призывая его въ Россію: „Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи; или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуножное животное...

Такъ мы съ вами давно разсуждали; значить, что я не перемѣнилъ понятій въ ваше отсутствіе; съ ними вѣроятно и закрою глаза, для здѣшняго свѣта, pour voir plus clair“ ⁷⁶).

VI.

Мы уже знаемъ объ историческихъ влеченіяхъ Карамзина. Во время путешествія онъ читалъ историковъ и попутно знакомился съ памятниками древности ⁷⁷). Въ 1799 г. онъ почувствовалъ охоту писать болѣе прозою, „чтобы не загрузѣть умомъ“, сообщалъ онъ Дмитріеву. „Я умножилъ свою бібліотеку новыми покупками, только не романами, а философскими и историческими книгами“, а спустя годъ (май 1800 г.) уже пишетъ ему: „Я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ“. Въ своихъ замѣткахъ (1800) онъ дѣлаетъ наброски о пользѣ исторіи, объ урокахъ благоразумія, твердости и государственнаго блага, какіе она преподаетъ; сравниваетъ ее съ Библіей для христіанъ; указываетъ на обширность и многоплеменность Россіи на разныхъ степеняхъ просвѣщенія и т. д., и тутъ же прибавляетъ, что „народъ, презиравшій свою исторію, презрителевъ, ибо легкомысленъ, — предки были не хуже его“, съ поученіями изъ Тацита (Hist. IV, 84) ⁷⁸). Если ему не удалось написать похвальнаго слова Петру В. (1798), для котораго „недовольно было одного риторства“, а потребовалось бы ближе познакомиться съ русской исторіей и прочесть многотомнаго Голикова ⁷⁹), то и „Марса Посадница“ (1803) — все „еще историческая повѣсть“, для украшенія которой пришлось отправить „героиню“ на эшафотъ, когда естественнѣе было бы съ духомъ времени почитателю Ивана III помѣстить ее въ монастырь, не удаляясь отъ истины ⁸⁰). Для „похвальнаго слова“ Еватеринѣ II автору понадобилось, конечно, ближе познакомиться съ исторіею ея учрежденій, указами (рядъ цитатъ) и остаться въ предѣлахъ историческихъ фактовъ. Небольшія статьи (1802 — 803) и біографіи („Пантеонъ русскихъ авторовъ“) свидѣтельствуютъ только о чтеніи Карамзинымъ лѣтописей, иностранныхъ извѣстій о Россіи и нѣкоторыхъ памятниковъ, причемъ онъ полемизируетъ иногда съ Шлецеромъ (о тайной концераіи), Татищевымъ и Щербатовымъ (о

Б. Годуновъ). Онъ желаетъ, чтобы нѣкоторые случаи и характеры въ русской исторіи сдѣлались предметомъ художествъ и чтобы нашлось искусное перо, которое изобразило бы намъ галерею россіанокъ, знаменитыхъ въ исторіи или достойныхъ сей чести. „Исторія, говоритъ онъ тутъ же, въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ“⁸¹⁾. Притомъ на предстоящій историческій трудъ самъ Карамзинъ смотрѣлъ тогда гораздо снисходительнѣе и проще, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Онъ видитъ въ немъ даже своего рода отдыхъ и думалъ справиться съ нимъ въ 5 или 6 лѣтъ и вмѣстѣ въ 6 томовъ всю исторію до Романовыхъ. Но при всей своей литературной опытности, Карамзинъ все-таки ошибся. Уединившись отъ свѣта, онъ проработалъ 22 года и не дошелъ до намѣченного имъ термина—дома Романовыхъ. Первые 8 томовъ Карамзинъ писалъ въ Москвѣ и Остафьевѣ⁸²⁾, и съ самаго начала онъ уже почувствовалъ всю трудность задачи. Въ цѣломъ рядѣ писемъ онъ сообщаетъ брату и другимъ лицамъ, что ему *„надобно много читать и соображать“*. „Все идетъ медленно и на всякомъ шагѣ впередъ надобно оглядываться назадъ. *Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ“*. Онъ высказываетъ сожалѣніе, что „не моложе 10-ю годами и что едва ли дастъ Богъ довершить“ его трудъ: такъ много еще впереди. И только въ половинѣ 1808 г. онъ дошелъ до XIV вѣка. Разочарованіе постигло его и въ другомъ отношеніи: „Иду голою степью (пишетъ онъ брату); но отъ времени до времени *удается мнѣ находить и мѣста живописныя“*. Только въ полов. 1809 г. онъ закончилъ описаніе времени Дмитрія Донского; *„но теперь долженъ еще многое поправить назадъ“*, прибавляетъ онъ. Въ исходѣ 1810 г. онъ сообщаетъ, что почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василя Дмитриевича: болѣзнь, несчастныя потери и грусть отняли не малую часть его способностей. Въ 1810 и 1811 гг. къ этому присоединились частыя поѣздки въ Тверь, о которыхъ мы упоминали („моя исторія отъ того терпитъ“). „Трудъ, столь необъятный, требуетъ спокойствія и здоровья, пишетъ онъ, не имѣю ни того, ни другого и дѣлаюсь въ несчастью меланхоликомъ... Оставивъ за собою *дичь и пустыню*, вижу впереди пре-

красное и великое... Княженія двухъ Иоанновъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за *скудость прежней матери*“. Въ августѣ 1811 г. онъ замѣчаетъ: „Старость приближается и глаза мучаютъ: худо, если въ года три не дойду до Романовыхъ“... Политическія обстоятельства 1812 г. еще тяжелѣе дали себя чувствовать: пришлось думать о выѣздѣ изъ Москвы (въ Н. Новгородъ); бібліотека его сгорѣла до тла, какъ и замѣчательная бібліотека гр. Мусина-Пушкина, которой онъ пользовался. Въ полов. 1816 г. онъ переселился въ Ц. Село, гдѣ ему предоставлено было помѣщеніе, и куда онъ привезъ первые 8 томовъ своей исторіи, оканчивающіеся 1560 годомъ, чтобы приступить къ печатанію ея: „старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти“... замѣчаетъ онъ брату ⁸³).

Время съ 1816 — 18 ушло на печатаніе исторіи, первое изданіе которой могло по успѣху соперничать съ исторіей Юма и Маколея ⁸¹). Второе изданіе, понадобившееся уже въ 1818 г., (Сленина) шло, однако, туго и причиняло новыя безпокойства автору ⁸⁵). Продолженіе дальнѣйшихъ томовъ исторіи дѣлилось между Петербургомъ и Ц. Селомъ. Только въ концѣ 1820 г. ему удалось закончить IX-й томъ (цар. Ивана Грознаго), къ началу 1823 г. — X-й томъ и въ томъ же году XI-й томъ, перенеся, однако, тяжкую болѣзнь. Занимаясь временемъ ц. Василія Шуйскаго (1824 г.), онъ признается, что этотъ томъ „долженъ быть послѣднимъ“, и прибавляетъ: „Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Ѳеодоровича, то заключу мою Исторію обзорнѣемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ“... Вскорѣ однако затѣмъ ему пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ событій 14 декабря ⁸⁶).

VII.

Заслуга кн. Щербатова, въ нашихъ глазахъ, тѣмъ болѣе получаетъ цѣну, что онъ писалъ свой трудъ въ то время, когда было издано незначительное число лѣтописей (Кенигсб. спис. и первые томы Никонов. лѣт.), не говоря о другихъ матеріалахъ, такъ что даже такимъ изданіемъ, какъ „Древняя Россійская Вивліоѳика“ онъ не могъ воспользоваться вполнѣ.

Трудъ Карамзина отдѣленъ отъ „исторіи“ вн. Щербатова по крайней мѣрѣ на 40 лѣтъ. Литературный языкъ достигъ въ это время значительнаго совершенства. Карамзинъ самъ опредѣляетъ послѣднюю эпоху слога (четвертую) съ своего времени, „когда образуется его пріятность“⁸⁷). Уже съ выходомъ 1-ой книжки „Москов. Журнала“ (1791 г.) Я. Б. Княжнинъ сказалъ: „нашъ молодой писатель откроетъ новое поприще въ словесности. Проза его дышитъ жизнью. У насъ не было еще такой прозы“⁸⁸). И Пушкинъ въ 1823 г. писалъ вн. Вяземскому: „Прозу-то, ради Христа, не забывай; ты да Карамзинъ—одни владѣете ею—Глинка владѣетъ языкомъ чувствъ“⁸⁹). Д. П. Руничъ замѣчаетъ: „есть языкъ Карамзина“, и онъ прибавляетъ, что успѣхъ „Писемъ“, „Повѣстей“ и „Исторіи“ Карамзина основывался главнымъ образомъ на его слогѣ, благодаря которому стали охотно читать книги... Литература и исторія Россіи одному ему обязаны своимъ блескомъ.“⁹⁰).

Карамзинъ находился въ лучшихъ условіяхъ, сравнительно съ вн. Щербатовымъ и относительно собранія матеріаловъ, и въ отношеніи пользованія ими. Онъ называетъ до 40 текстовъ лѣтописей и нѣкоторыя изъ нихъ были въ разныхъ спискахъ (вн. Щербатовъ располагалъ 21 спискомъ). Съ его именемъ соединяется находка Кіевской (извѣстной Татищеву) и Волынской лѣт., Ипатьевскаго сп. (также заключающаго Кіев. и Волынскую лѣт.), Троицкой лѣт., потомъ сгорѣвшей. Ему извѣстны были Сибирскія лѣт., подлинникъ Костромской (отъ Мусина-Пушкина); рукописный матеріалъ онъ значительно расширилъ, пользуясь имъ въ архивахъ и бібліотекахъ правительственныхъ учрежденій (Эрмитажной, Императорской Публичной, Академіи Наукъ, Москов. университета, не говоря объ арх. Коллег. ин. д., извѣстномъ Щербатову), *монастырскихъ и церковныхъ* (Софійской, Троице-Сергіев., Іосифо-Волок., Воскресенской, Александра Нев. л., не говоря о Синодальной и Типографской, извѣстныхъ и вн. Щербатову) и *частныхъ* (гр. Румянцова и Толстого, вн. Д. М. Голицына; кромѣ того гр. Мусина-Пушкина, проф. Баузе, Калайдовича и его собственной, сгорѣвшихъ въ 1812 г.), а также изъ *иностранныхъ* архивовъ (Кёнигсбергскаго, Копенгагенскаго, Мевленбургскаго, Любекскаго) и бібліотекъ (Ватиканской, Британскаго музея, Оксфордской, Королевской Парижской,

Копенгагенской, Туринской), при широкомъ содѣйствіи, оказанномъ со стороны лицъ, преданныхъ дѣлу разысканія историческихъ памятниковъ, каковы: гр. Н. П. Румянцовъ, м. Евгеній, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Строевъ, Аделунгъ, Ермолаевъ, Буле, Берхъ, А. Θ. Малиновскій, сообщавшіе ему свои замѣчанія, указанія и матеріалы. Доставленіемъ иностранныхъ матеріаловъ и сочиненій Карамзину помогали: М. Н. Муравьевъ, Н. Н. Новосильцевъ и А. И. Тургенезъ. Необходимо также имѣть въ виду, что въ то время появились уже труды Лерберга, Круга, Френа, Эверса, Маннерта, Клапрота, Сарторія, облегчавшіе ему изслѣдованіе по древней географіи, этнографіи, хронологіи, нумизматикѣ⁹¹⁾.

Чтобы судить, какъ широко воспользовался Карамзинъ историческою литературою, видно изъ того, что въ его „Исторіи“ упоминается свыше 350 авторовъ и изданій. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Карамзинъ, почитая Юма, избралъ за образецъ его распредѣленіе отдѣльныхъ частей исторіи, какъ доказывалъ Арцыбашевъ. Подобное распредѣленіе (особыя главы, посвященныя внутреннему состоянію) усвоено многими историками и держится до послѣдняго времени. Вполнѣ естественно, что онъ пользовался часто изложеніемъ вн. Щербатова, представляющимъ послѣдовательный лѣтописный рассказъ, какъ указывали и въ то время, и послѣ того⁹²⁾. Кн. Щербатова онъ беретъ даже подъ свою защиту въ его несогласіяхъ съ Татищевымъ и распрѣ съ Болтинымъ, находя послѣдняго часто несправедливымъ. Но все-таки Карамзинъ передаетъ рассказъ удовлетворительнѣе. Щербатовъ часто терялся въ мелочахъ и не разбирался въ источникахъ, въ вопросахъ генеалогическихъ и хронологическихъ. У Карамзина не найдемъ подобныхъ несообразностей, благодаря отчасти тому, что онъ шелъ по проложенной дорогѣ, такъ и тому, что онъ былъ сильнѣе своего предшественника талантомъ, хотя и у него не всегда найдемъ цѣлостное изображеніе характеровъ⁹³⁾. Съ другой стороны, иногда даетъ себя чувствовать личная точка зрѣнія на извѣстныя явленія. Такъ, заподозрѣвая Іоакимовскую и другія называемыя Татищевымъ лѣтописи и сообщаемыя имъ законодательныя памятники, Карамзинъ отрицательно отнесся къ указамъ ц.ц. Федора Іоан. и Василя

Шуйскаго (напечат. при Судебникѣ, изд. Татищевымъ), отчего получилось неправильное освѣщеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ. Съ такимъ же недовѣріемъ отнесся Карамзинъ, по другимъ соображеніямъ, къ древнимъ церковнымъ уставамъ (см. ниже).

VIII.

Мы не остановимся подробно на его предисловіи,—своего рода „profession de foi“, какія рѣдко пишутъ авторы въ началѣ своихъ трудовъ. Оно писано уже въ концѣ 1815 г., когда были закончены двѣ трети его исторіи (8 томовъ), и оно хорошо извѣстно. Но мы отмѣтимъ, во-первыхъ, что образцами историческаго изложенія Карамзинъ, какъ и прежде, считалъ древнихъ писателей, а изъ новыхъ—англійскихъ и въ особенности Юма; а во-вторыхъ, тѣ положенія, которыя онъ приводитъ здѣсь, какъ руководившія имъ,—о значеніи исторіи, ея пользѣ и необходимости для всякаго гражданина знать свою исторію—были высказаны имъ гораздо раньше, начиная отъ „писемъ“ до позднѣйшихъ статей, написанныхъ не задолго до обращенія его къ исторіи. И даже мысль о непрочности вообще государственныхъ организмовъ, сравнительно съ человѣчествомъ, представляетъ повтореніе мнѣнія, выраженнаго еще въ „Письмахъ“⁹⁴⁾. Въ посвященіи Карамзинъ напоминаетъ импер. Александру о читанныхъ имъ въ 1811 г. страницахъ о нашествіи Батяи и побѣдѣ Дмитрія Донскаго; а открывая время княженія послѣдняго онъ повторяетъ: „Судьба испытываетъ людей и государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастье мужественною твердостью въ противностяхъ онаго“... „Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель“, говорятъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ приписываетъ Д. Донскому осторожное благоразуміе съ смѣлой рѣшимостью⁹⁵⁾, какою не многие государи славятся въ исторіи,—тѣ качества, на которыя онъ указывалъ и импер. Александру, какъ необходимыя для успѣха и славы его царствованія. Въ свою очередь вел. княг. Еватерина Павловна писала брату: „У васъ есть еще надежда спасти свою честь, дорогой другъ, мира не должно быть! Хотя бы намъ суждено было очутиться въ Казани, мира не должно быть“...⁹⁶⁾.

Можно сказать, что Карамзинъ удачно справился съ этнографическимъ обзоромъ въ началѣ исторіи, послѣ того хаотическаго представленія, какое господствовало у историковъ XVIII вѣка ⁹⁷). Не увлекся Карамзинъ идиллическимъ описаніемъ быта славянъ, какимъ представлялъ его Гердеръ, а, напротивъ, признавая славянъ добродушными въ домашней жизни, на основаніи византійскихъ извѣстій, онъ изобразилъ ихъ мужественными въ бояхъ и жестокими въ нападеніяхъ, причемъ говоритъ, что исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ племенъ, выходящихъ изъ диваго состоянія ⁹⁸), что вызвало въ свое время порицанія со стороны славистовъ (Суровецкій, Шафарикъ, Мацѣевскій). Есть указаніе, что Карамзину предложено было считаться съ мнѣніями Шлецера (Надеждинъ называетъ его прямо „шлецеристомъ“) ⁹⁹), и онъ слѣдовалъ имъ въ вопросѣ о происхожденіи варяговъ (скандинавы или нѣмцы), о феодализмѣ въ Россіи, за которыми слѣдитъ на всемъ пространствѣ Рюрикова дома и удѣльной системы ¹⁰⁰), признавая за норманнами и Византійей значеніе образовательныхъ факторовъ (въ государственномъ бытѣ, законодательствѣ и обычаяхъ), а за удѣльной системой — разлагающаго начала, ослабившаго Россію и содѣйствовавшаго завоеванію ея татарами и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ прекращенію успѣховъ русскихъ на Босфорѣ, о чемъ онъ такъ сожалѣетъ, указывая даже на предсказанія о судьбѣ Константинополя... ¹⁰¹). Только спустя три года занятій надъ исторіей Карамзинъ написалъ Муравьеву, что онъ уже не боится фѣрулы Шлецера.

Русское государство, по представленію Карамзина, стоявшее при Ярославѣ даже выше Западной Европы, вслѣдствіе удѣльной системы въ теченіе 250 лѣтъ совершенно обособленное, пало подъ ударами татаръ... Климатъ спасъ Россію отъ полнаго порабощенія, такъ какъ татары не рѣшились переселиться внутрь Россіи, и потому народные обычаи остались нерушимыми (Карамзинъ отвергаетъ и обособленность женщины вслѣдствіе татарскаго вліянія), но вліяніе монголовъ сказалось въ правилахъ политики и государственныхъ отношеніяхъ. Государство спасено было единовластіемъ. Созидающій характеръ Карамзинъ всецѣло приписываетъ самодержавію, которое нашло полное выраженіе въ лицѣ московскихъ князей (прежнія попытки имѣли случайный характеръ); но прибавляетъ, что Москва

обязана своимъ величіемъ ханамъ и поддержкѣ духовенства, оставшагося вѣрнымъ византійскимъ традиціямъ ¹⁰²). Тѣмъ не менѣе, въ личностяхъ московскихъ князей онъ не видитъ даровитыхъ людей и до Ивана III не признаетъ ни одного выдающагося характера, за исключеніемъ Дмитрія Донскаго, въ которомъ олицетворялось мужество („герой“) и добродѣтель, столь цѣнимая Карамзинымъ. Какъ послѣдователь Руссо и Монтескье, онъ могъ утверждать, что „вѣра есть особенная сила государственная“, которая оказала свое вліяніе въ татарскую и смутную эпохи. Но онъ не признаетъ пользы въ широкомъ развитіи монастырской недвижимой собственности и вполне одобряетъ ограниченіе ея въ послѣдующіе періоды вплоть до полной отмѣны въ цар. Екатерины II ¹⁰³). Онъ допускаетъ возможность притязаній представителей духовенства на усиленіе власти (чему приписываетъ и церковные уставы Владиміра I и Ярослава I, называя ихъ подложными, какъ и подтвердительную грамоту на нихъ в. кн. Василія Дмитріевича м. Киприану) ¹⁰⁴) и даже болѣе широкія стремленія; но, конечно, сочувствуетъ ихъ неудачамъ (м. Діонисія при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и п. Никона при Алексѣѣ Михайловичѣ онъ считаетъ честолюбцами) ¹⁰⁵).

IX.

Слѣдя за утвержденіемъ самодержавія, какъ образовательной силы, создавшей государство, откуда идетъ и самое заглавіе его труда, Карамзинъ всѣ свои симпатіи переноситъ на личность и дѣятельность Ивана III. Вслѣдъ за Миллеромъ, Шлецеромъ и кн. Щербатовымъ, онъ видитъ въ немъ основателя могущества Россіи, мудраго политика и великаго правителя, „сблизившаго Россію съ Западной Европой, вслѣдствіе чего союзы и войны наши пріобрѣтаютъ важную цѣль. Явилась держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи“. Упомянувъ объ усвоеніи искусствъ и художествъ, Карамзинъ прибавляетъ, что „плоды гражданскаго образованія—собственность не вѣръ и не языковъ, а челоуѣчества“ ¹⁰⁶). Но Іоаннъ III былъ политикъ и правитель осторожный: „воинъ на престолѣ опасенъ; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ“. Далѣе, онъ дѣлаетъ такое

сравненіе: Іоанны III-іе творять, Василю III-іе сохраняють и утверждають, Іоанны IV-ые прославляют и нерѣдко губять¹⁰⁷). Въ другомъ мѣстѣ, обвиняя Ивана IV за напрасное кровопролитіе противъ христіанъ (ливонцевъ), онъ замѣчаетъ, что „Богъ благословляетъ только войны справедливыя, *нужныя для цѣлости и свободы государствъ*“¹⁰⁸). Но Карамзинъ идетъ еще далѣе. Онъ очевидно отдастъ уже полное преимущество Ивану III передъ Петромъ В., такъ какъ первый изъ нихъ не увлекся „усвоеніемъ иноземныхъ обычаевъ и переменной нравственнаго характера подданныхъ“, и хотя относитъ рѣшеніе этого вопроса къ исторіи Петра В., однако замѣчаетъ, что онъ не знаетъ монарха „достоинѣйшаго жить и сіять въ святилищѣ исторіи и что лучи его славы падаютъ на колыбель Петра“¹⁰⁹). Въ „Запискѣ“ онъ еще рѣшительнѣе осуждаетъ этого послѣдняго и, по словамъ Погодина, это чувство передалось даже его семьѣ. „Карамзины ужасные противники Петровы“, писалъ Погодинъ въ дневникѣ 1845 г., послѣ своего чтенія у нихъ о Петрѣ¹¹⁰).

По поводу паденія Новгорода, Карамзинъ пользуется случаемъ снова заявить о необходимости для народныхъ правленій, республикъ, „чистоты нравовъ и вѣрности древнимъ обычаямъ“. Онъ утверждаетъ, что „историку свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной“, и рисуеъ древній бытъ Новгорода въ такихъ привлекательныхъ чертахъ, которыя ничѣмъ не уступаютъ въ своей яркости краскамъ народоправца Костомарова, но тутъ же находитъ и „опасности“. Разбогатѣвъ, новгородцы измѣнили своимъ обычаямъ, нарушили „святость договоровъ“, заключенныхъ съ князьями и потому должны были пожать плоды своей политики. „Вольность спасается не серебромъ, а готовностью умереть за нее. Кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина“. „Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее“, говоритъ Карамзинъ. Въ свою очередь „Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить углую вольность новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи“¹¹¹). Какъ сторонникъ вѣротерпимости, Карамзинъ хвалитъ мягкость отношеній Ивана III къ еретикамъ, какъ потомъ и Ивана IV¹¹²).

X.

Признавая въ самодержавіи „палладіумъ“ („Записка“) Россіи (республики удѣлъ небольшихъ государствъ), Карамзинъ съ полнымъ осужденіемъ относится къ олигархіи (въ малолѣтство Ивана IV, въ смутное время, при верховникахъ), господство которой „есть самое опасное и самое несносное“¹¹³), а царя Василя Шуйскаго, за ограничительную грамоту называетъ (въ „Запискѣ“) даже „преступникомъ“. Обращаясь къ цар. Ивана IV, Карамзинъ все еще признавалъ, что оставляетъ за собой „песчаную степь африканскую“, а передъ собой видѣлъ величественныя дубравы, красивые луга, богатые поля и опасался, что какъ бы съ нимъ не случилось того, что съ Моисеемъ, который не вошелъ въ обѣтованную землю. Прежде онъ думалъ, что исторія его безъ цар. Иоанна Грознаго останется „какъ павлинь безъ хвоста“ (письмо къ Тургеневу)¹¹⁴). Теперь онъ готовъ былъ попочить на немъ: „довольно для историка дней моихъ и способностей“, писалъ онъ Дмитріеву. Вел. княг. Екатеринѣ Павловнѣ онъ писалъ; „Меня занимаетъ Иоаннъ Грозный, этотъ изумительный феноменъ между *величайшими и самыми дурными монархами*. Боже, какой предметъ. Онъ стоитъ Наполеона“¹¹⁵). Затѣмъ цѣлый рядъ писемъ Карамзина къ друзьямъ свидѣтельствуешь о томъ, какъ онъ описываетъ „ужасы“, „злодѣйства“ и казни „Ивашки“—такъ онъ весь ушелъ въ эту сторону дѣла¹¹⁶). Онъ даже избралъ эту тему предметомъ публичнаго академическаго чтенія (1819) и сообщаетъ, что „всеобщія рукоплесканія тронули его, холоднаго меланхолика“¹¹⁷). „Какое-то общее чувство одобренія и даже глухой шумъ оживляли все собраніе. Мы можемъ поэтому судить о дѣйствіи народныхъ ораторовъ“, писалъ Тургеневъ кн. Вяземскому¹¹⁸). По временамъ у Карамзина прорываются похвалы законодательству Ивана IV, а Земскій соборъ, созданный послѣднимъ, онъ называетъ даже лучшимъ явленіемъ его царствованія¹¹⁹). Матеріалы, собранные для этой эпохи Карамзинимъ, отличаются обиліемъ и полнотою, какъ равно и количество страницъ и примѣчаній, посвященныхъ VIII и IX томамъ.

Карамзинъ отмѣчаетъ шесть эпохъ казней, даетъ подробное описаніе ихъ, пользуясь преимущественно Курбскимъ и иностран-

ными извѣстіями, но сопровождаетъ ихъ обыкновенно словами: „пишутъ“, „говорятъ“, „полагаютъ“¹²⁰). Скептицизмъ кн. Щербатова относительно извѣстій Курбскаго и оговорки Болтина отсутствуютъ у Карамзина. Онъ даетъ сравненіе царя съ другими древними (Неронъ, Калігула) и новыми тиранами (Людовикъ XI), дѣлаетъ ссылки на Тацита, Платона и французскую революцію, упоминаетъ, что народъ отвергъ или забылъ имя „мучителя“ и по темнымъ слухамъ именуетъ его только Грознымъ; но тутъ же прибавляетъ, что „характеръ Іоанна есть для ума загадка и мы усумнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ“. Долготерпѣніе русскихъ въ дни жестокостей онъ сравнивалъ съ подвигомъ грековъ при Фермопилахъ, а дни по смерти тирана, ссылаясь на Тацита, называетъ счастливейшими (ср. отзывъ о Павлѣ I въ „Запискѣ“). „Платонъ говоритъ, замѣчаетъ Карамзинъ, что есть три рода безбожниковъ: одни не вѣрятъ существованію боговъ; другіе воображаютъ ихъ безпечными, равнодушными къ дѣяніямъ человѣческимъ; третьи думаютъ, что ихъ всегда можно умиловить легкими жертвами или обрядами благочестія: Іоаннъ и Людовикъ (XI) принадлежали къ сему роду безбожниковъ“¹²¹). Карамзинъ оправдываетъ Курбскаго въ бѣгствѣ, такъ какъ всякій гражданинъ можетъ спастись отъ тирана, но осуждаетъ его, какъ измѣнника, за выступленія противъ Россіи и въ примѣръ Курбскому ставитъ мужество слуги его—Шибанова¹²²). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что IX и X томы вызвали наиболѣе рѣшительные нападки на Карамзина, продолжавшіеся до позднѣйшаго времени, а одному изъ современниковъ (Строевъ) дали право его довѣріе къ Курбскому назвать прямо „грѣхомъ“¹²³). Съ другой стороны, самъ Карамзинъ опасался вмѣшательства духовной и свѣтской цензуры и даже запрещенія этихъ томовъ, когда въ защиту Ивана Грознаго выступили такіа лица, какъ Магницкій и его приверженцы, а нѣкоторые даже изъ ученаго міра (какъ, напр., Страховъ) называли автора „якобинцемъ“¹²⁴).

XI.

Мы знаемъ, что Карамзинъ пытался было защитить память Бориса Годунова; но сравненіе его съ Кромвелемъ возоблададо. Поэтому, приписывая ему, какъ и Ивану IV, обширный умъ и широкія политическія цѣли, онъ не могъ примириться съ нимъ по нравственнымъ основаніямъ, какъ съ убійцей царевича Димитрія, и даже въ появленіи Самозванца и въ послѣдующей катастрофѣ семьи Годунова онъ видитъ естественное слѣдствіе и заслуженную кару Неба: „Вотъ характеръ исторически-трагическій, хочется отдѣлать его цѣльно, не отрывочно“. И Карамзинъ отнесся къ нему съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ Ивану Грозному ¹²⁵). Есть указаніе (кн. Воронцова), что Карамзинъ вѣрилъ сначала въ истинность Димитрія Самозванца и измѣнилъ свое мнѣніе послѣ бесѣды съ импер. Александромъ, который, какъ извѣстно, читалъ его исторію до конца и бралъ даже съ собою XII-й томъ въ послѣднее путешествіе—на югъ Россіи ¹²⁶). Но это показаніе лишено основанія, какъ видно изъ мнѣнія Карамзина о Борисѣ Годуновѣ и рѣшительнаго утвержденія о Гр. Отрепьевѣ, какъ Самозванцѣ, въ письмѣ къ Малиновскому ¹²⁷). Полагаемъ, что едва ли Карамзинъ выступилъ бы съ чтеніемъ объ убійствѣ ц-ча Димитрія публично (январь 1823 въ Рос. акад.), если бы онъ былъ вынужденъ измѣнить свое мнѣніе ¹²⁸). Здѣсь Карамзинъ послѣдовалъ, въ силу своего художественнаго влеченія, за „неимовѣрной, но истинной повѣстью о походеніяхъ Гр. Отрепьева“; а между тѣмъ кн. Щербатовъ старался уже выяснитъ и возможныя тайныя пружины появленія Д. Самозванца ¹²⁹). Давая суровую характеристику ц. Василия Шуйскаго, Карамзинъ примиряется, однако, съ нимъ, въ силу своего основного принципа—„за ревностное наблюденіе старыхъ обычаевъ“ и тутъ же произноситъ строгій приговоръ надъ боярами, „выдавшими царя полякамъ“ ¹³⁰). Въ исторіи смутнаго времени онъ намѣчаетъ рядъ „героевъ“—„добродѣтели и славы“ (Скопинъ-Шуйскій, Шейнъ, Пожарскій, Гермогенъ, Прок. Ляпуновъ), къ которымъ онъ относитъ обыкновенно основателей и устроителей государствъ (каковы Іоаннъ III, Стефанъ Молдавскій, Густавъ Ваза, Стефанъ Баторій, Петръ В., Екатерина II) и даже готовъ сравни-

вать ихъ, по старой привычкѣ, съ героями древности. Смоленскъ въ 1611 г. явился въ его глазахъ „новымъ Сагунтомъ“¹³¹⁾. Смутная эпоха представлялась Карамзину ужаснѣе Батыева нашествiя, когда „не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ нѣдрахъ Россiи, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ; но Богъ не оставляетъ государства, гдѣ многіе или немногіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель,“ говоритъ онъ¹³²⁾.

Карамзинъ прекрасно понималъ, что въ оцѣнку отдаленныхъ явленій „не слѣдуетъ вносить обманчивыхъ соображеній позднѣйшаго времени“¹³³⁾, тѣмъ не менѣе онъ остался вѣренъ твердо усвоеннымъ нравственно-философскимъ воззрѣніемъ, которыя даютъ себя чувствовать и въ письмахъ, и въ литературныхъ произведенiяхъ, и въ исторiи. Принципъ личной отвѣтственности за свои дѣйствiя вытекалъ изъ понятiя Руссо о свободѣ воли, въ противоположность ученiю матеріалистовъ, и подробно *былъ развитъ Кантомъ*¹³⁴⁾, этимъ величайшимъ изъ учениковъ Руссо, по выраженiю Гефдингга. Такой взглядъ можно прослѣдить и во всей исторiи Карамзина — отъ убiйства Аскольда и Дира и „злодѣйства“ Святополка Окаяннаго до послѣднихъ страницъ смутнаго времени или дѣйствiй тайной канцелярiи въ XVIII в. Приступая къ изображенiю „жестокостей“ Ивана Грознаго, Карамзинъ пишетъ: „исторiя не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ челоуѣка, но, предполагая оную въ сужденiи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изясняетъ тѣ и другіе во-первыхъ природными свойствами людей, во-вторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу“¹³⁵⁾. Такимъ образомъ, высоко ставя политическую дѣятельность Іоанна Калиты, онъ не можетъ примириться со смертiю Александра тверскаго, павшаго жертвой его политики, и замѣчаетъ: „Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основанiемъ истинной политики. Судъ исторiи — единственный для государей — кромѣ суда небеснаго — не извиняетъ и самого счастливаго злодѣйства: ибо отъ челоуѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствiе отъ Бога“¹³⁶⁾. Онъ осуждаетъ даже убiйство Д. Самозванца, которому москвитяне дали присягу, и избiеніе поляковъ послѣ убiйства Самозванца, хотя русскіе въ правѣ были негодовать на послѣднихъ¹³⁷⁾. Герои Александръ Невскій и Ди-

митрій Донской привлекають симпатіи Карамзина, потому что их мужество соединяется съ добродѣтелью, которая притомъ сопровождается еще „чувствительностью“¹³⁸), столь превознесенной въ произведеніяхъ Руссо, и на которой строилъ свои „повѣсти“ Карамзинъ. Вотъ почему онъ такъ идеализируетъ ц. Алексѣя Михайловича, приписывая ему обиліе чувствительности, какъ высшую степень добродѣтели¹³⁹). „Государь истинно независимый есть только государь добродѣтельный“, говоритъ Карамзинъ въ исторіи Іоанна IV... „Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна для государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь въ добродѣтели—и слава времени, когда вооруженный истинною Дѣеписатель можетъ въ правленіи Самодержавномъ выставить на позоръ такого Властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ“!¹⁴⁰). Въ противоположность ему, онъ переноситъ свой взоръ на Адашева, „этого великаго человѣка“, открытіемъ котораго онъ такъ гордится¹⁴¹). Подвигъ же м. Филиппа, по словамъ Карамзина, доставилъ послѣднему славу такого *героя*, знаменитѣе котораго не представляетъ ни древняя, ни новая исторія (?), ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели¹⁴²).

Другая сторона, занимающая выдающееся мѣсто въ исторіи Карамзина,—это художественная обработка сюжетовъ. Онъ печаловался, что древняя русская исторія до Іоанновъ представляла „песчаную степь“, дающую мало пищи и для таланта историка; но всѣ эпизоды, для которыхъ онъ находилъ только матеріалъ, онъ старался изобразить *живо и разительно*: таковы, напр., Куликовская битва, которую онъ называетъ знаменитѣйшею до Полтавской баталіи, дѣйствія Олега Рязанскаго въ этотъ моментъ, нападеніе Тамерлана, Шемякина смута, флорентійская унія, характеристика Ивана III и т. д., взятіе Казани, завоеваніе Сибири, „превращеніе Ермака изъ разбойника въ героя“¹⁴³), избраніе на престолъ Б. Годунова, осада Троицкой лавры... И можно сказать, что въ этой разительности свѣта и тѣни, какую онъ требовалъ отъ историка самъ, оцѣнка дѣйствій и характеровъ подъ угломъ зрѣнія позднѣйшей философской теоріи, на которую мы указали выше, должна была произвести неравномѣрность въ освѣщеніи

лицъ и фактовъ, т.-е. привести къ нарушенію историческаго прагматизма, въ особенности при той силѣ и вліяніи столь „могучаго таланта“, какой вообще признается въ авторѣ „исторіи“.

Быль еще тезисъ, присущій Карамзину, который онъ настойчиво проводитъ и въ письмахъ, и въ повѣстяхъ, и въ исторіи¹⁴⁴). Это глубокая вѣра въ просвѣщеніе, какъ главный факторъ прогресса человѣческаго общества и государства. Съ этой точки зрѣнія онъ высоко ставитъ и реформацію Лютера, которая принесла съ собою просвѣщеніе и улучшеніе нравовъ; но онъ видитъ въ ней и дурныя слѣдствія—рядъ войнъ и возбужденіе опасныхъ страстей (Генрихъ VIII)¹⁴⁵). Вотъ почему, посвящая свой трудъ импер. Александру I, Карамзинъ, какъ неизмѣнный противникъ войнъ, упомянувъ о наступленіи „твердаго мира, столь вождѣннаго гражданамъ“, призываетъ его, „властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, наукъ, искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго“. Въ то же время онъ писалъ импер. Маріи Оедоровнѣ: „Музы благоденствуютъ въ тишинѣ и самая отважная—Клію—любитъ шумъ битвъ только въ воспоминаніяхъ“¹⁴⁶).

ХII.

Карамзину не удалось довести свою исторію до намѣченнаго предѣла. Между тѣмъ онъ изучалъ дѣла и мемуары XVIII и XIX стол., думая заняться описаніемъ позднѣйшей эпохи, и подъ впечатлѣніемъ событій, очевидцемъ которыхъ самъ былъ,—онъ хотѣлъ приступить къ составленію исторіи цар. Александра I или отечественной войны, но всѣ эти намѣренія остались тщетными¹⁴⁷). Болѣзнь и тревоженія неисправимаго „меланхолика“, какъ онъ себя называлъ, сразили историка¹⁴⁸). Исторія его (11 том.) еще при немъ переведена была на языки французскій, итальянскій (съ французскаго), нѣмецкій и польскій¹⁴⁹), сдѣлалась достояніемъ не только русской, но и иностранной критики“, которую онъ цѣнилъ выше¹⁵⁰), скептически относясь къ первой и особенно неодобрительно, по выраженію кн. Вяземскаго, „къ критикѣ вооруженной рукой на мнѣніе, исповѣдуемое Исторіей государства

Россійскаго“, т.-е. будущихъ участниковъ 14 декабря. По поводу самой полемики тотъ же кн. Вяземскій писалъ: „Доселѣ (1822) толпѣ указывали все еще на одни пороки зданія или ротозѣи кричали „ура“, какъ кричатъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Тутъ нѣтъ равновѣсія. Сперва должно пристрастить къ чтенію „Исторіи“, а тамъ уже при свѣтѣ критики наводитъ зрѣніе на толковое разсмотрѣніе красотъ и недостатковъ“¹⁵¹). Позже онъ уже спокойнѣе выслушивалъ болѣе объективное отношеніе къ его исторіи А. И. Тургенева (1830); но продолжалъ негодовать на педантическое, ученое разысканіе ошибокъ Карамзина (Арцыбашева, Погодина, Устрялова)¹⁵²). „Карамзинъ нашъ Кутузовъ Двѣнадцатаго года, писалъ онъ: онъ спасъ Россію отъ нашествія забвенія, воззвалъ ее къ жизни, показалъ намъ, что у насъ отечество есть, какъ многіе узнали о томъ въ 12-мъ годѣ... Напишите другую исторію—это такъ, если вы въ силахъ превзойти Карамзина, но не отгоняйте малаго числа читателей, которое она имѣетъ..., ибо нельзя критиковать теперь Карамзина. Все, что не въ-время, все то нелѣпо“¹⁵³). Съ именемъ Карамзина соединялся своего рода культъ („Карамзинъ наша религія“, выражался Жуковскій)¹⁵⁴). Поэтому казалось даже опаснымъ прикасаться съ хулой къ его имени (это испыталъ на себѣ Погодинъ). И когда уже гораздо позже (1845) тотъ же Тургеневъ весьма сурово отозвался объ „Исторіи“ Карамзина, то тутъ же поспѣшилъ прибавить: „Ноя жизнь его была прекрасное и полезное употребленіе его качествъ душевныхъ. Не показывай этого сравненія другимъ, по крайней мѣрѣ тѣни, наброшенной на великій и святой образъ Карамзина.“¹⁵⁵).

Не смотря на настояніе друзей, самъ Карамзинъ не вступалъ въ полемику и удерживалъ отъ нея своихъ защитниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ, очевидно, руководился тѣмъ философскимъ взглядомъ на вещи, который былъ ему присущъ. Съ удивительнымъ спокойствіемъ говорилъ онъ объ ученіяхъ разныхъ системъ отъ Боссюэта до Гельвеція включительно¹⁵⁶). „Злой роялистъ, замѣчаетъ онъ, не лучше злого якобинца...“. „На свѣтѣ есть только одна хорошая партія: *друзей человѣчества и добра*. Она въ политикѣ составляетъ то, что эклектика—въ философіи... Тотъ

есть истинный философъ для меня, кто можетъ со всѣми ужитья въ мірѣ“¹⁵⁷). Тому же Тургеневу въ 1815 г. Карамзинъ писалъ: „Жить есть не писать исторію, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ... Дѣлайте, что и какъ можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ или авторомъ, ученымъ: все одно“¹⁵⁸).

Взгляды и мнѣнія Карамзина принадлежать его эпохѣ и литературной школѣ, изъ которой онъ вышелъ. Но есть другая сторона его исторіи, которая, несмотря на множество послѣдующихъ трудовъ, надолго сохранить свою цѣну — его примѣчанія. Такихъ обширныхъ и обстоятельныхъ примѣчаній отъ другихъ историковъ мы не имѣемъ. Это *вторая его исторія, равная по объему первой*. Общее количество ихъ достигаетъ 6538. Мы уже знаемъ, какимъ новымъ обширнымъ матеріаломъ онъ воспользовался. Найдя списокъ Волынской лѣтописи, онъ писалъ Тургеневу: „Я не спалъ нѣсколько ночей отъ радости... Богъ послалъ мнѣ его съ неба“¹⁵⁹). По его письмамъ (къ Муравьеву, Тургеневу, Калайдовичу, Малиновскому, Дмитріеву и др.) можно судить, какъ шла эта матеріальная часть его работы. Найденные имъ немалочисленные памятники, извлеченія, часто весьма обширные изъ лѣтописей (по разнымъ спискамъ), болѣе замѣчательныя извѣстія, замѣчанія о древнихъ предметахъ, свѣдѣнія о монетахъ и цѣнахъ, цифровыя данныя о населеніи, особенности въ словахъ и реченіяхъ — все это нашло мѣсто въ его примѣчаніяхъ. Никто также до Карамзина, за исключеніемъ Миллера и Успенскаго, автора „Русскихъ древностей“ (1818 г.), не пользовался такимъ количествомъ иностранныхъ извѣстій о Россіи. Въ своихъ примѣчаніяхъ Карамзинъ даетъ сводъ мнѣній по тому или другому вопросу, дѣлаетъ аналогическія сопоставленія отечественныхъ явленій и событій съ иностранными, вездѣ точно обозначая источники или предлагая выписки. Этою своею стороною исторія Карамзина сильна и въ наше время... Сюда, въ эти примѣчанія должны и теперь ходить, учиться каждый занимающійся русской исторіей и каждому будетъ чему тутъ поучиться. Исслѣ-

дованія Карамзина обыкновенно чрезвычайно точны и могут опровергаться только столь же точными изслѣдованіями или новыми памятниками ¹⁶⁰).

На основаніи труда Карамзина можно отвѣтить на всѣ важнѣйшіе вопросы по исторіи русскаго права, разумѣя послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ и въ особенности въ области государственнаго права, и всѣ историки-юристы пользовались имъ въ широкомъ значеніи слова, начиная отъ Эверса и Рейца до позднѣйшихъ трудовъ и изслѣдованій ¹⁶¹).

Широкія очертанія труда Карамзина, его аналогіи, постоянныя привлеченія разнообразнаго матеріала и поучительныя примѣчанія дали право патриарху исторической критики XIX стол., Леопольду Ранке, охарактеризовать произведеніе Карамзина въ слѣдующихъ, лестныхъ для автора и русской исторіографіи, словахъ, высказанныхъ имъ по поводу юбилея Карамзина въ 1866 г.:

„Карамзинъ, такъ пишетъ Ранке, имѣетъ главнымъ образомъ ту заслугу, которой именно я не въ состояніи оцѣнить. Онъ писалъ превосходно на своемъ языкѣ, доступно для своего народа и чрезъ то сдѣлался популярнымъ. Но его популярность приобрѣтена имъ не на счетъ учености въ изслѣдованіяхъ. Я обращался къ его труду съ пользою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которыхъ онъ касается, и живо чувствовалъ отсутствіе его въ тѣхъ эпохахъ, о которыхъ онъ не писалъ; но и въ этомъ я не могу присваивать себѣ рѣшительнаго сужденія. Радуюсь только тому, что въ народномъ русскомъ писателѣ я нашелъ вмѣстѣ человѣка, который умѣлъ связывать съ наилучшимъ успѣхомъ русскую исторію съ всеобщею. Онъ такимъ образомъ писалъ не только для своего народа, но и вообще для цѣлаго міра“ ¹⁶²).

В. Иконниковъ.

Кіевъ. 1911 г., 12 іюля.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ рѣчи В. С. Иконникова: „Карамзинъ—историкъ“.

1. Въ XVIII столѣтіи обширнымъ распространеніемъ пользовались „Синописисъ“ и „Ядро Россійской исторіи“ (Манкіева), выдержавшіе нѣсколько изданій (послѣднее доведено до 1712 г.); но, ни по объему, ни по изложенію они не могли удовлетворить болѣе требовательныхъ читателей. Однако, потребность въ „русской исторіи“ настолько чувствовалась, что въ 1741 г. былъ сдѣланъ переводъ (С. Плаутинымъ) съ нѣмец. яз. „Московской исторіи“ (по 1617 г.) проф. Г. С. Трейера (446 стр.), съ XV в., составл. по иностраннымъ извѣстіямъ (рукопись на 333 листахъ). Она была весьма распространена въ спискахъ и въ разныхъ бібліотекахъ (см. Опытъ рус. исторіогр., т. I, по указателю). Князь Щербатовъ поэтому справедливо замѣчалъ, что „должны устыдиться нераченію нашему, что толь малое или и совсѣмъ никакого не токмо о началѣ, но и новѣйшихъ привлюченіяхъ, бывшихъ въ Россіи, не имѣли, или знали болѣе почерпнутое изъ иностранныхъ писателей, такъ что и самое сіе познаніе болѣе стыда, нежели чести приключало“ (предисловіе къ Царствен. книгѣ, Спб. 1769 г.). Въ 1792—93 гг. Евгений Болховитиновъ (потомъ митрополитъ) задумалъ составить „Рос. исторію“ по Татищеву и Болтину, но оставилъ это намѣреніе (Е. Ф. Шмурло, М. Евгений, 200—208). Тогда же написалъ „Россійскую исторію“ І. Г. Стриттеръ, служившій въ Ак. Наукъ, а потомъ въ Москов. арх. кол. иностр. дѣлъ, доведенную до 1594 г., на нѣмец. языкѣ, три части которой (до 1462 г.) въ русскомъ переводѣ напечатаны въ 1800—1802 гг. (Спб. 4°). Основанная на источникахъ (лѣтописяхъ, грамотахъ и статейныхъ спискахъ), она цѣнилась современниками, но представляетъ все-таки „сухую и скучную компиляцію“, извѣстную болѣе по замѣчаніямъ на нее Екатерины II. Карамзинъ пользовался „исторіей“ Стриттера, но чаще оспаривалъ его (I, пр. 114 и 436; IV, пр. 157; V, пр. 56, 65 и 420).

2. Архивъ кн. Воронцова, XII, 255. Уже въ 1809 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу: „Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т.-е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался, все напрасно. Она дѣлается интересною только ео времянь Петра В. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые рожутся въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ и разумъ находить пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и пр., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человекъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говоритъ: „*Car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai! Il y a des pays, dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur*“... Какая истина! Да, Писареву (Ал. Ал. изд. „Калуж. Вечеровъ“) до этого дѣла нѣтъ. Онъ пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скомонѣхъ, былъ лицомъ бѣлъ, сѣкъ рынду батогами и пр. Есть ли тутъ малѣйшее дарованіе?.. Не трудъ ли это достойный Тредьяковскаго... и академіи наградою“. (Р. Стар. 1871, т. III, № 2, стр. 227—228; Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, 56).—П. А. Катенинъ замѣчаетъ: „Что Левекъ умнѣе Карамзина, безспорно; но куды суха и его исторія! Композиція безъ всякой жизни“ (Р. Стар. 1910, № 4, с. 131).

3. Сочин., III, 680—683; Гротъ, Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина (Сборн. Ав. Н., I, 40—41).

4. Сочин. (письма), II, 522. По словамъ Мерсье (De J. J. Rousseau, II, 173), Руссо съ презрѣніемъ отзывался объ академіяхъ, находя, что писатель сильнѣе тогда, когда онъ изолированъ, что его произведенія отъ этого дѣлаются болѣе значительными и болѣе самостоятельными, потому что ему ничѣмъ не приходится жертвовать какому-нибудь мнѣнію, всегда господствующему въ узкомъ кружкѣ, который нечувствительно убиваетъ смѣлость и гордость гения“. (Ср. М. Н. Розановъ, Ж. Ж. Руссо и литерат. движеніе в. XVIII и нач. XIX в., т. I. М. 1910, стр. 318).

5. Нездан. соч., I, 150.

6. И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 86—87.

7. Я. К. Гротъ, Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. (Сборн. Ав. Наукъ, I, с. 11—13). Н. А. Лавровскій дѣлаетъ нѣкоторыя ограниченія (Карамзинъ и его литерат. дѣятельность, рѣчь, X. 1866, стр. 41—42).

8. В. В. Сиповскій, Карамзинъ, авторъ писемъ рус. путешественника, 173—183.

Шлецеръ уже отмѣтилъ значеніе Карамзина въ исторіи русскаго языка (Ломоносовъ, Херасковъ, Карамзинъ). Несторъ, II, 547—549. И Карамзинъ благодарилъ его въ 1806 г. за это упоминаніе, по случаю полученія 3 и 4 ч. „Нестора“ (Chr. v. Schlözer, Aug. Ludw. von Schlözers öfentl. u. Privatleben, II, 229). Но къ намѣренію Карамзина написать исторію Шлецеръ отнесся скептически (Дневникъ и письма Н. И. Тургенева, I, 318, 325), что возбудило неудовольствіе среди поклонниковъ Карамзина. Князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Въ философическихъ стихотвореніяхъ К-нъ заговорилъ новымъ и образцовымъ языкомъ. Въ нихъ свободно выражается мысль“ (Бесѣды Общ. Рус. слов., I, 43. Ср. еще с. 55).

9. Письма къ Дмитріеву, 159.

10. Бестужевъ-Рюминъ, Біографіи и характеристики, 7, 9, 13, 22, 174.

11. Бантышъ-Каменскій, м. Евгений.—„Татищевъ зналъ только нѣмецкій яз., кн. Щербатовъ только французскій“. (Автобіогр. Шлецера, 70). „Кн. Щербатовъ ученый... Съ нимъ интересно бесѣдовать: онъ очень образованъ и, кажется, склоненъ къ философіи“ (Корберонъ). Своими матеріалами Щ-въ много обязавъ Миллеру (Исторія, I, с. XIV).

12. Сочин., II, 324—325, 746; Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 40—43; Гротъ, 21; Сиповскій, 40, 78, 489.

13. Сочин., I, 36—38; III, 436—438. По словамъ Н. Тургенева, Карамзинъ былъ „энтузіастомъ“ въ этомъ отношеніи и даже расплакался при извѣстіи о смерти Робеспьера (N. Tourgueneff, La Russie et les russes, I, 326).

14. Ср. стихотв. „Къ Тациту“ (Соч., I, 178). Въ числѣ отобранныхъ и потомъ сожженныхъ при конфискаціи изданій Новикова былъ и „Юлій Цезарь“, трагедія Вилліама Шекспира (М., въ типографіи компаніи типографской, съ указнаго дозволенія, 1787, сс. 136), съ предисловіемъ, опредѣляющимъ важное значеніе его произведеній („Шекспиръ великъ, Шекспиръ неподражаемъ!“), въ которомъ между прочимъ говорится о Бруттѣ („характеръ Брутовъ есть наилучшій“ и т. д.). „Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина—переводъ Шекспировской трагедіи „Юлій Цезарь“, по замѣчанію Тихонравова (Лѣт. рус. литер., V, 10; Сочин., III, ч. 2-я, 56); М. Н. Лонгиновъ, Новиковъ, 359; Драматич. словарь, Спб. 1881, 163—164; предисл. у Погодина (Карамзинъ, I, 59—62).

15. Сочин., II, 649. „Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ, конечно, не злое сердце“ (III, 370).

16. Сочин., II, 738, 778. Соч. Делольма въ 1806 г. было издано на рус. языкѣ (2 ч., М.).

17. Погодинъ, Карамзинъ, I, 68.

18. Соч. II, 150. „Еще и теперь Ричардсона называютъ Шекспиромъ прозаиковъ... Переписка его убѣждаетъ, въ какое сильное движеніе приводили цѣлый свѣтъ личности его романа (Чарльзъ Грандисонъ) и ихъ радостная или печальная судьба... Ричардсонъ имѣлъ гораздо большее вліяніе на чужія литературы, чѣмъ на англійскую“. Почти всѣ знаменитости вѣка были его поклонниками“ (Геттнеръ, Ист. англ. литер. XVIII вѣка, 392—396). Шаденъ былъ послѣдователемъ Фергюсона, у котораго мораль поставлена независимо отъ религіи. Онъ держался также Якоби, одного изъ послѣдователей Фергюсона въ Германіи (Тихонравовъ, III, ч. I, 278).—Переписка К—на съ Лафатеромъ (Записки Ак. Н., т. LXXIII, 1—67).

19. Н. Барсуковъ, Погодинъ, VIII, 212—213. „Обращеніе къ Naturѣ и Божеству“ съ восторженными похвалами Руссо (Сочин. II, 304—305, 366—367, 631; III, 737; Погодинъ, Карамзинъ, I, 106, 204, 220, 313, 316; Письма къ Дмитріеву, 117). „Источникъ набожности есть союзъ сердца съ самимъ Богомъ“. (Рус. Стар., т. XI, 240). Въ 1818 г. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Я говѣю, т.-е. хожу въ церковь всякой день. Между тѣмъ обѣдаю нынѣшній день у гр. Н. П. Румянцева“ (236; ср. 407). О деизмѣ и натурализмѣ (идеалистическомъ) Руссо см. у Н. Розанова, I, 11, 35, 60, 301, 480—481, 484. „Терминъ nature онъ употребляетъ въ иныхъ случаяхъ тамъ, гдѣ по смыслу слѣдуетъ подразумѣвать Dieu, Créateur, Être divin“ и т. п. (59).

20. Всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ онъ предпочиталъ Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser Морица (Соч., II, 84). „Ничего нельзя доказать противъ чувства; нельзя увѣрить голоднаго въ пользѣ голода. Дайте намъ чувство, а не теорію“ (Неизд. соч., 195).

21. Цикль писателей передъ которыми преклонялся Карамзинъ, тотъ же, что у Руссо: Ричардсонъ (до эпистолярной стороны включительно), Шефтсбери, Юнгъ, Томсонъ, Пошъ, Шекспиръ, Геснеръ, Монтанъ, наконецъ неизмѣнный Плутархъ (Н. Розановъ, 25, 26, 41, 45, 109, 131, 178, 180, 418—420, 491). Любопытно замѣчаніе о Вертерѣ (II, 304); ср. Геттнеръ (Ист. франц. литер., 354).

22. Сочин. II, 304, 366, 631. „Отчего Ж. Ж. Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отчего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчійхъ? Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе... Однимъ словомъ я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ“. (Соч. III, 372)... „Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ сло-

гомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма красворѣчія“ (ib. 529). Ср. II, 84, 304—309, 325, 341, 366—368, 458, 512, 555, 606, 624—632, 634. Восторгъ А. И. Тургенева отъ чтенія Н. Элоизы (Дневн., II, 250).

Графъ Л. Н. Толстой писалъ въ 1903 г. Октаву Мирбо: „Я думаю, что каждый народъ по своему выражаетъ въ искусствѣ общечеловѣческіе идеалы; вотъ почему мы испытываемъ особое наслажденіе, встрѣчая собственные идеалы, выраженные новымъ неожиданнымъ для насъ способомъ. Такое впечатлѣніе новизны произвела на меня французская литература, когда въ былое время я впервые прочелъ Альфреда де Виньи, Стэндаля, Виктора Гюго и особенно Руссо.—Письма Л. Н. Толстого, II, 1911, стр. 217; ср. 208). Въ 1905 г. онъ пишетъ: „Руссо былъ моимъ учителемъ, начиная съ 15-лѣтняго возраста. Руссо и Евангеліе два великихъ и благотворныхъ вліянія въ моей жизни. Руссо не старѣется... и т. д.“ (В. Евр. 1912, № 6, с. 59).

23. Сочин. II, 270, 271, 279, 301—303. Любимое время года для Карамзина—весна. (Соч. I, 55), какъ и для Руссо (Эмиль).

24. Сочин. III, 700—701. О преимуществѣ чувства передъ разумомъ въ Эмиль и Н. Элоизѣ. Ср. Розановъ, 28; также у послѣдователей Руссо (413, 486, 488). Но и Руссо дѣлаетъ оговорку въ пользу наукъ въ своемъ отвѣтѣ польскому королю Станиславу II.

25. О Монтэнѣ (Розановъ, 8, 203, 420, 491). Альбомъ Карамзина (Лѣт. рус. литер., издан. Тихонравовымъ, I, 169—192). Матеріалы для характ. Карамзина, какъ практич. философа, Н. Лыжина (ib. II, 1—12). Карамзинъ какъ оптимистъ, А. Д. Галахова (Отеч. Зап., 1858, т. CXVI, стр. 107—146). Взглядъ Руссо на христіанство (Розановъ, 36—37): „Его деизмъ принялъ новую искреннюю и сантиментальную окраску. Подъ вліяніемъ Руссо возродилось погасшее религиозное чувство“. Высшій судія человѣческихъ дѣяній — совѣсть — этотъ „врожденный принципъ справедливости и добродѣтели... Совѣсть, совѣсть, восклицаетъ Руссо, божественный инстинктъ, безсмертный и небесный голосъ“ и т. д. (Profession de foi du vicaire savoyard—въ Эмиль. Oeuvres compl., II, 260—262). „Дѣлайте, что и какъ можете, только любите добро, а что есть добро — спрашивайте у совѣсти“, писалъ Карамзинъ А. И. Тургеневу въ 1815 г. (Соч. III, 737; Рус. Стар. 1899, № 2, с. 471). „Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но ему свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевывать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію“, писалъ Карамзинъ въ концѣ жизни (1825, Мысли объ истинной свободѣ, Неиздан. сочин., 195).

26. Такой же взглядъ на значеніе религіи высказываетъ и Мабли (Б. Чичеринъ, Исторія политич. учей, III, 184—185).

27. Сочин. II, 749. „Британія есть мать поэтовъ величайшихъ.“ (Поэзія).

28. Погодинъ, Карамзинъ, II, 278, 318.

29. Неиздан. сочин., I, 203.

30. Юмъ отзывается о Кромвелѣ пренебрежительно (см. его Историю Англіи).

31. Москов. Журн., VII, 196. Во 2-мъ изд. Писемъ мѣсто это опущено (Сиповскій, 191). „Какъ Спарта безъ Ливурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться“. (II, 516). Въ Парижѣ ему полюбилась мелодрама Петръ Великій, въ которой „есть трогательныя сцены по крайней мѣрѣ для русскаго“ (II, 480—486).

32. Въ 1812 г. появился переводъ этого сочиненія на рус. языкъ. (О изученіи исторіи, Спб., 222+246+132). Мабли, какъ и Вольтеръ, въ противоположность Руссо, высоко ставятъ Петра Великаго.

33. Записки Смирновой, стр. 300. Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву: „Радуюсь твоимъ занятіямъ... Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! *Высокій примѣръ! Карамзина долженъ былъ ихъ образумить*“. (Соч. Пушкина, VII, 766). „Блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, подобно радугѣ послѣ потопа“ и т. д. (А. Бестужевъ, Письма къ Дмитріеву, 0154).

34. Сочин. II, 140—141.

35. Ист. Госуд. Рос., V, 227; VI, 165. У Пушкина царь Борисъ говоритъ сыну: „Не измѣняй теченія дѣлъ. Привычка душа державъ“. Въ соч. о польскомъ правительствѣ Руссо говоритъ, что національные нравы и обычаи имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ предписывающіе и воспрещающіе законы. Руссо (какъ и вслѣдъ за нимъ Карамзинъ) подъ республиками разумѣютъ небольшія общины, въ родѣ городовъ греческихъ республикъ въ 24000 жителей, гдѣ почти всѣ знаютъ въ лицо другъ друга“. (Письмо къ Даламберу: „Sur les spectacles“).

36. Юмъ, An inq. conc. hum. underst s. ect. IV, V, VII, VIII. Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу Карамзинъ (1815) говоритъ: „Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства, написалъ: „Douce paix de l'âme résignée aux ordres de la Providence“. Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія“. (Рус. Стар. 1899, № 2, с. 471; соч. III, 737).

37. Письма къ Дмитріеву, 165.

38. Погодинъ, I, 255.

39. Письма къ Дмитріеву, 364.

40. Куно-Фишеръ, Ист. философ. III, 192—193, 223—225.

41. Сочин., II, 29—32.

42. Сочин., II, 706, 737—738, 770, 778—779, 462—463. Ср. у Юма, *Essays*, I, *ess.* XVI: *Idea of a perfect commonwealth* (о республикѣ Платона и Т. Мора). Сообщая впечатлѣнія о Лондонѣ, Карамзинъ дѣлаетъ сочувственный отзывъ о просвѣщенномъ русскомъ посланникѣ гр. С. Р. Воронцовѣ (683—684).

43. Сочин. II, 514—515.

44. Сочин. I, 424.

45. О „письмахъ“ Карамзина см. рѣчь Буслаева (М. 1866), весьма сочувственныя статьи Д. Н. Анучина (Р. Мысль, 1891, №№ 7 и 8) и книгу В. В. Сиповскаго, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“. Спб. 1899; а также: I. Legras, *De Karamzinio Laurentii Sternii et „I. I. Rousseau“ nostri discipulo*, Paris, 1897.

46. Сочин. III, 585—586. „Чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ революціи“, заключаетъ Карамзинъ (Сочин. II, 633), какъ думаетъ и Екатерина о Вольтерѣ.

47. Сочин., II, 149, 165, 184, 193, 203—204, 221, 252, 302, 337, 540, 744; ср. I, 543—544.

Ср. Юмъ, *Essay VII*; также утверждаетъ Руссо и его современникъ Бриссо. „Можетъ ли народъ, не имѣющій правительства, спрашиваетъ Бриссо, быть счастливымъ? Да, отвѣчаетъ онъ, если нравы его чисты“ (Ист. Обзор., V, 67).

48. Сочин. I, 289—296, 527. Въ одной изъ статей, вспоминая смутное время, Карамзинъ говоритъ: „Взаимная ненависть двухъ народовъ (русскихъ и поляковъ) рано или поздно кончится погибелью одного изъ нихъ“ (500).

49. Сперанскій писалъ: „Законъ положительный не что иное, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка“.—Проектъ уложенія госуд. законовъ (Ист. Обзор., X, 25).

50. В. Евр. 1886, II. Два юбилея въ Берлинѣ, 858—860.

51. *Lebensnachrichten*, III, 274.

52. Неизд. соч., 28.

53. Письма къ Дмитріеву, стр. 236—237.

54. Сочин. I, 280, 365, 536.

55. Сочин. I, 483.

56. Сочин. II, 300; III, 341—342, 614—615; Письма къ Дмитріеву, 238.

57. Письма къ Дмитріеву, 323, 386.

58. *Ibidem*, 212, 258, 293, 324.

59. *Ibidem*, 388—389: „Да и кто можетъ быть министромъ народ. просвѣщенія? Развѣ Аполлонъ, говоритъ Карамзинъ. Читалъ ли ты рѣчи министра? (Шашкова). Возставать противъ грамоты есть умно-

жать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ“.

60. Сборн. Ак. Наукъ, I, 42. Сѣтованіе на свое удаленіе въ письмѣ къ брату (Атеней 1858, № 28).

61. Сочин. III, 593—595.

62. Ibidem, II, 744—775; III, 351, 400—401. Карамзину принадлежитъ „Записка о Н. И. Новиковѣ“, написанная для привлеченія вниманія импер. Александра къ бѣдственному положенію семейства Новикова, въ которой онъ защищаетъ мартинистовъ, „какъ христіанскихъ мистиковъ, требовавшихъ отъ учениковъ своихъ истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей“ и „на свое иждивеніе“ воспитывавшихъ бѣдныхъ молодыхъ людей въ школахъ и университетахъ, и вообще употреблявшихъ „не малыя суммы на благотворенія“, почему „Новиковъ, какъ гражданинъ, полезный своей дѣятельностью, заслуживалъ общественную признательность; какъ теософическій мечтатель по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвой подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго“. (Неизд. соч., I, 223—226).—Настоянія Карамзина на необходимости народнаго просвѣщенія вполнѣ оправдались однимъ позднѣйшимъ авторитетнымъ признаніемъ (Барсуковъ, Погодинъ, XVII, 194—97).

63. Письма къ Дмитріеву, 153, 202, 056, 066, 088, 0,89; Неизд. соч., 148, 150; А. Васильчиковъ, Сем. Разумовскихъ, II, 288—413. Его „Марса Посадница“ казалась опасной даже менѣе благонамѣреннымъ людямъ (Гротъ, 49—50). Руничъ (Записки, Рус. Стар.) видѣлъ опасность даже въ языкѣ Карамзина.

64. Письма къ Дмитріеву, 236, 278, 396, 405; Сочин. III, 591.

65. См. нашу моногр. „Гр. Н. С. Мордвиновъ“ (глава IV-я) и В. И. Семевскій, Крестьян. вопросъ въ Россіи, т. I, (гл. XXI); Руссо, *Considérations sur le gouvernement de Pologne*, chap. III, IV, VI.

66. См. переписку съ в. княг. Екатериной Павловной и женой (Неизд. соч.) и письма къ Дмитріеву. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу: „Карамзинъ былъ въ Твери. Здѣсь его встрѣтили съ кадильницами“ (Отч. И. Публ. библ. 1895, прилож., с. 11).

67. Гр. А. И. Рибопьеръ замѣчаетъ, что Сперанскій, проѣзжая много лѣтъ спустя на воды, въ Берлинѣ сообщалъ ему, что партія, во главѣ которой стояла в. кн. Екатерина Павловна, удалось повредить ему во мнѣніи государя“. (Рус. Арх. 1877, II, стр. 6; ср. И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 194—195). Въ своей исторіи, Карамзинъ, сообщая о способѣ составленія Царскаго Судебника, какъ бы косвенно порицаетъ законодательныя работы Сперанскаго (Бестужевъ-Рюминъ, Ка-

рамзинъ, Рус. Биограф. Слов., 513; ср. О значеніи Карамзина въ ист. рус. законодат., Н. В. Калачова, Бесѣды люб. рос. слов. I, 1—23); но въ 1802 г. онъ писалъ: „какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ Александровъ, когда исполнится монаршая воля его; когда будемъ имѣть полное методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ“, и, указавъ вкратцѣ на ходъ русскаго законодательства, прибавляетъ: „Тогда законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ россиянъ и войдетъ въ систему общаго воспитанія“. (Приятные виды, надежды и желанія нын. времени, Соч. III, 591—593). Въ 1816 г. онъ повторилъ порицаніе дѣятельности законодательной комиссіи бар. Розенкампу (Неизд. соч., 156), а когда импер. Николай поручилъ Сперанскому составить Сводъ закоповъ, на основаніи рус. узаконеній, то Карамзинъ на смертномъ одрѣ привѣтствовалъ это предиріятіе (Погодинъ, II, 474—576).

68. Въ „Эмилъ“ Руссо, не отрицая культуры, выражаетъ опасенія относительно слишкомъ быстрого ея хода. Онъ полагаетъ, что слѣдуетъ идти постепенно, безъ искусственнаго ускоренія, которое можетъ привести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Карамзинъ, стоя на той же точкѣ зрѣнія, употреблялъ даже терминъ „эволюція“ въ позднѣйшемъ смыслѣ. „Я врагъ революцій, говоритъ онъ, но мирныя эволюціи необходимы: онѣ всего удобнѣе въ правленіе монархическое“. (Р. Стар. 1874, т. XI, стр. 259).

69. Руссо умалялъ значеніе Петра В., видя въ его реформахъ только подражателя чуждымъ учрежденіямъ. Онъ говоритъ: „*Pierre avait le génie imitatif... Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglais, quand il fallait commencer par faire des Russes*“ (Contract social liv. II, chap. VIII).

70. Въ „Похв. словѣ“ (1801) Карамзинъ писалъ: „Монархія взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе и когда уже слабый духъ ветхія республики не могъ управлять ея пространствомъ“. (Соч. I, 289). Взглядъ Екатерины и оцѣнка его см. въ нашей статьѣ „Екатерина II, какъ историкъ“ (Р. Арх. 1911, № 7).

71. Письма къ Дмитріеву, 170.

72. Письма Карамзина къ женѣ (Неизд. соч.). Въ ряду официальныхъ лицъ особенными и продолжительными симпатіями его пользовался гр. Каподистрія, бесѣды съ которымъ имѣли поучительное значеніе для Карамзина (тамъ же и письма къ Дмитріеву): „вотъ умнѣйшій человекъ нынѣшняго Двора; кажется искреннимъ, однакожь не безъ тонкости“ (письма къ Дмитріеву, 195). „Я люблю его“ (241). Свиданія ихъ хотя рѣдко, но длились по нѣскольку часовъ и на этомъ основывались, вѣроятно, особенныя симпатіи Карамзина къ греческимъ дѣламъ. (199, 205, 215, 223, 251, 269, 275, 304, 311, 313, 390 и примѣч. къ нимъ). Суровые отзывы о „вельможахъ“ (214—215).

73. Полное изд. „Записки о древней и новой Россіи“, изд. загранич. (Берлинъ, 1871) и въ 3-мъ изд. Пыпина „Обществ. движеніе“; съ нѣкоторыми пропусками (Р. Арх. 1870). Записка о Польшѣ въ Неиздан. сочин. (1—8). Вопросъ о Галиціи поднимался въ царств. Екатерины II (Храповицкій), при Александрѣ I (Шильдеръ), Николаѣ I (Р. Арх. 1910, № 5) и Александрѣ II (ib. 1911, № 7, с. 452).

74. Письма къ Дмитріеву, 346; письма къ Малиновскому, 43. Въ 1817 г., по поводу слуховъ о присоединеніи западныхъ губ. къ Польшѣ, М. Ѳ. Орловъ составилъ записку, въ родѣ протеста, подписанную многими высокопоставленными лицами и вызвавшую для него непріятныя послѣдствія (Богдановичъ, VI, 426); о немъ (Остафьев. Архивъ, I, 456—459). Намекъ имп. Александра I на мнѣнія Карамзина (Рус. Арх., 1911, № 7, с. 429).

75. Неизд. соч., I, 9—12; Старина и Новизна, II, 13—24. „Мы не измѣнили тайнѣ“,—о престолонаслѣдіи (Письма къ Дмитріеву, 413).

76. Сочин., III, 737; Р. Стар. 1899, № 4, с. 229.

77. Въ 1792 г. („Аглая“) Карамзинъ мечталъ приняться „за особенный трудъ“, быть можетъ исторію, замѣчаетъ Погодинъ (Карамз. I, 215). Въ „Наталиі боярской дочери“ (1792) Карамзинъ говоритъ уже съ любовью о тѣхъ временахъ, когда русскіе были русскими, когда они наряжались въ свои собственные платья, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т.-е. говорили какъ думали“ и т. д., причемъ прибавляетъ: „старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ“ (Соч. III, 82).

78. Неизд. соч. I, 205—208; Письма къ Дмитріеву, 111, 116.

79. Мысли для Похв. Слова Петру I любопытны по сопоставленіямъ требованій автора и характера Петра В. (Неизд. соч. 201—202). Тогда же Карамзинъ прочелъ переписку Лейбница съ Петромъ В. (I, 365). Въ стихотв. на коронаваніе имп. Александра I онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что авторъ занимается россійской исторіей, и въ одѣ говоритъ:

„Отвѣту Кліи я внимаю,

.

Я въ храмъ исторіи иду

И тамъ дѣла твои найду“. (1801).

80. Сочин. III, 166—238. Несмотря на республиканскія чувства, выраженныя въ рѣчи Холмскаго (т.-е. автора), находимъ тутъ же извѣстныя слова о порядкѣ, какъ факторѣ самодержавной власти: „Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрыя любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной“ (III, 169). Ср. замѣтку Д. Л. Мордовцева: „Вѣчевой колоколь.“ (Ист. Вѣстн. 1886, т. XXIII, 1—14).

81. Сочин. I, 501. Пантеонъ русскихъ авторовъ, предпринятый для изданія П. Бекетова.

82. Остафьево, имѣніе князей Вяземскихъ, близъ Москвы (Подольскаго уѣзда). На дочери кн. А. И. Вяземскаго Карамзинъ былъ женатъ (во второмъ бракѣ). Описаніе с. Остафьева и занятій Карамзина см. у Погодина (В. Евр. 1866, II, 178—180); Остафьево, гр. С. Д. Шереметева (Рус. Вѣстн. 1890, № 2); Ostafievo, Souvenir d'une mission par le Wagon de Baye, Paris, 1911 г. Подробная монографія „Карамзинъ въ Остафьевѣ“ (1811—1911, М. 1911) гр. П. С. Шереметева (103 стр.).

83. Переписка съ братомъ и др. лицами (Сочин. III; Зап. Ак. Н., т. LXXV, 91—95; Атенеи, 1858, ч.ч. III и IV, №№ 19—28; Библиогр. Записки т. I, 1858, № 17, с. 579—592); письма къ А. И. Тургеневу (Р. Стар. 1899, № 1—4, съ примѣч. В. И. Саитова). Письма къ А. О. Малиновскому, М. 1860. Уже въ 1816 г. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Работаю усердно и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича. Вотъ прямо историческій предметъ. *Досель я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей*“. (154).

84. Въ 2 мѣсяца вся „исторія“ разошлась (Соч. III, 729). Первое изданіе „исторіи“ печаталось въ Военной Медицинской и Сенатской типографіяхъ, лучшихъ того времени (письма къ Дмитріеву, Тургеневу и Селивановскому); однако былъ недостатокъ въ мелкихъ шрифтахъ для примѣчаній, такъ что пришлось набирать ихъ корпусомъ („бѣда не велика, немногіе будутъ читать ихъ“); нѣкоторые листы оказались испорченными и пришлось перепечатывать, а нѣкоторые экземпляры совсѣмъ безъ листовъ. „Москва отстала въ приобрѣтеніи его исторіи“ (Письма къ Дмитріеву, 200, 216, 217, 227, 233, 255).

85. „О народъ русской, котораго исторію писалъ я съ такимъ чувствомъ. Лучше писать, нежели печатать ее (исторію) въ русской типографіи“ (364), жаловался Карамзинъ. „Здѣсь (въ Петербургѣ) многіе почти ежедневно у Карамзина и не взяли его „Исторіи“, писалъ А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому, въ мартѣ 1824 г. Другіе просятъ прочесть... Но гдѣ же любовь къ полезному и славному“. (Остафьев. Арх. III, 26). По 1892 г. было 7 изданій „Исторіи“. Лучшимъ считается 5-ое (Эйнерлинга). При 2-мъ и 5-мъ „Ключъ“ (или алфавитн. указатель) къ „Исторіи“, составлен. (при 5-мъ исправленный и дополненный) П. М. Строевымъ. Библиографія сочиненій Карамзина—С. И. Пономарева (Сборн. Ак. Н., т. XXXVI) и „Источ. Славоря“, С. А. Венгерова, т. II.

86. „Я былъ во дворцѣ съ дочерьми, выходилъ и на Исаакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова и камней пять-шесть упало къ моимъ ногамъ“. (Письма къ Дмитріеву, 411); также къ А. И. Тургеневу (Р. Стар. 1899, № 4, с. 233).

87. Сочин. I, 577.

88. С. Н. Глинка въ Дамск. Журн. 1829 (XIII, 2—3); Рус. Арх. 1901, № 4, с. 700. Впечатлѣніе Болотова (Записки, IV, 277, 845).

89. Соч. Пушкина, изд. Акад. Наукъ. Переписка, I, 67; ср. 83; изд. Литер. фонда (V, 221): „Къ счастью Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его въ живымъ источникамъ народнаго слова“. Лучшая проза—Карамзина (V, 16, 76; ср. 304). М. Евгеній отличаетъ „риторство“ Шишкова и „ораторскую рѣчь“ Карамзина („образцы почти классическіе“). Переписка съ Державинымъ, 129; Сочин. Тихонравова, III, ч. I, 281.

90. Записки Рунича (Р. Стар. 1901, № 1, с. 47 — 52), — чѣмъ и злоупотребляли его противники въ нападкахъ на его произведенія (Лавровскій, рѣчь, 42—43). Подробн. см. Я. К. Гротъ, Карамзинъ въ исторіи рус. литер. языка (Ж. М. Н. Пр., т. СXXXIV, 20, 76 и въ собр. соч.).

Высшей степени простоты и естественности проза Карамзина достигла въ Вѣстн. Европы. Въ „Исторіи“ замѣтна нѣкоторая искусственность, объясняемая тѣмъ, что о предметахъ важныхъ приходится говорить иначе, чѣмъ объ обыкновенныхъ, причѣмъ онъ здѣсь кстати пользуется лѣтописными словами (Гротъ, 20; Б. Рюминъ, Рус. Біограф. Словарь, 513). Поздн. изд. повѣстей 1911 г.—10-е, А. Суворина. Повѣсти, какъ и письма Карамзина переводились въ свое время на разные языки.

91. Подр. см. М. П. Погодинъ, Судьбы русской археологіи (Труды I-го Арх. съѣзда, I, 1 — 61; нашъ Опытъ рус. историографіи, т. I, стр. 132—243); труды о Румянцовѣ (Кочубинскаго), о м. Евгеніи (Е. Ф. Шмурло и Полетаева), о Калайдовичѣ (Безсонова), о М. Н. Муравьевѣ (Старчевскій въ Библ. для чтенія), о Кругѣ (Куника), о Френѣ (Савельева), о Строевѣ (Н. Барсукова) и др.

92. Историческія справки Д. З. (Зубарева). Критич. замѣч. на V-й т. Ист. Госуд. Рос. Карамзина (В. Евр., 1825, ч. 144, № 11-й с. 187—217); замѣч. на эту статью (М. Телегр. № 15, с. 234—243); отвѣтъ (В. Евр., ч. 144, № 21, с. 17—29; М. Телегр, 1827, № 10, с. 85—91); ср. Барсуковъ, Погодинъ, II, 146); С. М. Соловьевъ (Карамзинъ и его литер. дѣятельность)—рядъ статей въ Отеч. Зап. 1853—56 гг. (см. 1854 г., № 5, с. 39—41; 1855, № 4, с. 102, 111, 136—137; № 25, с. 39—41; 1856, № 4, с. 409); П. Н. Милуковъ (Главн. теченія рус. историч. мысли, 123—132).

93. Соловьевъ, 102, 411.

94. Исторія, V, 1, 4; Сочин. II, 432—433; ср. Юмъ. Essay VII. О гениі, какъ терпѣнн въ превосходной степени, по Бюффону (Сочин. III, 529; Неизд. соч., 201 и Исторія, предисл.); „Исторія не метафизика; ей надлежитъ изображать дѣйствія и характеры“, со ссылкой на

Юг. Мюллера (Письмо къ А. И. Тургеневу, 21 апр. 1811 г., Р. Стар. 1899, № 1, с. 235) и предисл., с. XII. О предисл. см. Неизд. соч., 205 и замѣч. Пушкина (Соч. VII, 98).

95. Исторія, V, с. 185—186.

96. Р. Стар. 1911 г., № 1, с. 131—132, 138; Неизд. соч., 104—105.

97. Онъ самъ признаеть эту свою заслугу (письмо къ М. Н. Муравьеву). Соч. III, 685—687.

98. И. М. Собѣстіанскій, Ученіе о націон. особен. характера и юридическаго быта древн. славянъ, X, 1892, с. 32—39.

99. Библ. для чтенія, ч. XX, 108—110; Р. Арх. 1889, № 6, 165—166 (письма м. Евгенія); Бестужевъ-Рюминъ, Характ., 202; любопытное признаніе Кар—на (С. Отеч. 1818, № 8).

100. Исторія, II, 18, прим. 39.—По случаю смерти Шлецера (1809) Карамзинъ писалъ еще Тургеневу: „Искренно пожалѣлъ я о Шлецерѣ, не только въ отношеніи къ наукамъ, но и собственно ко мнѣ или къ труду моему: онъ такъ усердно занимался русской исторіей. Если получите продолженіе его „Нестора“, то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее произведеніе знаменитаго критика“ (Рус. Стар. 1899, № 1, с. 229). Но уже въ апрѣлѣ 1810 г. тому же Тургеневу онъ писалъ: „Здѣшняго Шлецера (сына) давно не вижу. Сомнѣваюсь, чтобы онъ рѣшился продолжать „Нестора“. Для кого? Для семи или восьми любопытныхъ? Да и пользы немного. Изъясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора, а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новы для ученыхъ. Сынъ, конечно, не лучше отца знаетъ нашъ старинный языкъ“ (ib., 231).

101. Исторія, V, 223—225. Представленіе К-на о быстромъ ростѣ Русскаго государства („шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ“, II, 39) напоминаетъ тираду кн. Щербатова „о выходѣ Россіи вдругъ изъ самой грубости“ (I, предисл.). Исторія—„зерцало“, какъ у Миллера (Пекарскій, Ист. Ак. Н., I, 339).

102. Соловьевъ (рѣчь) назвалъ исторію Карамзина „великолѣпной поэмой собирателямъ русской земли, московскимъ князьямъ“.

103. Исторія, VI, 224.

104. Ibid., V, 131; ср. IX, прим. 815.

105. Ibid., X, 73.

106. Исторія, VI, 5—6, 215—216; VII, 135; IX, 262.

107. Ibid., VII, 105; ср. с. 30.

108. Ibid., VI, 210—214; ср. 174; IX, 3—4, 262.

109. Предисл., къ ист., с. X.

110. Барсуковъ, Погодинъ, VIII, 206.

111. Исторія, VI, 31, 85—86, 210—211; IX, 85. Замѣчанія о

Псковъ, VII, 28. „Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосерднымъ, и долженъ осуждать то, что ему, какъ чело-вѣку, любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не ангелы“ (Соч., I, 416).

112. Ibidem, VI, 123; VIII, 133.

113. Ibid., VIII, 3; XI, 109; XII, 1.

114. Рус. Стар. 1899, № 2, с. 265. „Славный характеръ для исторической живописи“ (ib. 1898, № 10, с. 33, письмо къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ).

115. Неизд. соч., 119, 122—123, и въ „Исторіи“: „сей удивительный феноменъ“, (IX, 3).

116. Письма къ Дмитріеву, 210, 257, 271; Письма къ Малиновскому, 36.

117. Письма къ Дмитріеву, 279—280.

118. Остаф. Архивъ, I, 167, 552; II, 7—8.

119. Исторія, IX, 68, 259—262, 278—280. Объ умѣ Ивана IV Карамзинъ не разъ упоминаетъ (IX, 13, 63, 104, 114, 122, 167, 260). Ранній взглядъ на него сравн. съ Людовикомъ XI (Соч., II, 512).

120. Исторія, IX, 48, 61, 89, 94, 95, 98 и др. „Однимъ словомъ или всѣ злодѣйства Калигулы, Нерона, Коммода суть басни, или Иоанновы жестокости не подвержены сомнѣнію: доказательства первыхъ не достовѣрнѣ вторыхъ“ (IX, 3). Вопросъ о характерѣ Ивана IV вызвалъ обширную литературу (Арцыбашевъ, Полевой, Строевъ, Погодинъ, Соловьевъ, Кавелинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Бѣловъ и др.).

121. Ibid., IX, 259—262, 278—280, примѣч. 761. „Двадцать четыре года сносила Россія губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы въ лучшія времена имѣть Петра В., Екатерину II („исторія не любитъ именовать живыхъ“ С. Ист. IX, 258).

122. Ibid., 34—39.

123. Н. Барсуковъ, Строевъ, 239—240.

124. Н. Барсуковъ, Погодинъ, IV, 153; Рус. Арх. 1866, с. 1765—66. Опасенія относительно духовной цензуры (Письма къ Дмитріеву, 206).

125. Сочин. II, 488—489, 512; Письма къ Малиновскому, 56, 58.

126. Р. Арх., 1910, № 12, с. 686. Въ 1819 г. имп. Александръ хвалился кн. Вяземскому, что онъ прочелъ „Исторію“ Карамзина „съ начала до конца“ (первые 8 томовъ, Рус. Арх. 1911, № 7, с. 431). Такимъ образомъ онъ прочелъ всю исторію. Поправки имп. Александра извѣстны: онъ касается смягченія выраженій о полякахъ и о духовенствѣ (Неизд. соч. 26, 27, 29, 30, 34, 69). Письма къ Дмитріеву (345, 347, 358, 365).

127. Письма къ Малиновскому, 68.

128. Письма къ Дмитріеву, 345, 0155. Разсказъ Сербиновича (Р. Стар., XI, 63); разсказъ И. Р. Мартоса (К. Стар. 1896, № 6. 359—360); замѣч. П. А. Катенина (Р. Стар. 1911, № 6, стр. 596).

129. Рос. Исторія, кн. Щербатова (XI, 254; XIII, 204).

130. Ист. Госуд. Рос., XII, 3, 155).

131. Ист., XII, 180. Поступокъ ц. Марѣы въ признаніи Самозванца сыномъ даетъ поводъ Карамзину обратиться къ сравненію съ геройствомъ лигурійской жены (Тацитъ, Histor. IV, 13) и не въ пользу первой: „Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца“ (XI, 180), говоритъ онъ.

132. Исторія, XII, 74—82.

133. Ibid., VIII, 139.

134. Чичеринъ, Ист. политич. ученій, III, 127, 336.

135. Исторія, IX, 3.

136. Ibid., IV, 147.

137. Ibid., XI, 177.

138. Ibid., III, 2, 61; IV, 56—57. Признавая у Безбородка (на основаніи его писемъ) „высокій государственный умъ“, онъ не могъ примириться съ нимъ по „отсутствію чистой нравственности“. (Письма къ Дмитріеву, 397).

139. Сочин. I, 415—416: апотеозъ чувствительности правителя.

140. Исторія, VIII, 59—60; IX, 259.

141. Ibidem, 65—66.

142. Исторія, IX, 259.

143. Р. Стар. 1874, XI, 56; Письма къ Дмитріеву, 291—292, 297.

144. Исторія, I, 154; III, 135—136; V, 216—217, 235—242; VIII, 70; IX, 271—273.

145. Ibid., IX, 118—120.

146. Р. Стар. 1898, № 10, с. 37.

147. Въ распоряженіи Карамзина находились дѣла цар. Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны—Волынскаго (двѣ кипы и сундукъ), Бирона, Лестока. „Знаешь ли, что читаю, писалъ Карамзинъ Дмитріеву? Ужасы тайной канцеляріи (между нами!)... Гнусно и любопытно... Передо мной большой сундукъ... Ужасы!... Недавно читалъ я также допросы Лестоку и Бирону, жалѣя, что не буду писать исторіи сего времени. Прелесты!..“ (Письма къ Дмитріеву 1820—23 гг., 285, 362—363; 0131—0132). Дѣла эти онъ возвратилъ въ Архивъ кабинета въ 1824 г. (Р. Стар. 1874, XI, 71). О намѣреніи писать исторію своего времени (Неизд. соч., 104—105, 109, 118—119; Письма къ Дмитріеву, 181; письма къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ, Р. Стар., 1898, № 10. с. 33).

Онъ читалъ записки Брюса (о Петрѣ В.), дюка Лирійскаго (рукоп.), Храповицкаго, Екатерины II (отъ Тургенева), Понятовскаго, Дмитріева (который пересылалъ ему по мѣрѣ составленія ихъ; Письма къ Дмитріеву, 275, 277, 285, 328, 329), Миниха-отца и Порошина (Неизд. соч. 87, 89, 97, 101, 103); мемуары о Наполеонѣ (213 и др.). По поводу борьбы съ Наполеономъ (1813) онъ замѣчаетъ, что „Россійская исторія можетъ сдѣлаться еще любопытнѣе“. (Письма къ Дмитріеву, 170).

148. „Я не придворный. Исторіографу естественнѣе умереть на градѣ капустной, имъ обработанной, нежели на порогѣ дворца, *идъ я не глуте, но и не умнѣе друиыхъ...* Мнѣ бывало очень тяжело: теперь легче отъ привычки“ (Письма къ Дмитріеву 1816, с. 194). „Скоро забуду, какъ пишутъ исторію“ (199, 205, 218). „Всего лучше для меня сидѣть дома и читать, пока служатъ глаза. Думаю еще больше посвятить себя уединенію, если дастъ Богъ совершить мнѣ историческій трудъ свой, т.е. дописать 12-й томъ и напечатать“ (1825, с. 389). „Пусть никто не будетъ читать моей исторіи: она есть и довольно для меня“... „Работа сдѣлалась для меня опять сладкой“... „Знаю, что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству“ (1825, *ib.* 408). „Я старъ для двора, а въ Петербургѣ связи наши часть отъ часу слабѣютъ. Никуда не ѣзжу“ (1826, *ib.*, с. 414). Любопытно сопоставить отношенія къ Карамзину импер. Маріи Ѳеодоровны (Р. Стар. 1898, № 10; Неизд. сочин., письма къ женѣ и Дмитріеву) и Елисаветы Алексѣевны, къ которой Карамзинъ питалъ особенную расположенность, но повидимому склонной „къ противочувствіямъ“ (Р. Арх. 1910, № 3, стр. 446—449).

149. Французскимъ переводомъ (Сенъ-Тома и Жоффри), сначала веденнымъ при его участіи (11 т.), и нѣмецкимъ—Карамзинъ остался недоволенъ и тѣмъ болѣе итальянскимъ. (Письма къ Дмитріеву, 253, 279, 291, 300—302, 322, 324, 325; 0115, 0117, 0138). Послѣдній неполный, какъ и греческій. Въ другихъ сокр. примѣчанія.

150. Отзвы иностранной критики онъ сообщалъ Дмитріеву и особенно цѣнили мнѣніе „славнаго нѣмецкаго историка“ Герена (279, 299; 0151, 0153)—въ *Götting. Gelehr. Anz.* 1822 (переводъ ея въ Сѣв. Арх. 1822). О статьѣ Лелевеля (въ Сѣв. Арх.) онъ отзывался рѣзко (Письма къ Дмитріеву, 342—343, 368; 0153, 0162). Ср. Рус. Стар. 1878, т. XXII, 633—656; XXIII, 75—98: „Лелевель какъ критикъ Ист. гос. рос. Карамзина“, переписка съ Ѳ. Булгаринымъ, 1820—1830 гг.). О критикѣ Каченовскаго вообще Карамзинъ говоритъ: „Критика *ею* весьма поучительна и добросовѣстна. Не имѣю духа бранить тебя за твое негодованіе; но самъ не хочу сердиться“—и содѣйствовалъ избранію его въ члены Рос. академіи (Письма къ Дмитріеву, 261; ср. 238, 245, 258,

087, 0101—0102, 0108). О разныхъ толкахъ и нападкахъ по поводу „Исторіи“ (Барсуковъ, Погодинъ, т. II-й). Отзывъ Ермолова (въ зап. Пушкина) и Сперанскаго (Р. Арх. 1871, № 3, с. 434; 1869, с. 920; послѣдняго—разнорѣчивы). Сперанскій только гр. Уварова и Карамзина считалъ русскими учеными, за исключеніемъ нѣмцевъ (Р. Арх. 1869, 919). Кругъ нашелъ Карамзина ученѣе, чѣмъ воображалъ раньше (Неизд. соч. 166). Критически относился къ „Исторіи“ и гр. Н. П. Румянцовъ (Переписка м. Евгенія, 89; Кочубинскій, 148; о чтеніи имъ исторіи Карамзина см. въ „Матеріалахъ для ист. Рум. м.“ Кестнера, 12—13). М. Евгеній иногда сурово отзывался объ исторіи Карамзина (письма къ Анастасевичу въ Р. Архивѣ), а иногда не менѣе сурово относился къ его критикамъ. (Арцыбашеву, Сборн. Ак. Н., т. V).

151. Остафьев. Арх., II, 289. Записка сына покровителя Карамзина, Н. М. Муравьева (Погодинъ, Карамзинъ, II, 198—203); отзывъ другого Муравьева (Н. Н.)—въ собр. его сочин., т. X-й; ср. Р. Стар. 1899, № 1, с. 220). О мнѣніи Ал. Бестужева-Марлинскаго (Рус. Вѣст. 1861, февр. и апр.; 1870, № 6). Если противники Карамзина переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина (зап. Пушкина), то и Жуковскій назвалъ Карамзина „нашимъ Титомъ Ливіемъ“, въ похвальномъ смыслѣ (Погодинъ, II, 93). Пушкинъ, написавшій эпиграммы на „исторію“ Карамзина, потомъ иначе говорилъ о его трудѣ (Соч. по изд. Литерат. фонда, I, 195; V, 40, 41, 58—59; VII, 133, 150) и взялъ на себя защиту послѣдняго противъ нападокъ Полевого (V, 74—81). Жестокій отзывъ П. А. Катенина (Р. Стар. 1911, № 6, с. 612).

О впечатлѣніяхъ и отзывахъ по поводу исторіи Карамзина см. еще въ современной перепискѣ (Остф. Арх., I 339, 652; II, 7, 288—291; III, 19, 26, 28, 117, 146, 154, 164, 182, 203—205). По объясненію кн. Вяземскаго противники Карамзина относительно его взглядовъ стояли исключительно на политической точкѣ зрѣнія (Р. Арх. 1895, № 10, с. 210), и подъ такимъ впечатлѣніемъ написаны эпиграммы Пушкина и Грибоѣдова (Стар. и Новиз., II, 207, 220—221). Любопытенъ отзывъ Гоголя о Карамзинѣ, какъ независимомъ писателѣ (Соч. М. 1867, III, 387—388). Прибавимъ, что извѣстный нѣмецкій писатель Берне сочувственно отнесся къ рус. исторіи и цѣнилъ правдивость и художественность изложенія Карамзина (3-е изд. соч. Берне, Stuttg. 1840, III, 318—321; В. Евр. 1866, II, с. 180—181). Поздн. сужденія въ средѣ рус. ученыхъ (Зап. Никитенка, I, 198, 240, 280; II, 315, 323, 379, 419, 466, 470).

152. Объ этомъ триумвиратѣ см. наши статьи въ Рус. Арх. 1886, т. III, и въ Крит. біогр. Словарѣ, С. А. Венгерова (Арцыбашевъ).

153. Остаф. Арх. III, 204—205, 355—356; ср. Дневн. А. И. Тургенева, II, 362, 359—96, 398.

154. Р. Архивъ, 1895, № 10, с. 214—215. Почитатели Карамзина составили своего рода Катехизисъ (10 заповѣдей), свидѣтельствующій о почтительной къ нему памяти (Р. Стар., 1895, № 5).

155. Остаф. Арх., IV, 334. И послѣдующее поколѣніе часто цѣнило въ Карамзинѣ человѣка больше, чѣмъ писателя и историка (Зап. сенат. Лебедева, Р. Арх. 1911, № 7, стр. 390, 391, 425, 431). „Честность, вотъ знамя, которому онъ не измѣнялъ никогда,“ замѣчаетъ одинъ изъ его позднѣйшихъ біографовъ (Е. Соловьевъ, Карамзинъ, 71).

156. Письма къ Дмитріеву, 402; Р. Стар. 1898, № 10, 34; Соч. III, 737.

157. Сочин. II, 67, 648; Погодинъ, I, 81, 376.

158. Сочин. III, 737. Въ 1826 г. Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: „Карамзинъ со временемъ можетъ служить центромъ записокъ современниковъ въ родѣ записокъ Gagat, но съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Suard. Все русское просвѣщеніе начинается, вертится и сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучшій нашъ представитель на Сеймѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать прозу: вотъ прекрасный предметъ! Напиши взглядъ на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминаніямъ твоимъ о немъ. Можешь издать ихъ въ видѣ отрывка изъ твоихъ записокъ“ (Переписка, I, 362). О программѣ кн. Вяземскаго для біогр. Карамзина (Ист. Вѣст. 1888, № 10, с. 122—25).

159. Рус. Стар. 1899, № 1, с. 226, 228.

160. Біогр. и характер., Бестужева-Рюмина, 206, 226—229. И. И. Срезневскій говоритъ: „Изъ примѣчаній къ Ист. гос. рос. можно выдѣлить большую книгу записокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности: ея одной было бы достаточно для ученой дѣятельности и славы русскаго писателя не только того, но и нашего времени. О многихъ изъ древнихъ памятниковъ Карамзинъ сказалъ первое слово; ни объ одномъ не сказано слова не встаети и безъ критики.. О многомъ въ этой долѣ примѣчаній Карамзина надобно справляться и теперь.. Карамзинъ историкъ, это значитъ Карамзинъ палеографъ, нумизматъ, хронологъ, генеологъ и т. д., и т. д., во всемъ изслѣдователь, во всемъ критикъ, во всемъ требовательный, какъ только можно было бы быть требовательнымъ, болѣе, чѣмъ современныи, не въ тѣсномъ смыслѣ нашихъ русскихъ ожиданій, а въ высшемъ смыслѣ ожиданій и желаній вождей науки. Забывать эту сторону въ Карамзинѣ значитъ не понимать Карамзина. Великій писатель онъ не потому только, что писалъ прекрасно и нравился, а и потому, что былъ высокотребователенъ въ научномъ отношеніи“. (Обз. матеріаловъ для изуч. слав. рус. палеографіи, Ж. М. Н. Пр., ч. СXXXIII). Надеждинъ замѣчаетъ: „Примѣчанія Ка-

рамзина можно назвать библіотекою нашей древности“ (Библ. для чтенія 1837, т. XX, 110).

161. Ист. Гос. рос. въ отнош. къ ист. рус. права, С. М. Шпилевскаго. (Статьи для произнес. въ торжеств. собр. Казан. универс., 1866, 164—211).

162. Вѣстн. Евр., 1866, II, с. LX.

В. Иконниковъ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Рѣчь, произнесенная въ собраніи 18 іюля 1911 г., по случаю открытія
памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.

Съ чувствомъ большой робости начинаю я мое краткое слово. Хотя оно произносится въ тѣсномъ кругу собравшихся здѣсь родныхъ и почитателей Н. М. Карамзина, однако, говоря о Карамзинѣ, чувствуешь, что говоришь о темѣ общерусской и вспоминаешь только что произнесенныя предъ Вами слова О. И. Тютчева:

„Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
„На что-бъ откликнулась она?“

Вопросъ о значеніи Карамзина въ умственной жизни Россіи его времени—вопросъ не только сложный, но и спорный. Тѣ, кто выступалъ съ оцѣнкою Карамзина, какъ писателя и дѣятеля, рѣзко расходятся въ этой оцѣнкѣ. Для однихъ Карамзинъ—„святое имя“ русской литературы, „исполнѣ русской словесности“. „При семъ магическомъ имени“ потрясалась „нервическая система“ современниковъ Карамзина, упоенныхъ красотами его „несравненныхъ повѣстей“, оваренныхъ „свѣтильникомъ грамматической точности“ его твореній, смотрѣвшихъ на Карамзина „съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной Славы и Заслуги“. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ читателей остылъ паеосъ рѣчей, но продолжала жить теплота чувствъ, возбужденныхъ Карамзинымъ. Въ примѣръ можно привести О. И. Буслаева. Въ разное время и по разнымъ поводамъ обращаясь къ Карамзину, Буслаевъ писалъ, что въ его юности Карамзинъ казался ему „самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ Россіи“, „наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ“. Въ знаменитыхъ „Письмахъ русскаго путешественника“ Буслаевъ видѣлъ „необычайную цивили-

лизирующую силу“, „зеркало, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація“. По мнѣнію Буслаева [въ 1866 году], „Письма русскаго путешественника даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія,—частію имѣютъ они его и теперь,—потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка“. Каковы ни были отгѣнки отношенія къ „Исторіи Государства Россійскаго“, современники ставили ее на первое мѣсто въ кругу однородныхъ трудовъ и говорили, что Карамзинъ сдѣлалъ русскую исторію „извѣстѣе не только для многихъ, но даже для самымъ строгихъ судей своихъ“. По мнѣнію одного изъ критиковъ [А. Селина], „Исторія Государства Россійскаго“ создала въ русскомъ обществѣ высшія требованія къ историческимъ трудамъ, воспитала въ немъ болѣе глубокое историческое пониманіе; „эти высшіе взгляды были слѣдствіемъ поразительнаго для насъ вліянія и безмѣрнаго любопытства къ прошедшему, возбужденнаго величайшимъ изъ талантовъ“.

Но рядомъ съ поклоненіемъ Карамзину живетъ осужденіе и растетъ забвеніе. Не говоря объ архаической критикѣ Шишкова и Арцыбашева, вспомнимъ позднѣйшее—именно то, съ чѣмъ приходится считаться въ настоящее время. Не обвиняютъ ли Карамзина за манерность и дѣланность чувствъ и слога въ его трудахъ, за его политическое умонастроеніе, за то, наконецъ, что овъ, какъ историкъ, былъ прославленъ несравненно больше, чѣмъ заслуживали его ученые приемы и теоріи? Знакомство съ IV главою книги П. Н. Милюкова „Главные теченія русской исторической мысли“ не покажетъ ли читателю, что Карамзинъ и въ наше время можетъ быть предметомъ не только изслѣдованія, но и обличенія? Большинство однако не чтитъ и не обличаетъ Карамзина, а плохо его помнитъ. Теперь потерянь секретъ успѣха Карамзина, теперь уже не дѣйствуетъ чарованіе его повѣстей, и герои ихъ, по образному выраженію князя П. А. Вяземскаго, „окутались забвенья ризой“. Для обычнаго читателя необходимо усиліе ума, чтобы въ приподнятыхъ періодахъ Карамзинской рѣчи уловить ту „пріятность слога“, къ которой сознательно стремился авторъ и которая стала литературнымъ откровеніемъ для первыхъ читателей

„поразительной“ прозы Карамзина. Если наши отцы находили живой интерес и душевную отраду въ чтеніи „Писемъ“, „Исторіи“ и повѣстей Карамзина, то наши дѣти уже не читаютъ ихъ иначе, какъ въ курсѣ исторіи литературы. Они улыбаются надъ тѣми ихъ красотами, которыя когда-то трогали и умиляли; имъ надо „объяснять Карамзина“, ибо часто они сами его уже не понимаютъ.

Въ курсахъ исторіи литературы такія „объясненія“ Карамзина, конечно, существуютъ. Въ нихъ Карамзинъ обыкновенно ставится въ тѣсную связь съ движеніемъ общеевропейской мысли. Переходъ ея отъ космополитизма къ націонализму, характерный для той эпохи, повлекъ за собою переломъ и въ литературной дѣятельности Карамзина. Преклоненіе передъ Европою, порожденное въ Карамзинѣ „идеалами космополитизма“, смѣнилось въ немъ „патріотическими настроеніями“ подъ вліяніемъ великихъ событій его вѣка. Глашатай европеизма и просвѣщенія Карамзинъ имѣлъ „великую заслугу“ въ томъ, что „приблизилъ литературу къ обществу“; это былъ первый писатель съ обширнымъ кругомъ непосредственнаго вліянія и великими заслугами“. Однако, „его вліяніе, какъ сентиментальнаго писателя, было непродолжительно“; позднѣе въ области политической „онъ являлся консерваторомъ“, которому остались чужды не только „либеральныя идеи“ младшаго поколѣнія, но и „прямые серьезныя потребности русскаго общественнаго и государственнаго быта“. Въ такихъ и подобныхъ опредѣленіяхъ мы всегда видимъ, рядомъ съ похвалами, нѣкоторое „но“: или отрицается внутренняя цѣльность нашего писателя, или ограничивается срокъ и предѣлы его литературнаго успѣха. Образъ Карамзина тускль и неясенъ, а роль его сводится какъ будто бы къ роли талантливаго передатчика въ русскую публику сначала результатовъ новѣйшей европейской мысли, а затѣмъ итоговъ русской исторіографіи XVIII вѣка. Остается недоумѣніе, почему такое посредничество дало право Карамзину на „великую заслугу“ и почему современники почитали Карамзина за „исполна“ словесности. Остается горечь сознанія, что Карамзинъ, учившій все русское общество чувствовать и мыслить, самъ не избѣгъ „переворота его міросозерданія“ и рѣзко измѣнилъ свои „настроенія“, перейдя изъ Екатерининской въ Александровскую эпоху.

Мнѣ кажется, что можно не слѣдовать современному намъ обычаю строить характеристику Карамзина на нѣкоторой антитезѣ его чувствъ, взглядовъ и настроеній. Дѣятельность Карамзина, взятая въ ея основныхъ чертахъ, проникнута на мой взглядъ цѣлостнымъ единствомъ умонастроенія и не страдаетъ противорѣчіями и внутренними несоотвѣтствіями. „Европеизмъ“ Карамзина уживался мирно съ его „патріотизмомъ“, и взаимная смѣна этихъ настроеній совсѣмъ не бывала „переворотомъ міросозерцанія“. Въ ихъ гармоническомъ соединеніи заключалась самая суть міровоззрѣнія нашего писателя; она-то и дала, намъ кажется, такой успѣхъ произведеніямъ Карамзина среди современнаго ему общества.

Чтобы понять такую точку зрѣнія, необходимо въ двухъ словахъ вспомнить, при какихъ условіяхъ выросло и сформировалось русское міросозерцаніе въ до-петровской Руси и какою переверотъ оно пережило вслѣдствіе реформъ XVII—XVIII столѣтій. Съ первыхъ вѣковъ русской исторической жизни, въ пору господства у насъ византійскаго вліянія, умы русскихъ книжниковъ были приучаемы къ враждѣ съ латинскимъ Западомъ и къ противоположенію православной Руси латинствующей Европѣ. Греки воспитали на Руси чувство религіозной исключительности, а ходъ исторіи эту религіозную исключительность превратилъ въ національную замкнутость. Когда въ XV вѣкѣ погибло Греческое царство и взамѣнъ былого величія восточныхъ патріархатовъ настала для нихъ пора тяжелаго рабства, скудости и даже нищеты, Русь почувствовала себя единственной представительницей и поборницей древняго благочестія и стала на защиту своей вѣры, обрядовъ и обычаевъ со всею ревностью религіознаго чувства и со всею наивностью историческаго невѣднія. Русскимъ книжникамъ представлялось, что Руси Богомъ суждено играть высокую роль „новаго Израиля“ и суждено основать послѣднее въ мірѣ „православное царство“, которое будетъ сіять до вѣка свѣтомъ истиннаго благовѣрія. Съ такой точки зрѣнія все прочее человѣчество представлялось погрязшимъ во тьмѣ невѣрія и предсужденнымъ на гибель. Коснѣвшая въ ересяхъ Европа не прельщала русскіе умы; къ ней относились свысока и отрицательно. Съ XV вѣка такія отношенія жили до XVII-го, до тѣхъ поръ, пока силою

вещей Московскому царству не пришлось начать систематическія заимствованія съ Запада. Презираемая Москвою Европа оказалась сильнѣе Москвы на поприщѣ военномъ и техническомъ; мало того, она умѣла жить полнѣе и веселѣй Москвы. Оттуда русскимъ людямъ довелось усваивать и то, что было имъ рѣшительно необходимо, и то, что казалось имъ неотразимо пріятно. Оружіе и книга, хитрый механизмъ и дорогой товаръ, регулярный солдатъ и искусный актеръ—все шло съ Запада и говорило о его превосходствѣ и прелестяхъ. Торжество Западной культуры чувствовалось Русью чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; при Петрѣ Великомъ оно было признано официально. Съ выступленіемъ Россіи на „сцену славы“ старое міросозерцаніе погнбло; царской волей „новый Израиль“ обращенъ въ ученики Европы. Съ реформою Петра руководящія классы русскаго общества рѣшительно отвернулись отъ родной старины. Если въ концѣ XVII вѣка начинали въ Москвѣ вводить „политесь съ польскаго манеру“, то въ Петровомъ Петербургѣ стали жить съ манеру голландскаго и шведскаго, а позднѣе съ манеру французскаго. Какъ раньше московскіе стародумы безразлично осуждали Западъ, такъ въ Петровское время безразлично стали относиться къ родному прошлому. Старая привычка противоположенія Руси Европѣ осталась, но измѣнился взглядъ: осуждалось то, что раньше славилось; а то, что раньше презиралось, стало образцомъ для слѣпого подражанія. Въ умственной обстановкѣ XVIII столѣтія русскій человекъ чувствовалъ неизбежно ту пропасть, которая отдѣляла старую Русь отъ просвѣщенной Европы; чтобы стать европейцемъ, ему надлежало перескочить эту пропасть, бросивъ въ нее всѣ вѣрованія и преданія родного прошлаго. Примиреніе и совмѣщеніе казалось невозможнымъ, да для большинства европеизованныхъ русскихъ не было и желательнымъ. Они съ легкимъ сердцемъ усваивали европейскіе обычаи и взгляды, не оглядываясь въ до-петровскую Русь.

Только отдѣльные русскіе люди XVIII вѣка не раздѣляли общаго настроенія молодой русской интеллигенціи и смущались вѣковой проблемой объ отношеніи Руси къ Западу. Ни отрицать Западную культуру, ни презирать русскія преданія они не могли; но они одинаково же не могли построить стройную систему міро-

воззрѣнія на синтезъ двухъ непримиренныхъ стихій: національной старо-русской и общечеловѣческой европейской. Не видя выхода для своихъ сомнѣній и противорѣчій, они не обнаруживали цѣльности настроенія и опредѣленности взглядовъ; но они сами служили яснымъ доказательствомъ того, что настоятельно нужно искать этой цѣльности и опредѣленности, нужно стремиться къ синтезу и разрѣшенію вѣкового противорѣчія. Типическимъ представителемъ людей такого направленія былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, апологетъ старой Руси и поклонникъ просвѣщенія. По отзывамъ изслѣдователей, изучавшихъ его дѣятельность, Новиковъ „не умѣетъ связать въ опредѣленный взглядъ своихъ представлений о старинѣ, о достоинствахъ русскаго народнаго характера, о просвѣщеніи, о новѣйшей порчѣ нравовъ“; „весь первый періодъ дѣятельности Новикова проходитъ въ борьбѣ между увлеченіемъ нашими національными свойствами и сомнѣніемъ въ ихъ идеальной высотѣ“. Внутреннія колебанія между различными точками зрѣнія привели Новикова къ масонству, а масонство отвело его въ иную область интересовъ, обратя энергію Новикова на дѣла филантропіи и народнаго просвѣщенія. Ни Новиковъ, ни иной кто изъ его современниковъ не разрѣшилъ угнетавшей ихъ умъ загадки о томъ, какъ можно бы было согласовать два порядка идей и чувствъ, требовавшихъ въ ихъ душѣ согласованія. Но вопросъ былъ ими поставленъ на очередь, и тема объ отношеніи національнаго сознанія къ принципу космополитизма требовала рѣшенія.

Мнѣ кажется, что это рѣшеніе далъ Карамзинъ и что именно имъ онъ и снискалъ себѣ небывалый успѣхъ въ литературѣ. Въ сознаніи Карамзина вопросъ объ отношеніи національнаго къ общечеловѣческому, конечно, существовалъ, но совсѣмъ не имѣлъ старой остроты и мучительности и обратился въ простую теоретическую тему. Въ произведеніяхъ своихъ Карамзинъ вовсе упразднилъ вѣковое противоположеніе Руси и Европы, какъ различныхъ и непримиримыхъ міровъ; онъ мыслить Россію, какъ одну изъ Европейскихъ странъ, и русскій народъ, какъ одну изъ равнокачественныхъ съ прочими націй. Онъ не клялъ Запада во имя любви къ родинѣ, а поклоненіе западному просвѣщенію не вызывало въ немъ глумленія надъ отечественнымъ невѣжествомъ. Космо-

политическая идея единства міровой цивилизаціи вела его къ утверженію, что „все народное ничто передъ человѣческимъ; главное дѣло быть людьми, а не славянами“. Но это утверженіе не отрицало ни народности, ни патріотизма. Карамзинъ не противорѣчилъ себѣ, когда въ своемъ знаменитомъ разсужденіи „о любви къ отечеству и народной гордости“ писалъ, что „русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою;... станемъ смѣло наряду съ другими, скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благородной гордостью“. Исходя изъ мысли о единствѣ человѣческой культуры, Карамзинъ не устранялъ отъ культурной жизни и свой народъ. Онъ признавалъ за нимъ право на моральное равенство въ братской семьѣ просвѣщенныхъ народовъ. „Какъ человѣкъ, такъ и народъ (писалъ онъ) начинается всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собой, чтобы сказать: я существую нравственно“. Такая постановка вопроса упраздняла прежній антагонизмъ, разрѣшала прежнія недоумѣнія. Проповѣдь мира и единенія смѣняла собою вѣковые толки о непримиримой разности русской и европейской стихій и была „новымъ словомъ“ Карамзина въ русской литературѣ. Это „новое слово“ дѣйствовало на умы особенно сильно и вліятельно потому, что не было сказано въ видѣ сухого разсужденія, а явилось основой обаятельныхъ по формѣ литературныхъ твореній. Оно не только убѣждало, оно прельщало.

Современники чувствовали за Карамзинимъ эту патріотическую заслугу моральнаго оправданія нашей народности въ міровой средѣ. Вопреки репутаціи восполюта, иногда сопровождавшей имя Карамзина, его почитали за великаго патріота. А. Стурдза, отмѣчая, что въ Карамзинѣ „соединялся духъ русскаго съ европейскою образованностью“, признавалъ, что Карамзинъ „началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія“. Иными словами ту же мысль выразилъ кн. П. А. Вяземскій, сказавъ, что Карамзинъ показалъ, „что у насъ есть отечество“. В. В. Измайловъ хвалилъ Карамзина за то, что онъ „старался при всякомъ случаѣ возвысить въ Россіянахъ чувство народнаго и человѣческаго достоинства“, а Марлинскій отмѣтилъ, что Карамзинъ „преобразовалъ книжный языкъ русскій... и далъ ему народное лицо“. Такъ

къ числу прочихъ литературныхъ заслугъ и пріятностей Карамзина присоединялась и эта заслуга первыхъ шаговъ на поприщѣ народнаго самоопредѣленія.

Если высказываемыя мною мысли вѣрны, онѣ дають намъ наиболѣе правильное объясненіе того, почему Карамзинъ обратился отъ литературныхъ къ историческимъ трудамъ. Изученіе исторіи народа всегда признавалось лучшимъ средствомъ народнаго самопознанія. Для Карамзина оно и было средствомъ къ тому, чтобы, говоря его собственнымъ словомъ, „русскій по крайней мѣрѣ зналъ цѣну свою“.

С. Платоновъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ МАТЕРІАЛАМЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫМЪ ИЗЪ

ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА.

1. Князь П. А. Вяземскій своей жентъ. [20 мая 1826 г.]. Тверь.

— (Стр. 3). Кн. П. А. Вяземскій выѣхалъ изъ Остафьева въ Петербургъ въ виду тревожныхъ извѣстій о состояніи здоровья Н. М. Карамзина, но не засталъ уже его въ живыхъ: Карамзинъ скончался 22-го мая, князь Вяземскій пріѣхалъ въ Петербургъ—23-го мая.—См. *М. П. Погодинъ*. Николай Михайловичъ Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи. Съ примѣчаніями и объясненіями М. Погодина. Часть II. М. 1866, стр. 458 и слѣд.

— (Стр. 3). Жихаревъ—Степанъ Петровичъ.—См. т.т. I—IV; V, вып. 1-й.

— (Стр. 3). О Вьельгорскихъ см. т.т. I—IV; V, вып. 1-й.

— (Стр. 3). Голицына-Кутайсова—княгиня Александра Павловна Голицына, урожд. Кутайсова.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 3). Павлуша—князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, сынъ кн. П. А. Вяземскаго.—См. т.т. II, III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 3). Пашенька—княжна Прасковья Петровна Вяземская, дочь кн. П. А. Вяземскаго.—См. т.т. I, III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 3). Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ.—См. т.т. II и III.

2. Князь П. А. Вяземскій своей жентъ. [22 мая 1826 г. Новгородъ].

— (Стр. 4). Николай Михайловичъ—Карамзинъ.

3. Князь П. А. Вяземскій своей жентъ. 24 [мая 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 4). О впечатлѣніи, которое смерть Карамзина произвела на кн. П. А. Вяземскаго, см. еще его „Старую записную книжку“ (Полное собраніе сочиненій, т. IX, стр. 89—90).

— (Стр. 4). Катерина Андреевна—Карамзина, сестра кн. П. А. Вяземскаго.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 4). Въ Таврической дворецъ Карамзины переѣхали изъ Царскаго Села въ началѣ мая 1826 г.—См. *М. П. Погодинъ*, о. с., ч. II, стр. 479, 492—493; см. письмо А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому отъ 3 мая 1826 г. (*Остафьевскій Архивъ*, т. III, стр. 140—141).

— (Стр. 4). Софья и Катенька—Софія Николаевна Карамзина и Екатерина Николаевна Карамзина (въ замужествѣ — княгиня Мещерская)—дочери Н. М. Карамзина.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

4. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 25 мая [1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 5). Невскій монастырь — Александрo-Невская лавра въ Петербургѣ.

— (Стр. 5). „... онъ его еще не видали послѣ оказанной имъ милости“.—Кн. П. А. Вяземскій имѣеть въ виду здѣсь рескриптъ Императора Николая Павловича, отъ 13 мая 1826 г., на имя Карамзина и назначеніе ему пенсіи въ размѣрѣ 50.000 рублей въ годъ.—См. *Поюдинъ*, о. с., часть II; стр. 494—495.

— (Стр. 5). Сѣверинъ—Дмитрій Петровичъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 6). Князь Ѳедоръ—князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, братъ княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 6). Орлова—Екатерина Николаевна Орлова (урожд. Раевская), жена Михаила Ѳедоровича Орлова, привлеченнаго къ суду по дѣлу декабристовъ и находившагося въ это время въ заключеніи.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 6). Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ—Орловъ, братъ Михаила Ѳедоровича Орлова.—См. т.т. I—III и *Русскій Біографическій Словарь*. СПб. 1905, стр. 330—341 (статья А. Петрова).

— (Стр. 6). Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ,—писатель, другъ Карамзина.

— (Стр. 6). Окуловы—сосѣди кн. П. А. Вяземскаго по Остафьеву.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 6). Тургеневъ—Александръ Ивановичъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 6). „... онъ въ горѣ, общемъ намъ, и къ тому же и въ своемъ“.—Кн. П. А. Вяземскій имѣеть въ виду здѣсь смерть Н. М. Карамзина и то, что братъ А. И. Тургенева Николай Ивановичъ Тургеневъ оказался замѣшаннымъ въ дѣлѣ декабристовъ.—См. т. III.

5. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 25 [мая 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 6). Наденька — княжна Надежда Петровна Вяземская, Машенька—княжна Марія Петровна Вяземская, дочери кн. П. А. Вяземскаго.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 7). О Михаилѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ, см. т.т. I—III; V, вып. 1-й; кроме того, см. *Русскій Біографическій Словарь*, СПб. 1905 г., стр. 356—360 (біографія, написанная А. Петровымъ);—*М. В. Довнар-Запольскій*. Мемуары декабристовъ (записки, письма, показанія, проекты

конституцій, извлеченные из слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ. 1906, стр. XIV—XVIII;—*М. Гершензонъ*. Исторія молодой Россіи. М. 1908, стр. 1—74.

Кн. П. А. Вяземскій всегда высоко цѣнилъ М. Ѡ. Орлова. Срвн. отзывъ о немъ въ „Старой записной книжкѣ“, кн. П. А. Вяземскаго („Полное собраніе сочиненій“, т. VIII, стр. 289 и 380): „Умный, образованный, прямодушный Михаилъ Орловъ“..... „М. Ѡ. Орловъ, рыцарь любви и чести, который не былъ бы неумѣстнымъ и лишнимъ въ той исторической порѣ, когда рыцарство считалось призваніемъ и удѣломъ возвышенныхъ натуръ“.

— (*Стр. 7*). Подъ письмомъ къ Государю кн. П. А. Вяземскій, вѣроятно, разумѣетъ записку, представленную Орловымъ въ Слѣдственную Коммиссію о своемъ отношеніи къ тайному Обществу (Напечатана въ книгѣ *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Мемуары декабристовъ, стр. 1—26).

— (*Стр. 7*). Огарева—Елизавета Сергѣевна, урожд. Новосильцова (см. т.т. I—III; V, вып. 1-й), сестра Василя Сергѣевича Новосильцова (см. т.т. I—II).

— (*Стр. 7*). Какъ видно изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ женѣ за 1826 годъ, Толмачевъ былъ сначала учителемъ при дѣтяхъ В. С. Новосильцова, а затѣмъ перешелъ на такое же мѣсто въ семью кн. П. А. Вяземскаго.— См. „Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, т. VIII, стр. 311—313, 523.

— (*Стр. 7*). Статья о Карамзинѣ напечатана въ № 64 „Journal de St.-Petersbourg“. Въ началѣ статьи въ общихъ чертахъ говорится о значеніи Карамзина, какъ историка. Приводимъ конецъ статьи:

„L'inexorable mort n'a point permis que ce monument national fut achevé, et parmi les réputations contemporaines aucune ne promet encore un continuateur à M. de Karamzin.

L'individualité d'un auteur célèbre ne s'accorde pas toujours avec l'idée que l'on s'en fait d'après ses ouvrages; bien souvent cette comparaison avec lui-même lui est défavorable. Dans M. de Karamzin, au contraire, et nous ne craignons pas de nous référer au témoignage de toutes les personnes qui ont eu le bonheur de le connaître, l'homme paraissait encore supérieur à l'écrivain. Accueilli avec faveur dès son premier début dans la carrière des lettres, et voyant sa renommée croître avec l'âge, chéri, respecté de tout le monde, heureux époux, heureux père, honoré enfin de la bienveillance la plus particulière de l'Empereur Alexandre, Mr. de Karamzin repoussa constamment et sans efforts tant de provocations accumulées à l'orgueil. Elles n'eurent aucune prise sur le caractère le plus modeste, le plus doux, le plus aimant qui fut jamais. L'envie même aurait pardonné au mérite d'un homme qui paraissait ne pas s'en souvenir, et qui fut le plus indulgent appréciateur de celui des autres.

Avec de telles qualités, il ne pouvait manquer d'amis; aussi est-il chez nous peu d'hommes distingués par leurs talens ou leur position sociale qui n'aient été flattés de lui donner ce titre? Leurs regrets seront éternels, et rien ne saurait égaler l'affliction de sa famille, si ce n'est la tendresse inexprimable qu'elle lui portait et qui était payée d'un si juste et si affectueux retour. Puissent du moins la veuve et les enfants de M. de Karamzin, lorsque leurs coeurs déchirés deviendront accessibles à un autre sentiment qu'à celui de leurs peines, trouver une consolation dans l'hommage éclatant qui couronna la vie de notre historiographe. Une main auguste, aussi digne de tenir les rênes d'un grand Empire, que de décerner au talent et aux vertus civiques la plus haute récompense à laquelle ils puissent prétendre, traça le rescrit suivant, dont nous donnons la traduction littérale, et qui fut adressé à M. de Karamzin quelques semaines avant sa mort...“ (Далѣе слѣдуетъ текстъ рескрипта Императора Николая Павловича отъ 13 мая 1826 года и содержаніе указа о назначеніи Карамзину и его семьѣ пенсін въ 50.000 рублей ежегодно).

О похоронахъ Карамзина въ № 65-мъ „Journal de St.-Petersbourg“ отъ 27 мая/8 июня 1826 года было напечатано о Карамзинѣ слѣдующее:

«Les obsèques de M. de Karamzin ont eu lieu hier au couvent de St.-Alexandre-Nevsky. Un grand nombre de personnes de distinction, les parens et les amis de Mr. de Karamzin, ont assisté à cette triste cérémonie; les mêmes sentimens de douleur et de regrets les animaient tous. On s'est disputé le privilège de porter son cercueil jusqu'au nouveau cimetière, où la tombe du grand écrivain, de l'homme de bien par excellence, s'est fermée au milieu des sanglots et des témoignages les plus touchans rendus à sa mémoire».

— (Стр. 7). „Я точно потерялъ въ немъ второго отца и такого, котораго я зналъ болѣе перваго...“ — Отецъ князя П. А. Вяземскаго князь Андрей Ивановичъ Вяземскій умеръ въ 1807 году, когда князю Петру Андреевичу было 15 лѣтъ.—Срвн. въ отрывкѣ изъ стихотворенія „Деревня“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, т. III, стр. 143—144):

Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,
Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукою
И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,
Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.
О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!
Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ.
О, мой второй отецъ! любовью, дѣломъ, словомъ,
Ты мнѣ былъ отческимъ примѣромъ и покровомъ.

6. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. [27 мая 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 8). О Константинѣ Яковлевичѣ Булгаковѣ, петербургскомъ почтъ-директорѣ, см. т.т. I—III; т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 8). Тургеневъ—Александръ Ивановичъ.

— (Стр. 8). Параша—Прасковья Севастьяновна, няня при дѣтихъ кн. П. А. Вяземскаго.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 142.

— (Стр. 8). Мамзель Каролина—бонна при дѣтихъ кн. П. А. Вяземскаго.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 8). Катенька—Екатерина Николаевна Карамзина.

— (Стр. 8). Дмитріевъ—Иванъ Ивановичъ.

7. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. [28 мая 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 8). Николай Михайловичъ—Карамзинъ.

— (Стр. 8). Екатерина Андреевна—Карамзина.

— (Стр. 8). Четвертинскій—князь Борисъ Антоновичъ Святополкъ-Четвертинскій, женатый на сестрѣ княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской, Надеждѣ Ѳедоровнѣ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 9). Рущковскій—Иванъ Александровичъ, московскій почтъ-директоръ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

8. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. [29 мая 1826 г.]. С.-Петербургъ.

— (Стр. 9). Скюдери—Петръ Антоновичъ, врачъ.—См. т.т. II—III; V, вып. 1-й;—см. Записки гр. М. Д. Бутурлина. *Р. Архивъ* 1897 г., кн. II, стр. 205.

— (Стр. 9). Бартенева—Юрій Никитичъ (род. 16 февр. 1791 г. † 27 ноября 1866 г.), авторъ Записокъ, часть которыхъ напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* 1886 г., I, 369—381; II, 52—108, 305—333; III, 129—166.—Кн. П. А. Вяземскій былъ съ нимъ въ перепискѣ. См. *Русскій Архивъ* 1897 г., III, 283—286, 395—432, 514—658, и „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина“, ч. IX, стр. 227—228.—Въ Остафьевскомъ архивѣ имѣются письма Ю. Н. Бартенева къ кн. П. А. Вяземскому.

— (Стр. 9). Жуковъ—повидимому, арендаторъ фабрики въ Остафьевѣ.

— (Стр. 9). Александръ—повидимому, садовникъ въ Остафьевѣ; см. стр. 41 и 251.

— (Стр. 9). Иванъ Ивановичъ—Тургеневъ, управляющій имѣніемъ кн. П. А. Вяземскаго Остафьевымъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 9). Демидъ.—Срвн. въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ Муханову (1832 г.?): „перешлите ихъ [книги] ко мнѣ въ Москву въ мой домъ на имя Демиды Ѳедорова Муромцева, управляющаго“. (Сборникъ старинныхъ бумагъ П. И. Щукина, ч. X, М. 1902, стр. 411).

— (Стр. 9). Лодомирскій — Василій Николаевичъ, женатый на сестрѣ княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской Софіи Ѳедоровнѣ, урожд. кн. Гагариной.—См. т.т. I, III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 10). Полуектова — Любовь Ѳедоровна, урожд. княжна Гагарина, сестра кн. В. Ѳ. Вяземской.

— (Стр. 10). Князь Ѳедоръ—князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ.

9. Князь П. А. Вяземскій своей жемѣ. 31 мая [1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 10). Принцъ Гогенлоэ.—А. Я. Булгаковъ, въ своихъ запискахъ („Современныя происшествія и воспоминанія мои“), хранящихся въ Остафьевскомъ архивѣ, помѣстилъ списокъ пословъ и посланниковъ съ ихъ свитой, бывшихъ въ Москвѣ на коронаціи Императора Николая Павловича. Въ этомъ списокѣ, между прочимъ, читаемъ: „Légation de Wurtemberg, le P - ce de Hohenlohe Kirchberg. Env. Ex. L. M. P. — M-g le Baron de Linden Secrétaire.— Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ домѣ Кн. П. А. Вяземскаго“.

— (Стр. 10). Орлова—Екатерина Николаевна, жена М. Ѳ. Орлова.

— (Стр. 10). Алексѣй—Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ; Михайло—Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.

— (Стр. 11). ...„по дѣлу Сабанѣвскому“.—Въ 1820 году М. Ѳ. Орловъ былъ назначенъ въ Кишиневъ начальникомъ 16-й дивизіи, входившей въ составъ корпуса, которымъ командовалъ—Сабанѣвъ. Характеръ дѣятельности дивизионной Ланкастерской школы, которой по назначенію Орлова завѣдывалъ майоръ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, приказы Орлова и нѣкоторыя другія обстоятельства вызвали недовольство начальства, и когда въ Камчатскомъ полку, входившемъ въ дивизию Орлова, случился бунтъ, Сабанѣвымъ было возбуждено дѣло, закончившееся въ 1823 году лишеніемъ Орлова дивизіи и назначеніемъ состоять по арміи.—См. П. Е. Щеголевъ. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. (Историческіе этюды. Изд. Шиповникъ. С.-Пб., 1913, стр. 159—252);—М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908.

— (Стр. 11). Княгиня Ловичъ — Жаннета Антоновна, супруга Великаго Князя Константина Павловича.—См. т.т. I—II; V, вып. 1-й.

10. Князь П. А. Вяземскій своей жемѣ. 1 июня [1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 12). Князь Василій Долгоруковъ — князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ, оберъ-шталмейстеръ, женатый на княгинѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Гагариной, двоюродной сестрѣ княгини В. Ѳ. Вяземской.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 12). Юшковъ—Юсифъ Ивановичъ, служившій, какъ значится въ Адресъ-Календарѣ 1826 г., при дворцовыхъ конскихъ заводахъ „въ должности шталмейстера управляющимъ оними“. [Указаніе это сдѣлано П. Н. Столпянскимъ].

— (Стр. 12). Князь Александр Николаевич Голицынъ — въ это время главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, а до 1824 г. — Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. — См. т.т. I—III.

— (Стр. 13). Дашенька—Дарья Алексѣевна Окулова, въ замужествѣ Шипова. — См. т. I, стр. 523.

— (Стр. 13). Павлуша — сынъ кн. П. А. Вяземскаго, князь Павелъ Петровичъ. — См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 13). Володя и Лиза — дѣти Н. М. Карамзина. — См. т. I—III.

11. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. [1 июня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 14). Князь Ѳедоръ — князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ.

12. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. [3 июня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 15). Тургеневъ — Александръ Ивановичъ.

— (Стр. 15). Князь А. Н. Голицынъ — князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. — См. т.т. I—III.

— (Стр. 15). Екатерина Андреевна — вдова Н. М. Карамзина, Катенька — его дочь Екатерина Николаевна.

— (Стр. 15). Левъ Нарышкинъ — Левъ Александровичъ Нарышкинъ? — См. т. I—II.

— (Стр. 15). Бенкендорфъ — Александръ Христофоровичъ, впоследствии графъ. — См. т.т. I и III.

— (Стр. 15). Lowicz — княгиня Жаннета Антоновна.

— (Стр. 15). А. С. Грибоѣдовъ, по подозрѣнiю въ томъ, что онъ причастенъ къ событiю 14 декабря 1825 г., былъ арестованъ въ началѣ 1826 года въ станицѣ Елисаветградской и привезенъ въ Петербургъ, но скоро освобожденъ изъ-подъ ареста. — См. „Полное собранiе сочиненiй А. С. Грибоѣдова, подъ редакцiей И. А. Шляпкина. Изданiе И. П. Варгунина. Т. I. С.-Пб. 1889, стр. XXVIII—XXXIV; — см. С. Пачумидзевъ. А. С. Грибоѣдовъ (Историческая справка). Р. Арх. 1904, № 3, стр. 527 — 535; — Полное собранiе сочиненiй А. С. Грибоѣдова. Подъ редакцiей Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. Изданiе Имп. Акад. Наукъ. Т. I. С.-Пб. 1911, глава VIII-я составленнаго Н. К. Пиксановымъ биографическаго очерка, стр. LXIII — LXXII; — Н. К. Пиксановъ. Душевная драма Грибоѣдова (Современникъ 1912 г., книга 11, стр. 235 — 243). — П. Е. Щеголевъ. Грибоѣдовъ и декабристы. (Историческiе этюды. Изд. Шиповникъ. Спб. 1913, стр. 253—316).

Князь П. А. Вяземскiй познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1823 году (см. Сочиненiя кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 336, и „Полное собранiе сочиненiй А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шляпкина“, т. I, стр. VII), и въ этомъ же году они пишутъ уже вмѣстѣ оперу-водевиль:

„Кто братъ и кто сестра“ (Полное собраніе сочиненій Грибоѣдова, СПб. 1911, т. I, стр. 212—253). Вяземскій любилъ Грибоѣдова, цѣнилъ его умъ и талантъ, признавалъ „Горе отъ ума“ блестящимъ явленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ статьяхъ и запискахъ не разъ останавливался на вопросѣ о литературныхъ недостаткахъ комедіи и не разъ отмѣчаетъ, что Москва Грибоѣдовская—не вся Москва: „пора наконецъ перестать искать Москву въ комедіи Грибоѣдова. Это развѣ часть, закоулокъ Москвы. Рядомъ или надъ этою Москвою была другая свѣтлая, образованная Москва“ (Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 378; срвн. т. V, стр. 142—145; т. VII, стр. 336—343; т. VIII, стр. 161, 289).

— (Стр. 15). Слѣдственная Коммиссія—по дѣлу о декабристахъ.

— (Стр. 15). „... вышелъ манифестъ“ — манифестъ 1-го іюня 1826 г. объ учрежденіи Верховнаго Уголовнаго Суда по дѣлу о декабристахъ.

13. Князь П. А. Вяземскій своей жень. 4-го іюня [1826 г.] [С.-Пб.].

— (Стр. 15). Дарья Ивановна Новосильцова—род. 18 янв. 1791 † 26 мая 1826 г.—См. изд. *Великаго Князя Николая Михайловича: „Московскій некрополь“*, т. II, С.-Пб. 1908, стр. 346.

— (Стр. 15). Огарева — Елизавета Сергѣевна, урожд. Новосильцова.—См. т. I—III и V, вып. 1-й.

— (Стр. 16). „Не въ одной семьѣ и въ кругу друзей Карамзинъ былъ точно видимая душа, живое провидѣніе, очевидная совѣсть“.—Срвн. въ „Отрывкѣ изъ стихотворенія «Деревня»“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, т. III, стр. 144):

Душевной чистоты священное зеркало—

Твой образъ въ совѣсти—упрека будить гласъ.

Какъ часто въ лживыхъ снахъ, какъ свѣтъ разсудка гасъ

И нѣга слабостей господствовала мною,

Ты совѣсти моею былъ совѣстью живою.

— (Стр. 17). „Бѣдный Тургеневъ! Братъ его отданъ подъ судъ...“—Кн. П. А. Вяземскій имѣетъ въ виду здѣсь брата А. И. Тургенева, Николая Ивановича Тургенева, который обвинялся въ участіи въ заговорѣ декабристовъ, былъ вызванъ изъ-заграницы къ суду, но не явился въ Россію и былъ осужденъ заочно.—См. т. I—III;—см. *Библиотека декабристовъ* (подъ ред. Г. Балицкаго), М. 1907, вып. 2, „Россія и русскіе Николая Тургенева. Первое русское изданіе. Ч. I. Его портретъ и статьи Г. Балицкаго и А. И. Герцена“.

— (Стр. 17). Орловъ—Михаилъ Ѳедоровичъ; Орлова—его жена, Екатерина Николаевна.

— (Стр. 17). Мухановъ—вѣроятно, Александръ Алексѣевичъ.—См. его письмо къ Владимиру Алексѣевичу Муханову отъ 14 мая 1826 г., напечатанное въ *Шукинскомъ Сборникѣ*, вып. IV, М. 1905, стр. 108—109.

14. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 4 [іюня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 18). Жихаревъ—Степанъ Петровичъ.—См. выше.

— (Стр. 18). Ив. Ив.—Иванъ Ивановичъ Тургеневъ.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 142.

— (Стр. 19). Князь Павелъ—вѣроятно, Павелъ Павловичъ Гагаринъ, двоюродный братъ княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской и кн. Ѳедора Ѳеодоровича Гагарина.—См. кн. II. *Долоруковъ*. Россійская Родословная Книга, т. I, стр. 244.

— (Стр. 19). Новосильцовъ—Василій Сергѣевичъ—См. т.т. I—II.

— (Стр. 20). Володя и Лиза — дѣти Н. М. Карамзина.—См. т.т. I—III.

— (Стр. 20). Тургеневъ—Александръ Ивановичъ.

15. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 7 [іюня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 21). Баронъ Строгановъ—баронъ (съ 22 августа 1826 г.—графъ) Григорій Александровичъ. Указомъ 1 іюня 1826 г. онъ былъ назначенъ присутствовать въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ, судившемъ декабристовъ.— Женатъ на княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Трубецкой (См. Кн. II. *Долоруковъ*. Росс. Родосл. Книга, ч. I, стр. 324).

— (Стр. 21). Трубецкой—князь Сергѣй Петровичъ, декабристъ.

16. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 9 [іюня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 22). Новосильцовъ—Василій Сергѣевичъ.

— (Стр. 22). Огарева—Елизавета Сергѣевна.

17. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 10 [іюня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 23). Андрюша—Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

18. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 11 [іюня 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 24). „Я послалъ тебѣ вчера донесеніе Коммисіи“. Донесеніе Слѣдственной Коммисіи по дѣлу декабристовъ было напечатано отдѣльной брошюрой и приложено ко всѣмъ русскимъ газетамъ. (Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Т. I. СПб. 1903, стр. 431 и слѣд.).

— (Стр. 24). Булгаковъ—Константинъ Яковлевичъ.

19. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій своей жентѣ. 12 іюня [1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 24). Фовицкій—Иванъ Михайловичъ.—См. т. т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 25). Грабовскій—графъ Стефанъ Ѳомичъ.—См. т. II.

— (Стр. 25). Гутаковская—вѣроятно, графиня Жозефина, урожд. граф. Грудзинская.—См. т. I.

— (Стр. 25). Булгаковъ—Константинъ Яковлевичъ.—См. т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 25). Сѣверинъ—Дмитрій Петровичъ.

20. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 13 іюня [1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 26). Томасъ—докторъ.—См. т. V, вып. 1-й.

22. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 19 [іюня 1826 г.]. Ревель.

— (Стр. 27). Троицкое—имѣніе князей Оболенскихъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ.

— (Стр. 27). Пушкина—Елена Григорьевна (урожд. Воейкова).—См. письмо графини Генриетты Разумовской къ А. И. Тургеневу отъ 13 іюня н. ст. 1827 г. (*Русскій Архивъ* 1895, кн. II, стр. 490 и примѣч. на стр. 496); письмо В. А. Жуковского къ Е. Г. Пушкиной отъ 8 іюля 1826 г. (Сочиненія Жуковского, изд. 7-е, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VI, стр. 482), и „Дневникъ“ В. А. Жуковского. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова. С.-Пб. 1903, стр. 189—191.

— (Стр. 27). Чаадаевъ—Петръ Яковлевичъ, который находился въ это время въ Дрезденѣ.—См. *М. Гершензонъ*. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. С.-Пб. 1908, стр. 57—58;—Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Т. I. М. 1913, стр. 65—67, 365.

— (Стр. 27). Сергѣй Ивановичъ—Тургеневъ.—См. т. т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 29). „Письма русскаго путешественника“ — Н. М. Карамзина.

— (Стр. 29). „Дѣтское Чтеніе“.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 133.

— (Стр. 29). Гогенлозскія деньги — деньги за наемъ княземъ Гогенлоз московскаго дома князя П. А. Вяземскаго.—См. стр. 244.

— (Стр. 29.) Дашенька—Дарья Алексѣевна Окулова, въ замужествѣ—Шипова.—См. т. II.

— (Стр. 29). Лиза—Елизавета Николаевна Карамзина.—См. т. II.

23. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 22 іюня [1826 г. Ревель].

— (Стр. 30). Троицкое.—См. примѣч. къ стр. 27.

— (Стр. 30). Филимоновъ—Владиміръ Сергѣевичъ, писатель.

„Это какъ стихи Филимонова, которые онъ печаталъ изо всѣхъ угловъ бѣлаго свѣта“.—Кн. П. А. Вяземскій имѣеть въ виду, что подъ

многими стихотвореніями Филимонова находятся помѣтки: Кунцово; Тверь; Москва; дача близъ Яузы; Харьковъ; Васильевскій Островъ; Незнамово (по дорогѣ отъ Раненбурга къ Рязани); Гитефельдъ (въ окрестностяхъ Гамбурга), и др. (см. „Проза и стихи В. Филимонова. Спб. 1822“).

— (Стр. 31). Мухановы—Александръ Алексѣевичъ и Владиміръ Алексѣевичъ.—См. т. III.

— (Стр. 31). Отчетъ Коммисіи—докладъ Слѣдственной Коммисіи по дѣлу о декабристахъ.

— (Стр. 31). Тургеневъ—Александръ Ивановичъ.

— (Стр. 31). Сергѣй—Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ.

— (Стр. 32). Николай—Николай Ивановичъ Тургеневъ.

— (Стр. 32). Орлова—Екатерина Николаевна.

— (Стр. 32). Рушковскій—Иванъ Александровичъ, московскій почтъ-директоръ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 32). Булгаковъ—Константинъ Яковлевичъ.

24. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 26 іюня [1826 г. Ревель].

— (Стр. 33). Сѣверинъ—Дмитрій Петровичъ.—

— (Стр. 33). „..дѣло съ [принцемъ] Гогенлоэ перешло въ его [Сѣверина] руки“.—См. ниже (стр. 34—36) письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Д. П. Сѣверину.

— (Стр. 33). Новосильцовъ—Василій Сергѣевичъ.

— (Стр. 33). Радклиффъ—англійская писательница (1764—1823). Ея романъ „The Italian or the confessional of the black penitents“, напечатанный въ 1796 г., во французскомъ переводѣ („L'Italien ou le confessional des pénitens noirs“) съ 1798 г. появляется нѣсколько разъ. Последнее изданіе, которое могло быть въ рукахъ у кн. П. А. Вяземскаго въ 1826 г., напечатано въ Парижѣ въ 1819 г. [А. Ф.].

— (Стр. 34). Княгиня Наталья Голицына-Апраксина—княгиня Наталья Степановна Голицына, урожд. Апраксина.—См. т.т. III.

— (Стр. 34). „Сочиненіе М-me Belloc..... два тома о лордѣ Байронѣ“—„Lord Byron. Par M-me Louise Sw. Belloc“, Paris, 1824—1825, 2 tomes.—См. т. III, стр. 519.

24. Князь П. А. Вяземскій къ Д. П. Сѣверину. 26 іюня 1826 г. Ревель.

— (Стр. 35). Графиня Кутайсова—вѣроятно, графиня Анна Павловна.—См. стр. 49.—О Кутайсовыхъ см. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 36). Ségur—графъ Людовикъ-Филиппъ.—См. т.т. II—III.

— (Стр. 36). О запискахъ М-me Genlis см. т. III и статью кн. П. А. Вяземскаго въ Полн. собр. сочиненій, т. I, стр. 206—215.

— (Стр. 36). „Мое нѣжное почтеніе моей прошлогодней милой

хозяйкѣ...“ Князь П. А. Вяземскій имѣеть въ виду, очевидно, свое пребываніе въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ въ іюнѣ 1825 г. (См. т. V, вып. 1-ый, стр. 44—50).

25. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 29 [іюня 1826 г.]. Ревель.

— (Стр. 37). „...поклонился свѣжей могилѣ нашего маленькаго не здѣшняго именинника“.—Кн. П. А. Вяземскій имѣеть въ виду здѣсь своего умершаго сына Петра (род. 28 марта 1823 г., умеръ 18 апрѣля 1826 г.).

— (Стр. 38). Каверина — Марія Павловна (въ замужествѣ Олсуфьева).—См. т. III.

— (Стр. 38). „Прохоръ правъ...“.—См. выше, стр. 37.

— (Стр. 39). Полянскіе.—См. т. III.

— (Стр. 39). Бетанкуры—семья Августина Августиновича Бетанкура.—См. т. III.

— (Стр. 39). Княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, урожд. княжна Барятинская.—См. т.т. II, III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 39). Уварова-Разумовская—Екатерина Алексѣевна Уварова (урожд. графиня Разумовская).—См. т.т. I и III.

— (Стр. 39). Сухозанетъ-Бѣлосельская — Екатерина Александровна, урожд. княжна Бѣлосельская.—См. т. III.

— (Стр. 39). Васильчикова-Архарова—Александра Ивановна Васильчикова, урожд. Архарова.—См. т. I; см. ниже примѣч. къ стр. 46.

— (Стр. 39). Александръ Апраксинъ—графъ Александръ Петровичъ Апраксинъ.

— (Стр. 39). Эстляндскій губернаторъ—баронъ Богданъ Васильевичъ Будбергъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 39). Кюррингъ—баронесса Луиза, урожд. Сѣверина.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 39). Габбе—вѣроятно, Петръ Андреевичъ.—См. т. II.

— (Стр. 39). Строевъ—Павель Михайловичъ, археографъ?

— (Стр. 39). — „Ваши братцы Карамзины“ — сыновья Николая Михайловича Карамзина Александръ, Андрей, Владиміръ, Николай.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 40). „Вѣчный Бордо играетъ.....“.—Сравни въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ Н. А. Муханову отъ 29 іюня 1826 г. („Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, т. X, стр. 408): „Въ субботу здѣсь будетъ франц. спектакль. Вѣчный Бордо играетъ съ Alphonse, женою его и Dufour въ пользу нѣмецкихъ актеровъ“.

— (Стр. 40). Projets de mariage—„Les projets de mariage ou les deux militaires“. Comédie en un acte, en prose, par Duval (Alexandre-

Vincent Pineux, 1767—1842). Представлена въ первый разъ въ Comédie Française 4 іюня 1799 г., въ Théâtre — 5 августа 1798 г. Часто была играна на сценѣ Comédie Française въ 20—30-хъ годахъ XIX в., часто и издавалась [свѣдѣнія о піесѣ: „Projets de mariage“ сообщены А. А. Чебышевымъ].

— (Стр. 40). Кривцовъ—вѣроятно, Николай Ивановичъ. — См. т.т. I—III.

— (Стр. 40). Мухановъ—Александръ Алексѣевичъ.

26. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 3-е [іюля 1826 г.]. Ревель.

— (Стр. 40). Скюдери—Петръ Антоновичъ, докторъ.

— (Стр. 41). Бартенева—Юрій Никитичъ.

— (Стр. 41). Горняковскій—Александръ Васильевичъ, племянникъ Ю. Н. Бартенева; жена Горняковского владѣла землею, смежною съ Краснымъ Селомъ. — См. хранящіяся въ Остафьевскомъ архивѣ письма Горняковского отъ 3 октября 1824 г. и Ю. Н. Бартенева отъ 3 августа 1826 г.

— (Стр. 41). Костромская деревня—имѣніе князя П. А. Вяземскаго въ Костромской губерніи (Красное Село).

— (Стр. 41). Вимсъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 41). Буксгевденъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 41). Александръ—садовникъ? См. стр. 243 и 253.

— (Стр. 42). О Кноррингахъ см. т.т. I, II; V, вып. 1-й.

— (Стр. 42). Апраксинъ—вѣроятно, графъ Александръ Петровичъ, двоюродный братъ княг. В. Θ. Вяземской.

— (Стр. 42).—„Сердечно радуюсь благополучному разрѣшенію Орловой“.—У Екатерины Николаевны Орловой 16 іюня 1826 г. родилась дочь Анна. — См. „Архивъ Раевскихъ“, т. I. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. С.-Пб. 1908, стр. 273.

— (Стр. 42). Графъ Григорій—графъ Григорій Владимировичъ Орловъ. — См. т.т. I—III; см. письмо К. Я. Булгакова къ брату отъ 3 іюля 1826 г. (*Русскій Архивъ*, 1901, кн. II, стр. 395).

— (Стр. 42). Бобринская—графиня Лидія Алексѣевна, урожд. княжна Горчакова. Умерла 22 мая 1826 г.—См. т.т. III и V, вып. 1.

— (Стр. 42). Александръ—Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

— (Стр. 42). Николай Мухановъ.—См. письма кн. П. А. Вяземскаго къ нему и къ его братьямъ въ IX и X частяхъ „Сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, Москва, 1901—1902 г.г.

— (Стр. 42). Окулова.—Объ Окуловыхъ, сосѣдяхъ кн. П. А. Вяземскаго по Остафьеву, см. т.т. I—III; V, вып. 1.

27. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 6 [іюля 1826 г. Ревель].

— (Стр. 43). Бетанкуръ.—См. примѣч. къ стр. 39.

— (Стр. 43). Сухозанетша—Екатерина Александровна Сухозанетъ.

— (Стр. 44). Апраксинъ—вѣроятно, графъ Александръ Петровичъ.

— (Стр. 44). Мухановъ—Николай Алексѣевичъ.

— (Стр. 44). Шепелевъ—Дмитрій Дмитриевичъ, упоминаемый Вигелемъ (Записки, ч. V, М. 1892, стр. 169)?

— (Стр. 44). Дмитрій Давыдовъ—Дмитрій Александровичъ Давыдовъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1.

— (Стр. 44). Денисъ—Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.—См. т.т. I—III.

— (Стр. 44). Левушка—Левъ Васильевичъ Давыдовъ.—См. т. II; V, вып. 1.

— (Стр. 44). Піеса объ Остафьевѣ—вѣроятно, „Отрывокъ изъ стихотворенія Деревня“. (Полн. собр. сочин., т. III, стр. 143—145).

— (Стр. 45). Алексѣй Пушкинъ—Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, скончавшійся въ 1825 г.—См. т.т. I—III, т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 45). „Projets de mariage“.—См. примѣч. къ стр. 40.

28. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 10-го [іюля 1826 г.]. Ревель.

— (Стр. 46). Оленина—Барвара Петровна, урожд. Хитрова.—См. т. V, вып. 1.

— (Стр. 46). „...курсъ Кондильяка“—вѣроятно, „Cours d'Études du pr. de Parme“ французскаго философа Этьенъ-Боннота Кондильяка (1715—1780).

— (Стр. 46). „Les annales de la vertu ou l'histoire universelle iconographique et littéraire“. Paris 1825. (въ 84-томномъ собраніи сочиненій Genlis, т. 31—35). [А. Ф.]

— (Стр. 46). Елена Ивановна—бонна при дѣтяхъ кн. П. А. Вяземскаго?—См. т. V, вып. 1-й, стр. 16, 23, 31 и др.

— (Стр. 46). „Архарова, пріѣхавшая изъ Петербурга къ дочери“—Екатерина Александровна, урожд. Римская-Корсакова.—См. т.т. I и III.

— (Стр. 46). „Мы съ Архаровою не совершенно одногодки“.—Александра Ивановна Архарова (за мужемъ—за Алексѣемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ) родилась въ 1791 г., а кн. П. А. Вяземскій—въ 1792 г.—См. „Архаровы (Изъ памятныхъ записей Александра Алексѣевича Васильчикова)“ *Русск. Архивъ* 1909, № 1, стр. 10—13; „Изъ рассказовъ А. И. Васильчиковой [урожд. Архаровой]“ *Р. Арх.* 1909, № 11, стр. 204—207.

— (Стр. 47). Mademoiselle Marie—княжна Марія Петровна Вяземская.

- (Стр. 47). Pauline—княжна Прасковья Петровна Вяземская.
- (Стр. 47). M-r Barteneff—Юрій Никитичъ.
- (Стр. 48). „Сейчасъ ѣду... въ Вимсъ съ губернаторшею“—съ баронессою Будбергъ.
- (Стр. 48). Александръ—садовникъ въ Остафьевѣ.—См. стр. 9, 41, 243 и 251.

29. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 12-го [—13-го июля 1826 г. Ревель].

- (Стр. 49). Шишковъ.—Александръ Семеновичъ.—См. т. т. I—III; V, вып. 1-ый.
- (Стр. 49). Иванъ Ивановичъ—Тургеневъ.
- (Стр. 49). Графиня Анета—графиня Анна Павловна Кутайсова.—См. выше, стр. 35.
- (Стр. 50). Неѣловъ—вѣроятно, Сергѣй Алексѣевичъ.—См. т. т. II и III.

— (Стр. 50). Князь Павелъ Павловичъ—Гагаринъ, двоюродный братъ князя Василя Ѳедоровича Гагарина.—См. *Князь П. Доморукъ*. Росс. родословная книга, т. I, стр. 244.

- (Стр. 50). Архарова—Александра Ивановна.—См. выше, стр. 46.
- (Стр. 50). Тургеневъ—Александръ Ивановичъ.
- (Стр. 50). Орловъ—Михаилъ Ѳедоровичъ.
- (Стр. 50). Сергѣй—Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ.
- (Стр. 51). Батюшковъ—Константинъ Николаевичъ, поэтъ.
- (Стр. 51). Жуковскій—Василій Андреевичъ.—Въ 1825 г. былъ назначенъ воспитателемъ Наслѣдника Александра Николаевича.
- (Стр. 51). Будбергъ—баронъ Богданъ Васильевичъ, эстляндскій губернаторъ.
- (Стр. 51). Дмитріевъ—Иванъ Ивановичъ.
- (Стр. 51). Павелъ Петровичъ—князь Вяземскій, сынъ кн. П. А. Вяземскаго.

30. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 17-го [июля 1826 г. Ревель].

- (Стр. 53). Орловы—Михаилъ Ѳедоровичъ (возвратившійся въ Москву 19 июня 1826 г.) и его жена Екатерина Николаевна.
- (Стр. 53). Графиня Чернышева—Елизавета Петровна, урожд. Квашнина-Самарина, сынъ которой Захаръ Григорьевичъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ и приговоренъ къ ссылкѣ.—Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская, очевидно, сообщила мужу ошибочное извѣстіе о смерти графини Чернышевой (сравни. стр. 70), которая въ дѣйствительности умерла въ 1828 г.—См. о Чернышевыхъ т. т. I—III.

— (Стр. 53). „Бѣдный Александръ Тургеневъ.“—Кн. П. А. Вяземскій имѣеть въ виду, что братъ А. И. Тургенева Николай Ивановичъ Тургеневъ по дѣлу декабристовъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ вѣчныя каторжныя работы.—

31. Князь П. А. Вяземскій своей жень. 20-ю [іюля 1826 г. Ревель].

— (Стр. 53.) Голицынъ—князь Алексѣй.—См. письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Н. А. Муханову отъ 31 іюля 1826 г., напечатанное въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, ч. X, стр. 404.

— (Стр. 54). Княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая.— См. стр. 39.

— (Стр. 54). Рылѣевъ—Кондратій Ѳедоровичъ.

Кн. П. А. Вяземскій былъ знакомъ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, и слѣдній бывалъ у него.—См. „Кн. П. П. Вяземскій. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ“. [Первоначально напечатано въ газетѣ *Берегъ* за іюнь 1880 г., затѣмъ перепечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1884 г., II, 375—440 и въ „Собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1893“, стр. 467—566]: „Литературныя знаменитости“, пишетъ кн. П. П. Вяземскій (Собраніе сочиненій, стр. 508), „были намъ не въ диковину: Дмитріевъ, Жуковскій, Баратынскій вращались въ нашей дѣтской средѣ, даже Рылѣевъ, котораго я прозвалъ „voilà la chose“, по его обычному присловью, подмѣченному мною, всѣ они, повторяю, были и намъ, дѣтамъ, люди довольно близкіе“. Для характеристики отношеній Рылѣева къ кн. П. А. Вяземскому интересны слова Рылѣева въ письмѣ къ Воейкову отъ 1 іюля 1823 г.: „Милостивый Государь, Александръ Ѳедоровичъ! Душевно благодарю Васъ, почтеннѣйшій поэтъ, что вспомнили обо мнѣ. Желаніе Жуковскаго, Вяземскаго и Ваше для меня законъ...“.—См. *В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣева. Кіевъ. 1912* (оттискъ изъ Кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1911 и 1912 г.г.), стр. 91.—

— (Стр. 54). Муравьевъ—Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

— (Стр. 54). Каховскій—Петръ Григорьевичъ.—См. *П. Е. Щеголевъ. П. Г. Каховскій. (Былое 1906 г., № 1, стр. 129—166 и № 2, стр. 184—212).*

— (Стр. 55). „Княгиня Софья Волконская, т. е. сестра“—княгиня Софья Григорьевна Волконская, жена князя Петра Михайловича Волконскаго, сестра декабриста кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

— (Стр. 55). „А что слышно о жень?...“ Кн. П. А. Вяземскій имѣеть въ виду здѣсь жену декабриста Сергѣя Григорьевича Волкон-

скаго, Марію Николаевну, урожд. Раевскую.—См. *Архивъ Раевскихъ и Записки княгини М. Н. Волконской* (СПБ. 1904).

— (Стр. 55). О женахъ декабристовъ, послѣдовавшихъ за мужьями въ добровольную ссылку, см. П. Е. Щюлева. Жены декабристовъ и вопросъ объ ихъ юридическихъ правахъ („Историческіе этюды“. СПБ. 1913, стр. 395—441).

— (Стр. 55). „...у насъ такое же поколѣніе уже погасло.“ — У князя Петра Андреевича Вяземскаго умерли сыновья: Андрей—въ 1814 г., Дмитрій—въ 1817 г., Николай—въ 1825 г., Петръ—въ 1826 г.—См. т. т. I—II. Пользуемся случаемъ исправить ошибку, вкравшуюся въ примѣчаніе на стр. 404-й I-го тома; тамъ слѣдуетъ вмѣсто „сынъ его вн. Николай“ читать: „сынъ его вн. Андрей“. Сравни въ I томѣ стр. 389 и 485.

— (Стр. 55). Мальчики Карамзины.—См. примѣч. къ стр. 59.

— (Стр. 56). Не вполне ясное выраженіе: „на какомъ-то *отдѣленномъ* островѣ“ получаетъ объясненіе при сопоставленіи съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ „Le sagéme impromptu“ Грессе: „Il est une ile... dont les habitants malheureux, séparés du reste du monde.“

— (Стр. 56). Gresset—Jean-Baptiste-Louis Gresset, французскій писатель (1709—1777).

— (Стр. 56). Четвертинскіе—семья кн. Бориса Автоновича.

— (Стр. 56). Орлова—Екатерина Николаевна.

— (Стр. 56). André—Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

— (Стр. 56). Paul—князь Павелъ Петровичъ Вяземскій.

32. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 24-ю [іюля 1826 г. Ревель].

— (Стр. 57). Дмитріевъ—Иванъ Ивановичъ.

— (Стр. 57). Мухановъ—Николай Алексѣевичъ.

— (Стр. 57). Клюпфельды.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 58). Пушкины—семья Сергѣя Львовича Пушкина.—

См. т. V, вып. 1.

— (Стр. 58). Графъ Буксгевденъ.—См. т. V, в. 1.

— (Стр. 58). Николай—Николай Ивановичъ Тургеневъ.—См. выше.

33. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. [27-ю іюля 1826 г.]. Ревель.

— (Стр. 59). Красное Село—имѣніе кн. П. А. Вяземскаго въ Костромской губерніи.

— (Стр. 59). Иванъ Ивановичъ—Тургеневъ, управляющій имѣніемъ кн. П. А. Вяземскаго Остафьевымъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 59). Горняковскій—Александръ Васильевичъ.—См. примѣч. въ стр. 41.

— (Стр. 59). Бартеневъ—Юрій Никитичъ.

— (Стр. 61). Кушниковъ—Сергѣй Сергѣевичъ.—См. т.т. II, III, V, вып. 1.

— (Стр. 61). Вихтеръ-Паль (въ текстѣ ошибочно: Винтеръ-Паль).—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 61). Wielhorski—графъ Михаилъ Юрьевичъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 61). Mathieu—графъ Матвѣй Юрьевичъ Вьельгорскій.—См. т.т. II и III; V вып. 1.

— (Стр. 61). La correspondance de Byron avec sa mère.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 132.

— (Стр. 61). Des conversations de lord Byron.—См. т. III, стр. 479.

34. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 31-го [іюля 1826 г. Ревель].

— (Стр. 62). „...Сердечно радуюсь за тебя, что ты съ принцемъ...“—Кн. П. А. Вяземскій имѣетъ въ виду здѣсь принца Гогенлоз, который нанялъ его московскій домъ.

— (Стр. 62). Голицынъ—князь Александръ Николаевичъ.

— (Стр. 62). Будберговы—семья барона Богдана Васильевича Будберга.

— (Стр. 63). Лодомирскій—Василій Николаевичъ.—См. т.т. I и III.

— (Стр. 63). Мухановъ—Николай Алексѣевичъ.

— (Стр. 63). Князь Павелъ—князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ.

— (Стр. 63). О поѣздкѣ въ Вихтеръ-Паль (въ текстѣ ошибочно напечатано Винтеръ-Паль) см. „Полн. собр. сочиненій кн. Вяземскаго“—т. IX, стр. 88.

— (Стр. 63). Пущинъ.—Михаилъ Ивановичъ.—См. т.т. IV и V, вып. 1-й.

— (Стр. 65). Габбе—Петръ Андреевичъ.—См. т. II.

— (Стр. 65). Строевъ—Павелъ Михайловичъ?

— (Стр. 65). Жуковскій—Василій Андреевичъ.

— (Стр. 65). Сергѣй—Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ.

— (Стр. 65). Блудовъ—Дмитрій Николаевичъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1.

— (Стр. 65). Дашковъ—Дмитрій Васильевичъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

35. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 3-го августа [1826 г. Ревель].

— (Стр. 67). „La fiancée de Lammermoor“—французскій переводъ романа Вальтеръ Скотта: „The Bride of Lammermoor“. Равенсвудъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, ѣдетъ верхомъ по берегу моря и погибаетъ вмѣстѣ съ лошадыю въ пескахъ. [А. Ф.]

— (Стр. 67). „Les souvenirs de Félicie“ — Записки М-me Genlis, изданныя въ 1825 г.

— (Стр. 67). Le dictionnaire des étiquettes.—Полное заглавіе этого сочиненія М-me Genlis: „Dictionnaire critique et raisonné des étiquettes de la cour, des usages du monde, des amusemens, des modes, des moeurs etc. des françois, depuis la mort de Louis XVIII jusqu' à nos jours, contenant le tableau de la cour, de la société et de la littérature du XVIII siècle, ou l'esprit des étiquettes et des usages anciens, comparés aux modernes“. Paris. 1818. Т. 1—2. [А. Ф.]

— (Стр. 68). Голицына-Апраксина. — Княгиня Наталья Степановна Голицына, урожд. Апраксина.—См. т. III.

— (Стр. 68). Володенька—Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ.

36. Князь П. А. Вяземскій своей женѣ. 7-го августа [1826 г. Ревель].

— (Стр. 69). Подъ „варшавской помощью“ кн. П. А. Вяземскій разумѣеть, очевидно, помощь Цесаревича Константина Павловича и княгини Ловичъ. См. выше стр. 13.

— (Стр. 69). Рагузскій — герцогъ Рагузскій, маршалъ Auguste-Frédéric-Louis Viesse de Marmont, представитель Франціи на коронаціи Императора Николая I-го.—См. т. III.

— (Стр. 70). Ancelet.—Jacques-Arsène-François - Polycarpe Ancelet, французскій писатель (1794—1854).—См. т. III, стр. 508—510.

— (Стр. 70). Василий Львовичъ—Пушкинъ.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 70). Чернышева — графиня Елизавета Петровна. — См. примѣчаніе къ стр. 53.

— (Стр. 70). Зенеида—княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожд. княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская.—См. т.т. I—III; V, в. 1.

— (Стр. 70). Княгиня Софія—княгиня Софія Григорьевна Волконская, урожд. княжна Волковская.

— (Стр. 70). Тишертъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 70). Кроунъ—Романъ Васильевичъ, адмиралъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 70). Шварценбергъ.—См. т. V, вып. 1.

— (Стр. 70). Егеръ-мейстеръ—графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій.

— (Стр. 70). Перовскій—графъ Василий Алексѣевичъ, находившійся въ тѣсной дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ.—См. Р. Архивъ 1878, кн. 1, стр. 374.—См. т.т. I—III.

— (Стр. 71). Прощальное письмо К. Θ. Рылѣва къ женѣ было прислано князю П. А. Вяземскому, по его просьбѣ, Н. А. Мухановымъ.—

См. письма князя Вяземскаго къ нему отъ 31 іюля и отъ 7 августа 1826 г., напечатанныя въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, ч. X., стр. 404—405.—Факсимиле письма см. въ книгѣ *В. И. Маслова*: Литературная дѣятельность К. Θ. Рылѣва. Кіевъ. 1912 (снимокъ помѣщенъ между стр. 104—105).

37. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 10-го [августа 1826 г. Ревель].

— (Стр. 72). Вьельгорскій—графъ Михаилъ Юрьевичъ.

— (Стр. 72). ...„прислать сюда Байрона“.—См. стр. 61.

— (Стр. 73). Жихаревъ—Степанъ Петровичъ.

— (Стр. 73). Дмитріевъ—Иванъ Ивановичъ.

— (Стр. 74). Блудовъ—Дмитрій Николаевичъ.

— (Стр. 74). Сѣверинъ—Дмитрій Петровичъ.

38. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 14 августа 1826 г.

— (Стр. 75). Шепелевъ—Дмитрій Дмитріевичъ Шепелевъ.

— (Стр. 76). Ив. Ив.—Иванъ Ивановичъ Тургеневъ.

— (Стр. 76). М-ше (въ текстѣ опечатка: M-r) Pichler—Caroline Pichler, вѣмедкая романистка (1769—1843). Ея романъ: „Die Belagerung Wiens von 1683“ (Wien. 1824. 3 B-de), во французскомъ переводѣ: „Le siège de Vienne. Roman historique traduit de l'allemand de M-me Caroline Pichler par M-me la baronne Isabelle de Montolieu“, вышелъ въ Парижѣ въ 1826 г., въ двухъ изданіяхъ: 1-е въ 4-хъ томахъ, 2-е въ 3-хъ томахъ. [А. Ф].

— (Стр. 76). Алексѣй Михайловичъ—Пушкинъ—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 76). Пушкина—Ольга Сергѣевна, сестра поэта, въ замужествѣ—Павлицева.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 76). Бумажное озеро.—См. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, „Старая записная книжка“, стр. 91.

— (Стр. 76). Докторъ Винклеръ.—См. т. V, в. 1-й, стр. 57.

— (Стр. 76). Куракина-Голицына—княгиня Елисавета Борисовна Куракина, урожд. Голицына.—См. *Кн. П. Доморуковъ*. Россійская родословная книга, ч. I, стр. 317.

— (Стр. 76). Въ Charenton (городъ близъ Парижа) находится извѣстная больница для душевно-больныхъ.

— (Стр. 76). Трубецкой—князь Сергѣй Петровичъ, декабристъ.

— (Стр. 76). Потемкина—Елисавета Петровна, урожд. княжна Трубецкая, въ 2-мъ бракѣ Подчаская.—См. т.т. III и V, вып. 1-й.

— (Стр. 77). Уварова—Екатерина Сергѣевна, урожд. Лунина?—См. т. I.

— (Стр. 77). Долгорукая-Гагарина—княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукая, урожд. княжна Гагарина.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 77). Гагарина-Пушкина—княгиня Варвара Михайловна Гагарина, урожд. Пушкина.—См. т.т. II—III.

39. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 16 [августа 1826 г. Ревель].

— (Стр. 77). Девонширъ—герцогъ Девонширскій, прїѣзжавшій въ Россію на коронацію Императора Николая I.

— (Стр. 77). Рагузскій.—См. примѣч. къ стр. 69.

40. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 21 [августа 1826 г. Ревель].

— (Стр. 80). Спафарьевъ—Леонтій Васильевичъ, директоръ маяковъ Финскаго залива и командиръ Ревельскаго порта.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 80). Володя—Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ.—

— (Стр. 81). Иванъ Александровичъ Нарышкинъ—оберъ-церемоніймейстеръ.—См. т. I.

— (Стр. 83). „..... напомнило оно мое страданіе въ началѣ Бородинскаго дѣла, когда я не имѣлъ лошади и думалъ простоять все сраженіе“.—См. объ этомъ въ „Полномъ собр. сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, т. VII, стр. 203—204.

42. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 24-ю [—25-ю августа 1826 г. Гельсингфорсъ].

— (Стр. 84). Барклай-де-Толли—князь Михаилъ Богдановичъ Финляндскимъ генераль-губернаторомъ онъ былъ въ 1809—1810 г.г.

— (Стр. 84). Баронъ Klingkowström—Otto Wilhelm Klinckowström (род. 1778 † 1850), камергеръ Русскаго Высочайшаго Двора, сенаторъ (а съ 1828 г. и предсѣдатель финскаго сената).—См. „Svenska Adels Attar-Taflor. Utgifna af Gabriel. Anger Stockholm. 1861“, т. II, р. 444 [Указаніе на это изданіе сдѣлано С. Н. Тройницкимъ];—Кн. П. Долгоруковъ. Россійская Родословная книга, ч. III, стр. 354.

— (Стр. 84). Армфельтъ—графъ Александръ Густавовичъ, впоследствии статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго (1794—1875).

— (Стр. 84). Закревскій—графъ Арсеній Андреевичъ, командиръ Финляндскаго корпуса.—См. т.т. I—III.

— (Стр. 85). Графъ Владимиръ Пушкинъ—графъ Владимиръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, сынъ графа Алексѣя Ивановича и графини Екатерины Алексѣевны (урожд. княжны Волконской) Мусинъ-Пушкиныхъ.—См. *Князь Петръ Доморукъ*. Россійская родословная книга, ч. II, стр. 198—199;—см. *Ост. Архивъ*, т. I, стр. 557.

43. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. [28 августа 1826 г. Ревель].

— (Стр. 87). Тимирязевъ—Иванъ Семеновичъ, адъютантъ Великаго Князя Константина Павловича.—См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

— (Стр. 87). Прасковья Юрьевна — Кологривова, въ первомъ бракѣ княгиня Гагарина, урожд. княжна Трубецкая, мать княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской.—См. т.т. I—III, V, вып. 1-й.

— (Стр. 87). Дороховы.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 87). „Вотъ куда дернуло Дениса“.—Денисъ Васильевичъ Давыдовъ съ началомъ войны съ Персїею въ августѣ 1826 года уѣхалъ на Кавказъ и былъ назначенъ временнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ на границѣ Эриванскаго ханства.—См. В. В. Жерое. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Сиб. 1913, стр. 114—116.

44. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 31 августа [1826 г. Ревель]

— (Стр. 88). Кашкинъ—Николай Евгеніевичъ? См. т. III.

— (Стр. 88). Курута—Дмитрій Дмитріевичъ, начальникъ штаба Цесаревича Константина Павловича, былъ возведенъ въ графское достоинство 22 августа 1826 г.—См. т.т. I—III; срвн. отзывъ о немъ кн. П. А. Вяземскаго въ „Полномъ собраніи сочиненій“, т. VIII, стр. 357.

— (Стр. 88). Анета Окулова—Анна Алексѣевна Окулова.—См. т.т. II и V, вып. 1-й.

— (Стр. 89). Киселевы—графъ Павелъ Дмитріевичъ и графиня Софья Станиславовна, урожд. гр. Потоцкая.

45. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 6 сентября [1826 г.]. С.-Петербургъ.

— (Стр. 89). Балетъ „Русланъ и Людмила“—балетъ Адама Павловича Глушковскаго.—См. т. I.

— (Стр. 89). Мухановъ—Николай Алексѣевичъ.—См. „Сборникъ, старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина“, ч. X, стр. 404.

— (Стр. 90). Голицынъ—князь Алексѣй.—См. примѣч. къ стр. 53.

46. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 8 сентября 1826 г.

— (Стр. 91). Княгиня Софія Григорьевна Волконская, урожд. Волконская.

— (Стр. 91). „Мужъ ея теперь главный по придворной части“—князь Петръ Михайловичъ Волконскій, назначенный въ 1826 году министромъ Императорскаго Двора.

— (Стр. 91). Княгиня Зенеида.—См. выше, стр. 258.

— (Стр. 91). Татищева—Варвара Александровна, урожд. Буткевичъ, жена военнаго министра Александра Ивановича Татищева (съ 1826 г.—графъ).—См. т. V, вып. 1-й;—Кн. П. И. Доморукоевъ. Россійская родословная книга. ч. II, стр. 229—230.

47. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 9-го [сентября] 1826 г. [С.-Петербургъ].

— (Стр. 92). Княжна Анна—княжна Анна Михайловна Волконская, сестра князя Петра Михайловича Волконскаго, въ замужествѣ—Грессеръ.—См. *Кн. П. И. Доморуковъ*. Россійская родословная книга, ч. I, стр. 266.

— (Стр. 92). Княгиня Софія—княгиня Софія Григорьевна Волконская.

— (Стр. 92). Завадовскій.—О Завадовскихъ см. т. II и III.

48. Князь П. А. Вяземскій своей жентѣ. 11 [сентября] 1826 г. С.-Петербургъ].

— (Стр. 93). Полетика—Петръ Ивановичъ.—См. т.т. I—III.

49. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему муму. 26 мая [1824 г.] Тула.

— (Стр. 97). Княгиня В. Ѳ. Вяземская 24 мая 1824 г. отправилась изъ Остафьева (Московск. губ. Подольск. у.) въ Одессу съ двумя больными дѣтьми (Николаемъ и Надеждою) для ихъ лѣченія. Другія дѣти (Марія, Павелъ, Прасковья и Петръ) остались съ кн. П. А. Вяземскимъ въ Остафьевѣ.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 9 и слѣд.

— (Стр. 97). Лопасня—село Московской губ. Серпуховскаго уѣзда.

— (Стр. 97). Podolsk—уѣздный городъ Московской губ.

— (Стр. 97). Зонтагъ—Анна Петровна, урожд. Юшкова (1785—1864), писательница, другъ Жуковскаго.—См. *И. А. Бычковъ*. Незданные письма Жуковскаго къ А. П. Елагинной и А. П. Зонтагъ. (Отдѣльн. отт. изъ *Русскаго Библюфила*, ноябрь—декабрь 1912).

— (Стр. 97). M-lle Gogé—гувернантка, оставшаяся въ Остафьевѣ при дѣтяхъ, которые не поѣхали съ княгинею В. Ѳ. Вяземскою въ Одессу.—См. т. V, вып. 1-й.

50. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему муму. 28 мая [1824 г.] Орель.

— (Стр. 98). Orloff—жена Михаила Ѳедоровича Орлова, Екатерина Николаевна Орлова, урожд. Раевская.

51. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему муму. 1 июня [1824 г.] Кіевъ.

— (Стр. 98). Orloff Michel—Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.

— (Стр. 98). Léon Davidoff—Левъ Васильевичъ Давыдовъ, братъ партизана, родственникъ Раевскихъ.—См. т. II, стр. 522;—см. *Архивъ Раевскихъ*, т. I. Спб. 1908.

— (Стр. 98). Les Raievsky—семья Николая Николаевича Раевского.—См. т. I—III;—см. *Архивъ Раевскихъ*.

— (Стр. 99). Volkonsky—князь Сергѣй Григорьевичъ.—См. т. V, вып. 1-й.

52. Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу. [Июнь 1824 г. Киевъ].

— (Стр. 99). Orloff—вѣроятно, Михаилъ Федоровичъ.—Срвн. стр. 98.

— (Стр. 100). Pouchkin—Александръ Сергѣевичъ.—О пребываніи Пушкина въ Одессѣ см. *Н. О. Лернеръ*. Пушкинъ въ Одессѣ (Библиотека великихъ писателей. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Пушкинъ, т. II, Спб. 1908, стр. 263—280).—*П. Е. Щеголевъ*. Амаля Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина. (Первоначально напечатано въ *Вѣстникъ Европы* 1904, январь; съ нѣкоторыми измѣненіями перепечатана въ книгѣ *П. Е. Щеголевъ*. Пушкинъ. Очерки. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1912).

— (Стр. 100). „Nous avons déploré ici la mort de Byron“.—Байронъ скончался 19 апрѣля 1824 г.—См. V, вып. 1-й.

— (Стр. 100). Кюхельбекеръ—Вильгельмъ Карловичъ.—О тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказался В. К. Кюхельбекеръ послѣ второй отставки, и объ участіи въ его судьбѣ кн. П. А. Вяземскаго см. *Д. Кобеко*. Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. С.-Пб. 1911; стр. 187—189, 233 и слѣд.

— (Стр. 100). Антонскій—Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ—Антонскій—См. т.т. I—III.

— (Стр. 100). Comte Olisar—графъ Густавъ Филипповичъ Олизаръ—См. *Pamiętniki Gustawa Olizara (1796—1865). Z przedmową. J. Leszczyca*. Lwow. 1892, стр. 154—160;—*Архивъ Раевскихъ*, т. I, С.-Пб. 1908.—См. примѣч. *Н. О. Лернера* къ стихотворенію Пушкина: „Графу О. . .“ (Пушкинъ въ изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. III, стр. 552—556).

— (Стр. 100). Pulavi—Пулавы (теперь—Новая Александрія, Люблинской губ.).

— (Стр. 100). Gogel—генераль-лейтенантъ Федоръ Григорьевичъ Гогель, женатый во второмъ бракѣ на графинѣ Каролинѣ Мола, бывшей въ первомъ бракѣ за гр. Олизаръ.—См. *Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій*. Русская родословная книга. Т. I. Спб. 1895, стр. 143;—см. *Русск. Архивъ* 1902, кн. II, стр. 278.

— (Стр. 100). Чебытаревъ—полковникъ М. Чеботаревъ?—См. *М. Ѡ. Шуцуровъ*. О бунтѣ Черниговскаго полка. (*Р. Архивъ* 1902 г., кн. II, стр. 301—302).

— (*Стр. 100*). Mouravieff — вѣроятно, Иполить Ивановичъ и Сергѣй Ивановичъ Муравьевы-Апостолъ, служившіе въ это время въ Черниговскомъ полку.

— (*Стр. 100*). Mouhanoff — Петръ Александровичъ, адъютантъ Н. Н. Раевского. — См. *Архивъ Раевскихъ*, т. I, стр. 232—233.

53. Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу. 13 іюня [1824 г.].
Одесса.

— (*Стр. 101*). Troubetzkoy — князь Петръ Петровичъ. — См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр. 102*). Le C-te et la C-tesse Vorontzoff — графъ Михаилъ Семеновичъ и графиня Елисавета Ксаверьевна, урожд. гр. Браницкая. — См. т.т. I—III.

— (*Стр. 102*). M-me Gourieff — графиня Евдокія Петровна Гурьева, урожд. графиня Толстая, жена графа Александра Дмитріевича Гурьева, одесскаго градоначальника. — См. *Кн. II. Доморукость*. Россійская родословная книга, ч. II, стр. 234; — *Записки Вишеля*, ч. V, 144; ч. VI, 127, 129.

— (*Стр. 102*). La princesse Volkonsky — княгиня Софія Григорьевна Волконская, урожд. княжна Волконская. — См. т. III и V, вып. 1-й.

— (*Стр. 102*). Суханово — имѣніе князей Волконскихъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ., въ 10 верстахъ отъ Остафьева. — См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр. 102*). Sontag — Егоръ Васильевичъ, капитанъ надъ Одесскимъ портомъ, мужъ А. П. Зонтагъ. — См. *Записки Ф. Ф. Вишеля*, ч. VI—VII, М. 1893, стр. 216.

— (*Стр. 102*). La jeune Princesse Volkonsky — княжна Александра Петровна Волконская, дочь кн. Петра Михайловича Волконскаго. — См. т. III и V, вып. 1-й.

— (*Стр. 103*). Василий Львовичъ — Пушкинъ. — См. т.т. I—III; V, вып. 1-й.

54. Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу. 16 іюня [1824 г.].
Одесса.

— (*Стр. 103*). Рушковскій — Иванъ Александровичъ.

— (*Стр. 103*). Davidoff — Петръ Львовичъ. — См. *Архивъ Раевскихъ*, т. I, стр. 16 и др.

— (*Стр. 105*). Madame Edling — графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, урожд. Стурдза, сестра первой жены Дмитрія Петровича Сѣверина. — См. т. I.

— (*Стр.* 105). Des Orloffs—Михаиль Ѳедоровичъ Орловъ и его жена Екатерина Николаевна, урожд. Раевская.

— (*Стр.* 105). Les Volkonsky—княгиня Софія Григорьевна Волконская и ея дочь княжна Александра.

— (*Стр.* 105). Bubna Volkonsky—князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 28, 128.

— (*Стр.* 105). Le Prince Shahoffskoу—князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, адъютантъ кн. М. С. Воронцова.—См. *Записки Вишеля*, ч. VI, стр. 121.

— (*Стр.* 105). Pauline Mouraviéff—Прасковья Михайловна Муравьева, урожд. княжна Шаховская, жена Александра Николаевича Муравьева.—См. *Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій*. Русская родословная книга, т. I, изд. 2-е, С.-Пб. 1895, стр. 410.

— (*Стр.* 105). Saveleff—Савеловъ Автамонъ Петровичъ, родственникъ гр. А. Д. Гурьева.—См. *Записки гр. М. Д. Бутурлина (Р. Арх.* 1897 г., т. II, стр. 18 и 29);—*Д. М. Савеловъ*. Родъ дворянъ Савеловыхъ (Савелковыхъ). М. 1895, стр. 41.—Ср. примѣч. къ стр. 126.

— (*Стр.* 105). Viguel—Филиппъ Филипповичъ.—См. отзывъ его о княгивѣ В. Ѳ. Вяземской въ его *Запискахъ*, ч. IV, 123—125, ч. VI, 29.

— (*Стр.* 105). La princesse Volkonsky — княгиня Софья Григорьевна Волконская.—См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр.* 105). Суханово.—См. примѣч. къ стр. 102.

— (*Стр.* 105). M-me Gourieff—графиня Евдокія Петровна.

— (*Стр.* 105), Stourdza.—О семьѣ Стурдза см. т.т. I—II.

— (*Стр.* 105). M-me Catalani—Аделина Каталани.—См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр.* 105). M-me Anti—Луиджіа Анти, пѣвица.—См. т. II.

— (*Стр.* 105). M-me Obrescoff — Софія Александровна, урожд. княжна Щербатова, тяжело больная въ это время († 18 іюля 1824 г.).—См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр.* 105). Pierre Troubetzkoу—князь Петръ Петровичъ.

55. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему муму. 20 іюня [1824 г.]
Одесса.

— (*Стр.* 106). Langeron — графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ, бывший Новороссійскій генералъ-губернаторъ, женатый на Елизаветѣ Адольфовнѣ Бреммеръ.—См. о нихъ въ *Запискахъ Вишеля*, ч.ч. VI—VII.

— (*Стр.* 107). Gilet—Петръ Ивановичъ Жилле, проф. Ршелявскаго лицея, женатый на Вѣрѣ Андреевнѣ Гольцъ.—См. *Записки*

ир. М. Д. Бутурлина (Р. Архивъ 1897 г., кн. I, стр. 440—441, кн. II, стр. 13 и 21).

(*Стр. 108*).—Troubetzkoу — князь Петръ Петровичъ.

56. Княгиня Вѣра Ѳеодоровна Вяземская своему мужу. 23 іюня [1824 г.]. Одесса.

— (*Стр. 109*). Mad. Pouchkin—вѣроятно Елена Григорьевна Пушкина.—См. т. I—III; V, вып. 1-й.

— (*Стр. 109*). Pouqueville—сочиненіе Пукевилля: „Histoire de la régénération de la Grèce. Paris. 1824“.—См. т. III.

— (*Стр. 110*). Viélhorsky—графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій.—См. т. I—III; V, вып. 1-й.

— (*Стр. 110*). Sophie—Софья Ѳеодоровна Лодомирская.

— (*Стр. 110*). Blagemberg — Иванъ Павловичъ Бларамбергъ, начальникъ Одесскаго Таможеннаго Округа. — См. „Русскій Біографическій Словарь“; см. *Записки М. Д. Бутурлина (Р. Архивъ, 1897 г., кн. II, стр. 23)*.

— (*Стр. 110*). Vitt—графъ Иванъ Осиповичъ, начальникъ военныхъ поселеній въ Новороссійскомъ краѣ.—См. „*Записки Вишеля*“, ч.ч. VI—VII, М. 1893, стр. 136 и др.

57. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 25 іюня [1825 г. Одесса].

— (*Стр. 111*). M-me Gourieff—графиня Евдокія Петровна.

— (*Стр. 111*). La Princesse Volkonsky—княгиня Софія Григорьевна Волконская.—См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр. 111*). Анна Захаровна—няня? См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр. 111*). Czertvertinsky—князь Борисъ Антоновичъ.

— (*Стр. 112*). Lodomirsky—Василій Николаевичъ.

— (*Стр. 112*). Viélhorsky—графъ Михаилъ Юрьевичъ.

58. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 27 іюня [1824 г.]. Одесса.

— (*Стр. 113*). Vitt—графъ Иванъ Осиповичъ.

59. Княгиня Вѣра Ѳеодоровна Вяземская своему мужу. 29 іюня [1824 г.]. Одесса.

— (*Стр. 113*). Sophie Narischkine — Софія Дмитріевна Нарышкина.—См. т. т. III и V, вып. 1-й.

— (*Стр. 113*). Tourguéneff — Александръ Ивановичъ (уволень въ отставку 17 мая 1824 г.—См. т. III, стр. 427).

— (*Стр. 114*). Le mari de la P[rincesse] Volkonsky—князь Петръ Михайловичъ Волконскій.—Le père de M-me Gourieff — графъ Петръ

Александровичъ Толстой (см. *Кн. П. Долоруковъ*. Россійская родословная книга, т. II, стр. 126).

60. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 4 июля [1824 г.]. *Одесса*.

— (Стр. 114). Caroline и Héléne—бонны при дѣтяхъ кн. П. А. Вяземскаго.

— (Стр. 114). Гейнеманъ—учитель музыки.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 114). Gilet.—См. примѣч. къ стр. 107.

— (Стр. 114). Boutourline—графъ Михайлъ Дмитриевичъ.—См. его „Записки“ въ *P. Arch.* 1897, т. II, стр. 12—31.

— (Стр. 114). M-me Edling.—См. примѣч. къ стр. 105.

— (Стр. 115). Volkonsky—Князь Сергѣй Григорьевичъ.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 115). „tu as le frère...“ — княгиня В. Ѳ. Вяземская имѣеть въ виду здѣсь кн. Никиту Григорьевича Волконскаго.—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 116). „L'histoire de l'album...“ — См. т. V, вып. 1-й, стр. 17—18.

— (Стр. 116). Sophie—Софья Ѳеодоровна Лодомирская.

— (Стр. 116). M-me Lorer.—О семьѣ Лореръ см. *Архивъ Раевскихъ*, т. I, стр. стр. 46—47 и слѣд.

— (Стр. 116). Sontag.—См. примѣч. къ стр. 102.

— (Стр. 116). M-me Orloff—Екатерина Николаевна, урожд. Раевская.

— (Стр. 116). M-r Raewsky—Николай Николаевичъ старшій; M-me—Софья Алексѣевна Раевская, урожд. Константинова; M-me Marie—Марія Николаевна Раевская (въ замужествѣ—княгиня Волконская).—См. *Архивъ Раевскихъ*.

— (Стр. 116). Boulgakoff—Александръ Яковлевичъ.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 16.

61. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 4 июля [1824 г.]. *Одесса*.

— (Стр. 117). Sophie—Софья Ѳеодоровна Лодомирская.

— (Стр. 117). Савелевъ.—См. прим. къ стр. 105 и 126.

62. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 7 июля [1824 г.]. *Одесса*.

— (Стр. 118). Ольшаны—мѣстечко Кіевской губ.—См. *Архивъ Раевскихъ*, т. I.

— (Стр. 118). Рущковскій—Иванъ Александровичъ, московскій почтъ-директоръ.

— (Стр. 118). Sophie—Софья Ѳеодоровна Лодомирская.

— (Стр. 119). Aimée — Любовь Ѳедоровна Полуектова, урожд. княжна Гагарина, сестра кн. В. Ѳ. Вяземской.

— (Стр. 191). Bobrinsky — графъ Василій Алексѣвичъ. — См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 119). Lydie Gortschakoff — княжна Лидія Алексѣевна въ замужествѣ — графиня Бобринская. — См. т. V, вып. 1-й.

63. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 11 июля [1824 г.]. Одесса.

— (Стр. 120). Catalani — мужъ пѣвицы Аделины Каталани. — См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 121). Гейвеманъ — учитель музыки. — См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 122). Yrsari — принадлежавшій грекамъ островъ на Эгейскомъ морѣ; 3-го июля 1824 г. былъ взятъ и разоренъ турками.

— (Стр. 122). Sanaris — Константинъ, видный дѣятель греческаго возстанія; 17 августа 1824 г. онъ сжегъ у о. Самоса нѣсколько турецкихъ судовъ.

— (Стр. 123). М-me Свѣчина — Софія Петровна, урожд. Соймонова. — См. т.т. I—III.

(Стр. 123). Les Volkonsky — Княгиня Софія Григорьевна и ея дочь княжна Александра Петровна.

64. Княгиня В. Ѳ. Вяземская своему мужу. 14 июля [1824 г.]. Одесса.

— (Стр. 124). Кн. Волконская — княгиня Софія Григорьевна Волконская.

— (Стр. 124). Каталани. — См. примѣч. къ стр. 120.

65. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему мужу. [Одесса. 15 июля 1824 г.].

— (Стр. 124). М-me Bierginska — графиня Екатерина Андреевна Бержинская, урожд. княжна Долгорукова. — См. *Записки гр. М. Д. Бутурлина* (Р. Арх. 1897 г., кн. II, стр. 585).

— (Стр. 125). P[rincesse] Volkonsky — княгиня Софія Григорьевна Волконская.

— (Стр. 125). Sophie — Софья Ѳедоровна Лодомирская.

— (Стр. 125). Volkonsky — князь Сергѣй Григорьевичъ. — См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 125). Troubetzkoу — князь Петръ Петровичъ.

— (Стр. 125). М-me Volkoff — можетъ быть, Софія Александровна Волкова, урожд. Римская-Корсакова. — См. т.т. I и III.

66. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему мужу. Одесса. 18 июля [1824 г.].

— (*Стр. 126*). „Савелевъ, le ci-devant mari de la Татищевъ“.—Во II ч. „Россійской родословной книги, издаваемой кн. Петромъ Долгоруковымъ“, стр. 228, отмѣчено, что Софія Алексѣевна Татищева во второмъ бракѣ была за Автономомъ Петровичемъ Савеловымъ.

— (*Стр. 127*). Aimée — Любовь Ѳедоровна Полуектова, урожд. княжна Гагарина, сестра княгини В. Ѳ. Вяземской.—См. т. т. I, II, V, вып. 1-й.

— (*Стр. 127*). Кн. Болконская—Софія Григорьевна.

— (*Стр. 128*). Виттъ.—См. примѣч. къ стр. 110.

67. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему мужу. 19 іюля 1824 г.

Одесса.

— (*Стр. 128*). Les Gillet.—См. примѣч. къ стр. 107.

— (*Стр. 130*). M-me Dangeville — M-me Dangeville-Vanderberg, актриса.—См. т. V, вып. 1-й.

— (*Стр. 131*). Анна Захаровна — няня при дѣтяхъ кн. П. А. Вяземскаго.

— (*Стр. 132*). L'abbé Boisvin — французскій аббатъ, бывшій воспитатель графовъ Разумовскихъ, проживавшій на покоѣ въ Одессѣ. См. *Записки М. Д. Бутурлина* (Р. Архивъ, 1897 г.; кн. II, стр. 27—28).

— (*Стр. 133*). Sophie — Софья Ѳедоровна Лодомирская, сестра княг. В. Ѳ. Вяземской.

68. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему мужу. 25 іюля [1824 г.].

Одесса.

— (*Стр. 134*). Boutourlin—графъ Михаилъ Дмитріевичъ (См. его „Записки“ въ Русскомъ Архивѣ 1897—1898 г.г.;—о пребываніи его въ Одессѣ—въ II кн. 1897 г., стр. 12—31). Упоминаемый княг. В. Ѳ. Вяземской его гувернеръ—Слоанъ (см. тамъ же, кн. I, стр. 441—442 и др.).

— (*Стр. 134*). Leon Narischkin.—Ср. въ „*Запискахъ М. Д. Бутурлина*“ (Р. Арх. 1897 г., кн. II, стр. 21): „Въ Одессѣ жилъ тогда Левъ Александровичъ Нарышкинъ (братъ княгини Елены Александровны Суворовой), женатый на красавицѣ графинѣ Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой, сестрѣ графини Киселевой. Левъ Александровичъ былъ двоюродный братъ графа М. С. Воронцова. Графиня Воронцова и О. С. Нарышкина были неразлучны“.

— (*Стр. 135*). M-me Krivzoff — вѣроятно, Екатерина Ѳедоровна, урожд. Вадковская.—См. т. V, вып. 1-й, стр. 11 и 121.

69. Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская своему мужу. 27 іюля [1824 г.].

Одесса.

— (*Стр. 136*). Olga Narischkine.—См. примѣч. къ стр. 134.

70. Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу. 4 августа [1824 г.].
Одесса.

— (Стр. 140). Czertvertinsky — князь Борисъ Автоновичъ.—См. письмо П. А. Вяземскаго къ женѣ отъ 10 іюля 1824 г. въ V т., вып. 1-мъ, стр. 29.

— (Стр. 141). Les Narischkines.—См. примѣч. къ стр. 134.

71. Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу. 8 августа [1824 г.]. Одесса.

— (Стр. 141). Les Narischkines.—См. примѣч. къ стр. 134.

— (Стр. 142). Канарисъ.—См. примѣч. къ стр. 122.

— (Стр. 142). Ботцарисъ — одинъ изъ героевъ греческаго возстанія.—См. т. V, вып. 1-й.

73. Княгиня Вѣра Федоровна Вяземская своему мужу. 15 августа [1824 г.]. Одесса.

— (Стр. 145). La C[omtesse] Goudovitch — графиня Александра Григорьевна Гудовичъ, урожд. Энгельгардтъ.—См. *Архивъ Раевскихъ*, т. I, стр. 236.

— (Стр. 145). Saint Priest—графъ Эммануилъ Карловичъ?—См. т. V, вып. 1-й.

— (Стр. 145). Scudéri—Петръ Автоновичъ, московскій врачъ.

— (Стр. 146).—„Imagine-toi qu’hier à une représentation de M-me Dangeville un coup de sifflet est parti d’une loge...“—См. рассказъ объ этомъ въ „Запискахъ М. Д. Бутурлина“ (*Р. Архивъ*, 1897 г., кн. II, стр. 28).

76. Н. В. Гоголь къ князю П. А. Вяземскому. 1 января 1852 г.
[Москва].

— (Стр. 151). Убѣжденіе, что у князя П. А. Вяземскаго имѣются всѣ данныя для того, чтобы быть историкомъ, и что онъ долженъ заняться именно царствованіемъ Екатерины II-й, Гоголь высказывалъ и раньше. Срвн. въ напечатанномъ В. И. Шенрокомъ черновомъ письмѣ Гоголя (второй половины 1842 г.) къ князю Вяземскому („Письма Н. В. Гоголя“, изд. А. Ф. Маркса, т. II, стр. 225—227): „Назначеніе ваше и поприще явно. Неужели вы не видите? Вы владѣете глубокимъ даромъ историка—вѣнцомъ божьихъ даровъ, верхъ развитія и совершенства ума. Я вижу въ васъ историка въ полномъ смыслѣ сего слова. Грѣхъ и вѣчныя упреки будутъ на душѣ вашей, если вы не приметесь за великій подвигъ. Есть царствованія, заключающія въ себѣ почти волшебный рядъ чрезвычайностей, которыхъ образы уже стоятъ (*не разобраны два слова*), какъ у Гомера, несмотря на то, что и пятидесяти лѣтъ не протезло. Вы догады-

ваете, что я говорю о царствованіи Екатерины. Нѣтъ труда выше и благодарнѣе и который бы такъ сильно требовалъ глубокомыслія полнаго многосторонняго историка. Изъ него можетъ быть двѣнадцать томовъ чудной исторіи, и, клянусь, вы станете выше всѣхъ европейскихъ историковъ. Въ этомъ трудѣ вамъ откроется много наслажденія, вы много узнаете, чего не узнаетъ никто, и что больше всѣхъ вы узнаете, глубже, и много такихъ сторонъ, какихъ вы, можетъ быть, по скромности, не подозреваете въ себѣ. Ваша жизнь будетъ полна. Во имя Бога, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ. По крайней мѣрѣ предайтесь долго размышленію; они стоятъ того, потому что произнесены тѣмъ человѣкомъ (который) подвигнуть къ вамъ глубокимъ уваженіемъ, сильно понимающимъ ихъ; совѣсть (бы меня) мучила, если бы я не написалъ къ вамъ этого письма. Это было велѣніе извнутри меня,— потому оно могло быть Божье велѣніе,—и такъ, уважьте его вы*.

78. А. С. Грибоѣдовъ къ князю П. А. Вяземскому. *С.-Петербургъ. Юля 11-ю [1824 г.].*

— (Стр. 152). Андрей Андреевичъ Жандръ—писатель (1789—1873).

— (Стр. 152). Сосницкій—Иванъ Ивановичъ.—См. „Биографію И. И. Сосницкаго, артиста Императорскихъ театровъ“, С.-Пб. 1861, стр. 11—12: «Самое блестящее разнообразіе игры Сосницкаго оказалось въ комедіи князя Шаховскаго: „Шестьдесятъ лѣтъ антракта“. Это были двѣ сцены изъ жизни Волтера. Въ первой, онъ, будучи 20 лѣтъ, успѣхомъ своего *Эдипа* возбудилъ къ себѣ любовь одной дамы, а паденіемъ *Маріамны* получилъ отказъ. Во второй 80-ти лѣтній старикъ, видится еще съ развалинами первой любви своей,—и получаетъ вѣнокъ отъ публики за свою старческую трагедію *Ирену*. Сосницкой игралъ Волтера, и конечно самъ Фернейскій Философъ позабавлялъ бы своей копіи. До того онъ былъ прекрасно представленъ. Это было одно изъ лучшихъ торжествъ великаго актера».

79. Н. С. Аксаковъ къ князю П. А. Вяземскому. [*Серіевскій Посадъ Московской губ. 10 Августа 1855 г.*]

— (Стр. 154—155). Князь П. А. Вяземскій былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія съ 1855 по 1858 годъ.—Министромъ народнаго просвѣщенія въ это время былъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ.

Иванъ и Константинъ Сергѣевичи Аксаковы, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій и князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій подверглись особому гоненію со стороны цензуры послѣ выхода въ свѣтъ первой книги „Московскаго Сборника“ (1852 г.), направленіе котораго было признано Министромъ народнаго просвѣщенія предосудительнымъ.—См. *Русск. Стар.* 1875 г. т. XIV, стр. 367—379 („Эпизодъ изъ исторіи

славянофильства. 1852—1853^а).—Срвн. *Русск. Архивъ* въ 1878 г., кн. III, стр. 366, письмо А. С. Хомякова къ А. Θ. Гильфердингу.

Сочиненіе К. С. Аксакова „О русскихъ глаголахъ“ напечатано въ 1855 г. отдѣльной брошюрой (Москва). Въ „Полномъ собраніи сочиненій К. С. Аксакова“ оно перепечатано во П-мъ томѣ (стр. 405—438).

81. Князь П. А. Вяземскій — В. А. Жуковскому. [Москва. 1826 г.].

Письмо это написано въ 1826 году, вѣроятно, не позже первыхъ чиселъ марта, какъ это видно изъ письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 20 марта 1826 года. [Съ этимъ послѣднимъ письмомъ мы ознакомились, благодаря любезности В. М. Истрина и Н. К. Кульмана по недопечатанному еще выпуску издаваемого И. Академіей, Наукъ „Архива братьевъ Тургеневыхъ“].

— (Стр. 157). Тургеневы — Александръ Ивановичъ и Николай Ивановичъ. Въ началѣ 1826 г. они были въ Англіи; узнавъ о томъ что Николай Ивановичъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ, Александръ Ивановичъ возвратился въ Россію хлопотать за брата.

— (Стр. 158). Веллингтонъ—Артуръ-Коллей Веллеслей, фельд-маршалъ, представитель Великобританскаго правительства на коронаціи Императора Николая I-го.

— (Стр. 158). Трубецкой—князь Сергѣй Петровичъ, декабристъ.— См. т.т. I, III.

— (Стр. 158). Грабе-Горскій — Осипъ Викентьевичъ.—Разсказъ его о томъ, какъ онъ былъ замѣшанъ въ дѣло декабристовъ, см. въ его „Запискѣ“ (Девятнадцатый вѣкъ. Историческій Сборникъ, издаваемый П. Баргеновымъ. Кн. I, М. 1872, стр. 201—212);—срвн. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. Изд. *Р. Архива*. М. 1895“, стр. 207—209.

— (Стр. 158). Пестель—Павель Ивановичъ, декабристъ.

— (Стр. 158). Хвостовъ—графъ Дмитрій Ивановичъ, писатель.— См. т.т. I—III.

— (Стр. 158). Шаликовъ — князь Петръ Ивановичъ, писатель.— См. т.т. I—III.

— (Стр. 158). Шишковъ — Александръ Семеновичъ.— См. т.т. I—III V, вып. 1-й.

— (Стр. 158), Якубовичъ—Александръ Ивановичъ, декабристъ.

— (Стр. 159). Левашевъ—Василій Васильевичъ, генераль-адъютантъ (впослѣдствіи графъ), членъ Слѣдственной Коммисіи, которой было поручено разслѣдованіе дѣла декабристовъ.—См. т.т. I—III;—см. *Н. К. Шильдеръ*. Императоръ Николай I, т. I, С.-Пб. 1903, стр. 329 и слѣд.

— (Стр. 159). Чернышевъ—Александръ Ивановичъ, членъ Слѣд-

ственной Коммисіи; позже—военный министр, председатель Государственнаго Совѣта (съ 1826 г.—графъ, съ 1841 г.—князь, съ 1849 г.—свѣтлѣйшій князь).

— (Стр. 159). Муравьевъ-Апостоль — Сергѣй Ивановичъ, декабристъ, полковникъ Черниговскаго полка. — Попытка арестовать Муравьева вызвала открытое сопротивленіе полка. Сосредоточивъ возмущившихся солдатъ въ Васильковѣ, Муравьевъ двинулся къ Бѣлой Церкви, но былъ разбитъ командиромъ 3-го корпуса генераломъ Логгиномъ Осиповичемъ Ротомъ.—См. *М. Ѡ. Шурровъ*. О бунтѣ Черниговскаго полка (*Р. Арх.* 1902, кн. II, стр. 270—302).

— (Стр. 159). Упоминаемое кн. П. А. Вяземскимъ донесеніе Рота напечатано въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1826 г., № 8, стр. 31—32.

— (Стр. 160). Пашковъ—Александръ Васильевичъ, членъ Государственнаго Совѣта.—См. т.т. II—III).

— (Стр. 160). Тутолминъ—Иванъ Васильевичъ, членъ Государственнаго Совѣта.—См. т.т. I и III.

— (Стр. 160). Татищевъ—Александръ Ивановичъ, военный министр (1823—1827 г.г.), членъ Слѣдственной Коммисіи.—См. т. I.

— (Стр. 160). Баратынскій—Евгеній Абрамовичъ, поэтъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ *)

- А**бо, городъ—83.
Австрійцы—160.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ—154, 155, 270.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ—154, 155, 157, 270, 271.
Албанецъ—104.
Александро-Невская Лавра—240, 242.
Александръ Николаевичъ, Великій Князь, Наслѣдникъ—253.
Александръ Павловичъ, Императоръ—241.
Александръ, М-ше—100.
Александръ Македонскій—48, 121.
Александръ, садовникъ въ Остафьевѣ—9, 41, 48, 54, 243, 251, 253.
Алива, княжна.—См. Волконская, княжна Александра Петровна.
Alphonse, французская артистка—40, 250.
Альфонсы, французскіе артисты—45.
Англія—158, 271; англичане—160; англичанинъ—61; англичанка—58; англійскій языкъ—13.
Андрей Петровичъ, князь (фамилія?)—63.
Анна Захаровна, няня—111, 131, 138—139, 265, 268.
(„Les) annales de la vertu ou l'histoire universelle iconographique et littéraire“, сочиненіе Genlis—46, 252.
- Ангер, Gabriel—259.
Ancelot, Jacques-Arsène-François-Polysacre—70, 257.
Анти, Луиджіа, пѣвица—105, 264.
Апраксина, Наталья Степановна—см. Голицына, княгиня.
Апраксина (кузина княгини В. О. Вяземской—77).
Апраксинъ, графъ Александръ Петровичъ—39, 42, 44, 250, 251, 252.
Аравія—140.
Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ—158.
Арифельдтъ, графъ Александръ Густавовичъ—84, 259.
Арнаутъ—104.
D'Arte, М-ше—44.
Архарова, Александра Ивановна—см. Васильчикова.
Архарова, Екатерина Александровна, урожд. Римская-Корсакова—46, 252.
Африканская ревность—81; африканскій сирокость—58.
- В**абарыкина—71.
Вайронъ—34, 61, 72, 100, 112, 115, 249, 256, 257, 262.

*) Указатель составленъ къ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ Остафьевскаго архива, и къ примѣчаніямъ, которыми сопровождаются эти матеріалы. — Имена изъ статей В. С. Иконникова и С. О. Платонова въ указатель не вошли.

Имена: князь П. А. Вяземскій, княгиня В. О. Вяземская, (урожд. княгиня Гагарина), Остафьево, Москва, С.-Петербургъ въ указатель не внесены, такъ какъ встрѣчаются въ текстѣ слишкомъ часто.

- Балицкий, Г.—246.
 Барклай-де-Толли, князь Михаилъ Богдановичъ—84, 259.
 Бартевель, Петръ Ивановичъ—271.
 Бартевель, Юрій Никитичъ (Бартевель Костромской—9), 9, 40, 47, 48, 59, 243, 251, 253, 256.
 Барятинская, княжна Екатерина Федоровна—см. княгиня Долгорукова.
 Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ, поэтъ—31, 253.
 („Die) Belagerung Wiens von 1683“, романъ Caroline Pichler (въ переводѣ, M-me de Montolieu — „Le siège de Vienne“) —76, 258.
 Belloc, M-me Louise Sw., писательница—34, 249.
 Бенкендорфъ, графъ Александръ Христовичъ—15, 245.
 „Берегъ“, газета—254.
 Берзинская, графиня Екатерина Андреевна, урожд. княжна Долгорукова—124, 267.
 Бессарабія—110.
 Бетанкуръ, Августинъ Августиновичъ, Бетанкуры—39, 43, 250, 252.
 Бларамбергъ, Иванъ Павловичъ — 110, 265.
 Блудовъ, Дмитрій Николаевичъ—65, 74, 256, 258.
 Бобринская, графиня Лидія Алексѣевна, урожд. княжна Горчакова — 42, 119, 251, 267.
 Бобринскій, гр. Василій Алексѣевичъ — 119, 267.
 Bauvet, M-g—126.
 Богуславъ, Кіевской губ.—39.
 Боратынскій, Евгешій Абрамовичъ, поэтъ—160, 254, 272.
 Бордо, французская артистка—40, 42, 250.
 Бородинское дѣло—83, 259.
 Ботцарисъ—142, 269.
 Браницкая, графиня Елизавета Ксавьерьевна—см. графиня Воронцова.
 Бреммеръ, Елизавета Адольфовна — см. графиня Ланжеронъ.
 („The) Bride of Lammermoor“, романъ Вальтеръ-Скотта—67, 256.
 Брокгаузъ-Ефронъ—262.
 Буавень (Boisvin), аббатъ—132, 268.
 Бугъ (Южный), рѣка—121.
 Будберговы, семья барона Богдана Васильевича Будбергъ—62, 256.
 Будбергъ, баронъ Богданъ Васильевичъ—51, 250, 253, 256.
 Будбергъ, баронесса, жена Богдана Васильевича Будберга—253.
 Вуксгевденъ, графъ—41, 58, 251, 255.
 Булаковъ, Александръ Яковлевичъ—116, 119, 122, 125, 244, 266.
 Булаковъ, Константинъ Яковлевичъ—16, 24, 25, 32, 44, 116, 243, 247—249, 251.
 Бумажное озеро, близъ Ревеля—76, 258.
 Буткевичъ, Варвара Александровна—см. Татищева.
 Бутурлинъ, графъ Михаилъ Дмитриевичъ—134, 243, 264—267, 268, 269.
 Бутурлины—114.
 Бычковъ, Иванъ Афанасіевичъ—248, 261.
 Бѣлая Церковь, мѣстечко Кіевской губ.—134, 146, 271, 272.
 Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна Екатерина Александровна—см. Сухозанеть.
 Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна Зинаида Александровна—см. княгиня Волконская.
 Бюхна Волконскій — см. князь Сергій Григорьевичъ Волконскій.
Вадковская, Екатерина Федоровна—см. Кривцова.
 Вальтеръ-Скоттъ—76, 256.
 Варгунинъ, И. П.—245.
 Варипъ—122.
 Варшава — 12, 25, 69, 115, 139; варшавская дорога (въ смыслѣ—ходатайство черезъ Великаго Князя Константина Павловича)—34; варшавская знакомка (артистка Alphonse)—40; варшавская помощь (въ смыслѣ—помощь Великаго Князя Константина Павловича) — 69, 257; варшавскіе Кнорринги—42.
 Василиса, прислуга кн. П. А. Вяземскаго—115.
 Васильевскій Островъ, въ С.-Петербургѣ—249.
 Васильковъ, уѣздный городъ Кіевской губ.—159, 272.

- Васильчикова, Александра Ивановна, урожд. Архарова—39, 250, 252, 253.
 Васильчиковъ—105.
 Васильчиковъ, Александръ Алексѣевичъ—252.
 Васильчиковъ, Алексѣй Васильевичъ—252.
 Вейверъ—76.
 Великобританское правительство—271.
 Веллингтонъ, Артуръ-Коллей-Веллеслей—158, 271.
 Венгеровъ, Семенъ Аванасьевичъ—262.
 Вигель, Филиппъ Филипповичъ—105, 109, 252, 263, 264, 265.
 Вимсъ, деревня близъ Ревеля—37, 41, 48, 58, 251, 253.
 Винклеръ, докторъ—76, 258.
 Виртембергъ—244.
 Vitalia, актриса—132.
 Vith, M-r—61.
 Виттъ, графъ Иванъ Осиповичъ—110, 113, 121, 123, 265, 268.
 Вихтеръ-Паль (въ текстѣ ошибочно Вихтеръ-Паль)—61, 63, 256.
 Владимиръ (слуга кн. В. Ѳ. Вяземской)—110, 118, 142.
 Воейкова, Елена Григорьевна—см. Пушкина.
 Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ—254.
 Волковы, Софья Александровна, урожд. Римская-Корсакова—125, 267.
 Волконская, княгиня Зинаида Александровна, урожд. княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская—70, 91, 257, 260.
 Волконская, княгиня Марія Николаевна, урожд. Расвская—116, 254—255, 266.
 Волконская, княгиня Софья Григорьевна, урожд. княжна Волконская—55, 70, 90, 91, 92, 102, 105, 106, 109, 111, 114, 123, 124, 125, 127, 134, 135, 254, 257, 260, 261, 263, 264, 265, 267, 268.
 Волконская, княжна Александра Петровна (Алиа)—102, 263, 264, 267.
 Волконская, княжна Анна Михайловна (въ замужествѣ—Грессеръ)—92, 261.
 Волконская, княжна Екатерина Алексѣевна—см. графиня Мусина-Пушкина.
 Волконскіе, кн.—130, 263.
 Волконскій, князь Никита Григорьевичъ—266.
 Волконскій, князь Петръ Михайловичъ—254, 260, 261, 263, 265.
 Волконскій, князь Сергѣй Григорьевичъ—99, 105, 115, 254, 262, 264, 266, 267 (съ прозвищемъ Бухна на стр. 105, 264).
 Вольтеръ—152, 153, 270; Вольтерова любовница—153.
 Воронцова, графиня Елизавета Ксавьеревна, урожд. графиня Браницкая—102, 123, 134—136, 138, 141, 145, 263, 263.
 Воронцовъ, графъ Михаилъ Семеновичъ—102, 104, 110, 128, 130, 263, 264, 268.
 Воронцовы, графъ Михаилъ Семеновичъ и графиня Елизавета Ксавьеревна—104, 105, 108, 110, 119, 132, 142, 143.
 Вьельгорскіе—13, 70, 239.
 Вьельгорскій, графъ Матвѣй Юрьевичъ—61, 256.
 Вьельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ, 3, 6, 61, 72, 73, 110, 112, 256, 257, 258, 265.
 Вѣна—258.
 Вяземская, княжна Марія Петровна (замужемъ за П. А. Валуевымъ)—6, 21, 22, 35, 39, 44, 46, 47, 64, 71, 73, 76, 82, 102, 109, 111, 116, 117, 119, 143, 144, 145, 252, 261, 270.
 Вяземская, княжна Надежда Петровна—6, 7, 20, 21, 26, 27, 30, 32, 37, 39, 43, 45, 48, 49, 50, 55, 65, 66, 97—99, 101, 110—112, 114, 118, 122, 130, 133, 136, 137, 143—147, 240, 261.
 Вяземская, княжна Прасковья Петровна—3, 5, 21, 22, 39, 47, 55, 82, 107, 109, 111, 117, 239, 253, 261.
 Вяземскій, князь Андрей Ивановичъ—242.
 Вяземскій, князь Андрей Петровичъ—255.
 Вяземскій, князь Дмитрій Петровичъ—255.
 Вяземскій, князь Николай Петровичъ—97, 98, 101, 110—112, 114, 116, 117, 122, 125, 126, 128, 131, 133—136, 143, 144, 146, 147, 255, 261.
 Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ—3, 13, 20, 22, 26, 27, 29, 34, 36, 38, 39,

40—43, 46, 48, 51, 52, 55, 56, 62, 66, 68, 71, 74, 77, 81, 104, 107, 111, 116, 132, 142, 239, 245, 253, 254, 255, 261.
Вяземскій, князь Петръ Петровичъ—103, 107, 114, 250, 255, 261.

Габбе, Петръ Андреевичъ—39, 65, 250, 256.

Гагарина—34.

Гагарина, княгиня Варвара Михайловна, урожд. Пушкина—77, 259.

Гагарина, княгиня Прасковья Юрьевна—см. Кологривова.

Гагарина, княжна Варвара Сергѣевна—см. княгиня Долгорукова.

Гагарина, княжна Любовь Ѳеодоровна—см. Полусктова.

Гагарина, княжна Надежда Ѳеодоровна—см. княгиня Святополкъ-Четвертинская.

Гагарина, княжна Софія Ѳеодоровна—см. Лодомирская.

Гагаринъ, князь Василій Ѳеодоровичъ—23, 25, 26, 29, 33, 34, 50, 68, 69, 253.

Гагаринъ, князь Павелъ Павловичъ—50, 63, 247, 253, 256.

Гагаринъ, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ—6, 7, 10, 12, 14, 15, 19, 21, 23, 25, 26, 29, 63, 87, 91, 240, 244, 245, 247.

Гамбургъ—249.

Гамильтонъ—39, 81.

Гейнemannъ—114, 121, 266, 267.

Гельсингфорсъ—80-86, 259; гельсингфорсская гавань—83; гельсингфорскій гостинецъ—87.

Германская любезность—76.

Герцень, Александръ Ивановичъ—246.

Гершензонъ, Михаилъ Осиповичъ—241, 244, 248.

Гильфердингъ, Александръ Ѳеодоровичъ—271.

Гитефельдъ (въ окрестностяхъ Гамбурга)—249.

Глушковскій, Адамъ Павловичъ—260.

Гогель, Каролина, урожд. графиня Мола (въ первомъ бракѣ замужемъ за гр. Олизаръ)—262.

Гогель, Ѳеодоръ Григорьевичъ—100, 262.

Гогенлоз, принцъ—10, 13, 20, 22, 23, 24, 26, 28, 33, 35, 36, 49—51, 244, 248, 249, 256; гогенловскія деньги—29, 248.

Гоголь, Николай Васильевичъ—151, 269.

Голицына, княгиня Александра Павловна, урожд. графиня Кутайсова—3, 35, 49, 239, 253.

Голицына, княжна Елизавета Борисовна—см. княгиня Куракина.

Голицына, Наталія Степановна, урожд. Апраксина—34, 68, 249, 257.

Голицынь, князь Александръ Николаевичъ—12, 15, 62, 63, 245, 261.

Голицынь, князь Алексѣй—53, 90, 91, 254, 260.

Гольцъ, Вѣра Андреевна—см. Жилле.

Гомеръ—269.

Goré, M-lle, гувернантка при дѣтяхъ кн. П. А. Вяземскаго—97, 99, 104, 109, 112, 114, 117, 125, 144, 261.

„Горе отъ ума“ А. С. Грибоѣдова—246.

Горняковскій, Александръ Васильевичъ—41, 59, 251, 255.

Горчакова, княжна Лидія Алексѣевна (въ замужествѣ—графиня Бобринская)—42, 119, 251, 267.

Граббе-Горскій, Осипъ Васильевичъ—158, 271.

Грабовскій, графъ Стефанъ Ѳомичъ—25, 26, 248.

Гревсъ—116.

Греки—см. Греція.

Грессеръ, Анна Михайловна, урожденная княжна Волконская—92, 261.

Gresset, Jean-Baptiste-Louis, французскій писатель—56, 255.

Греція—127, 265; грекъ—127; греки—267; греческій купецъ—122; греческое возставіе—269.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ—15, 152, 153, 245, 246, 270; грибоѣдовская Москва—246.

Грудзинская, графиня Жозефина—см. графиня Гутаковская.

Грудзинская, Жаннета Антоновна, графиня—см. княгиня Ловичъ.

Груша—111, 117.

Гудовичъ, графиня Александра Григорьевна, урожд. Энгельгардтъ—145, 269.

Гудовичъ—146.

Гурьева, графиня Евдокія Петровна, урожд. графиня Толстая—102, 105, 111, 141, 134, 143, 263—265.

- Гурьева, дочь графа Александра Дмитриевича Гурьева—141.
- Гурьевъ, графъ Александръ Дмитриевичъ—110, 143, 263, 264.
- Гурьевы, графъ Александръ Дмитриевичъ и графиня Евдокія Петровна—104, 106, 114, 132, 136.
- Гутаковская, графиня Жозефина, урожд. графиня Грудзинская—25, 248.
- Д.**, М.-ле.—32.
- Давыдова—116.
- Давыдовъ—123, 152.
- Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ—44, 87, 152 (?), 252, 260.
- Давыдовъ, Дмитрій Александровичъ—44, 252.
- Давыдовъ, Левъ Васильевичъ—44, 98, 252, 261.
- Давыдовъ, Петръ Львовичъ—103, 263.
- Dangeville-Vanderberg, актриса—130, 136, 137, 140, 144, 146, 268, 269.
- Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ—65, 256.
- Девонширъ—259; девонширскій герцогъ—77, 259.
- Декабристы, декабристы—240, 241, 244-246, 254, 258.
- Демидъ—см. Муромцевъ.
- „Демонъ“, стихотвореніе Пушкина—145.
- „Деревня“, стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго—242, 246, 252.
- Дерптъ—58.
- „Défiance et malice“, французская пьеса—45.
- „Dictionnaire critique et raisonné des etiquettes de la cour...“, сочиненіе M-me Genlis—257.
- Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ—6, 8, 10, 51, 57, 73, 159, 240, 243, 253, 254, 255, 258.
- „Дневникъ“ В. А. Жуковскаго—248.
- Днѣпръ—98.
- Довнаръ-Запольскій, М. В.—240, 241.
- Долгорукова, княгиня Варвара Сергѣевна, урожд. княжна Гагарина—77, 244, 259.
- Долгорукова, княгиня Екатерина Федоровна, урожд. княжна Барятинская—39, 43, 54, 250, 254.
- Долгорукій, князь Василій Васильевичъ—13, 244.
- Долгорукова, княжна Екатерина Андреевна—см. графиня Бержинская.
- Долгоруковъ, князь Петръ Владимировичъ—247, 253, 258—261, 263, 266, 268.
- Дороховы—87, 260.
- Дрезденъ—27, 65, 248.
- „Дѣтское Чтеніе“, журналъ—29, 248.
- Dufour, французскій актеръ—40, 45, 250.
- Duval, Alexandre-Vincent Pineux, французскій писатель—251.
- Евренповъ**—108, 130.
- Европейская огласка—158; европейскіе историки—270; европейскіе языки—84.
- Екатерина II, Императрица—152, 269, 270.
- Елагина, Авдотья Петровна—261.
- Елена, Елена Ивановна, Hélène, бонна при дѣтихъ кн. П. А. Вяземскаго—46, 114, 120, 123, 139, 252, 266.
- Елисаветградская станція—245.
- Ефремовъ, Петръ Александровичъ—248.
- Ефронъ-Брокгаузъ—262.
- Жандръ**, Андрей Андреевичъ, писатель—152, 270.
- Жанисъ, французская писательница—36, 46, 67, 249, 252, 257.
- Жерве, В. В.—260.
- Жилле, Вѣра Андреевна, урожденная Гольцъ—264.
- Жилле, Петръ Ивановичъ—107, 114, 132, 264, 266.
- Жилле, Петръ Ивановичъ и Вѣра Андреевна, урожденная Гольцъ—128, 132, 268.
- Жихаревъ, Степанъ Петровичъ—3, 4, 6, 9, 15, 18, 23, 28, 46, 59, 73, 116, 119, 157, 239, 247, 258, 271.
- Жолп—41.
- Жукова—77.
- Жуковскій, Василій Андреевичъ—51, 65, 70, 248, 253, 254, 256, 257, 261, 271.
- Жуковъ—9, 18, 19, 45, 49, 76, 243.
- „Journal de St.-Petersbourg“—7, 36, 241, 242.
- „Journal of the Conversations of lord Byron... By Thomas Medwin. Paris. 1824“—61, 256.

Завадовскій, Завадовскіе—92, 261.
Закревскій, графъ Арсеній Андреевичъ—84, 259.
Зоммеръ—46, 64, 66.
Зонтагъ, Анна Петровна, урожденная Юшкова—97, 116 (?), 261, 263.
Зонтагъ, Егоръ Васильевичъ—102, 110, 116 (?), 263, 266.

Иванъ Великій (колокольня въ Москвѣ)—54, 81.

Иванъ Ивановичъ—см. Тургеневъ.
Ипсари, островъ—122, 267.
„Ирена“, трагедія Вольтера—270.
Исландія—145.
„Histoire de la régénération de la Grèce, сочиненіе Пукевилля—109, 265.
Италія—58, 134, итальянскій спектакль—125.
 („The) Italian or the confessional of the black penitents“, сочиненіе Радклиффъ—249; французскій переводъ этого романа—34, 249.

Иозифъ, лакей—116.

Юхимъ, фабрикантъ экипажей—16.

Баверина, Марья Павловна (въ замужествѣ—Олсуфьева)—38, 250.

Кавказъ—99, 105, 260.

Камчатскій полкъ—244.

Канарисъ, Константинъ—122, 142, 267, 269.

Карамзина, Екатерина Андреевна—4-6, 8, 11, 13, 15, 19, 23, 27, 28, 31, 36, 38, 41, 62, 71, 90, 113, 239, 243, 245.

Карамзина, Екатерина Николаевна (въ замужествѣ—княгиня Мещерская)—4, 6, 8, 15, 40, 41, 56, 73, 240, 245.

Карамзина, Елизавета Николаевна—13, 20, 29, 245, 247, 248.

Карамзина, Софія Николаевна—4, 28, 38, 41, 240.

Карамзинъ, Александръ Николаевичъ—250.

Карамзинъ, Андрей Николаевичъ—23, 24, 56, 247, 250, 255.

Карамзинъ Владиміръ Николаевичъ—13, 20, 63, 80, 245, 247, 250, 257, 259.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ—4, 5, 7, 8, 11, 16, 31, 51, 158, 159, 239, 240—243, 246, 248, 250.

Карамзинъ—6—8, 10, 11, 15, 19, 25, 29, 31, 39, 50, 55, 61—63, 69, 70, 74, 76, 77, 88—90, 103, 108, 110, 143, 144, 239, 255; **Карамзинъ, барышни**—69.

(„Le) Carême impromptu“, сочиненіе Greaset—56.

Каролина, бонна при дѣтяхъ кн. П. А. Вяземскаго—8, 114, 116, 120, 123, 139, 243, 266.

Caruso—134.

Каталани, Аделина, пѣвица—105, 264, 267.

Каталани, мужъ пѣвицы Аделины Каталани—120, 124, 267.

Катериненталь, Катеринентальскій садъ (въ Ревелѣ)—28, 69.

Катонъ—105.

Каховскій, Петръ Григорьевичъ, декабристъ—54, 254.

Кашкинъ, Николай Евгеньевичъ—83, 260.

Квашнина-Самарина, Елизавета Петровна—см. графиня Чернышева.

Kirchberg—см. Hohenlohe.

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ—154, 155, 270.

Кислева, графиня Софья Станиславовна, урожденная графиня Потоцкая—89, 260, 268.

Кислевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ—260.

Кишиневъ—244.

Кіевъ—98—100, 103, 105, 107, 108, 111, 115, 116, 123, 124, 145, 147, 254, 258; **Кіевская губернія**—39, 266.

Klingkowström, бар. Otto Wilhelm—84, 259.

Клосенъ, владѣлецъ дома на Мал. Морской ул. въ С.Пб.—25.

Клюнфельдъ—57, 58, 61, 70, 72, 76, 81, 90, 255.

Кнорринги, Кнорринговы—58, 61, 63, 251; **Варшавскіе Кнорринги**—42.

Кноррингъ, Луиза, урожденная Сѣверина—39, 250.

Кноррингъ—42.

Кноррингъ, братъ М-ше Шталь—42.

Кобеко, Дмитрій Фомичъ—262.

Козловъ—131.

- Colbars M-г—61.
- Кологривова, Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая (въ первомъ бракѣ—за кн. Ф. С. Гагаринымъ)—87.
- Колымажная дыра (Колымажский дворъ въ Москвѣ?)—34.
- Comédie Française—251.
- „Des conversations de lord Byron“—256.
- Кондильякъ, Этьеннъ Бонпотъ, французскій писатель—46, 252.
- Константинова, Софья Алексѣевна—см. Раевская.
- Константинъ Павловичъ, Великій Князь—12, 257, 260.
- „Correspondance de lord Byron avec un ami, comprenant en outre les lettres écrites à sa mère.. Paris. 1814“—61, 256.
- Кострома—9, 45, 59, 60, 138: Костромская губ.—251, 255; Костромская деревня (Красное село)—41, 251; Костромскія письма—88; Костромской Бартевевъ—9 (см. Бартевевъ, Юрій Никитичъ); Костромской прокуроръ—9.
- Красное Село (Костромской губ.)—44, 59—61, 64, 251, 255; Красносельскій домъ—75; Красносельскій пожаръ—64, 71.
- Кремеръ, Софія—61.
- Кремеры—72, 76, 77, 81, 87, 88; Кремеры, дѣвцы петербургскія—58.
- Кривцова, Екатерина Федоровна, урожденная Вадковская—135, 268.
- Кривцовъ, вѣроятно, Николай Ивановичъ—40, 251.
- Cronstedt (близъ Гельсингфорса)—84.
- Кроуль, адмиралъ Романъ Васильевичъ—70, 257.
- Крымъ—22, 101, 102, 108, 111, 119, 128, 130.
- „Кто братъ и кто сестра“, опера-водевиль А. С. Грибоѣдова и кн. П. А. Вяземскаго—246.
- Кунцово—249.
- Куракина, княгиня Елизавета Борисовна, урожд. княжна Голицына—76, 258.
- Курскъ—143.
- Курута, графъ Дмитрій Дмитриевичъ—88, 260.
- Кутайсова, графиня Александра Павловна—см. княгиня Голицына.
- Кутайсова, графиня Анна Павловна—35, 49, 249, 253.
- Кутайсовъ—249.
- Кушниковъ, Сергѣй Сергѣевичъ—61, 256.
- Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ—100, 102, 110, 113, 121, 128, 262.
- Lammermoor—см. Bride of Lammermoor (67, 255).
- Ланжеронъ, графъ Александръ Федоровичъ—106, 264.
- Ланжеронъ, графъ Елизавета Адольфовна, урожденная Бреммеръ—264.
- Ланкастерская школа—244.
- Laroche—69.
- Левашовъ, Василій Васильевичъ, впоследствии графъ—159—161, 271.
- Löwenruh (въ Ревелѣ)—28.
- Левенштеръ—16.
- Лернеръ, Николай Осиповичъ—262.
- Leszczyc, I.—262.
- Линдепъ, баронтъ—244.
- Лионъ—124.
- Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Борисовичъ—262, 264.
- Ловичъ, княгиня Жаннета Автонова, супруга Великаго Князя Константина Павловича, урожд. графиня Груздинская—11, 13, 15, 24, 25, 244, 245, 257.
- Лодомирская, Софья Федоровна, урожденная Гагарина—110, 116—119, 125, 133—135, 244, 265—268.
- Лодомирскіе—110.
- Лодомирскій, Василій Николаевичъ—9, 63, 112, 243, 256, 265.
- Лопася, село Московск. губ. Серпуховскаго уѣзда—97, 261.
- „Lord Byron, Par M-me Louise Sw. Belloc“—249.
- Loger M-me—116, 266.
- Лореръ, семья—266.
- Louis, докторъ—115.
- Louise, M-me—48.
- Лунина, Екатерина Сергѣевна—см. Уварова.
- Львовъ—262.
- Люблинская губ.—262.
- Лютеръ—81; Лютерня (его дочь?)—78.

Малая Морская улица, въ С.-Петербургѣ—25.
 Македонскій, Александръ—48.
 „Маріамна“, трагедія Вольтера—270.
 „Marie de Brabant“, поэма Ancelot—70.
 Марксъ, А. Ф.—269.
 Мармонъ (Auguste-Frédéric Louis Vieesse de Marmont—см. герцогъ Рагузскій.
 Масловъ В. И.—254, 258.
 Medwin, Thomas—61.
 Межуевъ (его домъ на Фонтанкѣ въ С.-Петербургѣ)—25.
 Мещерская, кн. Екатерина Николаевна, урожд. Карамзина—240, 243, 255.
 „Mithridate“ (опера Моцарта?)—121.
 Михей, слуга кн. П. А. Вяземскаго—93, 116, 118, 120.
 Миша, слуга—115, 118, 120.
 Модзалевскій, Борисъ Львовичъ—251.
 Мола, графиня Каролина (по 1-му мужу—гр. Олизаръ, по 2-му браку—Гогель)—262.
 Montolieu, la baronne Isabelle—76, 258.
 Москвичи—88.
 „Московскій Телеграфъ“—32.
 Муравьева, Прасковья Михайловна, урожденная княжна Шаховская—105, 264.
 Муравьевъ—100.
 Муравьевъ, Александръ Николаевичъ—264.
 Муравьевъ-Апостоль, Ипполитъ Ивановичъ, декабристъ—263.
 Муравьевъ-Апостоль, Сергій Ивановичъ, декабристъ—54, 159, 254, 263, 271, 272.
 Муромцевъ, Демидъ Федоровичъ—60, 72, 77, 88, 243.
 Муцина-Пушкина, граф. Екатерина Алексѣевна, урожденная княжна Волконская—259.
 Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ—259.
 Мусинъ-Пушкинъ, графъ Владимиръ Алексѣевичъ—85, 259.
 Мухановъ—84, 243; Мухановы—24.
 Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ—17—19, 21, 31, 40, 247, 249, 251.
 Мухановъ, Владимиръ Алексѣевичъ—31, 247, 249.
 Мухановъ, Николай Алексѣевичъ—28, 42,

44, 57, 63, 65, 89—91, 250—252—254—257, 260.

Мухановъ, Петръ Александровичъ—100, 263.

Наполеонъ—68.

Нарышкина, Елена Александровна—см. княгиня Суворова.

Нарышкина, Ольга Станиславовна, урожденная Потодкая—135, 136, 268.

Нарышкина, Софья Дмитриевна—113, 265.

Нарышкинъ, Иванъ Александровичъ—81, 259.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ—15, 134, 135, 141, 245, 268, 269.

Настасья, прислуга кн. П. А. Вяземскаго—107, 116, 119, 144.

Наталя, прислуга кн. В. Ф. Вяземской—110, 112.

Невскій монастырь (Александро-Невская лавра)—5, 240.

Незнамово (по дорогѣ отъ Рапенбурга къ Рязани)—249.

Nestor—77.

Нестеровъ—78.

Нейловъ, Сергій Алексѣевичъ—50, 253.

Николаевъ, городъ—104, 116, 121, 130, 143.

Николай I-й, Императоръ—240, 242, 244, 247, 257, 259, 271.

Николай Михайловичъ, Великій Князь—246.

Новая-Александрія, Люблинской губ.—262.

Новгородъ—3, 4, 34, 239.

Новосильцова, Дарья Ивановна—15, 246.

Новосильцова, Елизавета Сергѣевна, —см. Огарева.

Новосильцовское семейство—16.

Новосильцовъ, Василій Сергѣевичъ—7, 19, 22, 33, 241, 247, 249.

Новороссійскій Край—265.

Новороссійское генералъ-губернаторство—264.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ—3, 156, 157, 239, 270.

Нѣмецъ—62; нѣмка—46, 88, 104; нѣмка—90; нѣмецкіе актеры—40, 250; нѣмецкій языкъ—46, 57, 61, 72, 258; германская любезность—76.

- О....., графъ—см. графъ Олизарь.
- Оболенскіе, князья—248.
- Обрескова, Софья Александровна, урожденная княжна Щербатова—105, 264.
- Огарева, Елизавета Сергѣевна, урожденная Новосильцова—7, 15, 22, 241, 246, 247.
- Одесса—41, 98—103, 105, 106, 108, 110, 112—116, 118—120, 123—143, 146, 261, 262, 267—269; одесскій градоначальникъ—263; одесскій портъ—263; одесскій таможенный округъ—265; *odessoises affections*—139.
- Окулова—42, 45, 56, 251.
- Окулова, Анна Алексѣевна—88, 260.
- Окулова, Дарья Алексѣевна (въ замужествѣ—Шшова)—29, 245, 248.
- Окуловы—6, 13, 29, 240, 251.
- Оленина, Варвара Петровна, урожденная Хитрово—46, 252.
- Олизарь, графъ Густавъ—100, 262.
- Олизарь, графиня Каролина, урожд. графиня Мола (по второму мужу—Гогель)—282.
- Олсуфьева, Марья Павловна, урожденная Каверина—250.
- Ольга, прислуга у кн. П. А. и кн. В. Ѳ. Вяземскихъ—116.
- Ольшаны, мѣстечко Кіевской губ.—118, 266.
- „Овѣгнѣвъ, Евгений“, сочиненіе А. С. Пушкина—112, 115.
- Орелъ—97, 143, 145.
- Орлова, Анна Михайловна—251.
- Орлова, Екатерина Николаевна, урожденная Раевская—6, 7, 11, 13, 16, 17, 20, 21, 23, 29, 32, 42, 45, 56, 65, 69, 99, 116, 240, 244, 246, 249, 251, 253, 255, 261, 264, 266.
- Орловъ, графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ—6, 8, 11, 12, 14, 23, 24, 42, 240, 244.
- Орловъ, графъ Григорій Владимировичъ—42, 251.
- Орловъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ—7, 11, 17, 22, 46, 50, 98, 99, 124, 158, 240, 241, 244, 246, 253, 261, 262, 264.
- Орловы, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Екатерина Николаевна, урожд. Раевская—53, 98, 105, 123.
- „О русскихъ глаголахъ“, соч. К. С. Аксолова—154, 156, 271.
- Остафьевскіе спектакли—45.
- Павель, князь—см. Гагаринъ, князь Павелъ.
- Павлицева, Ольга Сергѣевна, урожденная Пушкина—76, 258.
- Павловскъ—250.
- Павловъ дель—43.
- „Pamiętniki Gustawa Olizara (1798—1865) z przedmowa I. Leszczycza“—262.
- Панчудзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ—245.
- Параша, прислуга княгини В. Ѳ. Вяземской—8, 16, 107, 115, 116, 118, 132, 138.
- Парижъ—34, 48, 50, 71, 115, 249, 252, 257, 258.
- Patalsky jardin—въ Варшавѣ—101.
- Пашковъ, Александръ Васильевичъ—160, 272.
- Пенза—39.
- Перовскій, графъ Василій Алексѣевичъ—70, 257.
- Персія—260.
- Пестель, Павелъ Ивановичъ, декабристъ—158, 271.
- Петровское—10.
- Петровъ, А.—240.
- Петровъ день—41, 43.
- Пиксановъ, Николай Кириковичъ—245.
- „Письма русскаго путешественника“ (Н. М. Карамзина)—29, 248.
- Pichler, Caroline, нѣмецкая романистка—76, 258.
- Плаховъ—98.
- Погодинъ, Михаилъ Петровичъ—239, 240.
- Подольскъ, уѣздный г. Московской губ.—97, 127, 261; Подольскій уѣздъ Московской губ.—248, 261, 263.
- Подчаская, Елизавета Петровна, урожденная княжна Трубецкая, по 1-му мужу—Потемкина—258.
- Полевой, Николай Алексѣевичъ—65.
- Полетика, Петръ Ивановичъ—93, 261.
- Полтава—143.
- Полуктова, Любовь Ѳеодоровна, урожденная княгиня Гагарина—10, 119, 127, 244, 267, 263.
- Польскія канцелярія (Канцелярія Великаго Князя Константина Павловича)—26.

- Поляки—100.
 Полянскіе—39, 250.
 Поспѣловъ—19, 23, 25, 33, 50.
 Потемкина, Елисавета Петровна, урожденная княжна Трубецкая (во 2-мъ бракѣ Подчаская)—76, 258.
 Потоцкая, графиня Ольга Станиславовна—см. Нарышкина.
 Погоцкая, графиня Софья Станиславовна—см. графиня Кисилева.
 Потоцкій—54.
 Прасковья Севастьяновна, няня при дѣтяхъ П. А. Вяземскаго—243.
 Провансальцы (актеры въ Одессѣ)—121.
 („Les) Projets de mariage ou les deux militaires, comédie par Duval, Alexandre, Vincent Pineux—40, 45, 250—252.
 Прокоповичъ-Антоискій, Антонъ Антоновичъ—100, 262.
 Прохоръ, кучеръ кн. П. А. Вяземскаго—37, 38, 250.
 Прусакн—160.
 Пукевицъ, Франсуа, французскій писатель—109, 265.
 Пулавы (теперь Новая Александрія) Люблинской губ. — 100, 262.
 Пушкина, Варвара Михайловна—см. княгиня Гагарина.
 Пушкина, Елена Григорьевна, урожденная Восыкова—27, 109, 248, 265.
 Пушкина, Ольга Сергѣевна (въ замужествѣ—Павлицева)—76, 258.
 Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ — 100, 105, 106, 109, 112, 115, 119, 121 — 126, 127, 130, 132, 134, 136, 137, 139, 140, 142, 145, 146, 254, 262.
 Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ—45, 76, 252, 258.
 Пушкинъ, Василій Львовичъ—70, 103, 257, 263.
 Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ—255.
 Пушкины, семья Сергѣя Львовича Пушкина—58, 255.
 Пуцинъ, Михаилъ Ивановичъ—63, 256.
- Р**авенсвудъ, дѣйствующее лицо въ романѣ Вальтеръ-Скотта: „The Bride of Lammermoor“—67, 256.
 Рагузинскій—72.
 Рагузскій герцогъ, маршалъ Auguste-Frédéric-Louis Viesse de Marmont—69, 77, 257, 259.
 Радклиффъ, англійская писательница—34, 249; Радклиффскій романъ—33.
 Раевская, Екатерина Николаевна—см. Орлова.
 Раевская, Марья Николаевна—см. княгиня Волконская.
 Раевская, Софья Алексѣевна, урожденная Констанцинова—116, 266.
 Раевскіе—93, 99, 251, 261—263, 266.
 Раевскій, Владимиръ Федосѣевичъ—244.
 Раевскій, Николай Николаевичъ, старшій—98, 116, 262, 263, 266.
 Раевскій, П. М.—251.
 Разумовская, графиня Геприетта—248.
 Разумовская, графиня Екатерина Алексѣевна—см. Уварова.
 Разумовскіе, графы—268.
 Раненбургъ—249.
 Ревель—6, 8—18, 20, 22, 24, 26—29, 30, 34, 37, 40, 43, 45, 49, 52, 53, 57, 59, 61—65, 69, 71, 72, 74, 75, 77, 78, 82—84, 86—88, 90, 250, 252, 258—260; ревельская болѣзнь—15, 16; ревельскіе планы—11; ревельскій воздухъ—77; ревельскій портъ—259; ревельскій спектакль—63; ревельскія окрестности—70; ревельское произвеніе—84; ревельцы—56.
 Рига—66.
 Ризничъ, Амалия—262.
 Римская-Корсакова, Екатерина Александровна (въ замужествѣ—Архарова)—46, 252.
 Римская-Корсакова, Софья Александровна (въ замужествѣ—Волкова)—125, 267.
 Ришельевскій лицей—262.
 Rossillon—76.
 Россія—12, 35, 52, 54, 101, 108, 126, 133, 134, 138, 142, 158, 159, 246, 271.
 „Россія и русскіе“, сочиненіе Николая Тургенева—246.
 Ротъ, генер. Логинъ Осиповичъ—159, 272.
 Роу—20, 21.
 „Русланъ и Людмила“, балетъ Глушковскаго А. П.—89, 260.
 Русская грамматика—46; русская холстинка—119; русскіе—246; русскіе глаголы—271; русскій Высочайшій Дворъ—

- 259; русскій каталогъ библиотеки 51; русскій языкъ—46, 61, 62; русскія рубашки—29; русское владѣніе—83.
- Рушковскій, Ивашъ Александровичъ — 9
32, 103, 118, 243, 249, 263, 266.
- Рылѣвъ, Кондратій Ѳеодоровичъ, декабристъ—28, 54, 71, 254, 257, 268.
- Рязань—249.
- Сабанѣвъ, Иванъ Васильевичъ — 244;
сабанѣвское дѣло—11, 244.
- Савелковы—см. Савеловы.
- Савелова, Софья Алексѣевна (по первому браку—Татищева)—268.
- Савеловъ (Савелевъ), Автономъ Петровичъ—105, 117, 125, 126, 264, 266, 268;
Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ—267.
- Савеловы (Савелковы)—264.
- Салова—39.
- Салтыковскій садовникъ—54.
- Самось, островъ—267.
- Свеаборгъ — 81—83, 85, 86; свеаборгскій выходъ—86.
- Свѣчина, Софья Петровна, урожд. Соимонова—123, 267.
- Святополкъ-Четвертинская, княгиня Надежда Ѳеодоровна, урожд. княжна Ггарина—243.
- Святополкъ-Четвертинскіе (семья князя Бориса Антоновича)—38, 45, 56, 69, 90, 110, 114, 119, 255.
- Святополкъ-Четвертинскій, князь Борисъ Антоновичъ—8, 11—15, 23, 24, 29, 31, 34, 42, 44, 62, 69, 88, 91, 109, 111, 113, 132, 140, 243, 244, 255, 265, 269.
- Séguir, графъ Людовикъ-Филиппъ — 36, 249.
- „Семейная Хроника и Воспоминаніе“ С. Т. Аксакова—157.
- Сень-При, графъ Эммануилъ Карловичъ—145, 269.
- Сергѣевскій посадъ, Моск. губ. 156, 270.
- Сернесь (скалы близъ Гельсингфорса)—85.
- Серпуховскій уѣздъ Моск. губ.—261.
- Simon, Babinne—65.
- Симферополь—122.
- („Le) Siége de Vienne. Roman historique traduit de l'allemand de M-me Caroline Pichler par M-me baronne Jabelle de Montolieu“—76, 258.
- Скюдери, Петръ Антоновичъ, докторъ—9, 17, 20, 40, 111, 115, 145, 243, 251, 269.
- Слоанъ, гувернеръ при графѣ М. Д. Бутурлинѣ—268.
- Слона кварталъ, въ Гельсингфорсѣ—85.
- „Современныя происшествія и воспоминанія мои“, А. Я. Булгакова—244.
- Соймонова, Софья Петровна (въ замужествѣ—Свѣчина)—123, 267.
- Сосницкій, Иванъ Ивановичъ, артистъ—152, 153, 270.
- Софья Васильевна?—77.
- Спафарьевъ, Леонтій Васильевичъ — 80, 259.
- „Старая Записная книжка“ кн. П. А. Вяземскаго—239, 241, 258.
- Стокгольмъ—259.
- Столяевскій, Петръ Николаевичъ—244.
- Строганова, баронесса Анна Сергѣевна, урожд. княжна Трубецкая—247.
- Строгановъ, баронъ Григорій Александровичъ—21, 247.
- Строевъ, Павелъ Михайловичъ — 39, 65, 250, 256.
- Стурдза, семья—264.
- Стурдза, Александръ Скарлатовичъ—105, 109, 145.
- Стурдза, Роксандра Скарлатовна, (въ замужествѣ—графиня Эдлингъ)—263, 266.
- „Souvenirs de Félicie“, сочиненіе Genlis—67, 257.
- Суворова, княгиня Елена Александровна, урожд. Нарышкина—268.
- Суханово, имѣніе князей Волконскихъ Подольск. уѣзда Моск. губ.—102, 105, 109, 123, 263, 264.
- Сухозанетша—см. Сухозанетъ, Екатерина, Александровна (43).
- Сухозанетъ, Екатерина Александровна, урожд. княжна Бѣлосельская - Бѣлозерская—39, 43, 250, 252.
- Сушковъ—10.
- Сѣверина, Луиза — см. баронесса Кноррингъ.
- Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ—5, 25, 33, 34, 37, 43, 74, 105, 114, 240, 248, 249, 258, 263.
- Таврическій дворецъ—4, 239.
- Тамбовъ — 25, 63; тамбовская удѣльная контора—23.

- Танарисъ—142.
 Танталово мученіе—42.
 Татищева, Барвара Александровна, урожденная Буткевичъ—91, 260.
 Татищева, Софья Алексѣевна (по 2-му браку Савелова)—126, 268.
 Татищевъ, Александръ Ивановичъ—160, 260, 272.
 Тверь—3, 239, 249; тверская губ.—9; тверскіе художники—4; тверское дѣло—44; тверской губернаторъ—9.
 „Телеграфъ (Московскій)“—42, 52.
 Терпигорева—9.
 Тимирязевъ, Иванъ Семеновичъ—87, 260.
 Тишертъ—70, 74, 76, 257.
 Толмачевъ—7, 16, 19, 22, 33, 44, 46, 51, 62, 65, 74, 87, 241.
 Толстая, граф. Евдокія Петровна (въ замужествѣ—граф. Гурьева)—263.
 Толстой, граф. Петръ Александровичъ—265, 266.
 Толстой—23, 25, 33, 50, 59, 62, 63.
 Томасъ, докторъ—26, 248.
 „La tragédie de Fiesque“, піеса J. Ancelot—70.
 „Traité des Sensations Этьенъ Бовнонь Кондилляка—252.
 Троицкое, имѣніе князей Оболенскихъ, Подольск. уѣзда Москов. губ.—27, 30, 248.
 Тройницкій, Сергѣй Николаевичъ—259.
 Трубецкая—88.
 Трубецкая, княжна Анна Сергѣевна (въ замужествѣ баронесса Строганова)—247.
 Трубецкая, княжна Елизавета Петровна (по первому мужу Потемкина, по 2-му Подчаская)—258.
 Трубецкая, княжна Прасковья Юрьевна—см. Кологривова.
 Трубецкой, князь Петръ Петровичъ—101, 103, 105, 108—113, 115, 125, 263—265, 267.
 Трубецкой, кн. Сергѣй Петровичъ, декабристъ—21, 76, 158, 247, 253, 271.
 Тула—97, 98, 143, 145.
 Тургеневъ, Александръ Ивановичъ—6, 8, 15, 17, 20, 22, 24, 26—29, 31, 42, 46, 50, 51, 53, 59, 65, 113, 157, 239, 240, 243, 245—249, 251, 253, 254, 265, 271.
 Тургеневъ, Иванъ Ивановичъ—9, 18, 49, 50, 59, 76, 243, 247, 253, 255, 258.
 Тургеневъ, Николай Ивановичъ—32, 58, 65, 158, 240, 246, 249, 254, 255, 271.
 Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ—27, 31, 42, 50, 65, 248, 249, 253, 256.
 Тургеневы (Александръ, Николай и Сергѣй Ивановичи)—51, 157.
 Tourholmen (близъ Гельсингфорса)—84.
 Турно—87.
 Турокъ—117, турки—267; турецкіе суды—267; турецкій флотъ—122.
 Toussaint, La Dépis—40.
 Тутолминъ, Иванъ Васильевичъ—160, 272.
 Уварова, Екатерина Алексѣевна, урожд. граф. Разумовская—39, 250.
 Уварова, Екатерина Сергѣевна, урожд. Лунина—77, 258.
 Умань—98, 147.
 У., Р. М-г—120.
 „Факель“, бригъ—82, 83.
 Феррейскій философъ—270.
 Филимоновъ, Владимиръ Сергѣевичъ—30, 248, 249.
 Финляндія—85; финляндскій генералъ губернаторъ—259; финляндскій корпусъ—259; финляндскій сенаторъ—80; финляндское княжество—82, 83, 259; финляндцы—85; Финскій заливъ—259; финскій сенатъ—259.
 („La Fiancée de Lammermoor“, романъ Вальтеръ Скотта—67, 256.
 Fiesque („La tragédie de Fiesque“) —70.
 Флоридовъ, Александръ Александровичъ—252.
 Фовицкій, Иванъ Михайловичъ—24, 248.
 Фонтанка, рѣка (въ С.-Петербургѣ)—25.
 Франція—257; французская манера—102; французскій аббатъ—268; французскій каталогъ библіотеки—51; французскій негодіантъ—126; французскій мажоръ—76; французскій писатель—257; французскій языкъ—13, 29, 58, 61, 72, 84; французъ—62, 125; французы—160.
 Freds gatan (улица въ Гельсингфорсѣ)—85.

- Харьковъ**—143, 249.
Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ—158, 271.
Херсонъ—117, 118.
Хилкова, княгиня—9.
Хитрово, Варвара Петровна—см. Олевина.
Ходкевичъ—124.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ—154, 155, 271.
- Царское Село**—239, 250.
Цейнеръ—54, 57.
„Цыганка“ (Цыгане), поэма А. С. Пушкина—113.
- Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ**—27, 248.
„Чайльдъ Гарольдъ“ Байрона—112.
Чеботаревъ (Чебытаревъ), полковникъ М.—100, 262.
Чебышевъ, Александръ Александровичъ—251.
Черкасскій, кн. Владимиръ Александровичъ—154, 155, 270.
Черниговскій полкъ—262, 263, 271.
Черниговскій переулочъ (въ Москвѣ)—86, 89, 97—99, 113, 114, 124, 153, 244.
Чернышева, графиня Елизавета Петровна, урожд. Квашнина-Самарина—53, 70, 253, 257.
Чернышевъ, Александръ Ивановичъ (съ 1826—графъ, съ 1841—князь, съ 1849 г. свѣтлѣйшій князь)—159, 160, 271.
Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ—253.
Чуховочка (пѣвистка)—66.
- Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ**—158, 271.
Sharenton, городъ близъ Парижа—76, 258.
Шаховская, княжна Прасковья Михайловна—см. Муравьева.
Шаховской, князь Александръ Александровичъ—270.
Шаховской, князь Валентинъ Михайловичъ—105, 264.
Шварценбергъ—70, 257.
Шведскіе берега—51; шведское владѣніе—83.
- Schwenson, г-жа**—84.
Швейцарія—124; швейцарецъ—62, 81.
Шенрокъ В. И.—269.
Шепелевъ, Дмитрій Дмитриевичъ—44, 75, 252, 258.
Шереметевъ, графъ Сергій Дмитриевичъ—254.
„Шестьдесятъ лѣтъ антракта“, комедія кн. А. А. Шаховского—270.
Шильдеръ, Николай Карловичъ—247, 271.
Шипова, Дарья Алексѣевна, урожд. Окулова—29, 245, 248.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ—49, 158, 253, 271.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ—245.
Shose (или Chou), M-me—32.
Шталь, сестра Кнорринга—42.
Шугуровъ, М. Ѳ.—262, 272.
Шульгинъ—9.
- Щегловъ**—33.
Щеголевъ, Павелъ Елисеѣвичъ—244, 245, 254, 255, 262.
Щербатова, княжна Софья Александровна—см. Обрескова.
Щербатовы—32.
Шукинъ, Петръ Ивановичъ—250, 251, 254, 258, 260.
- Эгейское море**—267.
Эгра—65.
„Эдипъ“, трагедія Вольтера—270.
Эдингъ, графиня Роксандра Скарлатовна, урожд. Стурдза—105, 114, 123, 138, 263, 266.
Эмсъ—65.
Энгельгардтъ, Александра Григорьевна—см. графиня Гудовичъ.
Эриванское ханство—260.
Эрмитажъ, Императорскій—152.
Эстляндскій губернаторъ—253.
- Юшкова, Анна Петровна—см. Зонтагъ.**
Юшковъ, Іосифъ Ивановичъ—12, 13, 244.
- Яковъ, портной**—15.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, декабристъ—158.
Яуза, рѣка—249.